

**Империалистическая
интервенция
на Дону
и Северном Кавказе**

«НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО КОМПЛЕКСНОЙ ПРОБЛЕМЕ
«ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ»

Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе

Под общей редакцией
академика
И. И. МИНЦА

МОСКВА «НАУКА» 1988

ББК 63.3(2)712

И 54

Редакционная коллегия:

А. И. Козлов (ответственный редактор), Н. Ф. Бугай,
Е. Г. Гимпельсон, Р. Х. Гугов, Х. М. Ибрагимбейли,
Ю. И. Кораблев, В. Д. Поликарпов, З. Л. Серебрякова,
К. А. Хмелевский (зам ответственного редактора), Х. И. Хутуев

Рецензенты:

доктор исторических наук Н. Н. Азовцев,
доктор исторических наук М. А. Данилов

В монографии освещаются попытки международных империалистических кругов захватить Дон и Северный Кавказ, чтобы использовать экономические, природные и людские ресурсы этого важного региона России в борьбе с первой в мире социалистической революцией. На обширном фактическом материале показывается героическая борьба народов нашей страны под руководством Коммунистической партии против объединенных сил империализма и внутренней контрреволюции, за Советскую власть. Подводятся итоги научной разработки проблемы, разоблачаются буржуазные фальсификации истории.

И $\frac{0505030102-392}{042(02)-88}$ 33-88-11

ISBN 5-02-008433-6

© Издательство «Наука», 1988 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Весь ход мирового развития подтверждает марксистско-ленинский анализ характера и основного содержания современной эпохи, как эпохи перехода от капитализма к социализму и коммунизму, исторического соревнования двух мировых социально-политических систем, как эпохи социалистических и национально-освободительных революций, крушения колониализма, борьбы главных движущих сил общественного развития — мирового социализма, рабочего и коммунистического движения, народов освободившихся стран, массовых демократических движений — против империализма, его политики агрессии и угнетения, за демократию и социальный прогресс¹.

Начало этой эпохи было положено Великой Октябрьской социалистической революцией, которая свергла власть помещиков и капиталистов в России и открыла всему человечеству дорогу к избавлению от войн, эксплуатации и угнетения. Родившись под знаменем мира, революция вынуждена была, однако, взяться за оружие, чтобы защищать себя. Международный империализм отверг провозглашенный Великим Октябрем единственно разумный в нашу эпоху принцип мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами и направил усилия на то, чтобы остановить победную поступь социализма. Важнейшим его аргументом была военная сила, экспорт контрреволюции, интервенция. Он «вызвал у нас, в сущности говоря, гражданскую войну и виновен в ее затягивании»².

Свой поход против Республики Советов организаторы интервенции пытались прикрыть и оправдать лживыми разглашениями о мнимой «красной опасности», о будто бы существовавших намерениях русских большевиков «произвести мировую революцию». Но не Красная Армия угрожала Берлину, Лондону, Парижу и Нью-Йорку, а немецкие, английские, французские и американские войска вторглись с разных сторон на территорию Советской Республики, установили в захваченных районах с помощью белогвардейцев кровавый режим террора и насилий. Они были изгнаны с позором с Советской земли. Современные буржуазные фальсификаторы истории либо вовсе замалчивают эти факты, либо стараются их всячески исказить, преуменьшить масштабы и значение империалистического вмешательства в гражданскую войну в СССР. Неудивительно, что, по данным опроса общественного мнения, опубликованным в 1985 г. американским еженедельником «Нью-Йорк таймс мэгэзин», лишь 14% опрошенных знали, что в годы гражданской

войны в России империалистические государства, в том числе и США, организовали и участвовали в интервенции против молодой Республики Советов. Комментируя эти данные, бывший московский корреспондент «Нью-Йорк таймс» Д. Шиплер признает, что основы такого элементарного невежества американцев закладываются в школе. «Лишь некоторые учебники истории, — констатирует он, — походя упоминают об американской интервенции, а многие полностью игнорируют этот факт»³.

Научным и патриотическим долгом советских историков является сказать всю правду об империалистической интервенции, разоблачить подлинные цели ее организаторов и современных апологетов, воздать должное борцам за свободу и независимость. «Священна память о героях гражданской войны, о всех, кто отстоял Республику Советов от империалистических интервентов и белогвардейцев», — подчеркивается в Обращении ЦК КПСС к советскому народу в связи с 70-летием Великой Октябрьской социалистической революции⁴.

По плану Научного совета Академии наук СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» в настоящее время готовится серия исследований об антисоветской интервенции. Предлагаемая монография — первое из них. На ее страницах предстает широкая картина действий интервентов на Дону и Северном Кавказе, где международный империализм, опираясь как на собственные силы, так и главным образом на местную контрреволюцию, пытался создать крупный антисоветский плацдарм для похода на центр революционной России. Стремясь полнее раскрыть агрессивные планы мирового империализма, проследить взаимоотношения международной и внутренней реакции, авторы в своем исследовании нередко выходят за рамки региона, касаются событий, происходивших в сопредельных районах, во всей стране. Такой подход вполне оправдан, поскольку он позволяет читателю глубже понять сложность и драматизм развернувшейся здесь борьбы, проследить ее истоки, показать место в общем ходе гражданской войны в стране.

Разумеется, в предлагаемой книге не все аспекты сложной и важной в научном и политическом отношении темы раскрыты полностью. Исторический опыт КПСС в деле организации борьбы и разгрома империалистической интервенции в Советской Республике и ее отдельных регионах нуждается в дальнейшем исследовании. Можно надеяться, что выход настоящей монографии явится стимулом в этом насущном деле.

Академик *И. И. Минц*

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 22.

² Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 39. С. 343.

³ Известия. 1985. 16 нояб. ⁴ Правда, 1987. 14 марта.

Глава **ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ**
первая **НА ДОНУ И СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**
 В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны Дон и Северный Кавказ стали ареной ожесточенных сражений сил революции и контрреволюции, поддерживаемой международным империализмом. На степных просторах Дона, Кубани, Ставрополья, в предгорьях Кавказа не раз решалась судьба молодой Республики Советов. Юго-Восток являлся одним из тех районов, без победы в котором «ни о каком упрочении Советской пролетарской власти в центре не могло быть и речи»¹.

Понятен непреходящий интерес историков и публицистов, писателей и художников к перипетиям этой напряженной борьбы. Важнейшие ее проблемы затрагиваются почти во всех общих трудах по истории Октября, гражданской войны и империалистической интервенции. Значительный материал о роли международного империализма в событиях, развернувшихся на Дону и Северном Кавказе в 1917 — 1920 гг., содержится в многочисленных монографиях, статьях и очерках о борьбе за власть Советов в различных районах края, в воспоминаниях участников революции и гражданской войны, документальных сборниках. Таким образом, за семьдесят лет сделано немало. Однако накопленный материал, положения и выводы, сформулированные в литературе, не подвергались историографическому анализу². Между тем он весьма важен не только для уяснения действительных успехов и выявления пробелов, но главное — для определения задач дальнейшего исследования этой важной в научном и политическом отношениях темы.

Необходимость такого анализа усиливается потребностями критики буржуазной историографии, уделяющей большое внимание сложным коллизиям борьбы на Юго-Востоке России. Многие из западных историков пытаются, в частности, на примере происходивших там событий построить свою «модель» всей гражданской войны. Ведь именно Юг, по словам американского буржуазного исследователя Дж. Бринкли, «собрал в микрокосме все проблемы, порожденные гражданской войной и интервенцией»³. Весь вопрос, однако, в правильном понимании существа и характера этих проблем.

1. Советская историография

Основополагающее значение для изучения борьбы с интервентами и внутренней контрреволюцией на Юго-Востоке, как и всей гражданской войны в России, имеют труды В. И. Ленина. В них

вскрыты причины и цели империалистического вмешательства в развитие нашей революции, определена решающая роль международного империализма в развязывании гражданской войны и ее затягивании, проанализированы методы и приемы действий интервентов на отдельных этапах борьбы в различных районах страны, в том числе на Дону и Северном Кавказе, показана закономерность провала империалистических планов удушения Советской республики, расчленения ее и порабощения трудящихся России иностранным капиталом. В статьях и выступлениях В. И. Ленина, а также в его письмах, телеграммах, записках партийным и советским, военным работникам содержатся важные положения и выводы, конкретные замечания об особенностях социально-экономического развития Юго-Восточного региона, расстановки здесь классовых и политических сил в период революции и гражданской войны, обусловивших исключительную остроту и продолжительность борьбы против внешней интервенции и внутренней контрреволюции⁴.

Всесторонне проанализировав цели и задачи, которые ставили организаторы интервенции, В. И. Ленин заключал, что они «хотят восстановить власть помещиков и капиталистов в России, чтобы вместе делить добычу, награбленную в войне, чтобы закабалить русских рабочих и крестьян англо-французскому капиталу, чтобы содрать с них проценты по многомиллиардным займам, чтобы потушить пожар социалистической революции, начавшийся у нас и все более грозящий перекинуться на весь мир»⁵. Эта ленинская характеристика помогает понять агрессивные действия Германии, а затем Антанты на Юго-Востоке, планы отторжения этого богатейшего края от Советской Республики, восстановления здесь позиций иностранного капитала. Чрезвычайно важным для понимания антисоветского характера интервенции является содержащееся в приведенном отрывке из статьи «Товарищи рабочие! Идем в последний, решительный бой!» указание на союз иностранных империалистов с отечественной реакцией.

В поддержке внутренней буржуазно-помещичьей и националистической контрреволюции, сосредоточенной главным образом на окраинах, в том числе на Юге, империалисты видели важное средство для достижения своих целей. Размещением сил контрреволюции, которая являлась социально-классовой опорой интервентов⁶, во многом определялось направление империалистической агрессии. В частности, стремление Германии, а затем Антанты создать на Юго-Востоке мощный антисоветский плацдарм объясняется наличием на Дону и Северном Кавказе значительных и хорошо организованных сил контрреволюции. Здесь международный империализм надеялся найти себе опору главным образом в лице кулацких и зажиточных слоев казачества, «после 1905 года остававшегося таким же монархическим, как и прежде»⁷, и боровшегося за восстановление своих привилегий⁸. И хотя казачество расслаивалось и его беднейшая революци-

онная часть постепенно становилась рядом с рабочими и крестьянами всей страны, все же кулацким верхам удавалось длительное время вести за собой средние слои станичников.

В свою очередь, писал В. И. Ленин, классовые интересы кулачества, как и других эксплуататорских групп, делали его пособником интервентов: «Везде жадное, обожравшееся, зверское кулачье... входило в союз с *иноземными капиталистами* против рабочих своей страны»⁹, и «казаки Краснова держались все время при помощи иностранного золота: сначала германского, потом англо-французского»¹⁰.

Анализируя обстоятельства начала и развертывания интервенции на Кавказе, В. И. Ленин придавал также большое значение предательскому поведению главарей горской националистической контрреволюции и соглашательских мелкобуржуазных партий, пошедших на сговор с иностранными империалистами. Приведя в речи на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профсоюзов Москвы 29 июля 1918 г. данные о вторжении на Северный Кавказ турецких войск и происках англо-французского империализма, Ленин обратил внимание на складывание союза интервентов с силами местной реакции¹¹. Особенно трудное положение, сложившееся на Кавказе, указал вождь революции, явилось результатом предательства меньшевиков, вступавших в прямой союз с германскими империалистами¹². Союз этот, заключенный под фальшивым предлогом «защиты независимости» провозглашенных в Закавказье и на Северном Кавказе буржуазных республик, явился прикрытием империалистической экспансии, средством отрыва Юго-Востока от Советской Республики, орудием порабощения народов Кавказа. «Независимость Грузии, — говорил в этой связи В. И. Ленин, — превратилась в чистейший обман, — на самом деле есть оккупация и полный захват Грузии германскими империалистами, союз немецких штыков с меньшевистским правительством против большевистских рабочих и крестьян...»¹³.

Именно в оккупированных немцами районах впервые произошло объединение сил русской и националистической контрреволюции с силами интервентов. И это объединение, как показал В. И. Ленин, имело в виду отнюдь не поддержку «патриотических элементов» и «национальной самостоятельности», но свержение власти трудящихся и реставрацию буржуазно-помещичьих порядков. Указывая на результаты хозяйничанья германских империалистов в захваченных областях, В. И. Ленин говорил в августе 1918 г.: «И что же мы видим в этих местах, на развалинах Советов? Полное торжество капиталистов и помещиков ... рабочие и крестьянские организации упразднены, а на их место восстановлены царские земства и старая полицейская власть»¹⁴. Как отчаянную попытку международного империализма восстановить иго капитала характеризовал Ленин помощь Антанты Деникину¹⁵.

Таким образом, ленинский анализ классовой направленности интервенции, характеристика им союза международного империализма с внутренней контрреволюцией являются основополагающими для определения места и значения Юго-Восточных районов как важнейшего плацдарма объединенных сил внутренних и внешних врагов Советской власти на всем протяжении гражданской войны.

Для изучения событий гражданской войны на Юго-Востоке большое значение имеет ленинский анализ планов международного империализма, характеристика его вооруженных сил, приемов, применявшихся интервентами на различных этапах борьбы. На основе этого анализа определялись средства и формы противодействия врагу, ставились задачи командованию фронтов Красной Армии. Организаторы антисоветских походов и заговорщиков тщательно скрывали и маскировали свои планы. Поэтому руководителю обороны Республики приходилось воссоздавать картину тайных замыслов противника по обрывочным данным, случайно просочившимся в прессу сведениям. Учитывая это, можно поражаться глубине и точности ленинских выводов, подтвержденных опытом истории.

Анализируя военно-политическое положение Советской Республики в мае-июне 1918 г., В. И. Ленин обратил внимание на возросшую опасность со стороны Германии, где верх взяла «военная партия», стремившаяся к разрыву Брест-Литовского договора и немедленному общему наступлению на Россию¹⁶. Вместе с тем Ленин разгадал в действиях англо-французских, японских и американских империалистов, высадивших десанты в Мурманске, Архангельске, Владивостоке, Баку, широко задуманный план окружения Советской Республики, отрыва от нее хлебородных районов, источников сырья и топлива¹⁷. На хлебородных окраинах, указывал Ленин, интервенты надеялись «найти себе социально-классовую опору, найти себе местность с преобладанием кулаков, богатых крестьян, нажившихся на войне, живущих чужим трудом, трудом бедноты»¹⁸.

Однако продолжавшаяся мировая война затрудняла обеим империалистическим группам — австро-германской и антантовской — наступление на Советскую Россию крупными силами. «Германия не могла заняться душением Советской России ни экономически, ни политически, ей не до того было», — писал позднее Ленин¹⁹. Задачу укрепления международного положения республики летом 1918 г. он видел прежде всего в том, чтобы, пресекая провокации германской военщины, особенно на Юго-Востоке, где немцы двигались на Северный Кавказ, добиваться сохранения брестских условий даже ценою серьезных уступок. В многочисленных письмах, телеграммах Ленина военному командованию, работникам внешнеполитического ведомства содержались директивы о скорейшем заключении соглашения о демаркационной линии и определении границ германской оккупации, в частности и в особенности на Доно-

Кубанском участке фронта, о предупреждении захвата немцами Черноморского военного флота и т. д. Одновременно по указанию В. И. Ленина принимались меры для отражения главной тогда угрозы в лице контрреволюции на востоке страны, поддерживаемой Антантой.

Особую важность для понимания причин дальнейшего обострения гражданской войны и усиления империалистического вмешательства в ход событий на Дону и Северном Кавказе имеют ленинские оценки и характеристики нового этапа интервенции, начавшегося во второй половине осени 1918 г. поражением центральных держав в мировой войне и революциями в Германии и Австрии. В ряде выступлений в октябре-ноябре 1918 г., отмечая коренное изменение в международной обстановке, Ленин предупреждал о смертельной опасности для социалистической революции, вырастающей на Юге, откуда теперь англо-французские империалисты намеревались нанести главный удар по Республике Советов²⁰.

В. И. Ленин дал глубокий анализ планов расширения масштабов интервенции, указав, что важнейшей их особенностью является стремление Антанты использовать крупные контингенты собственных войск, освободившихся после окончания мировой войны, для отправки их главным образом в южные районы для оказания помощи белогвардейским армиям Краснова и Деникина²¹. Оценивая возможности расширения Антантой интервенции на Юге, Ленин обратил внимание на пути вторжения на Украину через Румынию и использование «союзниками» флота для десантирования войск в черноморских портах и организации снабжения контрреволюционных формирований²². Он подчеркивал, что посылаемые в Южную Россию антантовские войска «были снабжены по всем правилам военной техники, так что казалось, что они победят Советскую республику»²³.

Из совокупности внутренних и внешних факторов, определявших военно-политическое положение Республики осенью 1918 г., Ленин сделал вывод о перемещении центра гражданской войны на Юг. Причем решающим обстоятельством являлось то, что именно здесь Советской власти предстояло выдержать бой с силами международного империализма. «Южный наш фронт не есть фронт единичный, — говорил В. И. Ленин 22 октября 1918 г. на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профсоюзов Москвы, — это фронт против всего англо-французского империализма, против самого могущественного врага в мире...»²⁴. В этих словах — ключ к пониманию сложных, драматических событий, происходивших на Дону и Северном Кавказе, к уяснению их роли в общем ходе борьбы трудящихся Советской России в защиту завоеваний Октября.

К оценке Южного фронта как главного В. И. Ленин возвращался не раз в течение зимы и весны 1919 г. Подводя итоги этому этапу в докладе на пленуме ВЦСПС 11 апреля 1919 г., он под-

черкнул: «В связи с тем, что союзники-империалисты как раз с юга, с Украины, пытались наступать и хотели сделать из Украины опорный пункт против Советской республики, значение Южного фронта для нас тем более усилилось и поэтому нам не приходится раскаиваться в том, что мы все военные задачи строили таким образом, чтобы преобладающее внимание и преобладающие силы уделялись Южному фронту»²⁵.

Вопреки собственным первоначальным намерениям и несмотря на настойчивые просьбы Краснова и Деникина, союзники-империалисты не смогли направить сколько-нибудь крупных своих сил на Дон и Северный Кавказ. Чтобы понять причины этого, оценить своеобразные формы, которые приняло здесь главным образом вмешательство Антанты, следует обратиться к выводам В. И. Ленина об основных приемах, методах, использовавшихся империалистами в различных условиях и на разных этапах гражданской войны.

В ряде выступлений конца 1919 — начала 1920 г., подводя итоги почти двухлетней борьбы на фронтах, Ленин обратил внимание на два периода, или два основных метода, военных действий Антанты против России после окончания мировой войны. «Первым этапом, естественно более доступным и более легким для Антанты, была ее попытка разделиться с Советской Россией при помощи своих собственных войск»²⁶. Однако она провалилась, потому что в войсках интервентов стали распространяться антивоенные настроения, солдаты отказывались воевать против русских рабочих и крестьян. В странах Запада развернулось широкое демократическое движение против интервенции. Разложению союзнических войск способствовали успехи Красной Армии. «Победы на юге, — говорил В. И. Ленин в апреле 1919 г., — показали, что у союзников нет сил вести с нами войну, или, вернее, что они потеряли власть над своими военными силами»²⁷.

Провалился и второй прием Антанты — использование малых государств, возникших на окраинах бывшей Российской империи. Главным в действиях интервентов становится оказание в широких масштабах разнообразной — военной, финансовой, экономической — помощи силам внутренней контрреволюции, в том числе и, пожалуй, в особенности южной белогвардейщине. Примечательно, что на полученной в конце августа телеграмме РОСТА с текстом выступления У. Черчилля, где говорилось о предстоящем наступлении на Россию 14 государств, Ленин сделал перечень предполагаемых участников похода. Он включил туда наряду с Финляндией, Польшей, Эстляндией, Латвией и Литвой также Украину, Грузию, Азербайджан и Армению. А сбоку в скобках добавил: «Колчакия, Деникия»²⁸.

Из этого видно, какое громадное значение придавал Ленин участию белогвардейских и буржуазно-националистических образований Юга в организованном Антантой комбинированном летне-осеннем наступлении 1919 г. на Советскую Республику.

Позднее, весной 1920 г., анализируя замысел этого самого крупного похода, Ленин подчеркивал, что именно международный империализм сплотил Деникина, Колчака, Юденича и других и «построил действительно грандиозный в военном отношении и всеохватывающий план»²⁹.

Раскрывая зависимость внутренней реакции от империалистов, В. И. Ленин в то же время исследовал противоречия, имевшиеся между Антантой и белогвардейцами, а также внутри Антанты и в самом белогвардейском стане. Большое значение для изучения интервенции на Юге и причин ее краха имеют, в частности, ленинский анализ разногласий между Англией, США и Францией по вопросу о методах империалистического вмешательства, указания Ленина о роли соперничества великих держав в борьбе за овладение богатствами Кавказа, Донецким бассейном и т. д.³⁰ Разумеется, не следует преувеличивать масштабы этих противоречий, но столь же неверно было бы переоценивать степень единства буржуазии Антанты в «русском вопросе». Пределы последнему, по словам В. И. Ленина, ставили империалистические интересы раздела мира³¹. Так, поддержка Англией буржуазных националистов на Кавказе вызывала, с одной стороны, противодействие ее партнеров-соперников — Франции и США, с другой — недовольство Деникина с его великодержавными амбициями. В целом же эти противоречия ослабляли лагерь южной контрреволюции.

В трудах В. И. Ленина проанализированы и выяснены причины крушения планов интервентов, показаны источники победы советского народа в борьбе с «всемирно-могущественной Антантой». Особо подчеркивал Ленин значение победы над силами интервентов и белогвардейцев на Юге, разгром деникинщины, благодаря чему «военное положение Советской республики изменилось самым радикальным образом»³² и наступил «перелом всей войны». В «Докладе на I Всероссийском съезде трудовых казаков» 1 марта 1920 г. он указывал: «На основании простого расчета мы говорим, что пред нами много еще тяжелого впереди, но самые большие трудности мы уже одолели. Всемирно-могущественная Антанта нам уже не страшна: в решающих сражениях мы ее победили»³³.

Для изучения истории интервенции и гражданской войны на Северном Кавказе большое значение имеют статьи, выступления, письма, телеграммы и воспоминания видных партийных и советских деятелей, непосредственно руководивших борьбой трудящихся края за Советскую власть, — С. М. Кирова, А. И. Микояна, Г. К. Орджоникидзе, И. В. Сталина, С. Г. Шаумяна³⁴. В них содержатся точные характеристики замыслов германского и антантовского империализма на Юго-Востоке, оценка агрессивных действий интервентов, их хозяйничанья во временно захваченных районах, разоблачается антинародная, антинациональная политика прислужников иностранного капитала — главарей белогвардейщины, казачьей и горской контрреволюции. Произведения

эти содержат также ценный материал, характеризующий политику Советского государства, тактику большевистских организаций в борьбе с нашествием международного империализма.

Исследователю интервенции на Дону и Северном Кавказе трудно переоценить доклады, выступления и статьи наркома иностранных дел Г. В. Чичерина по вопросам внешней политики Советской республики³⁵. Являясь важнейшим источником, они вместе с тем имеют значение историографическое. Сформулированные в них положения и выводы о целях и приемах агрессивной антисоветской политики Германии и Антанты, характеристика международной обстановки, оценка позиций и роли отдельных империалистических держав в интервенции, как справедливо отметил В. П. Наумов, получили широкое распространение в научной и научно-популярной литературе³⁶. Особый интерес для нашей темы представляют, в частности, доклады Г. В. Чичерина на V съезде Советов 4 июля 1918 г. и о русско-германских добавочных договорах на заседании ВЦИК 2 сентября 1918 г., в которых анализируются агрессивные действия Германии, пытавшейся вести «необъявленную войну» на Юго-Востоке России, а также обобщающая статья «Два года внешней политики Советской России», где дана обстоятельная характеристика этапов антисоветской интервенции Антанты, вскрыта сущность и характер межимпериалистических противоречий по вопросу поддержки различных контрреволюционных групп на окраинах России³⁷.

Изучение истории интервенции началось еще в годы гражданской войны и развернулось довольно широко уже в 20-х — начале 30-х годов. В выходивших тогда в центральных изданиях пропагандистских и научно-популярных брошюрах и очерках, сборниках статей и материалов, а затем в первых обобщающих исследовательских трудах уделялось немало места борьбе на Юго-Востоке. Вопросы интервенции затрагивались также в работах о борьбе за власть Советов на Дону и Северном Кавказе, изданных в Ростове-на-Дону и других центрах края. Но исследование этих проблем на местах только начиналось, при испартах лишь создавались кадры квалифицированных специалистов, занимающихся изучением истории Октября и гражданской войны, не упорядочены были местные архивы.

Несмотря на эти и другие трудности, в центре и на местах шло накопление материала, определялась проблематика исследований. Первостепенную важность для изучения событий на Юго-Востоке представляет выяснение причин и целей империалистического вмешательства, принявшего здесь большие масштабы и разнообразные формы. Уже в первых общих работах по истории интервенции и гражданской войны, появившихся в 20-х годах, а также в вышедших тогда очерках и исследованиях о борьбе за власть Советов на Дону и Северном Кавказе указывалось на антисоветский характер интервенции, на зависимость сил местной контрреволюции от германского, а затем антантов-

ского империализма³⁸. «Юго-Восток, — писал известный исследователь революции и гражданской войны в крае Н. Л. Янчевский, — был не только очагом всероссийской контрреволюции, но и ареной игры интересов хищников мирового капитала. Юго-Восточная контрреволюция питалась не только кулацко-казацкими интересами и возглавлялась не только генеральской сворой, которой удалось использовать казачество, но за спиной отечественной контрреволюции стояла Антанта и враждебные ей Германия и Турция»³⁹.

Следует заметить, что этот вывод, разделявшийся и другими авторами, был для историков 20-х годов столь очевиден, что не нуждался в обстоятельной аргументации. Вообще же исследователи интервенции тогда располагали ограниченным кругом источников. По преимуществу это материалы прессы, воспоминания, в том числе в обилии появившиеся мемуары деятелей белой эмиграции, а также организаторов интервенции. Документы, в частности архивные, использовались слабо, публикация их лишь начиналась. Характер используемых материалов, а также порой недостаточное владение марксистско-ленинской методологией приводили некоторых авторов к нечетким и даже ошибочным оценкам причин и целей интервенции, роли в ней отдельных империалистических держав.

Считая антисоветскую направленность интервенции само собой разумеющейся, некоторые авторы (не без влияния буржуазной литературы) преувеличивали, однако, значение таких факторов, как стремление «союзников» сохранить Восточный фронт, желание империалистов восстановить и укрепить свои экономические позиции в России, прежде всего в ее южных районах. Л. Иванов, например, категорически утверждал, будто «французская интервенция имеет своей главной и единственной целью свержение Советского правительства с целью добиться от реставрированной буржуазной власти возврата национализированных имуществ и признания долгов...»⁴⁰.

Довольно расплывчато характеризовал причины и цели интервенции на Юге Д. Кин в своей монографии о денкинской. По его словам, политика «союзников» в русском вопросе определялась, во-первых, довоенными и дореволюционными связями с Россией экономического и политического характера, во-вторых, изменениями в международных отношениях, вызванными мировой войной и противоречиями США с союзниками в борьбе за гегемонию в Европе и в мире, и лишь в последнюю очередь революционизирующим влиянием Октября на другие страны⁴¹. Самую зависимость внутренней контрреволюции от «союзных» империалистов он выводил прежде всего из зависимости российской буржуазии от иностранного капитала⁴². Преувеличение экономического фактора в интервенции у Кина и других авторов было связано с распространенными тогда в литературе неверными представлениями о полном господстве иностранного капитала в экономике царской России, в том числе в хозяйстве Юга

страны. Исходя именно из таких представлений, И. Борисенко, например, считал местную донскую буржуазию полностью экономически и политически несамостоятельной и отводил ей роль второстепенного участника поместной (казахьей) контрреволюции и иностранной интервенции⁴³. Подобные утверждения не учитывали имевшихся у южнороссийской буржуазии собственных классовых интересов в борьбе с Советской властью, которые и обусловили союз внутренней контрреволюции с международным империализмом.

Главное внимание в исследованиях 20-х — начала 30-х годов уделялось интервенции стран Антанты, этого, говоря словами Ленина, «всемирно-могущественного» империалистического союза, являвшегося основным противником Советской Республики. В работах Ф. Костяева, Д. Кина, А. Раевского, Я. Ратгаузера, А. Тахо-Годи и других был собран довольно большой и интересный материал о планах «союзников» на Юге России и Кавказе, действиях интервентов, их связях с белогвардейщиной и буржуазно-националистической контрреволюцией. Ф. Костяев, в частности, привел ряд документов, свидетельствующих, что французские империалисты еще в ноябре 1918 г. заверили Деникина в своем намерении оккупировать Одессу и Севастополь с последующей интервенцией в глубь Украины, на Дон и на Кубань. Излагая затем ход антантовской интервенции на Юге, автор высказывал мысль, что она приняла своеобразный характер и велась особыми методами. Костяев пишет, что Антанта, опасаясь революционизирующего влияния лозунгов Октября на народы Востока, решила изолировать их от большевизма и с этой целью создать ряд буферных государств на Юге России. С другой стороны, замечает он, интервентов прельщала богатый Юг России: Украина, Дон и Кубань — хлебом, Кавказ — нефтью. Этими обстоятельствами Костяев и объясняет курс на расчленение России, проводившийся в ходе интервенции Англией. В отличие от большинства других авторов он считал, что в силу названных причин Франция также была заинтересована в отсечении от России ряда территорий на Юге⁴⁴.

Проанализировав развитие событий гражданской войны на Юге в 1918 — 1919 гг., Д. Кин одним из первых отметил, что именно благодаря поддержке со стороны Антанты Южный фронт стал главным фронтом, откуда в 1919 г. исходила смертельная опасность для Советской Республики. «Деникин, Юг, — писал он, — привлекают главное внимание Антанты. К середине лета 1919 г. это выявилось с еще большей определенностью... Суть вопроса заключается в том, что, не будь интервенции, поход белых вряд ли принял бы всероссийский характер и то значение, какое он имел»⁴⁵. Аналогичный вывод делал А. Раевский из рассмотрения действий интервентов на Кавказе. «На севере от Закавказья, — подчеркивал он, — англичане всемерно поддерживали борьбу контрреволюционных сил. Совершенно очевидно, что гражданская война была бы чрезвычайно коротка по сравнению с действи-

тельными ее сроками, если бы контрреволюция не опиралась на иностранную интервенцию»⁴⁶.

В своей обстоятельной монографии об организации интервенции и блокады Советской Республики Я. Иоффе выделил ряд экономических и военно-политических факторов, которые, по его мнению, обусловили решающее значение Южного фронта в интервенционистских планах Антанты. Он, в частности, справедливо указывал на стремление империалистов отрезать Республику Советов от источников сырья и продовольствия. «Одной только интервенцией на Юге, — писал автор, — союзники отрезали центральную Россию от кавказской нефти, донецкого угля, криворожской железной руды, украинского и северокавказского хлеба...»⁴⁷.

Иоффе обратил также внимание на то, что Южный, по существу противоблантавский, фронт отвлекал более 50% всех вооруженных сил Республики. Поддержку силам южной контрреволюции, отмечал он, «союзники» оказывали не только десантными частями, но и действиями своего военного флота в Черном море⁴⁸. Но, пожалуй, главная заслуга Я. Иоффе состояла в том, что он одним из первых высказал и убедительно обосновал точку зрения на империалистическое вмешательство как на организацию всесторонней, включающей разнообразные формы и приемы борьбы против Советской Республики. Он писал, что эта организация не ограничивалась только военной и экономической поддержкой, но выражалась также и в стремлении к объединению всех контрреволюционных сил, включала в себя блокаду Советской страны⁴⁹. Придавая большое значение экономическому фактору в интервенции и стремлению Антанты «во что бы то ни стало заставить Россию продолжать войну» с Германией, Иоффе, однако, определенно утверждал, что на всех этапах борьбы решающим обстоятельством являлась «классовая ненависть реакционеров, усиливающаяся растущими опасениями за судьбы буржуазного мира»⁵⁰.

В литературе 20-х — начала 30-х годов высказывались различные точки зрения на роль отдельных империалистических государств в интервенции, в частности на Юге страны. И. Майский, Л. Иванов, М. Павлович, Я. Иоффе и некоторые другие утверждали, будто наиболее враждебно настроена по отношению к РСФСР была Франция, которая «осуществляла идею интервенции последовательнее других союзников»⁵¹. Такой вывод основывался, с одной стороны, на переоценке экономического фактора в интервенции, с другой — на официальных заявлениях французских представителей на Парижской мирной конференции, настаивавших в отличие от англичан на расширении масштабов участия собственных антантовских войск в боевых действиях на Юге России. Но разногласия между Францией и Англией отражали отнюдь не степень враждебности к Советской России и непоследовательность интервенционистского курса. Речь шла об использовании тех или иных форм и методов империалистического вмеша-

тельства. Правильно отмечая, что в противоречиях между Англией и Францией отразилась их борьба за влияние на возможные группы внутренней контрреволюции, Д. Кин преувеличил эти противоречия. Без достаточного основания он даже утверждал, будто Англия была против интервенции на Юге России. Но в противоречии с этим на последующих страницах его работы показывается роль Англии в оказании поддержки Деникину⁵².

Односторонностью грешил и М. Левидов, стараясь доказать, будто интервенция была делом рук только Англии, а другие страны Антанты либо просто следовали в фарватере британской политики, либо, как США, занимали всего лишь пассивно-враждебную позицию по отношению к РСФСР⁵³. Следует сказать, что роль американского империализма в интервенции, особенно на Юге России, недооценивалась многими историками 20-х годов. Д. Кин писал: «В общем и целом политика Америки по отношению к Деникину была политикой выжидательного равнодушия. Материальная помощь Деникину была довольно незначительна. Политической поддержки от Америки он не получал, ибо Америка предпочитала играть роль суперарбитра в русском вопросе»⁵⁴. Сходную оценку позиции США давал и А. Гуковский, хотя приводил в своей работе весьма знаменательное заявление, сделанное в Одессе главой американской миссии при Деникине Риггсом: «Мы нарочно пустили сюда французов. Они здесь обанкротятся, а тогда мы сюда придем»⁵⁵.

Недооценка роли США в антисоветской интервенции обуславливалась в значительной мере тем, что историки основывались на официальных заявлениях представителей правящих кругов Соединенных Штатов, лицемерно утверждавших свою «незаинтересованность» в русских делах и даже афишировавших «дружественные чувства к русскому народу». Многие же факты, характеризовавшие подлинные цели империалистической политики Америки, еще не были в те годы известны.

Значительно больший материал, раскрывающий антисоветскую политику США, был дан в исследовании И. И. Минца об английской интервенции и северной контрреволюции⁵⁶. В этой книге вообще рассматривался более широкий круг проблем, чем это можно предположить по названию. Автор, в частности, привел убедительные свидетельства того, что открытое вмешательство Антанты и США в дела российской революции началось еще летом 1917 г. участием в заговоре Корнилова. Вводя в научный оборот новые важные источники, в частности мемуары У. Черчилля, И. И. Минц показал, что американские империалисты вместе с англичанами и французами оказывали непосредственную поддержку калединскому мятежу⁵⁷. Впервые в советской историографии автор привел чрезвычайно важное для раскрытия планов интервенции Антанты на Дону и Северном Кавказе свидетельство Черчилля об англо-французском соглашении 23 декабря 1917 г. о сферах действия в России⁵⁸. «Эта конвенция, — писал У. Черчилль, — имела целью установить дальнейшую политику обеих

держав на Юге России... предусматривала оказание помощи генералу Алексееву, находившемуся тогда в Новочеркасске, и географическое разделение сферы действия двух держав». Более того, по словам Черчилля, военные представители Верховного союзного совета в Париже постановили, что «все национальные войска в России, решившие продолжать войну, должны поддерживаться всеми средствами, какие имеются в нашем распоряжении»⁵⁹. Позицию США в развернувшейся интервенции И. И. Минц характеризовал как такую же империалистическую, что и других государств Антанты⁶⁰.

Таким образом, к началу 30-х годов были достигнуты известные успехи в изучении антантовской интервенции на Юго-Востоке: охарактеризованы политические и экономические причины империалистического вмешательства, указано на решающее значение поддержки Антанты силам внутренней контрреволюции в обострении и затягивании гражданской войны в крае, вскрыты агрессивные планы «союзников», предприняты попытки определить роль различных капиталистических государств в интервенции.

В то же время делались первые шаги в изучении германотурецкой интервенции на Дону и Северном Кавказе. Этому способствовала публикация ряда материалов об экономических планах германского империализма на Юго-Востоке, связях интервентов с казачьей и горской контрреволюцией⁶¹. Интересный материал о борьбе с вторгшимися на территорию Донской области оккупантами и действиях Советского правительства по отражению немецкого нашествия содержался в воспоминаниях В. А. Антонова-Овсеенко⁶². Следует отметить, однако, что автор явно недооценивал сложность политической обстановки на границах Дона в связи с проведением в жизнь условий Брестского мирного договора. Он, в частности, не придавал должного значения усилиям Советского правительства добиться скорейшего установления демаркационной линии и тем поставить преграду дальнейшей германской экспансии на Кубань и Северный Кавказ. Важные стороны героической борьбы за спасение Черноморского флота от посягательств германской военщины запечатлены были в воспоминаниях В. А. Кукеля⁶³. Хозяйничанью оккупантов в захваченных районах посвящены издания Таганрогского испарта⁶⁴. На основе главным образом опубликованных к середине 20-х годов материалов Н. Л. Янчевский сделал вывод о решающей роли германской интервенции в обострении гражданской войны летом 1918 г. и в последующей временной победе контрреволюции на Юго-Востоке страны.

За короткое время существования советских республик на Дону, Кубани и Тереке, отмечал он, пролетариат укрепил союз с трудящимся крестьянством и горцами. «Из соотношения классовых сил внутри Северного Кавказа, — заключал Янчевский, — не вытекало неизбежности поражения Советской власти. Местная контрреволюция, несмотря на партизанщину и неорганизованность Советской власти, всюду была подавлена, и нет сомнения в том,

что Советская власть вышла бы победительницей из этой борьбы. Решающим фактором, перевесившим чашу весов в сторону контрреволюции, в этот период явилось наступление германотурецкого империализма, породившего на Дону... атамана Краснова, а в Дагестане так называемое Горское правительство во главе с Пшемахо Коцевым»⁶⁵. Н. Л. Янчевский считал также, что лишь наступление немцев на Дон спасло Добровольческую армию от полного разгрома еще летом 1918 г.

Шаг вперед в изучении империалистической интервенции, в том числе на Юго-Востоке страны, был сделан в 30-х — начале 50-х годов. Увеличились масштабы работы в центре и на местах. Благотворное влияние на развитие исследований оказали новые публикации документов В. И. Ленина, его писем, записок, телеграмм, директив, относящихся к вопросам гражданской войны и интервенции на Дону и Северном Кавказе и включенных в соответствующие тома третьего, а затем четвертого издания Собрания сочинений, а также в Ленинские сборники.

Несколько расширилась источниковая база исследований по отдельным проблемам. В связи с развернувшейся в 30-е годы подготовкой к изданию многотомной «Истории гражданской войны в СССР» был опубликован ряд документальных сборников, в которых заметное место заняли материалы об интервенции на Юго-Востоке⁶⁶. Важные документы о взаимоотношениях интервентов с контрреволюционерами Дона и Северного Кавказа увидели свет на страницах журналов «Борьба классов» и «Красный архив»⁶⁷. Некоторые сведения о действиях австро-германских и антантовских интервентов, о масштабах их помощи южной белогвардейщине содержались в «Хронике исторических событий на Дону, Кубани и в Черноморье»⁶⁸. Однако в целом в исследовательской работе по истории интервенции ощущался недостаток источников. Слабо использовались зарубежные публикации.

Продвинулось вперед изучение австро-германской и турецкой интервенции. В предвоенные годы и особенно с началом Великой Отечественной войны вышло немало работ, в которых раскрывался империалистический, разбойничий характер нашествия германского империализма на Советскую страну, разоблачались планы расчленения Республики, отрыва от нее богатейших территорий Юго-Востока, показывался кровавый режим угнетения и грабежа, установленный оккупантами и их белогвардейскими прислужниками во временно захваченных советских районах⁶⁹.

По условиям времени преобладали небольшие научно-популярные статьи и брошюры. Они были на вооружении советской пропаганды и служили делу разгрома врага. Среди исследовательских работ, специально посвященных интервенции центральных держав на Дону и Северном Кавказе, выделялись хорошо документированные статьи Н. Г. Буркина и Н. С. Трусовой, а также монография Н. П. Эмирова⁷⁰. В них тщательно прослеживались связи интервентов с белоказачьей и горской контрреволюцией, анализирова-

лась политика оккупантов. Авторы убедительно показали полную зависимость сил местной реакции от международного империализма.

Предысторию интервенции, подготовку германской экспансии в Россию, в особенности в ее южные районы, рассмотрел в своей монографии Ф. Нотович⁷¹. На основе глубокого анализа многочисленных немецких материалов он показал, как еще до победы Великой Октябрьской социалистической революции германские монополии вместе с кайзеровской верхушкой разрабатывали планы расчленения России, колонизации Украины и областей Юго-Востока.

Большое внимание в литературе 30—40-х годов уделялось вооруженной борьбе против интервентов. В работах о гражданской войне на Украине и на Юго-Востоке значительное место, в частности, отводилось борьбе за Донбасс, отражению австро-германских войск, вторгшихся в Донскую область⁷². Особо отмечался авторами героизм и стойкость украинских и донских революционных отрядов, которые под натиском объединенных сил немцев и белоказаков с тяжелыми боями, но организованно сумели отойти через донские степи к Царицыну. В монографиях В. Меликова и Э. Генкиной справедливо указывалось, что наступление войск Краснова на Царицын летом 1918 г. направлялось немцами и находилось в связи с далеко идущими экспансионистскими планами Германии на Юго-Востоке. Однако в названных работах, что было характерно для литературы тех лет, переоценивалось значение царицынского участка в вооруженной борьбе против интервентов и белогвардейцев на Дону и Северном Кавказе. Вообще, как правило, исследователи 30—40-х годов ограничивались описанием действий интервентов в различных районах страны, не рассматривая их в контексте взаимоотношений Германии с РСФСР в целом.

Во второй половине 40-х годов наметились новые аспекты в изучении интервенции «союзнического» империализма на Дону и Северном Кавказе. Привлечение нового комплекса источников, в том числе появившихся в послевоенные годы зарубежных публикаций, позволило шире осветить роль США в вооруженной борьбе международного империализма против Советской Республики вообще, в том числе на Юго-Востоке. Была показана несостоятельность распространенной ранее в нашей литературе точки зрения о будто бы лишь «пассивно-враждебной» позиции США по отношению к РСФСР в годы гражданской войны, «незаинтересованности» Америки в расчленении России.

А. В. Березкин убедительно доказал, что американский империализм играл активную организующую роль на всех этапах интервенции, начиная с подготовки калединского мятежа и кончая поддержкой последних очагов белогвардейщины в 1920 г.⁷³ Он обратил внимание, в частности, на энергичную деятельность представителей США по сплочению сил южной контрреволюции, показал, что эта деятельность определялась растущей заинтере-

сованностью американских монополий в эксплуатации богатств России, в том числе Кавказа⁷⁴.

На основе изучения многочисленных документов и мемуарных свидетельств А. Е. Кунина воссоздала и проанализировала планы территориального раздела России, которые предложила делегация США на Парижской мирной конференции. Этими планами, как следовало из подготовленной государственным департаментом специальной карты, предусматривалось отрезать от Республики Советов значительные территории, в том числе Закавказье и Северный Кавказ⁷⁵.

Более всесторонне империалистические планы расчленения Советской Страны и другие вопросы организации интервенции были исследованы Б. Е. Штейном в его обстоятельной монографии «„Русский вопрос“ на Парижской мирной конференции (1919—1920 гг.)».

Проанализировав протоколы конференции и другие документы, автор показал единство интервентов в стремлении свергнуть Советскую власть и расчленить страну. Вместе с тем он раскрыл разногласия и борьбу их за сферы влияния в отдельных районах, в том числе на Юго-Востоке. Обстоятельно рассмотрены в книге Б. Штейна противоречия между Англией и Францией по вопросу о методах и формах интервенции в южных районах России. Ф. Д. Волковым на широком фоне отношений между крупнейшими империалистическими державами показана роль Англии в антисоветской интервенции. Рассматривая участие Англии совместно с другими капиталистическими странами в организации интервенции в различных районах России, автор особо выделяет Южный фронт, который, по его справедливому замечанию, являлся фронтом «против всех интервенционистских войск Англии, США и Франции»⁷⁶. Ф. Д. Волков приводит новый обширный материал о помощи, оказывавшейся англичанами Деникину и горской контрреволюции, о планах создания на Кавказе зависимых от Великобритании буржуазных государств, что находилось в связи со стремлением британского империализма укрепить свои позиции на Ближнем и Среднем Востоке⁷⁷.

Значительное место в литературе послевоенного десятилетия занял показ режима террора и насилия, установленного интервентами и белогвардейцами на временно оккупированных территориях, анализ разорительных последствий хозяйничанья австро-германских и антантовских империалистов. Наиболее обстоятельно эта тема на материалах южных районов страны была раскрыта в статье Е. Г. Гимпельсона⁷⁸. Глубоко проанализировав большой архивный материал, автор пришел к заключению, что за недолгое время господства здесь антантовских интервентов и деникинцев хозяйство края, в первую очередь промышленность, было доведено до катастрофического состояния. Фактически основные промышленные предприятия выбыли из строя. В статье приведены были также данные о колоссальном ущербе, причиненном иностранными империалистами сельскому хозяйству и транспорту, о мас-

совом вывозе сырья и продовольствия с Дона и Кубани, предпринятом англичанами, французами и американцами.

По преимуществу, однако, различные аспекты империалистического вмешательства на Дону и Северном Кавказе находили отражение в общих работах по истории антисоветской интервенции, издававшихся в 30—40-х годах, специальных региональных исследований по этим вопросам было немного. Недостаточно освещались они и в появлявшихся тогда очерках о борьбе за власть Советов в отдельных районах Юго-Востока.

Накопленный к середине 50-х годов большой фактический материал, расширение фронта исследований за счет роста местных научных центров позволяли и делали необходимой более глубокую разработку важнейших проблем истории интервенции, недостаточно изученных, а также постановку ряда новых вопросов.

Решению этих задач на новом этапе развития историографии способствовало значительное расширение источниковой и методологической базы исследований. С выходом в свет Полного собрания сочинений В. И. Ленина и очередных Ленинских сборников появилась возможность глубже показать ряд малозученных аспектов деятельности Советского государства по отражению империалистической агрессии, в частности на Юге.

Большое число ценных документов, освещающих различные стороны интервенции, было опубликовано в сборниках, вышедших в связи с 40-летием победы Великой Октябрьской социалистической революции⁷⁹. Особенное значение для изучения интервенции имел выход сборников документов и материалов «Из истории гражданской войны в СССР», на страницах которых были впервые опубликованы документы союзнического военного комитета, обнаруженные в германских трофейных архивах⁸⁰. Много ценного для исследования борьбы Советского государства с австро-германской и турецкой экспансией и интервенцией Антанты на Юго-Востоке содержалось также в фундаментальной публикации документов внешней политики СССР и в специальном сборнике материалов о советско-германских отношениях⁸¹.

Заметное место освещению интервенции на Юго-Востоке отвели авторы новых обобщающих трудов, появившихся в конце 50-х—60-х годах⁸². С привлечением большого числа новых архивных источников в 3-м томе «Истории гражданской войны в СССР» рассказывалось о вторжении австро-германских оккупантов на Дон и Кубань весной 1918 г., а их турецких партнеров — на Кавказ. При этом справедливо отмечалось, что германская военщина выступила в этот момент как ударная сила мирового империализма в борьбе с Советской Республикой⁸³. К сожалению, это верное положение не раскрывалось должным образом. Ничего не говорилось, в частности, о планах кайзеровского командования создать на Юго-Востоке плацдарм для наступления на центр страны и свержения Советского правительства. В вышедшей в 1958 г. обобщающей работе С. Ф. Найды и 4-м томе «Истории

гражданской войны в СССР» была дана характеристика военных походов Антанты против Советской страны в 1919—1920 гг. как объединенных действий всех контрреволюционных сил, возглавляемых американско-англо-французским империализмом⁸⁴. Оценивая роль южного плацдарма в организации Антантой этих походов, авторы сосредотачивают внимание на оказании иностранной помощи деникинской армии летом и осенью 1919 г. Но Украина, Дон и Северный Кавказ занимали немалое место и в планах союзнического командования весной 1919 г. и ранее. Во все не говорится на страницах 3-го и 4-го томов «Истории гражданской войны в СССР» о поддержке Англией горской националистической контрреволюции.

Более глубоко охарактеризованы действия империалистических интервентов на Дону и Северном Кавказе в вышедшем в 1980—1986 гг. двухтомнике «Гражданская война в СССР»⁸⁵. Авторы его, опираясь на многочисленные, в том числе новые, советские и зарубежные материалы, прослеживают основные направления экспансии обеих империалистических коалиций в этом регионе в связи с общим ходом гражданской войны в стране. Они особо подчеркивают, в частности, что по разработанному антантовскими стратегами плану расширения интервенции зимой 1918—1919 гг. предусматривалось перенести центр тяжести всей борьбы с Советской Республикой на Юг, в районы Черноморского побережья Украины и Кавказа. В книге также обстоятельно освещена роль Юго-Восточного региона в замыслах комбинированного похода Антанты летом и осенью 1919 г.⁸⁶

Следует заметить, однако, что в названных и других обобщающих трудах главное внимание уделяется таким формам и методам интервенции, как прямое вторжение иностранных войск и оказание помощи силам внутренней контрреволюции. Другие же аспекты антисоветских действий международного империализма — организация экономической блокады, проведение политики террора и насилий на оккупированных советских территориях, разграбление их экономических ресурсов, оказание дипломатического нажима на Республику Советов — освещаются слабее. Удачным опытом комплексного исследования проблем интервенции является вышедшая в начале 1987 г. коллективная работа «Антисоветская интервенция и ее крах»⁸⁷. В ней рассматривается вооруженное вмешательство капиталистических держав в дела Советской страны как проявление экспорта контрреволюции и государственного терроризма⁸⁸.

Под этим углом анализируются формы и методы, применявшиеся империалистами в борьбе против Советского государства. В книге прослеживается, в частности, политика поддержки сил южнороссийской контрреволюции международным капиталом, начиная от помощи калединско-корниловскому мятежу до попыток разжечь пламя политического бандитизма на Кубани и Северном Кавказе в 1920—1922 гг.

В последние десятилетия исследователи обратились к обстоятельному изучению предыстории и начального этапа интервенции. Указывая на большое значение этой проблемы, академик И. И. Минц пишет в 3-м томе своего фундаментального труда «История Великого Октября», что в буржуазной историографии начало преступной войны империалистов против Советской власти особенно тщательно скрывается или извращается. Ведь «раскрыть тайну начала интервенции, — замечает автор, — значит признать истинную цель этой войны, которая велась три года, направленной на ликвидацию Советской власти»⁸⁹. В этой связи И. И. Минц высказывает ряд принципиальных соображений о месте и роли юго-восточных районов в антисоветских планах Антанты и Германии в начальный, а также последующие периоды гражданской войны. Проанализировав факт поддержки Соединенными Штатами, Англией и Францией калединского мятежа, автор подчеркивает, что мы имеем дело с попыткой создания не местного, но всероссийского плацдарма антисоветских сил. «Так с первых же дней существования Советской власти, — заключает он, — стал складываться враждебный ей блок иностранных империалистов и российской контрреволюции. Позднее он стал основной силой интервенции и гражданской войны в России в 1918—1920 гг.»⁹⁰.

История возникновения этого блока, союза Антанты с силами внутренней реакции, прослеживается в монографии О. Ф. Соловьева⁹¹. Автор особое внимание уделяет первым контактам «союзников» с донской контрреволюцией. Он приводит ряд документов, свидетельствующих о том, что буквально на второй день после победы Великой Октябрьской социалистической революции Антанта стала строить планы расчленения России, имея в виду прежде всего отрыв южных районов от центра путем оказания широкой помощи силам местной контрреволюции⁹². Подробно эти планы рассмотрены в работе В. С. Васюкова и книге Ю. К. Кириенко о крахе калединского мятежа⁹³. Приведенный в них материал убедительно опровергает миф буржуазной историографии о том, будто союзническое вмешательство имело своей главной целью восстановить антигерманский фронт на востоке. Поддержка белоказаков в Добровольческой армии носила ярко выраженный антисоветский характер. В работах В. Д. Поликарпова на обширном круге источников рассматриваются планы международного империализма по использованию окопавшейся на Юге России всероссийской внутренней контрреволюции в антисоветских целях, по превращению Дона и Северного Кавказа в один из главных плацдармов, направленных против молодой Советской России. К разработке их, подчеркивает исследователь, организаторы интервенции приступили, по сути дела, еще до победы Октября, стремясь предотвратить перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую⁹⁴.

На основе новых материалов стало возможно глубже проанализировать агрессивные замыслы германо-турецких империа-

листов на Юго-Востоке после заключения Брест-Литовского мирного договора, показать сложную и напряженную борьбу Советского государства против нашествия интервентов. В работах И. Коблякова, Д. Мутагирова, К. Хмелевского обстоятельно рассмотрены экспансионистские планы германского империализма на Дону⁹⁵. В них показано, что главной целью кайзеровской военщины являлась подготовка нового наступления на Советскую Республику, для чего, опираясь на красновское «Всевеликое войско Донское», немцы стремились объединить все контрреволюционные силы на Юге под своей эгидой. Большое место этим планам отводится и в крупном, обобщающем труде В. И. Петрова об отражении Страной Советов нашествия германского империализма в 1918 г.⁹⁶ Отличительной чертой исследования В. И. Петрова является комплексный подход к освещению темы. Автор анализирует политические и военные мероприятия Советского правительства по отражению германской агрессии в связи с развернувшейся народной борьбой в тылу оккупантов. Он подчеркивает, что авантюристические планы германской военщины по свержению Советской власти и расчленению России, отрыва от нее богатейших районов Юго-Востока находились в неразрывной связи. «Германское командование, — пишет он, — в соответствии с директивами Берлина и Ставки главной задачей оккупационной политики считало подавление революционного движения трудящихся масс, ликвидацию их завоеваний и разрыв связей с Советской Россией, реставрацию буржуазно-помещичьего строя»⁹⁷.

Особой остроты обстановка на Юго-Востоке достигла в связи с германской экспансией в начале лета 1918 г. Продвижение немцев на Кубань и стремление захватить Черноморский флот поставили Советскую Республику на грань военного конфликта с Германией. Трагедия Черноморской эскадры не раз являлась предметом внимания исследователей, мемуаристов, писателей⁹⁸. Ее история в основном была воссоздана в литературе 20—40-х годов. Однако в большинстве работ потопление флота изображалось как важное, но местное событие. Более широкий подход к теме проявился в вышедших в последние десятилетия исследованиях И. Т. Сирченко и особенно А. И. Козлова⁹⁹. Судьба Черноморской эскадры прослеживается авторами на обширном социально-политическом фоне. Происки германской военщины показаны А. И. Козловым как составная часть общей политики и стратегии правящих кругов кайзеровской Германии. Приведенные в его книге материалы не оставляют сомнений в том, что конфликт вокруг Черноморского флота был преднамеренно спровоцирован германской стороной с целью давления на Советскую Россию.

Сложность и драматизм обстановки, сложившейся на Северном Кавказе летом и осенью 1918 г., углубились тем, что одновременно с развертыванием германо-турецкой экспансии здесь активизировались происки антантовских империалистов. В литературе

последних десятилетий глубже и всесторонне анализируются замыслы обеих группировок, показывается единство их антисоветских целей и соперничество в «дележе добычи». «И те и другие, — пишет академик И. И. Минц в своем труде «Год 1918-й», — выступали против Советской власти, и эти их общие интересы приводили к молчаливому распределению сфер действия»¹⁰⁰. Вместе с тем, отмечает он, в проведении своих планов агенты Германии всюду сталкивались с представителями Антанты. В этих столкновениях проявлялось стремление империалистов обоих блоков подчинить себе силы внутренней контрреволюции, с помощью которой интервенты хотели удушить Советскую Республику. «Своей задачей, — пишет в этой связи Б. О. Кашкаев, — германо-турецкие интервенты провозгласили борьбу против Антанты на территории Кавказа. Фактически же целью их был захват Кавказа и создание плацдарма для продолжения объединенного нашествия иностранных интервентов и внутренней контрреволюции на Советскую Россию с Юга»¹⁰¹. В свою очередь, империалисты Антанты, в первую очередь США и Англии, стремились также к захвату Кавказа. Их интересовали, с одной стороны, богатейшие запасы сырья, с другой стороны, возможность помешать Германии и Турции укрепиться здесь и преградить им путь в Индию. Кавказ, заключает И. И. Минц, оказался, таким образом, как бы зажатым в гигантские клещи¹⁰².

В работах Б. Кашкаева, Г. Аликберова, Р. Гугова, У. Улигова¹⁰³ прослежены перипетии борьбы германо-турецких и антантовских империалистов за влияние на «Горское правительство», раскрыта роль британских агентов в организации бичераховского контрреволюционного мятежа на Тереке летом 1918 г.

С окончанием первой мировой войны империалисты США и Антанты, расширяя масштабы антисоветской интервенции, переносят свои главные усилия на Юг. Этому этапу в литературе последних десятилетий посвящен ряд специальных работ. В них на основе привлечения новых источников глубже исследованы замыслы и планы интервентов, их конкретные действия по организации вооруженной борьбы против Советской власти¹⁰⁴. В работах Б. П. Екати, Н. П. Эмирова, А. Б. Кадишева показана, в частности, деятельность агентов международного империализма на Кавказе по объединению сил горской и закавказской контрреволюции под эгидой интервентов. Большое внимание при этом обращается на происки американского империализма. Подробно рассмотрев позицию США на Парижской мирной конференции, где разрабатывались империалистические планы расчленения Страны Советов, Н. П. Эмиров пришел к выводу об активном (хотя и замаскированном) стремлении Америки оторвать Кавказ от Советской России и добиться установления там своего господства. «Несмотря на то, — пишет он, — что американские империалистические круги не соглашались на официальное признание кавказских республик до разрешения „русского вопроса“... американские представители неофициально поддерживали всякие государствен-

ные образования на Кавказе, решившиеся отмежеваться от Советской России»¹⁰⁵. Интересный материал о планах США на Юго-Востоке и американской помощи южнороссийской контрреволюции приводится также в работах Г. К. Селезнева, В. А. Боярского¹⁰⁶. Следует, однако, сказать, что в названных и других общих очерках о роли США в интервенции акцент делается на первых контактах с белогвардейцами. Гораздо меньше освещено участие Америки в интервенции на Дону и Северном Кавказе в 1919 г., когда Южный фронт стал главным, решающим для судеб Советской Республики. При рассмотрении событий этого этапа гражданской войны по преимуществу идет речь об Англии и Франции, оказывавших большую поддержку и направлявших действия южной контрреволюции. Между тем «Англия и Франция смогли выступить столь агрессивно, развернуть фронт мировых контрреволюционных сил против Советской Республики, только опираясь на американский капитал и действуя согласованно с ним»¹⁰⁷, — пишет В. П. Наумов.

Предпринимая вооруженное вмешательство в Россию, империалисты пытались оправдать и прикрыть его различными «идейными соображениями». В частности, интервенцию на Кавказ германо-турецкие, а затем антантовские правящие круги маскировали разглагольствованиями о «защите ислама», о поддержке будто бы имевшихся здесь у местного населения стремлений создать мусульманское государство под эгидой то ли Оттоманской империи, то ли Британской короны. В советской литературе последнего времени о гражданской войне убедительно раскрывается реакционная сущность идеологии буржуазного национализма, пантюркизма и панисламизма, которую использовали интервенты и горская контрреволюция в своих усилиях разжечь вражду между народами, оторвать Кавказ от революционной России¹⁰⁸.

Материалы долголетнего изучения советскими историками различных сторон империалистического вмешательства в гражданскую войну на Юго-Востоке позволяют воссоздать общую картину интервенции в регионе как важнейшей части похода международного империализма против Республики Советов в 1917—1920 гг. Именно в этом видят свою главную задачу авторы предлагаемой книги. Вместе с тем они стремились уточнить и углубить понимание ряда вопросов, недостаточно разработанных в литературе, таких, как взаимоотношения интервентов с силами внутренней контрреволюции, в частности с организаторами политического бандитизма на Кубани и Северном Кавказе в 1920—1922 гг.¹⁰⁹, политика интервентов на временно захваченной советской территории, масштабы военных действий вооруженных интервенционистских сил. Своим долгом авторы считали также подвергнуть критике и разоблачить концепции и схемы интервенции буржуазных и ревизионистских авторов, которые использует империалистическая пропаганда в современной идеологической борьбе против Советского Союза.

2. Критика буржуазной историографии интервенции на Дону и Северном Кавказе

В современной идеологической борьбе научная критика буржуазных и ревизионистских фальсификаций истории Великого Октября, гражданской войны и интервенции как в целом во всей Советской России, так и в отдельных ее регионах, в том числе и в бывших национальных окраинах, составляет важнейшую задачу советских историков.

Буржуазная историография, особенно англо-американская, французская, западногерманская и турецкая, уделяет большое внимание истории гражданской войны и интервенции на Дону и Северном Кавказе. Это не случайно. В ходе интервенции в Советскую Россию международный империализм всеми силами стремился превратить именно Юг в главную базу для борьбы с большевизмом. В. И. Ленин указывал 22 октября 1918 г.: «... англичане и французы ни в Сибири, ни в Архангельске не имели большого успеха, — наоборот, потерпели ряд поражений, но они теперь направляют усилия на то, чтобы напасть на Россию с юга, либо с Дарданелл, либо с Черного моря...»¹¹⁰. Современные «советологи», «русисты», «слависты» и «кавказеды», историки, социологи и ориенталисты различных направлений (от консервативного (крайне правого) до либерального и объективистского) «усиливают» свои писания по истории интервенции и гражданской войны на Дону и Северном Кавказе¹¹¹ антиисторическими, псевдонаучными схемами и построениями.

В перечне проблем и аспектов, являющихся предметом их субъективных измышлений, центральное место занимают причины и характер гражданской войны на Дону и Северном Кавказе, военная интервенция и ее крах, отношение горских народов и казачества к Советской власти, к белогвардейским и буржуазно-националистическим правительствам, к белоказачьим и буржуазно-националистическим воинским формированиям, интервентам, освободительная миссия Красной Армии, ленинское решение социального и национального вопросов в период гражданской войны и интервенции, классовое расслоение среди трех казачеств Юга России и горцев, трудовое казачество и горцы в борьбе против внутренней и внешней контрреволюции, роль большевистской партии в руководстве вооруженной борьбой и международном сплочении трудящихся России, Дона и Северного Кавказа¹¹².

В буржуазной историографии история Великого Октября, интервенция и гражданская война, совместная борьба народов Кавказа и Красной Армии интерпретируются в крайне искаженном свете. Лютая ненависть к Советскому Союзу прикрывается объективизмом и признанием некоторых фактов и событий, главная же задача авторов — противопоставление бывших окраин центру России, народов региона — великому русскому народу, создание

искусственных антагонистических противоречий между дагестанскими народами (аварцами, даргинцами, лезгинами, кумыками, табасаранцами, лакцами) и грузинами, между чеченцами, ингушами и осетинами, между всеми этими народами и русскими, украинцами, другими народами нашей страны, между донскими, кубанскими и терскими казаками, с одной стороны, и горскими народами — с другой¹¹³.

Представители современной буржуазной историографии, в первую очередь консервативные (крайне правые), создавая свои псевдонаучные схемы и построения, стремятся убедить читателя, и особенно малоосведомленного об истории СССР или вовсе неосведомленного, в том, что в период Октябрьской революции, интервенции и гражданской войны в районах и регионах с горским и казачьим населением (Дон, Кубань, Терек и др.) последние якобы поголовно проявляли враждебное отношение к Советской власти и выступали против Красной Армии совместно с интервентами и внутренней контрреволюцией.

В частности, эти схемы и построения прослеживаются в сочинениях (вышедших в 70—80-х годах), англо-американских крайне правых буржуазных историков, таких, как Глазков («История казаков»), Д. Филдхауз («Колониализм, 1870—1945 гг.»), Пауль Дьюкс («Октябрь и мир: перспективы после русской революции»), Питер Кенез («Гражданская война в Южной России, 1919—1920 гг. Поражение белых»), Ричард Пайпс («Милитаризм в Советском Союзе»), Джон Томпсон («Революционная Россия, 1917-й»), Майкл Кеттл («Союзники и крах России, март 1917—март 1918») и др.¹¹⁴

Буржуазные историки почти всех направлений преследуют цель ослабить единство советских народов, противопоставить их друг другу, бросить тень на испытанную временем ленинскую национальную политику Коммунистической партии Советского Союза, опровергнуть исторически достоверные факты совместной борьбы народов Кавказа и Красной Армии в защиту завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции, доказать преемственность политики царизма по отношению к народам бывших окраин империи, якобы унаследованной Советским государством, поставить под сомнение выдающиеся успехи национальных республик и областей Северного Кавказа во всех сферах социалистического строительства. Буржуазные авторы делают акцент на вымышленных теориях о «бесклассовости и однородности общества у народов Кавказа», о «политическом безразличии», якобы типичном для народов Кавказа, как и для стран Ближнего Востока, доказывают, что классовая борьба была чужда трудящимся горцам и казачеству, игнорируя революционную роль беднейшего казачества, пишут об «агрессии Красной Армии в Закавказье и на Северном Кавказе в период интервенции и гражданской войны» и внесении туда «на ее штыках Советской власти»¹¹⁵.

Буржуазная историография традиционно навязывает читателю извращенную схему «великодушной помощи» народам Кавказа¹¹⁶, «гуманной миссии» там империализма, о «наведении там порядков»¹¹⁷. С. Зенковский, П. Кенез, Ш. Лемерсье-Келькеже, Д. Лэнг, П. Дьюкс, Р. Уллмэн и другие восхваляют и оправдывают интервенцию держав Антанты и США. П. Дьюкс и Р. Уллмэн, например, апологизируя интервенцию на Юге Советской России, утверждают, что «английская интервенция на Кавказе предотвратила межнациональные распри» между народами региона, а также между ними и казаками и «водворила мир и спокойствие»¹¹⁸.

Американский историк Питер Кенез в своей книге «Гражданская война на Юге России» умаляет масштабы интервенции союзных держав против Советской России: «У союзников не было ни средств... ни желания проводить интервенцию в таком масштабе, который мог бы обеспечить разгром большевиков»¹¹⁹. Аналогичные схемы прослеживались еще в 60-х годах в работах западногерманских консервативных историков. Г.-фон Рауха, Г. Штокля и других, которые утверждали, что «союзники не имели намерения продлевать кровопролитие в России»¹²⁰, что «интервенты нигде не имели серьезных боев с Красной Армией»¹²¹. В более поздних сочинениях восхваляется экспансия германского империализма на Юге Советской России, искажаются содержание политики и захватнические планы кайзеровской Германии, связанные с далеко идущими целями агрессии германского империализма в страны Ближнего Востока и в Индию¹²².

Английские архивные документальные материалы¹²³ подтверждают антисоветский и захватнический характер интервенции Англии в Закавказье и Туркестане в 1918 г. Главной задачей английских войск под командованием генерала Л. Денстервилля в Закавказье было свержение Советской власти и установление британского контроля в Баку. Об этом свидетельствует телеграфная переписка генерала Денстервилля с командованием британских вооруженных сил в Багдаде и Лондоне, хранящаяся в персидской серии документов Государственного архива Англии. Сам Л. Денстервилль в опубликованных в 1925 г. в Тифлисе воспоминаниях признавал, что им 24 декабря 1917 г. было получено указание «следовать по маршруту Багдад — Баку — Бухара»¹²⁴.

В экспансионистских планах английского империализма с военно-стратегической точки зрения важнейшее значение придавалось контролю и господству над Каспийским морем и прибрежной территорией с плоскостным Дагестаном. Этот район мог прикрывать британские владения в Месопотамии и служить опорным пунктом для господства над всем Кавказом, Ираном, Туркестаном. Если учесть, что Англия могла бы получить возможность отрезать нефтеносные источники Кавказа от Советской России, то первостепенное значение этого района для британского империализма становилось очевидным.

Это подтверждается телеграфной перепиской между военным министром (с конца 1918 г. — министр колоний) Англии А. Милнером и командованием английских войск в Месопотамии. В телеграмме, в частности, направленной в Багдад 28 июня 1918 г., Милнер сообщал, что «правительство ее величества королевы придает... важное значение овладению постоянным контролем над Каспием»¹²⁵.

Даже крайне правый американский историк Грехем Стефенсон признает, что «англичане были больше заинтересованы в будущем азиатской части России» и что «интервенция могла ускорить распад России» и «Британия могла добиться контроля над кавказской нефтью»¹²⁶.

Профессор Индианского университета Барбара Джелавич в монографии «Санкт-Петербург и Москва. Царская и советская внешняя политика 1814—1974» также признает, что «Британия, следуя своим традиционным интересам в Центральной Азии, получила район Дона и Кавказа, тем самым приобретая контроль над нефтяными запасами этой области»¹²⁷. Западногерманский буржуазный «советолог» Цюрер Вернер опубликовал сочинение «Кавказ 1918—1921 гг. Борьба великих держав за сухопутный мост между Черным и Каспийским морями», одно название которого опровергает вымышленные концепции англо-американских «советологов»¹²⁸.

В вышеназванной монографии известный английский «советолог» Пауль Дьюкс признает, что интервенты «поддерживали белые армии и тратили на это «большие деньги». Это подтверждает и другой английский «советолог» — Тедди Дж. Ульдрикс¹²⁹.

Современная буржуазная историография преднамеренно замалчивает обращение трудящихся Кавказа к Советскому правительству и лично к В. И. Ленину с просьбой об оказании им помощи в борьбе против внутренней и внешней контрреволюции¹³⁰, совместную вооруженную борьбу Красной Армии, революционных кавказских повстанческих отрядов трудящихся, партизанских отрядов из горцев Северного Кавказа, беднейшего казачества, иногородних крестьян, первых казачьих и национальных Красных воинских формирований против южнороссийской контрреволюции. Создаются антиисторические, псевдонаучные концепции о так называемом «русском явлении» в социалистической революции и гражданской войне на Дону, Кубани и Северном Кавказе, гражданская война изображается как борьба лишь внутренних сил, обеляется империалистическая военная интервенция, оправдываются бесчинства и злодеяния германских и турецких интервенционистских войск¹³¹. Опровергается закономерность социалистической революции в национальных и казачьих районах Северного Кавказа, ее интернациональная сущность, игнорируются общие закономерности социально-политического развития; победоносное завершение социалистической революции и гражданской войны на Дону, Кубани, Тереке и в Дагестане преподносятся как «случайность», как «аномалия».

В рассмотрении проблематики гражданской войны, империалистической вооруженной интервенции на Дону и Северном Кавказе, освободительной роли Красной Армии современные «советологи» возвратились к концепциям, основы которых были заложены эмигрировавшими за границу бывшими членами центрального комитета так называемого «Союза объединенных горцев», «Горского правительства», «Терско-Дагестанского правительства», «Меджлиса горских народов Кавказа» и другими представителями горской феодально-помещичьей знати, националистической буржуазии Закавказья и Северного Кавказа, а также белоказачьими эмигрантами, бывшими членами «Донского войскового правительства», правительства «Всевеликого войска Донского», «Кубанской рады», «Терского войскового правительства» и других контрреволюционных казачьих правительств¹³².

Англо-американские и другие буржуазные историки (Н. Рязановский, Б. Джелавич, Ч. Волкер, Ш. Экнер и др.), сочинения которых вышли в 1974—1985 гг., проявляя большой интерес к разрешению национального вопроса в СССР, фальсифицируют роль беднейшего казачества и народов Кавказа в революции, приписывая им нелояльное отношение к Советской власти в период гражданской войны на Дону и Северном Кавказе, и особенно в период интервенции, а в этой связи ими искажается и освободительная роль Красной Армии¹³³.

Книги английского крайне правого историка Д. Филдхауза «Колониализм, 1870—1945 гг.» (Лондон, 1981), западногерманского реакционного советолога В. Пердельвитца «Хотят ли русские войны? Портрет Красной Армии» (Гамбург, 1980), французского консервативного буржуазного военного историка, члена Международного института стратегических исследований Д. Веннера «История Красной Армии. Революция и гражданская война, 1917—1924» (Париж, 1981) содержат искаженную трактовку исторического пути и роли Красной Армии, в том числе на Дону и Северном Кавказе, в период интервенции и гражданской войны¹³⁴.

В годы империалистической интервенции и гражданской войны в рядах молодой Красной Армии против внутренней контрреволюции и интервентов вместе с русскими воинами отважно сражались бойцы 50 национальностей, в том числе представители народов Северного Кавказа. Что же касается казачества, то достаточно сказать, что уже к 1 апреля 1918 г. в рядах Красной Армии на Дону сражалось против контрреволюции 22 440 добровольцев, что составляло почти пятую часть всех добровольцев Советской России¹³⁵. Это явилось результатом призыва Донского ВРК к казакам-фронтовикам идти в ряды Красной Армии от 8 марта 1918 г.¹³⁶ А в мае — июне 1919 г. на Дону в ряды Красной Армии вступили 8,5 тыс. человек, в том числе 5,5 тыс. казаков¹³⁷.

Национальные и казачьи воинские формирования Красной Армии, созданные из народов Дона и Кавказа и других национальных районов страны в условиях развертывания социалистической революции 1917—1918 гг., рождения и укрепления нового строя, явились одной из форм приобщения трудящихся масс национальных окраин бывшей царской России к вооруженной защите социализма. В ходе гражданской войны, например, на Северном Кавказе в Красной Армии плечом к плечу с русскими воинами (в числе которых были и казаки) доблестно сражались представители горских народов Северного Кавказа.

Каждая национальность и народность Дона и Северного Кавказа выдвинула из своей среды талантливых военачальников, героев гражданской войны, имена которых чтит весь советский народ. Это Ф. К. Миронов, М. Блинов, С. М. Буденный, Б. Думенко, О. Городовиков, Ф. Литунов, Ф. Морозов, П. Курышко, Ф. Текучев, Н. Ф. Гикало, А. З. Дьяков, Н. А. Анисимов, М. Дахадаев, У. Буйнакский, А. Шерипов, Х. Орцханов, Б. Калмыков, С. Мамсуров, Г. Цаголов, Х. К. Асанов, С. Такоев, С. Г. Буачидзе, Д. Коркмасов, А. Ф. Хорошев, Б. П. Шеболдаев и многие другие.

Предметом пристального внимания современной западной буржуазной историографии является вопрос о казачестве. Фальсифицированная интерпретация роли казачества в период гражданской войны и интервенции на Дону и Северном Кавказе без социального анализа и без учета классового расслоения особенно рельефно прослеживается в работах американских и английских историков и социологов, в частности в сочинениях В. Глазкова, П. Кенеза, Р. Лакетта, Ф. Лонгворта, Г. Каткова, Рекса А. Вейда, Дж. Хоскинга¹³⁸ и других советологов и «русистов», среди которых имеются «специалисты» по истории казачества и горцев Дона и Северного Кавказа — белоэмигранты из белоказачьей контрреволюции. Перечисленные авторы являются типичными представителями крайне правой, самой реакционной буржуазной историографии. В. Г. Глазков в книге «История казаков», придерживаясь концепции о «демократизме белоказачья», утверждает, что «советский режим, еще не совсем установившийся в самой России, начал войну против новых казачьих государственных образований, провозгласивших себя демократическими республиками»¹³⁹. Больше того, Глазков фальсифицирует содержание авантюристических антисоветских белоказачьих мятежей, поддержанных империалистическими интервентами, типа бичераховщины, антисоветских мятежей на Кубани, квалифицируя их как «массовые народные восстания казаков», которые происходили повсеместно и якобы «быстро освободили земли казаков от большевистских сил, от большевистской оккупации»¹⁴⁰. Развивая свои псевдоисторические построения, Глазков пишет, что «объединения Чека, поддерживаемые Красной Армией, подавляли восстания местного населения... Терроризм и насилие не прекращались до середины 1923 г., когда лидеры Центрального Комитета Коммунистической партии пришли к выводу, что они успешно уладили казаков»¹⁴¹.

Хотя и нет необходимости доказывать антинаучность и фальшь подобных утверждений, подчеркнем, что на Кубани, в частности в Екатеринодарском и Майкопском отделах, была восстановлена власть атаманов Косинова и Данилова. Деникинские и белоказачьи палачи, опираясь на военно-полицейский режим и буржуазно-помещичью власть, организовали кровавый террор. В одном лишь Майкопе в течение первых трех дней оккупации деникинцами было убито более 4 тыс. человек, а через две недели эта цифра дошла до 7 тыс.¹⁴².

В доказательство о существовавших якобы противоречиях между русским населением (в том числе казачеством и иногородними крестьянами) и горцами Р. Пайпс еще в одной из своих ранних книг использовал заявление главаря шариятской монархии Узуна Хаджи: «Я пряду веревку, чтобы с помощью ее повесить всех инженеров, студентов и вообще всех, кто пишет слева направо»¹⁴³, т. е. русских и их сторонников.

Аналогичные утверждения прослеживаются и у других современных буржуазных «советологов», опубликовавших свои работы в более позднее время, в частности у англо-американских, западногерманских, канадских, французских (Х. Шукман, Дж. Брэдли, Д. Кип, С. Хук, К. Руффман, Т. Раковска-Хармстон, М. Малиа, Б. Жувенель и др.)¹⁴⁴, а также у турецких историков (Х. Гюрсель, А. Курат, С. Айверди, Ф. Белен, У. Игдемир, С. Ерасимос и др.)¹⁴⁵.

Несостоятельность утверждений Р. Пайпса и других признается самой буржуазной историографией, в том числе и английской. В частности, Р. Лакетт в сочинении «Белые генералы. Обзор белогвардейского движения и русская гражданская война» подчеркивает, что «решение Деникина перевести штаб в Таганрог... превратило Екатеринодар в центр фракционализма и националистической агитации. Волнения на Кубани вскоре перекинулись на Кавказ, где восстали мусульманские народы; это были первые симптомы последовательной деморализации тыла»¹⁴⁶.

Подвергая «анализу» причины гражданской войны на юге Советской России, и в частности на Дону, Кубани и Тереке, американский буржуазный историк консервативного направления Р. Чаркс в сочинении «Краткая история России» приписывает «патриотическое» начало внутренней контрреволюции. «Причины гражданской войны, — утверждает Р. Чаркс, — были сложными и запутанными. Помимо антибольшевистских настроений прежде правящих классов, наблюдалось оскорбленное чувство патриотизма тех офицеров расформированной царской армии, которые планировали спасти Россию от унижения Брест-Литовским договором и предательства ее союзников. Возглавляемая рядом ведущих генералов... „добровольческая армия“ на юге сначала столкнулась лишь с отрицанием поддержки со стороны донских и кубанских казаков, но благодаря их инициативе и возрастающему приливу разрушенных иллюзий в связи с большевистским

строем возникло движение, возглавляемое генералом Деникиным»¹⁴⁷.

Эти и другие субъективные, псевдонаучные концепции прослеживаются в вышеупомянутом сочинении американского реакционного консервативного историка Джона Томпсона, который утверждает: «Многие противники большевиков (в том числе и казачество) были патриотически настроены и уверены, что страна и революция были преданы немцам», а «национальные меньшинства на Украине и на Кавказе (т. е. горские народности. — Авт.) боролись за независимость»¹⁴⁸.

А доктор Джоффри Хоскинг пишет: «Господа офицеры царской армии, придерживаясь той же концепции, направились на юг, к казакам на Дон, где они попытались собрать антибольшевистскую Добровольческую армию благодаря дивизиям, состоявшим из казаков. Тем не менее им понадобилось много времени для того, чтобы сохранять позиции на основной части территории». Далее Хоскинг отмечает: «Второй период, когда, казалось бы, красные могли быть разгромлены, — это осень 1919 г., — Добровольческая армия, которая в конце концов стала мощной силой под командованием генерала Деникина, перехитрила казаков, поднявшихся на борьбу против красных, захватив большую часть Украины и Юга»¹⁴⁹.

Аналогичны в концептуальном плане и сочинения современных французских, западногерманских, итальянских, канадских и турецких буржуазных историков консервативного и либерального направлений. В частности, сочинения С. Андоленко «История русской армии», Марка Ферро «Русская революция 1917 года», Мартина Малиа «Понять русскую революцию», Вольфганга Штрауса «Нация или класс; 60 лет борьбы против Октябрьской революции. — История сопротивления в СССР», Ричарда Дибо «Революция и выживание. Внешняя политика Советской России, 1917—1918 гг.», Герасимоса Стефаноса «Турецко-советские отношения», Надира Девлета «История национальной проблемы тюркских народов России»¹⁵⁰ и др.

Американский историк из русских белоэмигрантов С. Пушкарев еще в книге «Появление современной России», придерживаясь той же концепции, утверждал, что «казаки, игравшие важную роль в белогвардейском движении Деникина, традиционно сохраняли демократические идеалы»¹⁵¹. Антиисторичность и субъективизм подобной схемы очевидны. Достаточно сделать экскурс в 1919 г., чтобы убедиться в этом. Как известно, режим дикого произвола и насилия царил на всех территориях, захваченных белогвардейцами. Инициаторами и руководителями зверской расправы и террора были главарь белых банд, которых англо-американская буржуазная историография выдает за невинных миротворцев, «сохраняющих демократические идеалы»¹⁵².

В. И. Ленин указывал в 1919 г.: «Теперь правда о Колчаке (а Деникин — его двойник) раскрыта вполне. Расстрелы *десятков тысяч рабочих...* Порка крестьян целыми уездами. Публичная

порка женщин. Полный разгул власти офицеров, помещичьих сынков. Грабеж без конца. Такова правда о Колчаке и Деникине»¹⁵³.

В буржуазной историографии извращаются вопросы взаимоотношений казачества, иногородних крестьян с горскими народами Северного Кавказа в период гражданской войны и германотурецкой интервенции. Буржуазные, особенно американские, «советологи» утверждают, что якобы «борьба горской бедноты против царизма, помещиков, капиталистов, т. е. за социальное и национальное освобождение, является борьбой против русских вообще», что «гражданская война после 1917 г. являлась исключительно межнациональной войной». Освещая события января 1918 г. в Северной Осетии и Ингушетии, Р. Пайпс рисует весьма примитивную, антинаучную картину: «Русские казаки и иногородцы сейчас забыли о своих противоречиях и объединились для того, чтобы защищаться от общей опасности. В начале 1918 г. в Терской области вспыхнула ожесточенная борьба между мусульманами и русскими. Этой борьбой немедленно воспользовались большевики, которые, получив поддержку значительной части иногородцев и русских солдат, возвращавшихся домой с турецкого фронта, организовали сопротивление русских против коренного населения»¹⁵⁴, «большевики сначала захватили власть в Терской области, а затем в Баку, используя национальную вражду, распространенную в этих районах»¹⁵⁵.

Р. Пайпс свои выкладки сопровождает стандартными антибольшевистскими вымыслами: «Возникновение гражданской войны... и последующее падение так называемого Терско-Дагестанского государства оставили Терскую область без правительства... Большевики намеревались создать свою власть из коалиции иногородцев и казаков — объединенного русского фронта против мусульманского местного населения, что стало необходимым при атаках чеченцев и ингушей на жителей равнин»¹⁵⁶.

Свою солидарность с Р. Пайпсом позднее выразил П. Кенез, утверждая, что между горцами и русскими в период интервенции имели место противоречия, больше того, он пытается убедить читателя в том, что «горцы были мусульманами и приветствовали вторжение турецких войск в 1918 г. и распространение турецкого влияния», а «терские казаки вместе с другими солдатами воевали против главных сил большевиков на Дону и на Украине»¹⁵⁷.

Пренебрегая анализом социально-политической обстановки на Кубани в означенный период, П. Кенез пытается доказать, будто кубанские «казаки более благоприятно относились к белым на Кубани, чем во всех остальных войсках», что «казаки — противники большевиков»¹⁵⁸. Такое поголовное отождествление всех слоев кубанского казачества и игнорирование революционной роли беднейшего сословия его явно антиисторичны. В приказе войскам Кавказского фронта за № 395 от 26 марта 1920 г., подписанном командующим М. Н. Тухачевским, членом РВС Г. К. Орджоникидзе и начальником штаба С. А. Пугачевым,

говорилось: «Кубанское казачество не связало своей судьбы с авантюрой Деникина и, осознав свое заблуждение, отказалось от борьбы с Советской Россией и при действиях Красной Армии в Кубанской области массами начало сдаваться, добровольно складывая оружие. Революционный Военный совет фронта постановил всех пленных кубанских казаков (вахмистров, урядников, приказных и казаков), за исключением вступивших в ряды деникинской армии добровольно, распустить по домам для предстоящих полевых работ»¹⁵⁹.

В результате героических усилий Красной Армии, осуществлявшей совместно с партизанами разгром белоказачьей контрреволюции, при активной помощи русских и горских трудовых масс на всей территории Кубани и Черноморья к концу марта — началу апреля 1920 г. была восстановлена Советская власть. В этой борьбе в рядах Красной Армии участвовали около 3 тыс. трудящихся Адыгеи, в том числе около 700 адыгейцев¹⁶⁰. Активное участие также приняло и кубанское трудовое казачество.

Буржуазные «советологи», не считаясь с историческими фактами, апологезируют преступные действия контрреволюционных сил на Дону и Северном Кавказе, оправдывают антинародный характер пресловутого «Союза объединенных горцев Кавказа», буржуазно-националистического «Правительства» так называемой «Северо-Кавказской республики», «Терско-Дагестанского правительства», «Донского войскового правительства», правительства «Всевеликого войска Донского», «Кубанской краевой рады», «Терского войскового правительства», «Казачье-крестьянского Совета» и др. Еще в 1919 г. в газете «Вольный Дагестан» от 4 октября буржуазные националисты, члены «Горского правительства» А. Цаликов и Г. Баммат в своем заявлении утверждали, что горские народы, отставшие в своем экономическом и культурном развитии, не доросли до уровня восприятия идеи социализма¹⁶¹.

Впоследствии эту схему взяли на вооружение кавказские белоземляки (бывшие деятели «Горского правительства»), многие из которых выступали и выступают в качестве лжеученых, историков и публицистов — авторов антисоветских писаний, выставя себя знатоками «души горцев и казаков», специфических качеств кавказских народов. В частности, Б. Байтуган, В. Джабагиев, И. Кантемир, П. Коцев, Р. Трахо, Ш. Эрел и другие в течение 20—60-х годов опубликовали в Мюнхене, Париже, Стамбуле свои сочинения под названием «Кавказско-русская борьба», «Северный Кавказ: страницы из истории борьбы за свободу и независимость», «Черкесы», «Дагестан и дагестанцы» и др. П. Коцев в книге «Северный Кавказ, страницы истории борьбы за свободу и независимость», аргументируя тезис о том, что «идеи Коммунистической партии и Советской власти были чужды горцам Кавказа», приводит вымышленные цифры о числе коммунистов: «... среди пятимиллионного населения Северного

Кавказа всего насчитывалось десять коммунистов»¹⁶². Однако известно, что накануне Великой Октябрьской социалистической революции на Северном Кавказе насчитывалось около 5 тыс. коммунистов¹⁶³, влияние которых на трудящихся горцев всего региона было огромным.

Турецкий буржуазный историк Ахмет Хазер писал, что «так же как веками боролись народы Северного Кавказа против царизма, теперь они борются за свободу и независимость против империализма Красной Москвы»¹⁶⁴. Апологезируя контрреволюционную деятельность и антинародный характер буржуазно-националистического «Центрального Комитета Северного Кавказа» и так называемого «Горского правительства», белоземляне пытались изобразить большевизм как явление, не имевшее социальной почвы на Северном Кавказе, замолчать острые классовые противоречия внутри горских обществ и казачества, всемерно преувеличить «противоречия» между горцами, казаками и иногородними крестьянами, отрицая участие горской и казачьей бедноты в социалистической революции, гражданской войне, установлении, восстановлении и упрочении Советской власти. А. Хазер расписывает как значительное событие поездку в Стамбул делегации «Горского правительства» во главе с буржуазными националистами Абдулмеджитом (Тапа) Чермоевым и Гайдаром Бамматом в мае 1918 г. «с целью достижения соглашения о помощи со стороны Турции и союзников в борьбе против большевиков»¹⁶⁵.

В книге Р. Трахо «Черкесы» говорится: «С весны 1918 г. на Северный Кавказ стала надвигаться большая опасность с двух сторон. С одной стороны, близкий друг Ленина — дагестанец Джелал Коркмасов с большим отрядом красноармейцев из Астрахани шел на Петровск, с другой — с запада белые генералы стремились занять земли — нефтяные промыслы Хадыжи, Майкопа и др. Северокавказскому Центральному Комитету ничего другого не оставалось, как искать помощи извне. Поэтому ему пришлось установить связь с представителями Оттоманской Турции»¹⁶⁶.

О позиции горцев по отношению к антинародному «Горскому правительству» и к турецким интервентам свидетельствует факт срыва планов лидеров этого правительства и турецких интервентов создать вооруженные силы из горцев Дагестана, Чечни, Северной Осетии, Кабарды, Балкарии и других областей Северного Кавказа. Этот факт признает тот же Р. Трахо: «На основании соглашения двух правительств турецкие силы должны были заняться комплектованием и созданием северокавказских военных сил, но вместо этого турецким солдатам пришлось самим вести бои под Дербентом, Петровском, Хасавюртом»¹⁶⁷. Таким образом, версия о расположении народов Северного Кавказа и Дагестана к интервентам отмечается самими буржуазными авторами.

Эти традиционные антисоветские тенденции в рассмотрении истории интервенции и гражданской войны на Дону и Северном

Кавказе в свое время широко восприняли и развили западные буржуазные историки и буржуазные националисты, кавказские и белоказачьи эмигранты, такие, как Лиддел Гарт, В. Коларц, П. Кенез, Бала Мирза, Махмут Асланбек, Ахмет Хазер Хизал, В. Глазков, Г. Катков¹⁶⁸ и др.

По сути дела, сочинения кавказских и казачьих белоэмигрантов послужили и продолжают служить своего рода источниковой базой буржуазной историографии.

В. Коларц вовсе отрицал участие горских народов Северного Кавказа в социалистической революции и в борьбе против белогвардейцев и интервентов. Он утверждал в своей книге «Национальная политика Советского Союза», что на Северном Кавказе с его этнической пестротой «революцию совершали русский большевик Киров и грузинский большевик Орджоникидзе»¹⁶⁹. Несомненно, посланцы Коммунистической партии С. М. Киров и Г. К. Орджоникидзе, являясь руководителями борьбы за власть Советов на Северном Кавказе, сыграли выдающуюся роль в сплочении трудящихся региона для отпора контрреволюции. Однако и Киров, и Орджоникидзе в руководстве борьбой трудящихся прочно и надежно опирались на видных и талантливых горских революционеров-большевиков, сыгравших значительную роль в разгроме внутренней и внешней контрреволюции на Северном Кавказе. Это кумык У. Буйнакский, чеченец А. Шерипов, карачаевец У. Алиев, кабардинец Б. Калмыков, адыгеец М. Шогенов, осетин С. Мамсуров, балкарец М. Энеев, ингуш Г. Ахриев и др.

Еще ранее крупный английский военный историк Лиддел Гарт в своей работе «Советская Армия» также фальсифицировал эти вопросы, в частности вопрос об участии казачества в социалистической революции на Дону и Северном Кавказе и роли большевиков¹⁷⁰.

П. Кенез приписывает большевикам агрессивную роль, обвиняя их в пропаганде среди казачества Дона и Кубани якобы антигуманных идей¹⁷¹.

Сложность политической обстановки на Дону и Северном Кавказе в период социалистической революции, интервенции и гражданской войны (1917—1920 гг.) усугублялась спецификой не только социально-экономических, но и национальных отношений. Однако не следует забывать, что к моменту революции колониальные черты экономики отдельных областей региона, четко обозначавшихся еще в конце XIX столетия, исчезли и утратили свое былое значение, а области эти в социально-экономическом и политическом отношениях стали неотъемлемой частью России¹⁷².

Анализ современной буржуазной историографии позволяет сделать некоторые выводы о существующих схемах и построениях, традиционно продолжающихся по настоящее время, и о том, что, несмотря на ее эволюцию, в концептуальном плане сочинения ее представителей основываются на позитивистской методологии,

свойственной буржуазной историографии вообще. Этим объясняется низкий уровень работ современных англо-американских, западногерманских, французских, канадских, турецких и других зарубежных буржуазных историков, социологов (в том числе военных). Описанию фактов они придают большее значение, нежели анализу исторических явлений, освещая их в большинстве случаев субъективно, извращенно. Крайне правые историки и социологи делают это более бесцеремонно, чем либеральные и объективистские, отрицают объективную, достоверную историческую истину. При этом считается, что им позволительны любые схемы, построения, концепции, если они подчинены извращению настоящего. Такой же позиции буржуазные авторы придерживаются и в методике анализа источников.

Буржуазные историки и социологи крайне правого направления рассматривают историческую науку как неспособную изучать и освещать объективную реальность, особенно когда это касается борьбы народов СССР, Коммунистической партии, Красной Армии в гражданской войне против интервентов. Эклектизм характерен почти для всех рассмотренных в главе сочинений современных буржуазных ученых независимо от направления, но наиболее присущ он работам, авторами которых являются представители консервативной историографии.

Борьба горского крестьянства Северного Кавказа и беднейшего казачества Дона, Кубани и Терека против внутренней контрреволюции и империалистической интервенции убедительно опровергает субъективные антинаучные концепции современных буржуазных «советологов» о «привнесении революции и Советской власти» на Дон и Северный Кавказ «на штыках Красной Армии из центра Советской России», о том, что цель большевиков в горских районах Кубани, Терека и в казачьих областях состояла в том, чтобы «сломить мужественное сопротивление казаков» и горцев.

История интервенции и гражданской войны на Дону и Северном Кавказе доказала, что самоотверженная, героическая борьба национальных кавказских частей Красной Армии, партизан и красных казачьих частей и соединений за власть Советов явилась подтверждением марксистско-ленинских идей о необходимости использования революционных возможностей крестьянства в тесном союзе с рабочим классом, с пролетариатом.

Блестящее претворение в жизнь этих возможностей было осуществлено на Дону и Северном Кавказе, как и в других регионах страны, под руководством партии большевиков.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 277.

² Отдельные наблюдения об освещении империалистической интервенции на Юго-Востоке в литературе имеются в общих трудах по историографии гражданской войны в СССР, а также в обзорах работ о борьбе за власть Советов на Дону и Северном Кавказе. См., напр.: Шерман И. Л. Советская историография гражданской войны в СССР. Харьков, 1964; Наумов В. П. Летопись

- героической борьбы. М., 1972; *Малиев Н. Д.* Историография Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны на Тереке. Орджоникидзе, 1977; *Хмелевский К. А., Этенко Л. А.* Современная советская историография борьбы за власть Советов на Дону и Северном Кавказе // История и историки. М., 1977; *Козлов А. И., Хмелевский К. А., Этенко Л. А.* Изучение истории борьбы за власть Советов на Дону и Северном Кавказе // Вопросы истории. 1981. № 10; и др.
- ³ *Brinkley G.* The Volunteer Army and Allied Intervention in South Russia, 1917—1921. Notre Dame, Indiana, 1966. P. XII.
- ⁴ В последние десятилетия историческая Лениниана пополнилась рядом документальных изданий, свидетельствующих о пристальном внимании В. И. Ленина к событиям, происходившим на Юго-Востоке в 1917—1920 гг. См. напр.: Ленин о Доне и Северном Кавказе. 2-е изд., доп. Ростов н/Д, 1969; Под знаменем Ленина. Орджоникидзе, 1970; Ленин и Дагестан. Махачкала, 1979; В. И. Ленин и Ставрополье. 2-е изд., доп. и перераб. Ставрополь, 1981; В. И. Ленин и Чечено-Ингушетия. Грозный, 1982.
- ⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 38—39.
- ⁶ См.: Там же. С. 11. ⁷ Там же. Т. 38. С. 277.
- ⁸ См.: Там же. Т. 39. С. 244. ⁹ См.: Там же. Т. 37. С. 39.
- ¹⁰ Там же. Т. 38. С. 34. ¹¹ См.: Там же. Т. 37. С. 4—5.
- ¹² См.: Там же. С. 6. ¹³ См.: Там же. С. 6—7.
- ¹⁴ Там же. С. 81. ¹⁵ См.: Там же. Т. 39. С. 44.
- ¹⁶ См.: Там же. Т. 36. С. 322. ¹⁷ См.: Там же. Т. 37. С. 11.
- ¹⁸ Там же. ¹⁹ Там же. Т. 42. С. 57.
- ²⁰ См.: Там же. Т. 37. С. 118, 124, 164.
- ²¹ См.: Там же. Т. 38. С. 277; Т. 39. С. 344.
- ²² См.: Там же. Т. 37. С. 127. ²³ Там же. Т. 39. С. 326.
- ²⁴ Там же. Т. 37. С. 124. ²⁵ Там же. Т. 38. С. 277.
- ²⁶ Там же. Т. 39. С. 389. ²⁷ Там же. Т. 38. С. 316.
- ²⁸ Ленинский сборник. Т. 24. С. 197.
- ²⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 113.
- ³⁰ См.: Там же. Т. 37. С. 461; Т. 41. С. 114.
- ³¹ См.: Там же. Т. 36. С. 332.
- ³² Там же. Т. 40. С. 87. ³³ Там же. С. 181.
- ³⁴ *Киров С. М.* Статьи, речи и документы. М.; Л., 1936. Т. 1; *Микоян А. И.* Партия и казачество. Ростов н/Д, 1926; *Он же.* Дорогой борьбы. М., 1971; Кн. 1.; *Орджоникидзе Г. К.* Статьи и речи. М., 1956. Т. 1; *Сталин И. В.* Соч. М., 1948. Т. 4; *Шаумян С. Г.* Статьи и речи, 1908—1918. Баку, 1924.
- ³⁵ *Чичерин Г. В.* Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961.
- ³⁶ *Наузов В. П.* Летопись героической борьбы. М., 1972. С. 174.
- ³⁷ *Чичерин Г. В.* Указ. соч. С. 37—66, 99—124.
- ³⁸ См. напр.: *Какурин Н. Е.* Как сражалась революция. М.; Л., 1925. Т. 1; *Левидов М.* К истории союзной интервенции в России. Л., 1925; *Костяев Ф.* Интервенция на Юге России, Кавказе и в Туркестане 1918—1920 гг. // Кто должник. М., 1926; *Тахо-Годи А. А.* Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927; *Раевский А.* Английская интервенция и мусаватское правительство: Из истории интервенции и контрреволюции в Закавказье. Баку, 1927; *Гуковский А. И.* Французская интервенция на Юге России, 1918—1919 гг. М.; Л., 1928; *Раггаузер Я. А.* К истории гражданской войны на Тереке // Изв. пед. ф-та Азербайдж. ун-та. Баку, 1928. Т. 13.
- ³⁹ *Янчевский Н. Л.* Краткий очерк истории революции на Юго-Востоке, Ростов н/Д, 1924. С. 6.
- ⁴⁰ *Иванов Л.* Англо-французское соперничество, 1919—1927. М., 1928. С. 145.
- ⁴¹ *Кин Д.* Деникинщина. Л., 1927. С. 14.
- ⁴² Там же. С. 34.
- ⁴³ *Борисенко И.* Советские республики на Северном Кавказе в 1918 г. Ростов н/Д, 1930. С. 29.
- ⁴⁴ *Костяев Ф.* Указ. соч. С. 336—338.
- ⁴⁵ *Кин Д.* Указ. соч. С. 31, 34.
- ⁴⁶ *Раевский А.* Указ. соч. С. 25.

- ⁴⁷ *Иоффе Я.* Организация интервенции и блокады Советской республики, 1918—1920. М.; Л., 1930. С. 110.
- ⁴⁸ Там же. ⁴⁹ Там же. С. 111. ⁵⁰ Там же. С. 16—17.
- ⁵¹ Там же. С. 68. См. также: *Майский И.* Внешняя политика РСФСР, 1917—1922. М., 1922; *Иванов Л.* СССР и империалистическое окружение. М., 1928; *Павлович М. (Вельтман М. В.)* Советская Россия и капиталистическая Франция. М., 1932.
- ⁵² *Кин Д.* Указ. соч. С. 18—20.
- ⁵³ *Левидов М.* Указ. соч.
- ⁵⁴ *Кин Д.* Указ. соч. С. 17.
- ⁵⁵ *Гуковский А. И.* Французская интервенция на Юге России. С. 18.
- ⁵⁶ *Мицц И. И.* Английская интервенция и северная контрреволюция. М.; Л., 1931.
- ⁵⁷ Там же. С. 28. ⁵⁸ Там же. С. 29.
- ⁵⁹ *Черчилль В.* Мировой кризис. М., 1932. С. 50.
- ⁶⁰ *Мицц И. И.* Указ. соч. С. 37.
- ⁶¹ См., напр.: Сборник материалов и статей редакции журнала «Исторический архив». Б. м., 1921. Кн. I; *Пионтковский С.* Гражданская война в России: Хрестоматия. М., 1925.
- ⁶² *Антонов-Овсеенко В. А.* Записки о гражданской войне. М., 1928. Т. 2.
- ⁶³ *Кукель В. А.* Правда о гибели Черноморского флота 18 июня 1918 г. Пг., 1923.
- ⁶⁴ Красный десант. Тагистпарт, 1926; Империалистическая немецкая оккупация (май — сентябрь 1918). Тагистпарт, 1929.
- ⁶⁵ *Янчевский Н. Л.* Гражданская борьба на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1927. Т. 2. С. 42—43.
- ⁶⁶ См., напр.: Крах германской оккупации на Украине: (По документам оккупантов). М., 1936; Документы по истории гражданской войны в СССР. М., 1941. Т. 1; Разгром немецких захватчиков в 1918 году. М., 1943.
- ⁶⁷ Борьба классов. 1931. № 2; Красный арх. 1934. Т. 6; Там же. 1935. Т. 1.
- ⁶⁸ *Раенко Я. Н.* Хроника исторических событий на Дону, Кубани и в Черноморье. Ростов н/Д, 1941. Т. 2.
- ⁶⁹ См. напр.: *Деренковский Г.* Отечественная война против германских оккупантов в 1918 году. Саратов, 1942; *Гуковский А. И.* Вторжение немцев в страну Советов в 1918 г. // Ист. зап. М., 1942. Т. 13.
- ⁷⁰ *Буркин Н. Г.* Горское правительство и интервенция // Историк-марксист. 1934. № 2; *Трусова Н. С.* Немецкие интервенты в Донской области в 1918 году // Ист. журн. 1941. № 9; *Эмиров Н. П.* Установление Советской власти в Дагестане и борьба с германо-турецкой интервенцией (1917—1919). М., 1949.
- ⁷¹ *Нотович Ф.* Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914—1918 гг. М., 1947.
- ⁷² См., напр.: *Кадишев А. Б.* Австро-германская интервенция 1918 г. Героический поход Ворошилова к Царицыну. М., 1940; *Генкина Э. Б.* Борьба за Царицын в 1918 г. М., 1940; *Меликов В.* Героическая оборона Царицына в 1918 г. М., 1940; *Разгон И. М.* Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. М., 1941.
- ⁷³ *Березкин А. В.* США — активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918—1920). М., 1949.
- ⁷⁴ Там же. С. 20—21.
- ⁷⁵ *Кунина А. Е.* Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг. М., 1951; 2-е изд. М., 1954.
- ⁷⁶ *Штейн Б. Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919—1920). М., 1949.
- ⁷⁷ *Волков Ф. Д.* Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства (1917—1924). М., 1954. С. 147; см. также: *Он же.* Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980.
- ⁷⁸ *Гимпельсон Е. Г.* Ограбление Юга России интервентами в 1919 г. // Ист. зап. 1950. Т. 35.
- ⁷⁹ Борьба за власть Советов на Дону, 1917—1920 гг. Ростов н/Д., 1957; Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917—1920 гг. Краснодар, 1957; Борьба трудящихся масс за установление и упрочение Советской власти на Ставрополье. Ставрополь, 1957; За власть Советов в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1957; Борьба за Советскую власть в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1958;

- Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане, 1917—1921 гг. М., 1958.
- ⁸⁰ Из истории гражданской войны в СССР: Сб. документов и материалов. М., 1960. Т. 1: Май 1918 — март 1919; М., 1962. Т. 2: Март 1919 — февраль 1920 г.
- ⁸¹ Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1: 1917—1920; Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. М., 1968. Т. 1.
- ⁸² История гражданской войны в СССР. М., 1958. Т. 3; М., 1959. Т. 4; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 7; История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967. Т. 3, кн. 1; М.; 1968. Кн. 2.
- ⁸³ История гражданской войны в СССР. Т. 3. С. 222.
- ⁸⁴ *Найда С. Ф.* О некоторых вопросах истории Гражданской войны в СССР. М., 1958. С. 133; История гражданской войны в СССР. Т. 4. С. 8.
- ⁸⁵ Гражданская война в СССР. М., 1980. Т. 1; М., 1986. Т. 2.
- ⁸⁶ Там же. Т. 1. С. 276; Т. 2. С. 10—11, 135.
- ⁸⁷ Антисоветская интервенция и ее крах. М., 1987.
- ⁸⁸ Там же. С. 12.
- ⁸⁹ *Миц И. И.* История Великого Октября. М., 1973. Т. 3. С. 331.
- ⁹⁰ Там же. С. 325.
- ⁹¹ *Соловьев О. Ф.* Великий Октябрь и его противники. М., 1968.
- ⁹² Там же. С. 132.
- ⁹³ *Васюков В. С.* Предыстория интервенции, Февраль 1917 — март 1918. М., 1968; *Кириенко Ю. К.* Крах каледенщины. М., 1976. С. 121—134; см. также: *Боярский В. А.* Вторжение империалистов США в Советскую Россию и его провал. М., 1961. С. 11—16.
- ⁹⁴ *Поликарпов В. Д.* Пролог гражданской войны в России, Октябрь 1917 — февраль — 1918. М., 1976; *Он же.* Начальный этап гражданской войны: (История изучения). М., 1980; и др.
- ⁹⁵ *Кобляков И.* Борьба Советского государства за сохранение мира с Германией в период действия Брестского мира // История СССР. 1958. № 4; *Мутагиров Д.* Экспансионистские планы германского империализма на Дону в 1918 г. // Вестн. Ленингр. ун-та. 1962. № 14, вып. 3. Сер. истории, языка и литературы; *Хмелевский К.* Крах красновщины и немецкой интервенции на Дону (апрель 1918 — март 1919 г.). Ростов н/Д, 1965.
- ⁹⁶ *Петров В. И.* Отражение Страной Советов нашествия германского империализма в 1918 году. М., 1980.
- ⁹⁷ Там же. С. 257.
- ⁹⁸ См. напр.: *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. М., 1936; *Разгон И. М.* Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. М., 1941; *Гречанюк Н., Попов П.* Моряки Черноморского флота в борьбе за власть Советов. Симферополь, 1957; *Кондратьев Н. Д.* Иван Вахрамеев. М., 1957; *Мордвинов Р. Н.* Курсом «Авроры». М., 1962; *Хесин С. С.* Флот голосует за политику Ленина // История СССР. 1970. № 1; и др.
- ⁹⁹ *Козлов А. И.* Борьба партии большевиков за предотвращение захвата Черноморского флота германскими империалистами в 1918 году // Воен.-ист. журн. 1970 № 7; *Он же.* Во имя революции. Ростов н/Д, 1985; *Сирченко И. Т.* Погибаю, но не сдаюсь! Краснодар, 1969; *Он же.* Выполняя приказ В. И. Ленина... М., 1979.
- ¹⁰⁰ *Миц И. И.* Год 1918-й. М., 1982. С. 360.
- ¹⁰¹ *Кашкаев Б. О.* Гражданская война в Дагестане, 1918—1920 гг. М., 1976. С. 139.
- ¹⁰² *Миц И. И.* Год 1918-й. С. 448.
- ¹⁰³ *Кашкаев Б. О.* Указ. соч.; *Аликберов Г. А.* Победа социалистической революции в Дагестане. Махачкала, 1968; *Гугов Р. Х.* Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик, 1975; *Улигов У. А.* Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов. Нальчик, 1979.
- ¹⁰⁴ *Екати Б.* Большевики Терека во главе борьбы против интервентов и внутренней контрреволюции. Орджоникидзе, 1964; *Эмиров Н. П.* Указ. соч.; *Кадишев А. Б.* Интервенция и гражданская война в Закавказье. М., 1960.

- ¹⁰⁵ Эмиров Н. П. Указ. соч. С. 140.
- ¹⁰⁶ Боярский В. А. Указ. соч.; Селезнев Г. К. Крах заговора: Агрессия США против Советского государства в 1917—1920 гг. М., 1963.
- ¹⁰⁷ Наумов В. П. Указ. соч. С. 392.
- ¹⁰⁸ См. напр.: Эмиров Н. П. Указ. соч.; Магомедов М. А. Горцы Северного Кавказа и социалистическая революция: (Правда истории и домыслы антикоммунистов). Махачкала, 1980; Этенко Л. А. Ленинская партия в борьбе за интернациональное единство трудящихся Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1985; и др.
- ¹⁰⁹ О происках международного империализма на Юго-Востоке России в 1920—1922 гг. имеются лишь отдельные замечания в кн.: «Антивоветская интервенция и ее крах»; Голиков Д. А. Крах антивоветского подполья. М., 1980. Кн. 2; Мухачев Ю. В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазно-реставраторства в СССР. М., 1982.
- ¹¹⁰ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 37. С. 118.
- ¹¹¹ Brown D. Doomsday 1917: The Destruction of the Russian Ruling Class. L., 1975; Bradley J. Civil War in Russia 1917—1920. L.; Sidney, 1975; Keep J. The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization. L., 1976; Riasanovsky N. A History of Russia. 3-ed. N. Y., 1977; Ruffman K. Soviet-russland 1917—1977: Struktur und Entfaltung einer Wehrmacht. München, 1977; Rakowska-Harmstone T. Ethnicity in the Soviet Union // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1977. Vol. 433; Malia M. Comprendre la Revolution russe. P., 1980; Curtis M. Totalitarianism. New Brunswick; L., 1980; Wolf W. Revolution and Reality: Essays on the Origin and Fate of the Soviet System. Chapel Hill, 1981; Thompson J. Revolutionary Russia, 1917. N. Y., 1981; Paxton T. Companion to Russian history. L.; Batsford. Ltd., 1984; и др.
- ¹¹² Pushkarev S. G. The Emergence of modern Russia, 1801—1917. N. Y., 1969; Stephenson G. Russia from 1812 to 1945: A history. N. Y.; Washington, 1970; Lockett R. The White Generals: An Account of the White Movement and the Russian Civil War. N. Y., 1971; Shapiro L. Totalitarianism. N. Y., 1972; Bennigsen A. The Muslims of European Russia and the Caucasus // Russia and Asia: Essays on the Influence of Russia on the Asian Peoples / Hoover Institution Publications. Stanford, 1972. Vol. 107; Lenzovsky S. A. Rusya — da pantürkizm ve müs' İmanlık. Ankara, 1971; Bennigsen A., Lemerrier-Quelqueyey Ch. Islam in the Soviet Union. L., 1967; Jelavich B. St. Petersburg and Moscow: Tsarist and Soviet Foreign Policy 1814—1974. Bloomington; L., 1974; Ullman R. Anglo-Soviet Relations, 1917—1923. Princeton, 1972. Vol. 111; Pipes R. Reflections on the Nationality Problems in the Soviet Union // Ethnicity: Theory and Experience. Cambridge, 1975; Venner D. Historie de L'Armee Rouge: La Revolution et la guerre civile 1917—1924. P., 1981; Devlet Nadir. Rusya Türklerinin milli mücadele tarihi. Ankara, 1985; и др.
- ¹¹³ Szportluk R. Nationalites and Russian Problem in the USSR: A Historical Outline // Center for Russian and East European Studies. The University of Michigan. Ann Arbor, 1973. N 87; Pipes R. Reflections of the Nationality Problems in the Soviet Union; Bradley J. Op. cit. P. 15—18; Longworth Ph. Tsar of all the Russias. L., 1984. P. 31—43.
- ¹¹⁴ Claskow W. History of the Cossacks. N. Y., 1970; Fildhouse D. Colonialism, 1870—1945. L., 1981; Dukes P. October and the World; Perspectives on the Russian Revolution. L., 1979; Kenez P. Civil war in South Russia, 1919—1920: The defeat of the Whites. Stanford, 1977; Pipes R. Militarism and Soviet State. Deadalus, 1980; Thompson J. M. Revolutionary Russia, 1917. N. Y., 1981; Hosking G. A History of the Soviet Union. L., 1985; Fitzpatrick Sh. The Russian Revolution, 1917—1932. Oxford; N. Y., 1985; Kettle M. The allies and the Russian collapse. March 1917 — march 1918. L., 1981.
- ¹¹⁵ Bennigsen A., Lemerrier-Quelqueyey Ch. Islam in the Soviet Union. P. 81; Pipes R. Reflections on the Nationality Problems in the Soviet Union; Bennigsen A., Wimbuch S., Enders. Muslim national communism in the Soviet Union: A revolutionary Strategy for the colonial World. Chicago; L., 1979. P. 81.
- ¹¹⁶ Kolarz W. Russia and her Colonies. L., 1956. P. 240; Pipes R. The Formation of the Soviet Union. N. Y., 1968. P. 57.
- ¹¹⁷ Dukes P. Op. cit.

- ¹¹⁸ *Ullman R.* Op. cit. Vol. 111; *Dukes P.* Op. cit. P. 97—98.
- ¹¹⁹ *Kenez P.* Civil War in South Russia, 1918; The first Year of the Volunteer Army. Los Angeles; L., 1971. P. 260.
- ¹²⁰ *Rauch G.-von.* Geschichte der Sowjetunion. Stuttgart, 1969. S. 139—140.
- ¹²¹ *Stöckl G.* Russische Geschichte von den Anfängen. Stuttgart, 1962.
- ¹²² *Hildebrand K.* Das Deutsche Reich und die Sowjetunion im internationalen System, 1918—1932. Wiesbaden, 1977; *Werner L.* Kaukasien, 1918—1921: der Kampf der Grossmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer. Düsseldorf, 1978. S. 363.
- ¹²³ Материалы Государственного архива Англии — «Public Records office» — это в основном протоколы заседаний кабинета, документы ведущих ведомств, в первую очередь Форин офис (Foreign Office Papers) и др. Этот архив расклетчен в конце 60-х — начале 70-х годов.
- ¹²⁴ *Денстервилль Л.* Британский империализм в Баку и Персии в 1917—1918 годах: (Воспоминания). Тифлис, 1925. С. 10.
- ¹²⁵ *Persia Series. Part XX. Doc. 201.* P. 87—88 (Государственный архив Англии); *Лаэров С. В.* Политика Англии на Кавказе и Средней Азии в 1917—1921 гг. // *Вопр. истории.* 1979. № 5. С. 83.
- ¹²⁶ *Stephenson G.* Op. cit. P. 332.
- ¹²⁷ *Jelavich B.* Op. cit. P. 303.
- ¹²⁸ *Werner L.* Op. cit.
- ¹²⁹ *Dukes P.* Op. cit. P. 97; *Uldricks Teddy J.* Diplomacy and ideology: The origins of Soviet Foreign relations, 1917—1930. L., 1979. P. 36.
- ¹³⁰ *Luckett R.* Op. cit.; *Bennigsen A.* Muslim national communism in the Soviet Union. L., 1979; *Stefanos Y.* Türk-Soviet ilişkileri. Istanbul, 1978; *Devlet Nadir.* Op. cit.
- ¹³¹ *Kenez P.* Op. cit. P. 124—125; 127; *Thompson J. M.* Op. cit. P. 181; *Stefanos Y.* Op. cit.; *Devlet Nadir.* Op. cit.; и др.
- ¹³² *Трахо П.* Черкесы. Мюнхен, 1961; *Kosok P.* Kuzey Kafkasya: Hürriyet ve istiklal Savaşı Tarihinden Yapraklar. Istanbul, 1960; *Hızal A. N.* Kuzey Kafkasya. Ankara, 1961; *Cabagiev V. G.* Kafkasya Rus Mücadelesi. Istanbul, 1967; *Andolenko S.* Histoire de L'armee russe. P., 1967; *Aslanbek M.* Kuzey Kafkasya halklarının imhasi. Istanbul, 1952; *Berkok J.* Tarihte Kafkasya. Istanbul, 1958; *Erel Ş.* Dagistan ve dagistanlılar. Istanbul, 1961; *Caferoglu A.* Kafkasya Türkleri. Istanbul, 1965; *Glaskov W. S.* Op. cit.
- ¹³³ *Jelavich B.* Op. cit.; *Riasanovsky N. A.* Op. cit. P. 582; *Walker Ch. Y.* Armenia. The Survival of a Nation. London, 1980. P. 283—284; *Akiner Sh.* Islamic Peoples of the Soviet Union. L., 1983. P. 124—125.
- ¹³⁴ *Fildhouse D.* Colonialism, 1870—1945. L., 1981. P. 103—106; *Perdelwitz W.* Wollen die Russen Krieg?: Ein Portrait der Roten Armee. Hamburg, 1980. S. 270—273; *Venner D.* Op. cit. P. 114—116.
- ¹³⁵ *Войскобойников Г. Л.* Военно-организаторская деятельность большевиков Дона в годы военной интервенции и гражданской войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. С. 12.
- ¹³⁶ *Дедов И. И.* Создание Красной кавалерии на Дону в годы гражданской войны и ее роль в разгроме контрреволюции на юге России (1918—1920 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1982. С. 13.
- ¹³⁷ *Войскобойников Г. А.* Указ: соч. С. 21.
- ¹³⁸ *Glaskov W.* Op. cit.; *Kenez P.* Op. cit.; *Luckett R.* Op. cit.; *Longwarth Ph.* The Cossacks. London, 1971; *Katkov G.* The Kornilov Affair: Kerensky and the break-up of the Russian army. L.; N. Y., 1980. P. 105, 128; *Wade Rex A.* Red Guards and Workers Militias in the Russian Revolution. Stanford, California, 1984. P. 300—303; *Hosking G.* Op. cit. P. 35—36, 53, 61—65; и др.
- ¹³⁹ *Glaskov W.* Op. cit. P. 117.
- ¹⁴⁰ *Ibid.* P. 120.
- ¹⁴¹ *Ibid.* P. 135.
- ¹⁴² *Очерки истории Адыген.* Т. 2: Советский период. Майкоп, 1981. С. 45.
- ¹⁴³ *Pipes R.* The Formation of the Soviet Union: Communism and nationalism, 1917—1923. Cambridge; Massachusetts, 1954. P. 97.
- ¹⁴⁴ *Shukman H.* Lenin and the Russian Revolution. N. Y., 1967; *Bradley J.* Op. cit., *Keep J.* Op. cit.; *Hook S.* Revolution, Reform and Social Justice. Oxford, 1976;

- Ruffman K.* Op. cit.; *Rakowska-Harmstone T.* Op. cit.; *Malia M.* Op. cit.; *Jouvenel B.* Marx et Engels: La longue marche. Paris, 1983.
- ¹⁴⁵ *Gürsel H.* Tarih boyunca Türk-Rus ilişkileri. İstanbul, 1968; *Kurat A. N.* Türkiye ve Rusya XVIII yüz yie sonundan kurtuluş savaşına kadar Türk-Rus ilişkileri (1798—1919). Ankara, 1970; *Ayverdi S.* Türk-Rus munasebetleri ve müharebeleri. İstanbul, 1970; *Belen F.* XX yüzyılda Osmanlı devleti. Ankara, 1973; *Igdemir Ulug.* Cumhuriyetin 50 yılında Türk tarih Kurumu. Ankara, 1973; Kafkasya Uzerine beş konferans/Dr. V. Gusar, Cevdet Y./Hapi/, Tuna R./Tunu/ et al. İstanbul, 1977; *Verasimos S.* Türk-Soviet ilişkileri. İstanbul, 1978.
- ¹⁴⁶ *Luckett R.* Op. cit. P. 288.
- ¹⁴⁷ *Charques R. D.* A short History of Russia: With seven maps. N. Y., 1956. P. 252.
- ¹⁴⁸ *Thompson J. M.* Op. cit. P. 181.
- ¹⁴⁹ *Hosking G.* Op. cit. P. 62, 65.
- ¹⁵⁰ *Andolenko S.* Histoire de L'Armee russe. P., 1967; *Ferro M.* La Révolution russe de 1917. 2-ed. P., 1977; *Malia M.* Op. cit.; *Strauss W.* Nation oder Klasse: 60 Jahre Kampf gegen die Oktoberrevolution-Geschichte des Widerstandes in der UdSSR. München; Wien, 1978; *Debo R.* Revolution and survival: The foreign policy of Soviet Russia, 1917—1918. Toronto, 1979; *Verasimos S.* Türk-Sovyet ilişkileri: Ekim devriminden 'Milli mücadele'ye. İstanbul, 1978; *Devlet Nadir.* Op. cit.; и др.
- ¹⁵¹ *Pushkarev S.* Op. cit. P. 425.
- ¹⁵² Ibid.
- ¹⁵³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 47.
- ¹⁵⁴ *Pipes R.* The Formation of the Soviet Union. N. Y., 1968. P. 98.
- ¹⁵⁵ Ibid. P. 195.
- ¹⁵⁶ Ibid.
- ¹⁵⁷ *Kenez P.* Civil War in South Russia, 1918. P. 124—125.
- ¹⁵⁸ Ibid. P. 104, 229.
- ¹⁵⁹ ЦГАСА. Ф. 109. Оп. 4. Д. 9. Л. 269.
- ¹⁶⁰ *Коссович Н. Ф.* Об участии адыгов в борьбе за победу Советской власти: Сб. статей по истории Адыгеи. Майкоп, 1977. Вып. 1. С. 186.
- ¹⁶¹ Вольный Дагестан. 1919. 4 окт.
- ¹⁶² *Kosok P.* Op. cit. S. 39.
- ¹⁶³ V съезд РСДРП(б): Протоколы. М., 1958. С. 94.
- ¹⁶⁴ *Hizal A. H.* Op. cit. S. 76.
- ¹⁶⁵ *Hizal A. H.* Op. cit. S. 60—61.
- ¹⁶⁶ *Трахо П.* Указ. соч. С. 60.
- ¹⁶⁷ Там же. С. 62.
- ¹⁶⁸ *Liddell Hart B. H.* The Soviet Army. L., 1956; *Kolarz W.* Russia and her Colonies. N. Y., 1955; *Kenez P.* Op. cit.; *Bala Mirza.* Karaçay ve balkarlar. İstanbul, 1952; *Aslanbek M.* Kuzey Kafkasya halklarının imhasi. München, 1951; *Hizal A. H.* Op. cit.; *Glaskov W. S.* Op. cit.; *Katkov G.* Op. cit.
- ¹⁶⁹ *Kolarz W.* Op. cit. Ch. 7.
- ¹⁷⁰ *Liddell Hart B. H.* Op. cit. P. 21, 36, 55.
- ¹⁷¹ *Kenez P.* Op. cit. P. 91, 104—105, 145, 169, 299.
- ¹⁷² Подробно об этом см.: *Козлов А. И.* Актуальные вопросы истории борьбы за власть Советов на Дону и Северном Кавказе в 1917—1920 гг. // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1980. Вып. 2. С. 73—79.

1. Дон и Северный Кавказ как объект экспансии международного империализма

Истоки, причины и корни всякой войны В. И. Ленин учил искать в той почве, которая ее породила и на которой она вызрела. При оценке войны и того, как следует к ней относиться, указывал В. И. Ленин, основной вопрос «состоит в том, из-за чего эта война ведется, какими классами она подготавливалась и направлялась», во имя чего она велась или ведется¹. «... Для понимания современной войны,— говорил он,— мы должны прежде всего бросить общий взгляд на политику европейских держав в целом. Надо брать не отдельные примеры, не отдельные случаи, которые легко вырвать всегда из связи общественных явлений и которые не имеют никакой цены, потому что также легко привести противоположный пример. Нет, надо взять всю политику всей системы европейских государств в их экономическом и политическом взаимоотношении, чтобы понять, каким образом из этой системы неуклонно и неизбежно вытекла данная война»².

Конец XIX — начало XX в., десятилетия становления империализма протекали под знаком непрерывного экономического соперничества ведущих империалистических держав мира — Англии, Франции, США и Германии — «из-за того, как господствовать над всем миром, как душить маленькие народности, как обеспечить себе тройные и десятикратные прибыли банковского капитала, захватившего весь мир в цепь своего влияния»³. В этом состояла действительная политика Англии и Германии и их союзников. «... Если вы не показали связь этой войны с предшествовавшей политикой, вы ничего в этой войне не поняли!»⁴ — говорил В. И. Ленин.

До первой мировой войны международное положение определялось экономическим соперничеством двух величайших мировых гигантов, двух капиталистических хозяйств. Большею частью земного шара тогда владела Англия. Она стояла на первом месте по богатству, создав его главным образом эксплуатацией необъятного количества колоний, огромной силой английских банков, объединившихся в несколько групп банков-гигантов. Как громадные спруты, распорядившись сотнями миллиардов рублей, они охватили весь мир, не оставив на земном шаре ни кусочка земли, который бы этот капитал не опутал тысячами нитей. В конце XIX — начале XX в. английский капитал перенес свою деятельность далеко за границы отдельных государств, выдвинув туда группу своих банков с неслышанным богатством и превратив их в боевые форпосты дальнейшего развертывания

экономической, политической и военной агрессии. Группе главным образом англо-французских капиталистов противостояла другая, еще более разбойничья, хищническая группа капиталистов во главе с Германией, с опозданием пришедших к столу капиталистических яств, когда места там уже были заняты⁵.

Тон и направленность политике капиталистов второй группы задавала германская буржуазия, становление и развитие которой протекали в весьма специфических исторических условиях. Преодолев лоскутную раздробленность феодального периода своей страны намного позднее, чем английская или французская буржуазия, она с выходом на арену политической борьбы за государственную власть столкнулась с уже действовавшим на ней сильным германским пролетариатом. Немецкой буржуазии пришлось отказаться от революционных методов борьбы за власть и пойти на раздел ее с монархией, родовитыми крупными помещиками и офицерами. Коалиция буржуазии и юнкерства обеспечивала не только прибыли капиталистических предпринимателей, опоздавших к переделу мира, но и зловещие воцеления прусского дворянства с присущим ему милитаризмом. При переходе к монополистическому капитализму и империализму германская буржуазия, видя свое отставание от других империалистических государств по уровню производительных сил и в захвате колоний, источников сырья, рынков сбыта и сфер приложения капитала, чувствовала себя «ущемленной», «опоздавшей» и «обойденной». Германский милитаризм вызревал и формировался на почве сочетания воинственных традиций прусского офицерства и порожденных новейшим капитализмом тенденций к агрессии, к борьбе за передел мира⁶. Историки ГДР верно считают: «Такое сочетание привело к тому, что германский империализм стал крайне реакционным внутри страны и крайне агрессивным за ее пределами»⁷. Господствующим классам Германии уповали на силу как на решающий аргумент передела мировых богатств.

Германская буржуазия внесла в борьбу на мировой арене новые приемы развития капиталистического производства, несравненной организацией превратила капитализм эпохи свободной конкуренции в капитализм гигантских трестов, синдикатов, картелей. Она внесла начала огосударствления капиталистического производства, соединения гигантской силы капитализма с огромной силой государства в один механизм, ставящий десятки миллионов людей в одну организацию государственного капитализма⁸.

К 1913 г. Германия превратилась в великую державу. Если в 1870 г. ее доля в мировом промышленном производстве составляла 13,3%, Франции — 10,3, Великобритании — 31,8, то теперь она возросла до 15,8%, а доля Франции, наоборот, упала до 6,4%, Великобритании — до 14,1%⁹. На протяжении всего этого времени мощная монополистическая буржуазия Германии испытывала острейшую необходимость в вывозе капитала, в рынках сбыта, в источниках сырья, в колониях и сферах влияния. Но в этом ей

мешали развернуться Англия и Франция. Доля Германии в мировой внешней торговле непрерывно возрастала, но значительно медленнее, чем бы ей этого хотелось. Накануне первой мировой войны она составляла у нее 13%, у Франции — 8, у Великобритании — 15%. Но еще менее благоприятным для нее было соотношение с вложениями капитала за рубежом. В 1913 г. у Германии и Франции по отдельности они достигли 35 млрд марок, а у Великобритании — 70 млрд марок. И тем более не могла удовлетворить молодого и сильного хищника существовавшая система колониальных владений. Общая территория колоний, принадлежавших Германии в 1914 г., равнялась 2,9 млн км², Франции — 10,6, Великобритании — 33,5 млн км². На подвластных тогда Германии территориях проживало 12,3 млн человек, Франции — 55,5, Великобритании — 393,5 млн человек¹⁰.

С такой «несправедливостью» правящие классы Германии мириться не хотели. Вместе с экономической битвой за сферы влияния они встали на путь подготовки передела мира насильственными средствами, с помощью огня и меча. На пороге наступающего нового столетия, еще в самом конце 1899 г., германский рейхсканцлер князь фон Булов предрекал: «Мы будем только в том случае оставаться на высоте, если осознали, что для нас нет благоденствия без мощи... В XX веке немецкий народ будет либо молотом, либо наковальной»¹¹. Военные расходы Германии росли безгранично. В 1913—1914 гг. по сравнению с 1905—1906 гг. они увеличились на 246%, во Франции — на 51, в Великобритании — на 30%. В абсолютном выражении она тратила на гонку вооружения больше, чем вместе взятые оба ее противника, — 3,2 млрд марок (Франция — 1,3 млрд, Великобритания — 1,6 млрд марок)¹².

Германские хищники, обуреваемые страстью к переделу мира, вновь обратились к бредовой идее о «Великой Германии», но теперь исходившей не от мелкобуржуазных средневековых псов-рыцарей, а от объединенной Германии с мощным военно-экономическим потенциалом. На империалистической основе она обрела глобальный размах. Центральным ее пунктом стал курс «Дранг нах Остен» — «натиска на Восток». Жадно взирая на всех своих соседей, немецкий капитал с особым вожделием смотрел на богатства Центральной, Юго-Восточной Европы и Европейской России, вынашивал планы порабления в отношении населяющих их народов, но в первую очередь славянских¹³. В его стратегических планах Украине, Дону, Северному Кавказу и Закавказью отводилось совершенно особое место, через эти регионы пролегал кратчайший путь в Персию и Индию, на Ближний и Средний Восток, к важнейшим колониальным центрам Великобритании.

Конечно, монополистические и военные штабы другой стороны также учитывали это. Дон и Северный Кавказ, таким образом, неизбежно попадали в зону решающего противоборства враждующих друг с другом империалистических сил.

Экспансионизм германского империализма явился катализатором, ускорившим раскол капиталистического мира на два враждебных лагеря. Антанту («сердечное согласие»), объединявшую свыше 20 государств, возглавили Великобритания, Франция, Россия, США и Япония. В Четверном союзе во главе с Германией объединились Австро-Венгрия, Турция и Болгария. По силе и ресурсам Четверной союз намного уступал Антанте. Наглядное представление об этом дают сведения, извлеченные из таблицы, составленной В. И. Лениным в его фундаментальном труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» (табл. 1).

В Германии и ее колониях население составляло 77,2 млн человек, во Франции — 95,1 млн, в Великобритании — 440 млн, в России — 169,4 млн. О соотношении сил в Европе не в пользу Германии говорили также производные от этого и другие параметры. Доля Германии в мировом промышленном производстве составляла 16%, трех европейских государств — 26% (Франции — 6, Великобритании — 14, России — 6). Численный состав армии и флота Германии достигал 833 тыс. человек. Указанные страны Антанты имели свыше 2,7 млн человек (Франция — 855 тыс., Великобритания — 398, Россия — 1493 тыс.)¹⁴. С учетом неблагоприятного соотношения потенциалов стратегические планы Германии предусматривали такое ведение войны, которое не позволило бы ее противникам реализовать свое превосходство.

Подготовка предстоящей схватки требовала от соперников особенно от Германии и ее союзников, заблаговременной мобилизации финансовых, сырьевых, продовольственных и иных материальных ресурсов, расширения сфер выгодного приложения капитала. Таким объектом была динамично развивавшаяся Россия, особенно ее богатейшая часть на Дону и Северном Кавказе. На территории в 367,1 тыс. кв. верст между Каспийским, Черным и Азовским морями, с севера на юг разрезанной крупнейшей в Европе рекой Доном и с востока окаймленной великой русской рекой Волгой, располагались относившиеся к числу экономически развитых и больших в России такие административно-территориальные единицы, как Донская, Кубанская, Терская области, Ставропольская, Дагестанская и Черноморская губернии с общим населением в 10,3 млн человек. На такой площади могли бы легко разместиться крупные европейские государства, даже вместе взятые, несколько таких государств, как Греция, Швейцария или Бельгия¹⁵. Валовая продукция этого региона в 1913 г. равнялась 1,5 млрд руб., из них 1,1 млрд руб. давало сельское хозяйство¹⁶.

Дон и Северный Кавказ были одними из главных производителей продовольствия и сельскохозяйственного сырья в России. На хлебном поле, занимавшем 11,2 млн десятин (почти 17% посевной площади всей Европейской России), ежегодно производилось в среднем почти по 700 млн пудов (в четыре раза больше, чем в Центральной России, столько же, сколько в десяти Средневожских и Заволжских губерниях)¹⁷. Там собиралось также 90% подсолнечных семян, свыше 50% табака и винограда Европейской

Таблица 1. Колоннальные владения, людские ресурсы главных империалистических государств в 1914 г. (млн кв. км. и млн. жителей)*

	Колонии		Метрополии		Всего	
	кв. км.	жит.	кв. км.	жит.	кв. км.	жит.
Англия	33,5	393,5	0,3	46,5	33,8	440,0
Россия	17,4	33,2	5,4	136,2	22,8	169,4
Франция	10,6	55,5	0,5	39,6	11,1	95,1
Германия	2,9	12,3	0,5	64,9	3,4	77,2
США	0,3	9,7	9,4	97,0	9,7	106,7
Япония	0,3	19,2	0,4	53,0	0,7	72,2
Итого 6 великих держав	65,0	523,4	16,5	437,2	81,5	960,6
Колонии остальных держав (Бельгия, Голландия и пр.)					9,9	45,3
Полуколонии (Персия, Китай, Турция)					14,5	361,2
Остальные страны					28,0	289,9
Вся земля					133,9	1657,0

* Составлено по: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 377

России. Реализация овощей приносила 150 млн руб. золотом¹⁸.

В среднем в год из региона отправлялось примерно 225,7 млн пудов отборного зерна. Свыше 80% его экспортировалось на zahraniчный рынок. Это равнялось практически всему вывозу Европейской России и 40% вывоза всей страны. На рынки Западной Европы поступало более 200 млн пудов донского, кубанского, ставропольского и терского хлеба (из Аргентины — 155 млн пудов, США — 125, Канады — 54 млн пудов)¹⁹. Кроме того, из края вывозилось в среднем ежегодно 144 тыс. голов крупного рогатого скота, 11,5 тыс. лошадей, 108 тыс. овец, 29,4 тыс. свиней, 702 тыс. пудов мяса, 102 тыс. пудов сала, 577 тыс. пудов кожи, 1,6 млн пудов шерсти, 93 тыс. пудов молочной продукции, 684 тыс. пудов яиц, более 1 млн пудов рыбы и т. п.²⁰

Регион располагал богатыми природными ресурсами, довольно густой сетью железнодорожных, речных и морских коммуникаций, связывавших его со всей Европейской Россией, Заvolжьем и Уралом, Европой, Ближним и Средним Востоком. Все это способствовало формированию на его территории многоотраслевой промышленности — угольной, нефтяной, цементной, горной, металлургической, перерабатывающей, деревообрабатывающей и т. д. Возникнув как продолжение и дополнение Центрального промышленного района, этот комплекс к 1917 г. стал неотъемлемой частью экономического потенциала страны. Только фабрично-заводской инспекции тогда подчинялось 620 предприятий²¹. В действительности их было значительно больше. Но половина промышленных предприятий находилась в западной части Донской области.

Командные позиции занимали монополии. Но они охватывали не все даже крупные предприятия, тем более средние и мелкие. В Грозном качали нефть 12 компаний, в Майкопе — 11, на Тамани — 9²². В руках монополистов находилось цементное производство: на Черноморье и Кубани — акционерных обществ «Бетон», «Титан», «Молот», «Скала», «Орел», «Аиндар»; на Дону — Донецкого акционерного общества, Общества Р. Мишо, М. Черного, «Конторы по продаже кирпича». Монополиям принадлежали Владикавказская, Армавир-Туапсинская и другие железные дороги. В Алагирском ущелье добычу руд цветных металлов также осуществлял монополистический капитал. На Тереке он контролировал металлургический завод, трамвайное хозяйство, электростанцию.

Монополии охватили курортное дело. В Кисловодске, Пятигорске, Минеральных Водах, Сочи, Туапсе, Новороссийске, Горячеводске они осваивали минеральные источники, возводили лечебницы и фешенебельные дворцы.

Ряд монополий обладал средствами. В руках «Продаметы», зародившейся на Юге страны, находились не только Таганрогский, Сулинский, Макеевский и другие металлургические заводы края, но и 90% заводов этой отрасли всей страны, 85% общеимперской продажи черных металлов²³. В Грозненском нефтяном районе капитал монополий достигал 42,6 млн руб., в Майкопском — 21,6 млн руб.²⁴ Общество «Контора по продаже кирпича» объединяло в Ростове 14 заводов. В 1915—1917 гг. чистый доход Акционерного общества Армавир-Туапсинской железной дороги составил 9 млн руб.²⁵ Оно вело строительство Туапсинского порта.

Как и повсюду, в период империализма на Дону и Северном Кавказе банковский капитал сливался с промышленным, возникал финансовый капитал, срастались банки и синдикаты. Азовско-Донской банк один за другим поглотил «Акционерное общество Русско-Донецкой каменноугольной промышленности», «Акционерное общество бывших Мироновых», общество «Ртутное дело Ауэрбах и К⁰», другие предприятия и акционерные общества²⁶.

В эпоху империализма крупные дельцы сосредоточили в своих руках огромные богатства. Донскому миллионеру Н. Е. Парамонову принадлежало, например, 20 хлебных ссыпных пунктов, 10 пристаней, плавучий элеватор, 3 крупных рудника, феноловый и кирпичный заводы, брикетная фабрика, паровозное депо, железнодорожная ветка Власовка-Каменоломня, электростанция, мастерские, 3 морских, 3 товарно-пассажирских речных, 12 буксирных пароходов, 70 барж²⁷. Парамоновские мельницы перерабатывали зерно на всем Юге России.

На Дону и Северном Кавказе, таким образом, для иностранного капитала существовала надежная и широкая материально-техническая база. Он принимал активное участие в деятельности отечественных монополистических объединений. По сути дела, международный капитал появился одновременно с зарождением там своей промышленности. Во всяком случае, нефтяные промыслы

попали в его поле зрения уже в 60-х годах XIX в.²⁸ С тех пор приток его непрерывно нарастал. Дешевые и высококачественные уголь, нефть, цемент, хлеб, мясо, другое разнообразное ценнейшее сырье и продовольствие, большая емкость обширного рынка потребления всевозможных товаров превращали Дон и Северный Кавказ в поле ожесточенной конкурентной борьбы крупнейших монополий Европы. За обладание богатствами этой части России сцепились английский, французский, германский и бельгийский капиталы.

В Донской области с 90-х годов действовали 14 франко-бельгийских обществ и одно германское объединение. 12 из них внедрили в угледобычу, 2 — в металлообработку и 1 — в металлургию²⁹. Действуя совместно, капиталисты Франции и Бельгии захватили в Таганрогском металлургическом обществе 72,7% акций. Иностранцам принадлежала большая часть капитала крупнейших в России металлургических заводов в Макеевке и Сулине. Они контролировали 40% оборота всей таганрогской промышленности. К 1917 г. основной капитал Азовско-Донского банка достиг 60 млн руб. Из них более одной трети, 22 млн руб., принадлежало иноземцам: 8 — немцам, 10 — французам, 2 — англичанам, 2 — прочим вкладчикам³⁰. Другим излюбленным районом, куда иностранные капиталисты помещали свои средства особенно охотно, была Кубань. Достаточно указать, что в предвоенном пятилетии в хозяйство всей России они вложили 800 млн руб., в том числе 150 млн, т. е. почти пятую часть, — именно в этот уголок страны.

Особенно пристальное внимание Дону и Северному Кавказу уделял английский капитал. Его главные вложения концентрировались в нефтяном деле. В дореволюционной России центры добычи черного золота находились в Баку, Грозном и Майкопе. В предвоенном пятилетии англичане вложили в нефтедобычу 20 980 тыс. ф. стерлингов. Почти четвертую часть из них они разместили на майкопских нефтепромыслах, захватив в свои руки 43% всех акций³¹. Еще энергичнее английский капитал действовал в Грозненском районе. Общая сумма иностранных вложений там исчислялась тогда в 18 772 тыс. руб., из них 14 272 тыс. руб., (свыше 75%) являлись собственностью Англии, которая в 1912 г. контролировала во втором нефтедобывающем районе после бакинского 160 самых мощных (62%) из 260 скважин; хозяйничали в 10 из 12 компаний, получая 60% всей добытой нефти³². За 20 лет, с 1893 по 1913 г., они добыли в Грозном 162 млн пудов нефти. Но к этому стремились и другие конкуренты. Шла жестокая борьба. За тот же период группа французских фирм Ротшильда добыла в Грозненском районе 55 млн пудов нефти, бельгийская фирма «Ахвердов» — 351 млн пудов. За то же время российский капитал отвоевал у англичан группу Максимовых, выкачивавшей 100 млн пудов грозненской нефти³³.

Однако с конца XIX в. самым яростным, напористым и изворотливым конкурентом антантовского капитала на Юге России, в

том числе на Дону и Северном Кавказе, был германский. Его представители цеплялись мертвой хваткой за каждую высоту в экономике, всех расталкивая, давя и круша, врзались в каждую подходящую трещину и раздвигали ее. Каналом, облегчавшим проникновение в экономику, стали вновь зарождавшиеся отрасли промышленности, в которых германский капитал выступал на равных со своими противниками. Одной из них была электро-энергетическая промышленность. На этом участке борьба началась с захвата бакинского общества «Электрическая сила», принадлежавшего российскому капиталу. Под натиском германских фирм срочно объединились предприниматели России, Франции и Англии. Покровительствуя им, царское правительство разрешило англичанину Чарльзу Стюарту построить на Тереке и оз. Севан гидроэлектростанции по льготному контракту на 90 лет, что сразу ухудило отношения «Электрической силы» с Бакинской управой. Французские банки «Центрального общества электрической индустрии» («Сентрэлек») приступили тогда же к строительству гидроэлектростанции на р. Самур. Около десятка французских и пять российских банков и обществ создали синдикат «Самур — Баку». При поддержке «Сентрэлек» они скупили в 1913 г. все акции «Электрической силы»³⁴.

Однако это поражение не обескуражило германский капитал. Проиграв в одном месте сражение, он ринулся в экономическую Юга России по другим направлениям. На Кубани он создал «Армавирское электрическое общество». Через группу Международного банка немцы включились в разработку проектов днепровских порогов на Украине и сооружение новых железных дорог на Кавказе, вошли в «Консорциум для изучения канала Дон-Волга-Днепр». В 1914 г. доля их капиталов в электропромышленности Юга России достигла почти 49%, составив 113,7 млн руб. Особенно твердая почва у них была в экономике Закавказья, где в иностранных капиталовложениях им принадлежало 34,1%, французским — 28, английским — 14%³⁵. Братья Сименсы на Кавказе основали филиал своей промышленно-металлургической фирмы. В Азербайджане они завладели крупнейшим в России медеплавильным заводом, выплавлявшим в Закавказье до 70% меди. 40% акций крупнейшего в мире нефтяного монополистического объединения братьев Нобель также оказалось у германских фирм. Перед войной предприятия стального короля Тиссена в самой Германии работали почти целиком на закавказском марганце³⁶. Стоит ли удивляться, направленном накануне первой мировой войны, этот монополист настоятельно подчеркивал: «Германии нужен именно Кавказ», только тогда она сумеет определять цены производства стали на мировом рынке³⁷.

Готовя мировую войну и впрок запасаясь ценным сырьем, иностранные монополии опустошали кладовые Юга с лихорадочной торопливостью. Французские промышленники вывозили медь из Армении, германские, английские, французские, бельгийские,

американские — марганец из Грузии. Из Садонских и Алагирских рудников Северной Осетии англичанин Дюккен вывозил цинк, свинец и серебро. Британская фирма «Моунт Эльборус Майнс лимитед» в долине р. Карачай эксплуатировала богатые серебряно-свинцовые копи. За рубеж отправлялись кобальт, хром, молибден, вольфрам. Это стратегическое сырье использовалось ими для производства военной продукции³⁸.

С началом первой мировой войны прекратился экспорт ценнейшего сырья в Германию. Но и в страны Антанты он сильно сократился, ибо германские военные надводные и подводные корабли в Черном море блокировали морские коммуникации, Турция как союзница Германии захлопнула проливы Босфор и Дарданеллы. Верховное командование России пыталось силами Черноморского флота и Кавказского фронта изменить сложившуюся обстановку на Южном театре Восточного фронта и расширить связи с союзниками, но особого успеха не добилось. Истощение и нехватку запасов ценного сырья очень скоро почувствовали обе воюющие стороны, но особенно остро Германия. Продолжение войны требовало традиционных поставок с Юга России, Дона и Северного Кавказа.

Первая мировая война расчистила почву для окончательного утверждения антантовского капитала. Особенно этим воспользовались английские монополисты. Вслед за ними шли французские и бельгийские. Особые союзнические отношения создавали им режим наибольшего благоприятствования. Какие-то ограничения для иностранного капитала, существовавшие еще в мирное время, теперь в отношении представителей Антанты были сведены на нет, а кое-где оставшиеся, особенно вначале, были расценены как досадный анахронизм и преодолены без особого труда. В широкую практику вошло создание акционерных объединений совместно с русскими капиталистами.

Иностранный капитал предпочитал делать свои вложения в добычающие отрасли промышленности, по-прежнему в первую очередь в нефтяную. Этому способствовали созданные благоприятные условия. Поначалу, несмотря на развивавшуюся инфляцию, нефтеносные участки иностранцам сдавались в аренду на довоенных условиях, установленных типовым контрактом от 16 апреля 1898 г. Согласно правилам, арендатор вносил в казну казачьих войск, которым принадлежали земли с заведомо нефтеносными скважинами, попудную плату в размере 2 коп. за первые добытые 2 млн пудов нефти и по полкопейке в последующем за все остальные. При аренде незаведомо нефтеносных участков попудная плата за первые 2 млн добытой нефти снижалась до 1 коп. Аренда участков у перекупщиков вела к повышению платы за каждый пуд добытой нефти до 3 коп.³⁹ Однако уже к концу 1915 г. арендные условия претерпели существенные изменения. В 1916 г. попудная плата с нефтеносных участков в Кубанской области на торгах поднялась до 18,5 коп. Это ударило по доходам иностранных капиталистов. Поэтому они повели кампанию за

арендацию без всяких торгов, доказывая, что для них приемлемой может считаться плата не выше 5—6 коп.⁴⁰ Возникавшие на этой почве споры заканчивались, как правило, победой иностранных дельцов, все больше считавших себя хозяевами положения.

25 мая 1916 г. председатель правления «Русско-английского майкопского нефтепромышленного, торгового и акционерного общества» и директор-распорядитель английских акционерных обществ («Общество Майкопский союз», «Общество черноморских нефтяных промыслов „Мидланд“», «Общество Майкопской долины», «Майкопское нефтепромысловое и транспортное общество», «Общество майкопских нефтеперегонных заводов») англичанин Г. Твиди получил отказ Кубанского областного правления на аренду 35 десятин нефтеносной земли на условиях попудной платы по 5—6 коп. Однако это не обескуражило нефтяного короля. Имея уже 101 участок по 5 десятин каждый, в которые он вложил 25 млн руб. и получил с них за первые 10 месяцев 1916 г. 1 792 969 пудов нефти из 2 180 899 пудов, добытых во всем Майкопском районе, он с уверенностью обжаловал решение местных властей во всех вышестоящих инстанциях, акцентируя на том, что война требует роста добычи нефти. Бизнесмен обещал при низкой арендной плате организовать интенсивное производство в кратчайшие сроки, выделив дополнительно для этого не менее 1 млн руб.⁴¹ Тяжба закончилась полной победой британского миллионера. Его ходатайство поддержал сам военный министр⁴². Казачье правление поспешило пойти на попятную — согласилось сдать ему 7 участков по 5 дес. каждый с попудной платой по 8 коп., т. е. по цене, которая была ниже рыночной в два с лишним раза⁴³.

В конце 1916 г. другой англичанин, И. К. Ландер, с согласия Терского областного правления, наказного атамана Кавказских казачьих войск, Казачьего отдела Главного штаба и военного министра был утвержден управляющим нефтяными промыслами и заведующим всеми нефтяными делами акционерного общества «Шпис» на войсковых землях Терского казачьего войска⁴⁴.

В 1916 г. русские дворяне Р. В. Стодольский, С. А. Данилевич и англичане В. М. Невиль, Г. Ц. Перкинс учредили «Русско-английское торгово-промышленное акционерное общество» для поиска и приобретения нефтеносных земель Кавказского края, Ставропольской губернии и пределах всей Европейской России, за исключением Области Войска Донского и Прибалтики с основным капиталом в 100 тыс. руб., разделенных на 1000 именных и на предъявителя акций по 100 руб. каждая⁴⁵.

Бельгийский подданный И. Г. Ватеркейн арендовал по условиям контракта 1898 г. в 1915 г. и в начале 1916 г. 9 заведомо нефтеносных участков по 10 дес. каждый. В конце ноября 1916 г., когда уже цены на свободном рынке резко подскочили, он переступил их в срочное пользование бельгийскому Обществу грозненского нефтяного производства «И. А. Ахвердов и К°», скупавшему земли с учетом складывавшейся конъюнктуры. Сделку осу-

шествили августейший наказный атаман Кавказских казачьих войск, Казачий отдел Главного штаба, министерства финансов и внутренних дел⁴⁶. Незадолго до этого там же это общество приобрело 4 нефтеносных участка по 10 дес. у Д. С. Схиртладзе. Последний сам заключил контракт с Терским областным правлением только 11 октября 1916 г. на условиях долевого отчисления в пользу казачьего войска со средней рыночной цены нефти в Баку, внося залог в сумме 273 500 руб.⁴⁷.

Добыча нефти в Грозненском районе получила широкий размах. По данным совета съезда терских нефтепромышленников, общая площадь нефтеучастков превысила 2757 десятин. К 1 декабря 1916 г. там были 762 скважины, из них 391 находилась в эксплуатации, 95 — в бурении и углублении. За ноябрь 1916 г. было пробурено 1714 саженей, число эксплуатационных скважинодней достигло 11 334. В том же году, за январь-ноябрь, общая добыча нефти составила 93 823 915 пудов. На нефтепромыслах были заняты 8753 рабочих и служащих⁴⁸. В этом районе действовал смешанный иностранный капитал с большим преобладанием английского. В Майкопе господствовал только английский. Уже в 1915 г. последний монополизировал 94% добычи кубанской нефти⁴⁹. Общая сумма основного капитала предприятий России, находившихся под контролем англичан, составляла 209,3 млн руб. Из них в Майкопе они поместили 90 млн руб., а в целом на Кубани — 110 млн руб., или свыше 52%.

Февральская революция окончательно расчистила поле для антантовского капитала, получившего еще более выгодные условия. 20 марта 1917 г. Временное правительство отменило все узаконения, действовавшие в России, в части ограничения прав собственности иностранных граждан, если только они не принадлежат к воюющим против России державам⁵⁰. Этим актом аннулировались установленные в 1899 г. особые ограничения для иностранцев в некоторых местностях Кавказского края, в том числе в казачьих областях⁵¹.

Иностранные капиталисты не заставили долго ждать. Уже 31 марта 1917 г. Казачий отдел Главного штаба рассмотрел новую просьбу фирмы «И. А. Ахвердов и К^о» об отпуске ей без торгов сроком на 36 лет в наделах станицы Семашкинской 600 дес. и станицы Романовской 400 дес. для разведки и организации добычи нефти на условиях, существовавших в феврале 1915 г. Фирма обязывалась платить за время разведки по 5 руб. в год за десятину. 22 апреля 1917 г. Военный совет с исключительной оперативностью утвердил представление Казачьего отдела Главного штаба о выдаче без торгов обществу «И. А. Ахвердов и К^о» под добычу нефти участка земли Терского казачьего войска на особых условиях⁵².

Антантовский капитал, особенно английский, за годы войны основательно упрочившись на Дону и Северном Кавказе, рассматривал их подлинно как свою вотчину. Однако германский капитал также не забывал об этом регионе. Фактический главно-

командующий германскими вооруженными силами генерал-фельдмаршал П. Гинденбург и его ближайший помощник генерал пехоты Э. Людендорф на протяжении всего 1917 г. не случайно свыше половины своих войск продолжали держать на Восточном фронте, хотя тогда на Западе обстановка для них складывалась далеко не лучшим образом. В штабах армий и монополий вызревал план превращения России в германскую колонию, в источник приращения могущества ослабевшего и пошатнувшегося рейха. В политику «Дранг нах Остен» вносились соответствующие коррективы. Военная машина нацеливалась прежде всего на южную часть России. Прусский сапог готовился пройти путем, который для него был проторен германским монополистическим капиталом.

Каждый из отрядов международного империализма возлагал особые надежды на Дон и Северный Кавказ, где сосредоточивалось 70% всего казачества России, по определению В. И. Ленина, представлявшего собой «слой населения из богатых, мелких или средних землевладельцев (среднее землевладение около 50 десятин) одной из окраин России, сохранивших особенно много средневековых черт жизни, хозяйства, быта», где поэтому существовала социально-экономическая основа русской Вандеи⁵³. В конце 1917 г. государственный секретарь Р. Лансинг, например, призывая президента США В. Вильсона оказать всестороннюю помощь реакционным силам на Юге России, внушал ему, что «единственным видимым ядром организованного движения, достаточно сильным для того, чтобы заменить большевиков и установить правительство, является группа офицеров, возглавляемых генералом Калединым, гетманом казаков»⁵⁴.

В 1917 г. население Дона и Северного Кавказа, будучи самым многонациональным во всей России, достигало 10,5 млн человек. Там проживали десятки коренных национальностей (чеченцы, осетины, кабардинцы, балкарцы, ингуши, аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, карачаевцы, адыгейцы, черкесы и др.), русские, украинцы, а также издавна переселившиеся туда немцы, чехи, венгры, эстонцы и др. Кроме того, ярко выраженные сословные грани, опиравшиеся на вполне реальную экономическую, социально-политическую базу, разделяли население на казаков, коренных крестьян и иногородних⁵⁵.

Что касается социальной структуры населения региона, то и она, отражая в общем специфику российского общества, вместе с тем обладала рядом особенных и единичных черт. Первая коренная ее особенность заключалась в разнице удельного веса пролетариата в массе населения. Здесь на его долю приходилось 8,6%, а в целом по России — 14,8 по одним данным и 19,6% — по другим. При любом сопоставлении разница получалась значительной и объективно не могла не сказаться на общественно-политической атмосфере всего региона. Вторую особенность определяла специфика буржуазно-помещичьих классов, состоявших на 86,6% из кулаков (в России — на 11,4%). В подавляющем большинстве их хозяйства представляли собой настоящие фермер-

ские предприятия, способные поставлять на рынок до 3 тыс. пудов хлеба и 80 голов скота. Третья особенность донского и северокавказского населения в социальном плане состояла в еще большей мелкобуржуазности по сравнению с общероссийским. Здесь мелких собственников города и деревни в составе населения было 75,6%, а во всей стране — 66,7% (т. е. на 8,4% больше). Однако этим расхождение не исчерпывалось. Самое главное заключалось, во-первых, в социальном составе крестьянства и казачества, а во-вторых, в большей зажиточности мелкоместного середняка. Как известно, среди крестьянства России бедняков было 65%, середняков — 20, кулаков — 15%. В регионе социальный состав населения выглядел во многом иначе. Среди всех крестьян было бедняков 39,3%, середняков — 45,6 и кулаков — 15,1%; среди казаков соответственно — 24,6%, 51,6 и 23,8%; среди коренных жителей — 29,9%, 53,8 и 16,3%; среди иногородних — 56,4%, 31,8 и 11,8%⁵⁶. В имущественном отношении казачье-крестьянский середняк был богаче своего собрата, например, в Центральной России. Имея в виду и его, В. И. Ленин говорил, что на Юге «средняки похожи на кулаков»⁵⁷. С посевом от 10 до 20 дес., например, в среднем они могли поставить на рынок до 300 пудов зерна и 29 голов скота⁵⁸.

Дон и Северный Кавказ, таким образом, ко времени, когда началась интервенция в Советскую Россию, представляли одну из ее наиболее развитых окраин, где перекрещивались экономические, политические и стратегические интересы противоборствующих империалистических блоков. Каждый из них стремился оккупировать этот регион и за счет его богатств приумножить свой потенциал, чтобы, с одной стороны, добиться в свою пользу победоносного исхода еще продолжавшейся мировой войны, а с другой — покончить с первой в мире социалистической революцией.

До интервенции международный монополистический капитал рассматривал эту обширную окраину как арену острых схваток за обладание ее экономическими высотами, а с ее началом — как поле борьбы для поддержания незыблемости своего господства. Ради этого международный империализм готов был превратить и превратил Дон и Северный Кавказ, как и весь Юг, в одно из главнейших направлений агрессии против Советской России.

2. Международный империализм и казачья контрреволюция

Сразу же после Февральской революции империалисты Антанты и США начали устанавливать контакты с внутренней реакцией России, в частности с казачьей контрреволюцией, для продолжения мировой войны и борьбы с революционным движением.

24 марта 1917 г. руководители общеказачьего съезда, созванного в Петрограде для консолидации всероссийской казачьей контрреволюции, организовали конную манифестацию 1-го и 4-го донских казачьих полков столичного гарнизона. На Дворцовой

площади у Зимнего дворца командующий Петроградским военным округом генерал Корнилов, приняв парад казачьих войск, произнес подстрекательскую речь, в которой призвал казаков «поддерживать единственное законное правительство и быть готовыми пресечь любую попытку подорвать или ослабить это правительство». Корнилов представил казакам сопровождавшего его английского корреспондента газеты «Таймс» Р. Вильтона, казаки в его лице приветствовали английскую армию. В ответном слове Вильтон, поблагодарив за приветствие, выразил восхищение «доблестным казачеством русской армии, в рядах которой он имел честь сражаться»⁵⁹.

Затем казачьи полки прошли мимо английского, американского, французского и итальянского посольств. Представитель казаков В. В. Казаринов, посетив английский посольство, от имени 11 казачьих войск приветствовал посла Д. Бьюкенена. Подтвердив верность союзническому долгу, Казаринов отметил, что казачество будет ревностно оберегать свою родину «от всяких с чьей бы то ни стало стороны могущих произойти потрясений». В ответном слове Бьюкенен приветствовал представителя 11 казачьих войск и выразил уверенность, что казаки «как и вся русская армия будут сражаться с удвоенными силами»⁶⁰.

По пути манифестации казачьи сотни подошли к французскому посольству, однако ввиду отсутствия посла ему был оставлен приветственный адрес. Позже посол Франции Палеолог через своих офицеров сообщил представителю казачества, что союзники с тревогой констатировали воцарившийся за последние дни упадок дисциплины среди петроградского гарнизона, что хотя они не смеют вмешиваться в наши внутренние дела, но как союзники они полны тревоги за судьбы нашей армии. Поэтому в этот-то момент им и было особенно приятно увидеть сплоченность казачьих войск, представляющих собой стройное целое. Французские офицеры выразили надежду, что двоевластие в стране «должно немедленно прекратиться»⁶¹.

Уже в марте казачья контрреволюция в Петрограде устанавливает связи с дипломатами союзников, которые толкали ее на продолжение империалистической войны и даже стали постепенно и бесцеремонно вмешиваться во внутренние дела России.

8 мая военные представители Англии, Франции и Италии Мэрфи, Лявернь и Ориго (вероятно, опасаясь, что первое коалиционное Временное правительство может изменить империалистическую внешнюю политику) посетили заседание совета «Союза казачьих войск» с целью выяснить его отношение к продолжающейся войне. Дутов, успокоив дипломатов, заявил, что «симпатии казачества всецело на стороне союзников... Казаки никогда не изменяли братьям по оружию и никогда не изменят»⁶². Такое заявление одного из главарей казачьей контрреволюции, естественно, успокоило союзников, которые в своих планах продолжения войны и борьбы с развитием революции в России стали делать ставку на казачество.

Прибывшая 31 мая в Петроград американская миссия Рута в лице ее военной части во главе с начальником штаба армии США генералом Х. Скоттом и рядом высших офицеров, сопровождаемая командующим Петроградским военным округом генералом П. А. Половцевым, уже 2 июня посетила в столице 1-й донской казачий полк⁶³. Интересы Антанты и США во многом совпадали с планами казачьей контрреволюции.

1-й Большой Войсковой круг, заседавший в Новочеркасске, в резолюции о войне заявил, что она должна вестись до победы над врагом «в полном согласии с нашими союзниками». В телеграмме, приветствуя английского посла Бьюкенена и «всех доблестных союзников», круг заверил, что донское казачество выполнит свой долг⁶⁴. В ответной телеграмме Бьюкенен сообщил: «Никогда ни на одну минуту я не сомневался, что казаки согласно их славным традициям будут сражаться до конца»⁶⁵. Донская казачья контрреволюция устанавливала связи с дипломатами союзников.

С 7 по 18 июня в Петрограде заседал Учредительный общеказачий съезд, созданный атаманско-офицерской верхушкой для сплочения казачьей контрреволюции в России и борьбы с нарастающей революцией. Съезд приветствовали Родзянко, Гучков, Милюков, Керенский, Авксентьев и другие лидеры буржуазных и мелкобуржуазных партий. Эти приветствия, своеобразные заигрывания с казаками, подчеркивали значение казачьего съезда и его потенциальные возможности, на которые рассчитывала контрреволюция всех мастей и оттенков. Посетили съезд и представители дипломатического корпуса. От имени союзников съезд приветствовал член французской военной миссии Лявернь, который, отдав должное военной доблести казаков, выразил уверенность, что они «никогда не изменят своим обязательствам» и будут сражаться до полной победы над Германией⁶⁶.

С докладом о деятельности временного совета «Союза казачьих войск» выступил председатель съезда А. И. Дутов, который отметил, что в настоящее время «с голосом казачества считаются», и пояснил, что свои взоры на казачество стали обращать не только буржуазные партии, но и дипломаты союзников. Далее Дутов доложил делегатам, что на некоторых заседаниях совета «Союза казачьих войск» присутствовали иностранные послы и военные агенты Англии, Франции и Италии⁶⁷.

14 июня перед рассмотрением резолюции «Об отношении к войне» Учредительный общеказачий съезд посетили итальянский посол Карлотти, члены американской военной делегации из миссии Рута Ч. Крэйн и Д. Мотт и профессор Чикагского университета Гаппер. «Гости» из США в беседе с казаками заявили, что они рады посетить их съезд, на котором обсуждается важнейший вопрос о войне. Представители союзников в своих речах явно льстили «бессмертному казачеству», толкая его на продолжение войны. От имени США съезд приветствовал подполковник Мотт, который в своей речи заявил: «Мы уполномочены

принести горячие чувства симпатии самому могущественному слою русского народа — казачеству. Президент Вильсон и американское правительство послали нас в количестве 9 человек в эту трудную, но исторически замечательную минуту в Россию... Мы думаем, что сделали бы серьезную ошибку, если бы не явились к вам, именно к вам, ибо вы играли и играете большую роль в исторической жизни нации»⁶⁸. В заключение Мотт пообещал делегатам, что «Америка будет с вами», призвал к продолжению войны до победы над Германией. Итак, не только англичане и французы, но и американцы заигрывали с казачеством, оказывали давление на делегатов съезда с целью продолжения кровавой бойни.

После выступления представителей союзных держав казачий съезд по отношению к войне принял резолюцию, в которой указывалось, что «единственным средством добиться мира... является немедленный и решительный переход в наступление» и что «война должна быть доведена, в полном и взаимном согласии с нашими союзниками, до победы»⁶⁹. В. И. Ленин в статье «Третьеиюньские зубры за немедленное наступление», написанной по поводу резолюции о немедленном наступлении русской армии на фронте, принятой на частном совещании членов IV Государственной думы, отмечает, что вопрос о наступлении — «вопрос политический, вопрос судеб всей нашей революции». Осуществление политики немедленного наступления, указывает Ленин, приведет к оживлению и укреплению контрреволюции, тогда как борьба против наступления будет борьбой «за переход всей власти к Советам»⁷⁰. В другой статье — «Союз для остановки революции» — В. И. Ленин отмечает, что главари контрреволюции знают, что вопрос о наступлении — это в первую очередь не военный, а политический вопрос, это «вопрос *перелома всей русской революции*». Наступление при всех возможных исходах его с военной точки зрения, подчеркивает Ленин, означает укрепление духа империализма, старого командного состава армии, основных позиций контрреволюции⁷¹.

4 июля в столице командующему Петроградским военным округом генералу Половцеву при содействии совета «Союза казачьих войск» удалось в качестве ударной силы использовать донские полки для подавления мирных демонстраций трудящихся. Английский посол Бьюкенен в своем дневнике так оценил роль казаков в дни июльского политического кризиса в Петрограде: «Положение правительства в этот день было критическим, и если бы казаки и несколько верных полков не подоспели вовремя, чтобы его спасти, ему пришлось бы капитулировать»⁷².

15 июля в Петрограде состоялась контрреволюционная манифестация под видом похорон казаков, погибших при подавлении большевистского «мятежа». При богослужении в Исаакиевском соборе присутствовали в полном составе члены Временного правительства, совета «Союза казачьих войск», делегаты от Петроградского исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов и др.,

а также представители союзных держав. Непосредственно в похоронной процессии участвовала группа английских, французских и бельгийских офицеров⁷³.

В дни июльского политического кризиса Временное правительство, буржуазные и мелкобуржуазные партии, дипломаты союзных России держав рассматривали казачество как значительную социальную силу, способную навести «порядок» в стране, и в частности в армии.

Дипломаты союзников стали открыто вмешиваться во внутренние дела страны. Так, в конце июля глава английской военной миссии генерал Нокс посетил министра иностранных дел Терещенко. В беседе с Терещенко Нокс сетовал на то, что некоторые отличные русские офицеры отстранены от командования в армии. Терещенко пообещал немедленно вернуть атамана Каледина в армию в качестве генерал-инспектора казачьих войск или же командующим одним из фронтов⁷⁴.

Вскоре после назначения казачьего генерала Корнилова верховным главнокомандующим русской армии, 2 августа Бьюкенен в своей телеграмме в Лондон информировал английское правительство: «Генерал Корнилов является единственным человеком, способным... восстановить дисциплину в армии и подавить анархию в тылу»⁷⁵.

Во время Государственного совещания в Москве Вильсон встречался с генералом Калединым и другими представителями казачьей контрреволюции Дона, которые просили его передать английскому правительству, что в России назревает большевистское восстание, к которому союзники должны быть готовы⁷⁶.

21 августа Д. Бьюкенен записал в своем дневнике: «В телеграмме, которую генерал Бартер прислал мне по возвращении из Москвы в Главную Квартиру, он намекал на ежеминутную возможность переворота»⁷⁷.

Известно, что генерал Корнилов к походу на Петроград привлек главным образом казачьи части. Вместе с мятежными войсками следовали со своей боевой техникой английские офицеры, переодетые в русскую форму. Когда обозначился провал контрреволюционной авантюры, дуайен дипломатического корпуса английский посол Бьюкенен пытался сыграть роль посредника в конфликте между Временным правительством и смещенным с поста верховного главнокомандующего генералом Корниловым. Это было не завуалированным, а прямым иностранным вмешательством во внутренние дела России⁷⁸. Об отношении к генеральскому заговору говорит запись Бьюкенена в своем дневнике: «Все мои симпатии были на стороне Корнилова»⁷⁹.

В начале сентября в Новочеркасске Войсковым правительством был созван 2-й Большой Войсковой круг. Его целью было обелить корниловский мятеж, реабилитировать атамана Каледина, замешанного в этой аванюре, обеспечить консолидацию казачьих верхов Дона и Северного Кавказа для дальнейшей борьбы с нарастающей революцией. На круге присутствовала делегация

Румыния. От имени союзников один из румынских офицеров приветствовал «высокий парламент казаков, который решает судьбу казачества и всей России»⁸⁰. Оценивая значение образовывавшегося Юго-Восточного союза казачьих войск и роль казачества в текущих событиях, представитель союзников заявил: «Слава богу, на этот союз может опереться не только Россия, но и союзная вам Европа, вы, казаки, единственный сильный и здоровый род оружия русской армии»⁸¹. Свою речь он закончил здравицей России, казачеству и генералу Каледину. Делегация поддержала замыслы казачьей контрреволюции о создании Юго-Восточного союза казачьих войск, предназначавшегося для борьбы с революцией. Представители союзников на круге, приветствуя мятежного атамана, отстраненного Временным правительством от власти, тем самым грубо вмешались во внутренние дела страны.

24 сентября 1917 г. расширенное совещание членов ЦК РСДРП(б) с большевиками — делегатами Демократического совещания приняло резолюцию «Текущий момент и задачи пролетариата». Оценивая создавшуюся обстановку, оно констатировало факт сплочения в контрреволюционном лагере всех буржуазных групп, в частности верхов казачества, под идейным и организационным руководством партии кадетов. В резолюции указывалось, что в условиях полевения масс «господствующие классы все в большей степени должны в своей борьбе опираться исключительно на голую физическую силу сохранившегося в их руках аппарата угнетения (командные верхи армии, часть казачества и т. д.) и на поддержку со стороны международного империализма, заинтересованного в удушении готового стать у власти российского пролетариата и в империалистском разграблении России»⁸².

В конце сентября конференция казачьих войск и горских народов Кавказа, на которой были представлены Донское, Кубанское, Терское, Оренбургское, Уральское и Астраханское казачьи войска, совет «Союза казачьих войск» и контрреволюционная верхушка горских народов Кавказа, «по достоинству» оценили приветственную телеграмму президента США В. Вильсона, направленную в адрес московского Государственного совещания с пожеланиями торжества в России «идеалов демократии, самоуправления против всех врагов внутренних и внешних»⁸³. 24 сентября конференция в Екатеринодаре послала американскому послу в Петрограде Френсису телеграмму, в которой просила передать президенту США В. Вильсону «наши чувства глубокой благодарности за моральную поддержку молодой нашей республики»⁸⁴.

Подготавливая «вторую корниловщину»⁸⁵, казачьи верхи рассчитывали на поддержку США, Англии и Франции. Делегации контрреволюционного казачества осенью устанавливают тесные связи с иностранными посольствами в Петрограде. 9 октября члены совета «Союза казачьих войск» посетили американского

посла Френсиса. Глава делегации А. А. Михеев заявил послу, что «казачество чрезвычайно ценит ту высокую дружбу, с которой президент США и вся Америка относятся к России», и подчеркнул при этом, что эта признательность не от имени того или иного казачьего войска, а от конференции, состоявшейся в Екатеринодаре, на которой были представлены главнейшие казачьи войска. Френсис, с чрезвычайным вниманием выслушав делегацию, заверил, что он немедленно сообщит об этом президенту, и со своей стороны заметил, что «Америка ценит такое отношение к себе казачества, так много положившего на алтарь страны во имя ее свободы и государственного благополучия»⁸⁶. Через несколько дней посол сообщил Дутову, что правительство США информировано о позиции казачества⁸⁷.

16 октября донская казачья делегация в составе членов Войскового правительства Агеева и Полякова, члена Войскового круга Горчукова, представителей войскового штаба Сучилина и Бабкина, а также члена совета «Союза казачьих войск» Калмыкова посетила английского посла Бьюкенена. Между послом и главой делегации Агеевым состоялась беседа, в ходе которой Бьюкенен недвусмысленно заявил: «Англия уверена, что в тяжелый момент, переживаемый Россией, казаки, всегда стоявшие на почве государственности и порядка, вместе с другими живыми силами страны помогут родине безболезненно выйти из тяжелых условий жизни»⁸⁸. На вопрос посла, как казачество смотрит на современное политическое положение страны, Агеев ответил, что «Петроград не отражает настроений всей страны», что в глубине России «с чувством глубокой боли воспринимается то унижение национального достоинства, какое имеет место в условиях настоящего политического момента», и заверил Бьюкенена, что «сейчас уже назревает перелом, в котором Россию ожидает более здоровое направление политической жизни»⁸⁹. Ответ Агеева произвел сильное впечатление на Бьюкенена, который, в свою очередь, заявил: «Скажите казакам, что они у нас в большом почете и мы видим в них наших друзей». Члены делегации просили Бьюкенена сообщить послам союзных держав содержание беседы, и он обещал сделать это незамедлительно. Не остается сомнения, какую роль играл Бьюкенен в подготовке «второй корниловщины». 21 октября член делегации Горчуков докладывал Войсковому правительству в Новочеркасске: «Единственное светлое впечатление донская делегация вынесла из посещений английского посла сэра Бьюкенена... там не говорят слов на ветер»⁹⁰. Деятельность делегации была одобрена калединским правительством.

Посещение казачьей делегацией Бьюкенена имело настолько контрреволюционный характер, что вызвало беспокойство у левого крыла мелкобуржуазной демократии. В связи с этим 18 октября полуменьшевистская газета «Новая жизнь» в статье «Сэр Бьюкенен и казаки» писала: «Что бы сказала английская либеральная пресса, если бы во время обострения ирландского кризиса русский посол в Лондоне принял делегацию повстанцев

сэра Карсена и заявил бы им, что высоко ставит заслуги консерваторов и надеется, что они выведут Англию на верную дорогу? Английская печать, конечно, резко осудила бы такое непрошенное вмешательство в ее внутренние дела. Какие бы писали передовицы «Times» и «Morning post», если бы русский посол принял делегацию шинфейнеров и выразил бы свою надежду на то, что они выведут страну из тяжелого кризиса? Они, разумеется, сурово осудили бы бестактность представителя иностранной державы.

Но почему же английские обычаи оказываются неприменимыми на русской почве? Почему же сэр Бьюкенен находит для себя возможным именно с такого рода речами обращаться к представителям одной из борющихся сейчас в России общественных сил, открыто заявляющей себя солидарной с генералом Корниловым? Временное правительство на очевидный факт вмешательства во внутренние дела страны стыдливо закрывало глаза. Только большевики разоблачали преступный сговор английских империалистов с корниловско-калединской контрреволюцией. В передовой статье газеты «Рабочий путь» от 17 октября отмечалось: «Английская буржуазия и английский король держат курс на разгром российской революции. Родзянко и Каледин, Гурко и Корнилов, влиятельные „любезные“ англичане в Петрограде и лондонские империалистские заправилы орудуют заодно... Между Бьюкененом, Родзянко и Калединым установлено тесное соглашение. Теперь заговорщики против революции считают себя настолько сильными, что не делают больше тайны из своих планов».

21 октября в Киеве под председательством одного из ближайших соратников Каледина — Агеева открылся собранный с контрреволюционными целями Всероссийский общесобранный казачий съезд. С приветствием к делегатам обратились «случайно» оказавшиеся на съезде английский консул в Киеве Дуглас и председатель Чехословацкого национального совета Масарик⁹¹. Делегат съезда П. Поздеев свидетельствует, что в их выступлениях звучал призыв к казакам «начать совместную борьбу против надвигавшейся анархии со стороны русского пролетариата»⁹².

После посещения казачьими делегациями американского и английского посольств иностранные дипломаты развернули бурную деятельность. 20 октября в Петрограде в кабинете начальника американской миссии Красного Креста в России полковника Томпсона состоялось совещание глав военных миссий США, Англии и Франции, на котором присутствовали генералы Нокс, Ниссель, Джайсон и полковник Робинс, а также адъютант Керенского Д. Соскис и русский генерал К. Ф. Неслуховский, представитель Керенского. Русские покинули затем совещание⁹³. Томпсон и Робинс предложили план спасения правительства Керенского. Однако глава английской военной миссии выступил против поддержки Временного правительства, считая, что с революцией может покончить не шаткое правительство Керенского, а Каледин и казаки. В ноябре 1917 г. Р. Робинс писал в Вашингтон, что Нокс заявил ему: «Я не заинтересован в укреплении

Керенского и Временного правительства. Единственно стоящая вещь в России — это установление... казацкой военной диктатуры... Этим людям нужна нагайка»⁹⁴. Аналогичные показания давал позже Р. Робинс и в «Овермэнской комиссии» американского сената⁹⁵. Точку зрения Нокса на совещании поддержал военный атташе Франции генерал Ниссель⁹⁶, который установил частные контакты с начальником генерального штаба русской армии генералом Марушевским и председателем совета «Союза казацких войск» Дутовым. По воспоминаниям Нисселя, в доме Марушевского он встретился с Дутовым, который уверял союзников в том, что вожди казачества находятся в полном согласии между собой, «уверены в своих полках» и «готовы даже послать ультиматум, если нужно, правительству»⁹⁷. Военные атташе Англии и Франции критически относились к Временному правительству за его бессилие подавить революцию. Поэтому свои надежды они возлагали на казаков. Аналогичной позиции придерживались английский и французский послы.

Дипломаты и члены военных миссий союзников выступали на общеказачьих съездах, конференциях и кругах с призывом продолжать империалистическую войну и не допустить победу российского пролетариата. Они посещали заседания совета «Союза казацких войск», на которых разрабатывались планы удушения русской революции, участвовали в смотре казачьих полков, устанавливали контакты с казачьими офицерами и генералами, принимали в посольствах посланцев казачьей реакции, вдохновляя их на борьбу с революционным движением. Дипломаты союзников грубо вмешивались во внутренние дела страны. Таким образом, антисоветская авантюра казачьих атаманов на Дону, Кубани и Тереке возникла не случайно. Мятежи как важный компонент «второй корниловщины» в течение длительного времени тщательно готовились верхами казачества, реакционной военной, буржуазно-помещичьей контрреволюцией, вдохновляемыми международным империализмом.

3. Разжигание Антантой гражданской войны на Дону и Северном Кавказе

Победа Великого Октября — главное событие XX в. — вызвала ненависть у международного империализма. Особая роль в борьбе против молодого Советского государства принадлежит империалистам Антанты и США, которые с первых дней Великой Октябрьской революции стали вмешиваться во внутренние дела Советской России. Современные буржуазные фальсификаторы истории пытаются оправдать это необходимостью воссоздания на территории нашей страны Восточного фронта для продолжения войны с Германией⁹⁸. Однако факты, раскрывающие их роль в поддержке контрреволюционных казачьих восстаний на Дону и Северном Кавказе, особенно в разжигании наиболее крупного и опасного калединского мятежа и зарождении Добровольческой армии, неопровержимо свидетельствуют, что главной целью

империалистов было погасить пламя пролетарской революции, удушить Советскую власть.

Имя контрреволюционного генерала Каледина стало широко известно на Западе сразу же после победы Октябрьской революции. Реакционная пресса Антанты и США не скупилась на хвалу мятежному атаману, называя его спасителем России. Политические деятели США, Англии и Франции в своих выступлениях все чаще связывали надежду на победу над большевиками с его именем. Антисоветская деятельность Каледина была «по достоинству» оценена союзными империалистами. Король Великобритании Георг V наградил мятежного генерала орденом. Глава английской военной миссии генерал Бартер, находившийся при ставке Духонина, в телеграмме Каледину сообщил, что «его королевское величество Великобритании наградило Вас орденом Св. Михаила и Св. Георгия второй степени, который я буду иметь честь передать при первом случае». В ответном послании английскому генералу в Ставку Каледин благодарил короля Великобритании за высокую награду, «относя это высокое внимание исключительно к заслугам Войска Донского, во главе которого имею честь стоять»⁹⁹. Не отстало от англичан и правительство Франции, также наградив Каледина орденом¹⁰⁰. Эти акции английских и французских империалистов нельзя оценить иначе как открытое и прямое вмешательство в дела Советского государства, как дань признания контрреволюционных заслуг мятежного генерала и поощрение его на более активные действия против Советского правительства. 27 октября член французской военной миссии в Петрограде Ж. Садюль констатировал: «Союзники нелепо поставили все на битые карты: Керенского, Савинкова, Каледина и т. п.»¹⁰¹.

Вдохновленный поддержкой Англии и Франции, Каледин 31 октября отдал приказ о подготовке к наступлению на Москву. Однако оно, как известно, не состоялось ввиду разгрома казачьих войск генерала Краснова под Петроградом и победы московского пролетариата над силами контрреволюции. 4 ноября английский посол Бьюкенен записал в своем дневнике: «Положение теперь безнадежно, так как большевики сейчас — хозяева на севере и в Москве, и хотя Каледин держит в своих руках юг, но у него нет шансов продвинуться на север»¹⁰².

Для борьбы против Советской власти донской контрреволюции требовались крупные денежные ассигнования. Поэтому калединское правительство разработало план создания банка с капиталом в 150 млн руб., из которых 100 млн руб. должны были внести равными долями казачество и русские банки, а недостающую сумму покрыть с помощью иностранных банков¹⁰³. Калединский эмиссар, член ЦК партии кадетов банкир князь Шаховской выехал в Петроград, где 10 ноября встретился с Бьюкененом. Шаховской доложил Бьюкенену, что белому движению на Дону для похода на Москву и Петроград нужны деньги, и предложил принять участие в создании казачьего банка, капитал которого гарантировался бы природными ресурсами Юга России. В случае немедленной финан-

своей поддержки Шаховской обещал продать часть акций банка союзникам. Бьюкенен просил Шаховского держать в тайне его посещение английского посольства и передал Каледину и Алексееву, что союзники приветствовали бы создание сильного и стабильного правительства, готового продолжать войну¹⁰⁴. 16 ноября газета «Вольный Дон» писала: «Иностранные банки относятся к казачьему банку с большим интересом и придают ему весьма крупное значение». Таким образом, в борьбе против Советской власти донская контрреволюция не останавливалась даже перед распродажей национальных богатств иностранным капиталистам. Ее кредо открыто выразил в своем выступлении во Владикавказе на 4-м Терском войсковом круге в ноябре представитель донского казачества Н. Ф. Перфилов, который прямо заявил, что лучше сделаться английской колонией, чем попасть под иго большевиков¹⁰⁵.

Атаман Каледин в ряде своих телеграмм в города и поселения Донской области потребовал от местных властей и командиров казачьих частей позаботиться об охране частной собственности подданных Англии и Франции и их личной безопасности.

16 ноября представитель Каледина посетил в Петрограде английского военного атташе генерал-майора Нокса и рассказал об образовании «Юго-восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей», который, однако, бессилён что-либо предпринять, так как казаки рассредоточены по всей русской армии и их трудно собрать, не вызывая подозрения большевиков. Как отметил калединец, большой проблемой стало снабжение казаков оружием. Нокс доносил в Лондон: с Калединым на Дону «генералы Корнилов, Деникин, Алексеев, Эрдели, с ними лидеры кадетов Милюков, Родзянко и Гучков. Но у него очень мало сил... около 5000 человек пехоты и около 10 000 сабель». Выражая беспокойство, Нокс писал, что если Каледину не будет оказана помощь, «если он не получит золото союзников, их руководство и „советы“ в борьбе против остальной России», то он будет разбит. Глава английской военной миссии при ставке генерал Бартер указывал своему правительству на необходимость «активного сотрудничества с казаками»¹⁰⁶. Английский посол Бьюкенен в ряде своих телеграмм в Лондон, сообщив, что он поддерживает непрерывные контакты с главарями контрреволюции на Дону, докладывал об их планах борьбы с социалистической революцией и нуждах антисоветских сил и о посылке в Екатеринбург и Новочеркасск ряда английских офицеров¹⁰⁷.

20 ноября на заседании британского военного кабинета премьер-министр Ллойд Джордж предложил гарантировать Каледину финансовую поддержку. Здесь же было решено, что отходящей из Персии казачьей дивизии британским командующим в Месопотамии должна быть оказана помощь оружием и деньгами. В тот же день вечером министерство иностранных дел Великобритании дало указание своему послу в Петрограде Бьюкенену о линии поведения и задачах на ближайшее время: «Военный кабинет рассмотрел

положение в России сегодня утром, и его члены пришли к мнению, что необходимо сконцентрировать усилия на попытках предотвратить заключение Россией сепаратного мира с Германией. Министры полагают, что единственная надежда осуществить это состоит в усилении всеми находящимися в нашем распоряжении средствами тех элементов, которые по-настоящему расположены к Антанте. Их возглавляют Каледин, Алексеев и их группа... Если, с другой стороны, мог бы быть организован южный блок из Кавказа, казаков, Украины и румын, возникла бы возможность создать относительно стабильное правительство и, во всяком случае, путем контроля над нефтью, углем и хлебом контролировать всю Россию. Следовательно, вы уполномочиваетесь предпринять шаги, которые сочтете нужными с целью проведения этой политики либо непосредственно, либо через таких агентов, которых вы изберете»¹⁰⁸. В свою очередь, начальник английского имперского генерального штаба генерал Робертсон телеграфировал военному атташе в Яссах, чтобы он совместно с французским коллегой направился к Каледину и оказал тому финансовую помощь в любом размере¹⁰⁹. Еще в конце октября английский генерал Декандол послал в Ростов трех английских офицеров-экспертов во главе с полковником Арчибалдом Джексом с целью изучения пропускной способности железных дорог юга России якобы для нужд Месопотамского фронта¹¹⁰.

Не отставали от англичан и французские империалисты. В ноябре французский военный атташе генерал Ниссель направил из Петрограда на Дон к Каледину ряд французских офицеров¹¹¹. А в середине ноября Парижская конференция союзных стран решила послать на Дон к Каледину с одобрения США неофициальную англо-французскую военную миссию¹¹².

О связях империалистов Антанты и США с калединцами свидетельствуют также следующие факты. Иностранные военные миссии после разгрома контрреволюционной ставки бежали из Могилева в Киев. Отсюда они думали перебазироваться к Каледину, заявляя, что «если уж на Дону ничего не выйдет», то им придется через Афганистан возвратиться на родину. Об этих планах донскому Войсковому правительству докладывал казачий комиссар при штабе Киевского военного округа подъесаул Шумилин¹¹³. Члены делегации моряков Черноморской флотилии, прибывшей на помощь пролетариату Дона, и Таганрогского Совета рабочих и солдатских депутатов, ездившие для переговоров с Калединым в Новочеркасск, 24 ноября в штабе атамана видели английских и французских представителей¹¹⁴. В ноябрьских боях в Ростове английские и французские офицеры находились в войсках мятежников. По свидетельству секретаря Донского окружного бюро РСДРП(б) в 1917 г. М. П. Жакова, три офицера союзных держав были захвачены в бою в плен вместе с командующим ростовским гарнизоном генералом Потоцким. После допроса члены иностранных военных миссий были отпущены на свободу¹¹⁵. Генерал Нис-

сель в своих мемуарах писал, что Каледин через французских офицеров, бывших на Дону, обращался к нему за финансовой помощью¹¹⁶.

Интерес представляют мемуары французского офицера капитана де Курсона, который по заданию посланника Франции в Румынии Сент-Олеру из Ясс был командирован на Дон к генералу Каледину. В Новочеркасске капитан де Курсон вместе с английским майором Фитц-Вильямсом в беседе с Калединым выразили надежду на казачий регион, который, дескать, еще мог бы избавиться от «власти большевиков». Каледин, выслушав представителей Англии и Франции, заявил: «Вы питаете странные иллюзии относительно моих казаков, так как и их коснулся большевистский вирус. Если еще старики остаются чистыми, то молодежь и особенно фронтовики завоеваны на сторону новых идей. У меня имеются лишь три жалкие дивизии, которые мне необходимы для гарнизонов в Таганроге, Ростове, Новочеркасске и, наконец, во всем районе Донбасса... Большевики только что объявили войну и направляют против меня очень серьезную экспедицию»¹¹⁷.

Английский и французский представители о результатах посещения Каледина донесли в Яссы, откуда капитану де Курсону последовало указание — вновь посетить атамана. При новой встрече Каледин был настроен еще более пессимистично, так как дела донской контрреволюции находились в плачевном состоянии. Каледин заявил, что единственным средством, способным содействовать Антанте, в том числе помешать выходу России из войны, он считает «интервенцию союзников, начиная с военной оккупации Петрограда и Москвы»¹¹⁸.

Вскоре де Курсон посетил генерала Алексеева, который сообщил ему, что он формирует сорокатысячную армию, якобы вполне достаточную «для восстановления порядка в России и воссоздания фронта». На вопрос француза, чем могла бы помочь Франция Алексееву, тот ответил, что ему особенно нужны деньги, так как большевики наложили секвестр на все банковские вклады. Генерал выразил готовность включить французских офицеров в комиссию по контролю за расходами и в бюро по созданию Добровольческой армии. Де Курсон о встрече с Алексеевым информировал Яссы. Генерал Бертело проявил большой интерес к предприятию Алексеева, в связи с чем в Париж было послано предложение о предоставлении ему средств¹¹⁹.

В конце ноября в Грозном по указанию атамана Караулова и Чермоева против революционных сил в городе была предпринята следующая акция. Всадники «дикой» дивизии под командованием англичанина полковника О. Рэма разграбили новые промыслы, взорвали нефтяные вышки, подожгли жилые дома рабочих. Это была, по существу, одна из первых и крупных экономических диверсий английского империализма, чтобы лишить молодую Советскую республику топлива. Вина же за поджог нефтепромыслов была свалена на чеченцев¹²⁰.

В начале декабря 1917 г. член английской военной миссии капитан Артур Вычворд в интервью корреспонденту газеты «Вольный Дон», приветствуя победу Каледина над ростовскими рабочими и шахтерами области, заявил, что «последние события на Дону, безусловно, окажут свое влияние на дальнейший ход событий. И я уверен, что представителями иностранных миссий в России уже сделаны на этот счет соответствующие представления». Вычворд выразил уверенность, что «казачеству придется сыграть в ближайшем будущем России огромную роль». Свое интервью он закончил словами: «Генерала Каледина в английских кругах хорошо знают... по тому положению, которое он занял в жизни текущего момента в России. Симпатии английских офицеров всецело на стороне генерала Каледина»¹²¹.

Особенно тесные связи после победы Октябрьской революции генерал Каледин установил с военными миссиями союзников при штабе Кавказского фронта в Тифлисе через своего единомышленника члена ЦК партии кадетов Харламова. Будучи комиссаром Временного правительства в Закавказье, Харламов поддерживал постоянные контакты с миссиями союзников. Вскоре деловые отношения переросли в дружеские. На банкетах и охоте Харламова видели с главами британской и французской военных миссий на Кавказском фронте — генералом Шором, полковником Шардиньи и американским консулом Смитом.

Прибыв из Тифлиса в Новочеркасск, Харламов 9 и 10 ноября участвовал в заседаниях Войскового правительства, обсуждавшего телеграмму контрреволюционной ставки в связи с требованием уполномоченного английского правительства генерала Бартера о неуклонном выполнении военной конвенции, подписанной Россией в августе 1914 г. На заседании генералы Каледин и Алексеев выступили с призывом остаться верными союзническому долгу. Их предложение поддержал Харламов, заявивший, что пора кончать разговоры и нужно действовать. Свою речь он закончил словами: «Судьба войны должна быть решена в полном согласии с союзниками». На заседании было принято решение не признавать сепаратного мира, заключаемого Советским правительством¹²².

16 ноября в Екатеринодаре было создано объединенное правительство Юго-Восточного союза во главе с Харламовым, которое поставило своей целью «объединить для борьбы с большевиками все антисоветские силы Закавказья, Северного Кавказа, Дона, Украины, Крыма, Бессарабии и Сибири». В конце ноября Харламов прибыл в Тифлис, где начал переговоры с Закавказским комиссариатом о присоединении к казачьей федерации. 28 ноября Харламова посетили Смит, Шор и Шардиньи, которых он информировал о планах борьбы Каледина и объединенного правительства с большевиками и просил у них помощи. По свидетельству Харламова, союзники твердо заявили: «Франция, Англия, Япония и США не оставят без поддержки нарождавшееся „здоровое“ ядро в России — Юго-Вос-

точный союз. Союзу будет оказана самая широкая поддержка деньгами, материалами, локомотивами, снаряжением и прочим»¹²³.

Особенно активную антисоветскую роль по сколачиванию контрреволюционных сил на Юге России проявляло американское консульство в Тифлисе, которое открылось весной 1917 г., т. е. со времени вступления США в войну с Германией, и являлось отделением генерального консульства в Москве. Американский консул в Тифлисе В. Смит, который родился и воспитывался в семье американского резидента в Закавказье, был лично знаком с лидерами северокавказской контрреволюции¹²⁴.

После встречи с Харламовым Смит сообщил государственному секретарю США Лансину, что Каледин и Алексеев создают армию, которая «уже сейчас настолько сильна, что при соответствующей помощи союзников могла бы начать наступление на север»¹²⁵.

29 ноября в телеграмме Лансину Смит предложил, «чтобы инициативу созыва Учредительного собрания принял на себя Комитет Государственной думы под председательством Родзянко, который находится в Новочеркасске», и просил направить его в Новочеркасск или Екатеринодар для обсуждения ситуации с Алексеевым и Родзянко¹²⁶. 5 декабря Смит послал вице-консула Дулитла в Екатеринодар к Харламову с секретным письмом, в котором был изложен совместно принятый с английским генералом Шором план борьбы казачьих отрядов с большевистски настроенными частями Кавказского фронта, возвращающимися с фронта в Россию. Особые надежды в этом плане возлагались на Кубанское и Терское войсковые казачьи правительства. Смит писал Харламову: «Союзники... скоро окажут большую помощь федеративному правительству. Я лично рад, так как в этом вижу единственный путь спасения для России...»¹²⁷.

Американский консул просил свое правительство прислать на Дон и Кубань хотя бы символический отряд для моральной поддержки мятежников. «Лучше всего отправить в ту или другую области небольшой иностранный отряд, не столько в виде боевой единицы, сколько в качестве здорового ядра, вокруг которого организуются русские силы. Этим мы докажем, что не бросаем слов на ветер»¹²⁸.

Важными вехами антисоветского курса империалистов явились меморандум государственного секретаря США Лансинга и решения англо-французской конференции в Париже, которые официально провозгласили в качестве государственной политики поддержку сил контрреволюции в России. 26 ноября Лансинг получил ответ американского консула в Москве Саммерса о ходе обсуждения вопросов о большевиках с близкими помощниками Алексеева и Каледина. Саммерс был уверен, что последние станут силой, «достаточной для восстановления поряд-

ка», если получат официальное благословение и материальную помощь США и Антанты, и советовал американскому правительству оказать им эту поддержку. На следующий день Лансинг представил президенту США Вильсону меморандум — план борьбы с целью низвержения «большевистского господства» посредством «военной диктатуры, поддержанной лояльными дисциплинированными войсками». «Единственным реальным ядром организованного движения, достаточно сильного, чтобы сместить большевиков и учредить правительство,— писал Лансинг,— является группа высших офицеров во главе с атаманом донских казаков Калединым... Ее разгром будет означать передачу всей страны в руки большевиков»¹²⁹. Президент согласился с предложенным планом. 28 ноября Вильсон в длительной беседе с Лансингом, как свидетельствует последний, «рассмотрели ситуацию в России и особенно крепость калединского движения»¹³⁰. А на следующий день Вильсон официально одобрил меморандум Лансинга.

По предложению министра иностранных дел Англии А. Дж. Балфура военный кабинет 8 декабря 1917 г. принял меморандум, подготовленный Форин оффис для представления французскому правительству. В нем рекомендовалось поддерживать связь с Украиной, Кавказом, Финляндией, Сибирью и т. д., так как эти полуавтономные области представляют значительную часть России. Далее в меморандуме указывалось: «Нашей первой задачей должно быть предоставление субсидий для реорганизации Украины, на содержание казаков и кавказских войск... Помимо этих финансовых вопросов, необходимо, чтобы мы имели своих агентов и чиновников, а также чтобы мы могли воздействовать и оказывать поддержку местным правительствам и их армиям. Необходимо это делать по возможности тихо, чтобы никто не смог нас обвинить в том, что мы готовимся к войне с большевиками.

Мы предлагаем, чтобы Украина в этом вопросе оставалась полем деятельности Франции, а мы возьмем на себя другие юго-восточные области страны»¹³¹.

10 декабря в Париже между Англией и Францией был заключен тайный договор о совместной интервенции и разделе сфер влияния в Советской России. На конференции присутствовали: от Франции — Ж. Клемансо (премьер-министр), Ст. Пишон (министр иностранных дел), П. Камбон (французский посол в Лондоне), маршал Фош; от Англии — лорд Мильнер, лорд Роберт Сесиль, генерал-майор, сэр Г. М. Макдоног, сэр Георг Клерк, генерал-лейтенант Спирс.

Конвенция между Францией и Англией по вопросу о действиях на Юге России предусматривала следующее:

- «I. Действия против неприятеля, руководимые Францией, осуществляются на север от Черного моря.
- Действия, руководимые Англией, осуществляются на юго-восток от Черного моря (против турок).

- II. Генерал Алексеев, находящийся в Новочеркасске, после того как предложил выполнение программы, имеющей в виду организацию армии, предназначенной возглавить борьбу с врагами, и поскольку эта программа была принята Францией, которая выделила для этой цели кредит в 100 миллионов (франков) и требует организации межсоюзнического контроля, будет возможно продолжать выполнение выше-названной программы до принятия новых планов, которые будут выработаны совместно с Англией.
- III. С этой оговоркой зоны влияния, предназначенные каждому из правительств, будут следующими:
Английская зона: территория казаков, территория Кавказа — Армения, Грузия, Курдистан.
Французская зона: Бессарабия, Украина, Крым.
- IV. Общие расходы будут определены и урегулированы межсоюзным централизованным органом»¹³².

Антисоветская сущность этого соглашения уже давно и хорошо показана советской исторической наукой. Отметим здесь только, что сам У. Черчилль писал о договоре: «Эта конвенция имела целью установить дальнейшую политику обеих держав на юге России... предусматривала оказание помощи генералу Алексееву, находившемуся тогда в Новочеркасске, и географическое разделение сферы действия этих двух держав...»¹³³. Более того, как свидетельствует Черчилль, 10 декабря военные представители Верховного союзного совета в Париже постановили, что «все национальные войска в России, решившие продолжать войну, должны поддерживаться всеми средствами, какие имеются в нашем распоряжении»¹³⁴.

Английское правительство выделило в распоряжение своих агентов на Дону 10 млн фунтов стерлингов для поддержки Каледина и Алексеева, а Франция предоставила кредит Алексееву в 100 млн франков¹³⁵. Что касается правительства США, то оно дало указание своему послу в Лондоне Пейджу в необходимых размерах скрытно финансировать Каледина через английское и французское правительства, которых будут снабжать деньгами¹³⁶.

В начале декабря 1917 г. американское посольство пыталось переправить на Дон к мятежникам автомобили. Когда В. И. Ленину доложили, что американские офицеры с помощью русского полковника Колпашикова пытаются отправить из Петрограда в Ростов к калединцам эшелон с 80 автомашинами и что советские власти хотят произвести в поезде американской миссии Красного Креста аресты¹³⁷, В. И. Ленин указал, что эта акция имеет «исключительно большую важность... Особые меры должны быть приняты в предупреждение уничтожения бумаг, побегов, сокрытия документов и т. п.»¹³⁸. Ленинское указание было выполнено. При аресте у полковника Колпашикова были обнаружены документы, подписанные американским послом в Петрограде

Френсисом. Газеты «Правда», «Известия ЦИК», «Социал-демократ» гневно разоблачали тогда этот преступный заговор американских империалистов с калединцами.

Вскрывая связи донской контрреволюции с союзниками, М. Жаков писал 14 декабря в газете «Донецкий пролетарий»: «В то время как в Ростовском штабе Потоцкого сидели английские и французские офицеры, а среди красногвардейцев шпионили теодоровичи¹³⁹, на фронте внешнем члены американской миссии Красного Креста Андерсон и Перкинс и русские офицеры Колпашников и Верблюнский под тем же знаком милосердия, как и Теодорович, вели свою преступную работу по снабжению Каледина боевыми материалами.

Правительство Народных Комиссаров опубликовало документы, с несомненностью устанавливающие связь дипломатической агенты Рокфеллеров с агентами Каледина... Калединская банда продает интересы всей российской демократии англо-американским империалистам, вступая с ними в преступный союз разгрома революции».

В середине декабря по инициативе В. А. Антонова-Овсеенко советскими властями были реквизированы броневики, легковые и грузовые машины британского автодивизиона, двигавшиеся на юг. На протест английской военной миссии Антонов-Овсеенко дипломатично ответил, что «по миновании надобности и опасности для них от рук контрреволюционеров они будут возвращены», и информировал об этом шаге В. И. Ленина¹⁴⁰.

В конце декабря 1917 г. американский консул в Москве Саммерс послал на Дон группу своих людей во главе с Пулем для ознакомления с положением дел. В Новочеркасске Пуль обсуждал с Калединым, Алексеевым и Милюковым планы борьбы с большевиками. В своих отчетах Саммерсу Пуль подробно доносил о положении на Дону и рекомендовал оказать быструю и эффективную помощь мятежникам¹⁴¹. В декабре 1917 г. Нью-Йоркский национальный городской банк, в котором хранились фонды русского посольства в Америке, получил указание выдать 500 тыс. долл. для пересылки через английских агентов генералу Каледину¹⁴². Органы ВЧК во время следствия выяснили, что арестованный в Москве американский агент Бари стоял во главе крупной контрреволюционной организации, занимался вербовкой офицеров, субсидировал их деньгами и переправлял на Дон к Корнилову и Каледину. О том, что империалисты США снабжали калединцев оружием, рассказывал на общеоармейском съезде по демобилизации армии Верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко¹⁴³.

Военные миссии союзников при штабе Румынского фронта, а также их дипломатические представители, аккредитованные в Яссах, после победы Октябрьской революции установили связь с контрреволюционными генералами на Дону. Английский посланник в Яссах, выполняя рекомендации министра иностранных дел Бальфура от 9 ноября, послал на Дон своего агента, чтобы

узнать о возможности сотрудничества Каледина с румынской армией и о силах, находящихся в его распоряжении¹⁴⁴.

22 ноября в Париже совет министров Франции рассматривал вопрос о возможности борьбы Румынии против Советской России. Присутствовавший на заседании румынский посол во Франции В. Антонеску по поручению главы своего правительства Братиану заявил: «В России находится более 100 000 пленных румынских солдат из Австро-Венгрии и более 200 000 чехов, которые могут быть использованы на Румынском фронте или предоставлены в распоряжение Каледина». Этот план получил одобрение. 3 декабря на совещании между премьер-министром Франции Клемансо, министром иностранных дел Пишоном и министром военного снабжения Альбертом Тома было решено, что «румынская армия должна соединиться с Калединым»¹⁴⁵.

Генерал Алексеев со своей стороны также предлагал отвести румынскую армию на новую оборонительную линию в район Дона. Румынский король Фердинанд, обсуждая с командующим Румынским фронтом генералом Щербачевым этот план, склонялся к его реализации, но правительство Братиану колебалось¹⁴⁶. Королева Румынии Мария в своих мемуарах писала, что американский полковник Андерсон поддерживал план королевской семьи об отводе румынской армии на территорию казаков. Однако глава военной миссии союзников в Румынии генерал Бертело считал этот план нереальным¹⁴⁷. О том, что американские дипломаты вынашивали такие планы, свидетельствует письмо консула США в Тифлисе Смита главе Юго-Восточной казачьей федерации Харламову с запросом: «Может ли ваше правительство в случае необходимости оказать гостеприимство по отношению к румынским войскам»¹⁴⁸. Одновременно правительство Братиану пыталось переправить 70 млн руб. румынского золота, хранящегося в Москве, на Дон к контрреволюционным генералам¹⁴⁹.

В декабре 1917 г. установилась регулярная связь между генералами Алексеевым и Щербачевым, которая поддерживалась специальными курьерами между Новочеркасском и Яссами. Контрреволюционные генералы и офицеры Румынского фронта высказались за создание особого корпуса из русских добровольцев для отправки на Дон и в помощь генералам Алексееву и Корнилову. Эта затея встретила полное сочувствие и поддержку со стороны союзников. Французы выделили на организацию корпуса несколько миллионов франков¹⁵⁰. Один из белогвардейских офицеров-добровольцев позже писал, что для формирования соединения «румыны под давлением французов» отвели им помещения в деревушке Скентэе, в 35 верстах от Ясс. Между тем с разрешения командующего Румынским фронтом генерала Щербачева в части армии были разсланы «приглашения» русским офицерам, желающим поступить на американскую службу, явиться в консульство США в Яссах. Там им после беседы говорили: «Вы еще нужны России» — и рекомендовали записываться в добровольческую бригаду¹⁵¹.

Большие надежды донская контрреволюция возлагала на Чехословацкий корпус, командование которого находилось под влиянием французов. 8 ноября 1917 г. генерал Алексеев, находившийся в Новочеркасске, в письме генералу-квартирмейстеру штаба верховного главнокомандующего Дитерихсу в Ставку настоятельно просил о переброске чехословацких частей на Дон¹⁵². С аналогичной просьбой, как свидетельствует Масарик, обращался и генерал Корнилов¹⁵³. Деникин в своих мемуарах пишет, что Чехословацкий корпус издавна привлекал внимание Алексеева и Корнилова¹⁵⁴. С просьбой о поддержке Добровольческой армии к Масарику в конце января 1918 г. обращался и лидер кадетов Милюков, находившийся на Дону¹⁵⁵.

Интересовал Чехословацкий корпус и генерала Каледина, который приглашал Масарика приехать на Дон¹⁵⁶. Между Калединым, Алексеевым, Корниловым и Масариком установилась тесная связь. Посыльный Масарика Ванек доставлял Каледину секретные письма и деньги, полученные от французской военной миссии для поддержки контрреволюции. Постоянным представителем Масарика при генерале Алексееве был прапорщик «Чешской дружины» Гейдук¹⁵⁷. С согласия Масарика авантюристы из Чехословацкого корпуса уходили на Дон, где под руководством капитана Неметчика (политическим руководителем был штатский инженер Кроль) был сформирован Чехословацкий инженерный батальон, вошедший в состав Добровольческой армии, который участвовал в боях с советскими войсками¹⁵⁸. Разрабатывались планы переброски Чехословацкого корпуса на Дон, которые ввиду разногласия между англичанами и французами по вопросу о месте действий корпуса и другим причинам не удалось осуществить¹⁵⁹.

В декабре 1917 г. при атамане Каледине в Новочеркасске обосновалась французская военная миссия в составе полковника Гюше, капитана де Курсона и Бернье, прибывшая из штаба генерала Бертелло на Румынском фронте. Главой английской военной миссии при Каледине был приехавший из Ясс в конце декабря 1917 г. генерал Декандол¹⁶⁰. На Дону была и американская миссия во главе с московским вице-консулом Де Витт Пулем. Газета «Ростовская речь» 5 января 1918 г. сообщала, что американская и французская миссии посетили градоначальника Ростова кадета Зеелера и имели с ним продолжительную беседу.

Иностранные миссии были встречены деятелями донской контрреволюции с распростертыми объятиями. В их честь устраивались приемы и давались банкеты. Газета «Приазовский край» 13 декабря 1917 г. сообщала, что «вчера в Новочеркасске устроено было чествование иностранных представителей миссий дружественных России держав». Насколько близкими были отношения деятелей донской контрреволюции с союзниками, говорит факт проживания на квартире французского консула в Ростове генерала А. Богаевского, о чем вспоминал последний¹⁶¹.

Антисоветская заговорщическая деятельность офицеров союзных держав приняла настолько широкий характер, что 21 декабря на заседании СНК под председательством В. И. Ленина наряду с другими обсуждался и вопрос о тактике и мерах пресечения контрреволюционной деятельности французской военной миссии¹⁶². 23 декабря 1917 г. «Правда» в статье «Французская миссия как источник лжи и отравленных слухов», разоблачая преступную связь союзников с генералами Алексеевым и Калединым, потребовала, чтобы «союзные офицеры, доведшие свою дерзость до прямого участия в контрреволюционном восстании», были немедленно отозваны в Петроград. В заключении статьи говорилось, что Советская власть слагает с себя ответственность за тех, кто «сейчас пребывает на территории контрреволюционного мятежа как его соучастники».

Наркоминдел в письме генералу Нисселю потребовал немедленного отзыва французских офицеров, находившихся в стане мятежников¹⁶³. В ответном письме Ниссель признал, что французские офицеры находятся на юге России и «временно прикомандированы французским правительством уже в течение многих недель к военной миссии и к французскому посланнику в Румынии». «С того момента,— говорилось в письме,— они не находятся в зависимости ни от меня, ни от французского посла в Петрограде». Далее Ниссель выражал уверенность, что они следуют полученным им инструкциям и не вмешиваются во внутренние дела России¹⁶⁴. Ответ французского военного атташе не мог, конечно, удовлетворить Советское правительство.

Американский посол Френсис и глава военной миссии США генерал Джадсон также отрицали контакты с Калединым¹⁶⁵. Что касается английского посольства, офицеры которого были уличены в связях с мятежниками на Дону, то оно в заявлении для прессы сообщало, что на Дону нет английских офицеров, а есть железнодорожные эксперты, находящиеся там с целью обеспечения отправки продовольствия для румынской армии, и что английское правительство и посольство не намерены вмешиваться во внутренние дела России. «К сожалению,— заканчивалось заявление,— Россия в настоящее время разделена на несколько почти самостоятельных республик, каждая из которых имеет de-facto свое собственное правительство... Это ненормальное явление вещей значительно затрудняет положение английских офицеров»¹⁶⁶. Эти лицемерные заявления и «сожаления» не нуждаются в особых комментариях.

16 декабря Наркоминдел направил посланнику Румынии Диаманди ноту протеста по поводу враждебных актов его правительства в Бессарабии, подчеркнув, что «Советская власть не остановится перед самыми суровыми мерами против контрреволюционных румынских заговорщиков, сообщников Каледина, Щербачева и Рады...»¹⁶⁷. В ответной ноте румынское посольство перекладывало ответственность за инциденты на русские войска, а связи румын с Калединым и Радой ограничивало лишь продовольственными вопросами¹⁶⁸.

Однако и после энергичных протестов Советского правительства помощь мятежникам не прекращалась. 23 января 1918 г. «Известия ЦИК» в статье «В гнезде контрреволюции» сообщали, что на Дону находится много офицеров союзников, и, обращаясь в адрес иностранных дипломатов, спрашивали: «По этому вопросу мы ждем разъяснений от союзных посольств; что собираются делать их офицеры на Дону, против кого они хотят вести войну?»

Чтобы не навлечь лишних подозрений со стороны советских властей к миссиям союзников в столице, штаб походного атамана передавал сведения о военных операциях на Дону не непосредственно в американское, английское или французское посольства, а окольным путем — через сербскую военную миссию в Петрограде.

Глава французской военной миссии в Новочеркасске полковник Гюше регулярно поддерживал телеграфную связь с генералом Бертелло в Яссах, французской военной миссией в Киеве и представителями союзников при штабе Кавказского фронта. Английское консульство в Тифлисе во главе с Пайком было связано прямым проводом с донской контрреволюцией. Кроме того, контакт с Калединым оно поддерживало через капитана Ноэля¹⁶⁹.

В конце января 1918 г. советскими властями был задержан шпион с секретным письмом генерала Алексеева, адресованным руководителю французской военной миссии в Киеве генералу Табуи. В письме Алексеев настоятельно просил Табуи воздействовать на командира Чехословацкого корпуса генерала Макса, чтобы последний двинул его на Дон¹⁷⁰. 31 января 1918 г. председатель Военно-революционного комитета Донской области С. И. Сырцов, сообщив в телеграмме В. И. Ленину о содержании перехваченного письма и о том, что оно пересылается в СНК, отметил, что «письмо Алексеева ясно показывает, кто питает контрреволюцию...»¹⁷¹. В ответной телеграмме С. И. Сырцову В. И. Ленин сообщил, что «письмо алексеевского шпиона еще не получено», и просил выслать его «с надежнейшей оказией, сняв фотографию»¹⁷².

Следует учесть одно важное обстоятельство. Союзники, много разглагольствуя об их стремлении с помощью южнорусской контрреволюции воссоздать Восточный фронт для борьбы с Германией, в действительности мало верили в осуществление своих нереальных планов. Об этом неоднократно агенты союзников, находившиеся на Дону и Северном Кавказе, информировали свои правительства. Так, английский подполковник Джэк 18 декабря 1917 г. сообщал из Ростова-на-Дону, что генерал Каледин не намерен наступать за пределы Дона, «движение в Новочеркасске не имеет важного значения, силы незначительны и в ближайшем будущем они не смогут возрасти...». С этим мнением солидаризировался и английский генерал Декандол, который в телеграмме от 24 декабря 1917 г. признал, что его визит в Новочеркасск вызвал у него значительное разочарование. Он скептически отно-

сился к возможности использования Добровольческой армии и других контрреволюционных сил для борьбы против Германии¹⁷³.

Аналогичные депеши шли и от Бьюкенена и Нокса из Петрограда. Английский военный атташе генерал Нокс, например, 6 декабря 1917 г. телеграфировал: «Считаю необходимым отметить, что, по моему мнению, московская телеграмма № 52 от 4 декабря 1917 г. в Форин оффис создает ложное представление о силе Каледина... Алексеев и Каледин ничего не имеют, за исключением двух рот и с перспективой формирования еще трех. На мой взгляд, любой блок между Юго-восточным союзом и Украиной на базе продолжения войны фантастически преувеличен». Далее Нокс приходил к печальному выводу: «Боюсь, что положение в России совершенно не понимается у нас дома. Никто из русских, казаков или кого-либо еще не станет сражаться, если к этому их не принудит иностранная сила»¹⁷⁴. Таким образом, находился выход: открытая вооруженная военная интервенция против Советской России.

Особо следует остановиться на вопросе о том, какую же реальную финансовую помощь получили Каледин и Добровольческая армия Алексеева — Корнилова от Антанты и США. Делегация донского казачьего ВРК в обращении к трудящимся области о результатах поездки 15 января 1918 г. в Новочеркасск рассказала, что при переговорах с Калединым и его правительством она интересовалась численностью Добровольческой армии. Руководители революционного казачества Ф. Г. Подтелков, М. В. Кривошлыков, С. И. Кудинов отмечали, что на вопрос, на какие средства существует Добровольческая армия, Каледин ответил, что она содержится «на частные пожертвования, поступающие из многих городов России», а член объединенного правительства от неказачьего населения эсер Г. Боссе добавил, что делают заем у союзников специально для содержания добровольческих дружин. На вопрос же руководителей революционного казачества: «Кто будет выплачивать этот заем?» — ответа не было дано, а последовало невнятное: «Да это тогда разберем»¹⁷⁵.

18 января 1918 г., отвечая на заседании объединенного донского правительства на коварный вопрос фрондирующего эсера Брыкина: «На средства ли национального характера существует Добровольческая армия?» — генерал Алексеев вынужден был признать, что армия частично существует на деньги союзников¹⁷⁶. В финансовых приходных документах генерала Алексеева указывается, что на нужды Добровольческой армии от французской военной миссии 2 января 1918 г. было получено 25 тыс. руб., 3 января — 100 тыс., 10 января — 180 тыс. руб.¹⁷⁷ Захваченный советскими войсками в плен генерал Назаров на следствии показал, что американское правительство ассигновало донской контрреволюции крупную сумму денег¹⁷⁸.

Как свидетельствовал один из руководителей большевиков Дона в период калединщины — А. А. Френкель, Добровольческая армия получила от союзников 30 млн руб., что «мы впоследствии определенно установили из очутившихся у нас в Ново-

черкасские документов и из допроса преемника Каледина Назарова»¹⁷⁹. В то же время сподвижник Деникина генерал Казанович утверждал, что «от союзников до выступления из Ростова удалось получить только 1/2 миллиона»¹⁸⁰.

Бесспорно, главной целью империалистов Антанты и США на Дону было не воссоздание Восточного фронта для борьбы с Германией, а поддержка контрреволюции для борьбы с Советской властью.

Когда В. И. Ленин узнал, что казацкие фронтовые части восстали против Каледина, он оценил этот факт не только как крах белого движения на Дону, но и как провал авантюристических планов союзных держав, пытавшихся руками казаков здушить революцию. Выступая 13 января 1918 г. на Чрезвычайном Всероссийском железнодорожном съезде, В. И. Ленин, коснувшись последних событий на Дону, заявил: «... пускай теперь господи Рябушинские с господами капиталистами Франции и Англии и с румынским королем, пускай печалются и плачутся на свою судьбу: последняя их ставка бита даже на Дону...»¹⁸¹.

В период триумфального шествия Советской власти два враждебных блока, участвовавшие в первой мировой империалистической войне, не могли выделить серьезных сил против социалистической революции в России. Поэтому Октябрьская революция, отмечал В. И. Ленин, «все это время шла как бы в независимости от международного империализма»¹⁸². Вместе с тем в данном регионе даже в это время американские и англо-французские империалисты активно плели нити заговоров против молодой Республики Советов и оказывали материальную поддержку казацкой контрреволюции и Добровольческой армии. После окончания первой мировой войны их помощь белому движению на Дону и Северном Кавказе приобрела огромные размеры, а империалистическая интервенция на Юге России стала открытой.

Говоря об антисоветских планах международной реакции, нельзя, конечно, игнорировать наличие определенных межимпериалистических противоречий и многоплановость мотивов, которыми руководствовались правящие круги США, Англии и Франции. Известное значение имели и первоначальные расчеты союзников, связанные с воссозданием Восточного фронта и продолжением войны с Германией. Однако главным и определяющим в политике империалистов Антанты и США была организация крестового похода против первого в мире Советского государства.

- ¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 78.
- ² Там же. С. 80. ³ Там же. С. 81. ⁴ Там же. С. 82. ⁵ См.: Там же. С. 82, 83.
- ⁶ *Штайнгаус К.* Возрождение великой державы?: К проблеме преемственности «старого» и «нового» германского империализма. М., 1981. С. 13, 14.
- ⁷ Цит. по: Там же. С. 15.
- ⁸ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 83.
- ⁹ *Штайнгаус К.* Указ. соч. С. 16.
- ¹⁰ Там же. С. 18.
- ¹¹ Цит. по: Там же. С. 20. ¹² Там же.
- ¹³ Подробнее см.: «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, 1871—1918. М., 1977.
- ¹⁴ *Штайнгаус К.* Указ. соч. С. 25. Подсчитано автором.
- ¹⁵ Стат. ежегодник России, 1914 год. Пг., 1915. Отдел I. С. 4.
- ¹⁶ *Константинов О. А.* Северный Кавказ. М.; Л., 1930. С. 12.
- ¹⁷ Стат. ежегодник России, 1913 год. Пг., 1914. Отдел VII. С. 9—12. Подсчитано автором.
- ¹⁸ Юго-Восток: Справочник. Ростов н/Д, 1924. С. 447—450. Подсчет.
- ¹⁹ Стат. ежегодник России, 1913 год. Отдел X. С. 1; Труды совета обследования и изучения Кубанского края. Т. 7, вып. 1: Материалы по хлебному делу и торговле. Екатеринодар, 1919, С. 21
- ²⁰ *Лященко П. И.* Экономические районы Юго-Востока Европейской России. Ростов н/Д, 1918. С. 67, 77, 81. 82; Юго-Восток: Справочник. С. 450.
- ²¹ Труды ЦСУ. Т. 7, вып. 1: Стат. сб. за 1913—1917 гг. М., 1921. С. 4—38. Подсчитано автором.
- ²² *Эвентов Л.* Иностранный капитал нефтяной промышленности России, 1874—1917. М.; Л., 1925. С. 60, 77, 124.
- ²³ СИЭ. Т. II. С. 592.
- ²⁴ *Эвентов Л.* Указ. соч. С. 60, 66, 124.
- ²⁵ *Демешина Е. И.* Промышленность Дона в начале XX века // Очерки экономического развития Дона. Ростов н/Д, 1960. С. 110; *Лебедик Н. И.* Из истории образования и деятельности акционерного общества Армавир-Туапсинской железной дороги (1909—1917 гг.) // Об особенностях империализма в России. М., 1963. С. 398, *Панченко В. С.* Состояние промышленности Дона в предвоенные годы (1912—1914 гг.) // Очерки экономического развития Дона. С. 125, 126.
- ²⁶ *Лебедик Н. И.* Формирование пролетарских кадров на Северном Кавказе в 1910—1917 гг. // Рабочий класс и рабочее движение в России, 1861—1917. М., 1966. С. 184, 185.
- ²⁷ *Демешина Е. И.* Указ. соч. С. 113.
- ²⁸ *Дубовицкий М. М.* Иностранный капитал в нефтяной промышленности Кубани // Об особенностях империализма в России. С. 363.
- ²⁹ *Задера А. Г.* К вопросу об иностранных капиталах в тяжелой промышленности Юга России в период империализма // Об особенностях империализма в России. С. 314.
- ³⁰ *Панченко В. С.* Указ. соч. С. 125, 126, *Гиндин И. Ф.* Русские коммерческие банки. М., 1948. С. 317.
- ³¹ *Эвентов Л.* Указ. соч. С. 52; *Дубовицкий М. М.* Указ. соч. С. 371; Монополистический капитал нефтяной промышленности России, 1883—1914: Документы и материалы. М.; Л., 1961. С. 724.
- ³² Победа Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957. С. 42. Подсчитано автором.
- ³³ *Колосов Л. Н.* К вопросу о роли русских капиталов в дореволюционной грозненской нефтяной промышленности (Максимовская группа) // Об особенностях империализма в России. М., 1963. С. 391; *Поголов С. И.* Начало монополизации грозненской нефтяной промышленности (1893—1903) // Монополии и иностранный капитал в России. М.; Л., 1963. С. 119.
- ³⁴ *Дякин В. С.* Германские капиталы в России. Л., 1971. С. 166—171.
- ³⁵ *Пилия Г. В.* Политика Германии в Закавказье в 1918 году. Тбилиси, 1971. С. 33.
- ³⁶ Там же. С. 29, 30, 32. ³⁷ Там же. С. 31.

- ³⁸ Маньковский В., Давиденко З., Закиев Р. По следам минувшего. Краснодар, 1973. С. 30—31.
- ³⁹ ЦГВИА. Ф. 400. Оп. 25. Д. 13505. Л. 37. О сдаче войсковой земли Терского казачьего войска под разведку и добычу нефти фирме «И. А. Ахвердов и К^о» в наделах Семашкинской и Романовской станиц.
- ⁴⁰ Там же. Д. 12643. Л. 7, 8. Ходатайство Особого совещания по топливу о сдаче в аренду нефтеносных участков без торгов в районе Кубанской области группе английских обществ в лице их представителя Г. Твиди.
- ⁴¹ Там же. Л. 21 об., 26. ⁴² Там же. Л. 25. ⁴³ Там же. Л. 26 об.
- ⁴⁴ Там же. Д. 12644. Л. 1, 3 об., 5. Разрешение подданному Великобритании Ландеру быть управляющим нефтепромыслами акционерного общества «Шпис».
- ⁴⁵ Там же. Д. 12699. Л. 1, 1 об, 2, 3. Учреждение Русско-английского акционерного общества.
- ⁴⁶ Там же. Д. 13503. Л. 1, 2, 2 об., 10. О разрешении Обществу грозненского нефтяного производства «И. А. Ахвердов и К^о» приобрести в срочное пользование 9 нефтеносных участков Терской области.
- ⁴⁷ Там же. Д. 13512. Л. 2 об., 6. О разрешении фирме «И. А. Ахвердов и К^о» приобрести в срочное пользование от Д. С. Схиртладзе 4 участков заведомо нефтеносной земли.
- ⁴⁸ Там же. Д. 13498. Л. 19, 19 об., 49. По отчетам разных обществ и товариществ.
- ⁴⁹ Дубовицкий М. М. К вопросу об условии развития капитализма в сельском хозяйстве и характере классовой борьбы в деревне в эпоху империализма // Особенности аграрного строя России. М., 1962. С. 372.
- ⁵⁰ ЦГВИА. Ф. 400. Оп. 25. Д. 13644. Л. 3, 4. О правах иностранцев на приобретение недвижимых имуществ в Кубанской области.
- ⁵¹ Там же. Л. 1.
- ⁵² Там же. Д. 13505. Л. 34, 46.
- ⁵³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 219.
- ⁵⁴ Цит. по: История Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1967. С. 313.
- ⁵⁵ Козлов А. И. Некоторые вопросы общественно-экономического развития и социального состава населения Дона и Северного Кавказа накануне Октября // Социально-экономическая структура населения Дона и Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1984. С. 23, 25.
- ⁵⁶ Там же. С. 21, 23, 25.
- ⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 88.
- ⁵⁸ Козлов А. И. На историческом повороте. Ростов н/Д., 1977. С. 112, 205—211.
- ⁵⁹ Труды общеказачьего съезда с 23 по 29 марта 1917 г. в Петрограде. К., 1917. С. 19—20; Игнатьев А. В. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль-октябрь 1917 г.). М., 1966. С. 195.
- ⁶⁰ Труды общеказачьего съезда... С. 21.
- ⁶¹ Там же. С. 70.
- ⁶² Вестник союза казачьих войск. 1917. 17 мая.
- ⁶³ Русский инвалид. 1917 6 июня.
- ⁶⁴ Постановления Донского Войскового круга. Первый созыв, 26 мая — 18 июня 1917 г. Новочеркасск, 1917. С. 1—3.
- ⁶⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.
- ⁶⁶ Казачья жизнь. 1917. № 4/5. С. 7.
- ⁶⁷ Вестник союза казачьих войск. 1917. 16 июня.
- ⁶⁸ Казачья жизнь. 1917. № 4/5. С. 26.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 298.
- ⁷¹ См.: Там же. С. 301—302.
- ⁷² Бьюкенен Д. Моя миссия в России: Воспоминания дипломата. Берлин, 1924. Т. 2. С. 108.
- ⁷³ Армия и флот свободной России. 1917. 16 июля, Вестник союза казачьих войск. 1917. 22 июля.
- ⁷⁴ Kloх A. With the Russian Army. 1914—1917. London, 1921. Vol. 2.
- ⁷⁵ Бьюкенен Д. Указ. соч. С. 117.

- ⁷⁶ *Игнатьев А. В.* Указ. соч. С. 303.
- ⁷⁷ *Бьюкенен Д.* Указ. соч. С. 121.
- ⁷⁸ Подробнее см.: *Видясов Ф. И.* Контрреволюционные замыслы иностранных империалистов и корниловщина // *Вопр. истории.* 1963. № 5; *Васюков В. С.* Предыстория интервенции (февраль 1917 — март 1918). М., 1968; *Ганелин Р. Ш.* Россия и США (1914—1917). Ленинград, 1969; и др.
- ⁷⁹ *Бьюкенен Д.* Указ. соч. С. 130.
- ⁸⁰ Ростовская речь. 1917. 16 сент.
- ⁸¹ Приазовский край. 1917. 30 сент.
- ⁸² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1983. Т. 1. С. 610.
- ⁸³ Государственное совещание. М.; Л., 1930. С. 111.
- ⁸⁴ ЦГАОР СССР. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 15. Л. 176; Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р.—6. Оп. 2. Д. 3. Л. 7.
- ⁸⁵ Подробнее см.: *Кириченко Ю. К.* Подготовка «второй корниловщины» на Дону // *Вопр. истории.* 1973. № 10.
- ⁸⁶ Вольность. 1917. 10 окт. ⁸⁷ Там же. 19 окт.
- ⁸⁸ Там же. 17 окт.
- ⁸⁹ Вольный Дон. 1917. 24 окт. ⁹⁰ Там же. 22 окт.
- ⁹¹ Киевская мысль. 1917. 22 окт. (Утр. вып.).
- ⁹² *Поздеев П.* Октябрьский переворот и Всероссийский фронтовой казачий съезд // *Пролет. революция.* 1922. № 4. С. 55.
- ⁹³ *Ганелин Р. Ш.* Указ. соч. С. 392—394.
- ⁹⁴ Документы Раймонда Робинса // *Вопр. истории.* 1970. № 8. С. 121.
- ⁹⁵ Октябрьская революция перед судом американских сенаторов: Официальный отчет «Овермэнской комиссии» сената. М., Л., 1927. С. 143.
- ⁹⁶ *Игнатьев А. В.* Указ. соч. С. 377—378.
- ⁹⁷ *Nissel.* Le Triomphe des Bolcheviks et la Paix de Brest-Litovsk Souvenirs. 1917—1918. Paris, 1940. P. 60.
- ⁹⁸ *Ullman R. H.* Intervention and the War: Anglo-Soviet Relations, 1917—1921. Princeton, 1961. Vol. 1; *Bradley J.* Allied Intervention in Russia. L., 1968.
- ⁹⁹ Вольный Дон. 1917. 1 нояб.
- ¹⁰⁰ Приазовский край. 1917. 31 окт.
- ¹⁰¹ *Sadoul J.* Notes sur la Revolution Bolchevique (octobre 1917 — juillet 1918). Zurich, 1918. P. 50.
- ¹⁰² *Бьюкенен Дж.* Моя миссия в России: Воспоминания дипломата. Берлин, 1924. Т. 2. С. 151.
- ¹⁰³ Вольный Дон. 1917. 16 нояб.
- ¹⁰⁴ *Ullman R. H.* Op. cit. P. 43—44.
- ¹⁰⁵ Вольная Кубань. 1917. 26 нояб.
- ¹⁰⁶ *Волков Ф. Д.* Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980. С. 25—26.
- ¹⁰⁷ *Соловьев О. Ф.* Подготовка и начало антисоветской интервенции Антанты: По материалам французских и английских архивов // *Новая и новейшая история.* 1977. № 6. С. 136—137.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 137.
- ¹⁰⁹ *Ullman R. H.* Op. cit. P. 44, 46, 51; *Bradley J.* Op. cit. P. 11—12; *Brinkley J.* The Volunteer Army and Allied Intervention in South Russia, 1917—1921. Notre Dame, Indiana, 1966. P. 27.
- ¹¹⁰ Терский вестник. 1917. 12 нояб.
- ¹¹¹ *Nissel.* Op. cit. P. 139.
- ¹¹² *Bradley J.* Op. cit. P. 12.
- ¹¹³ ЦГАОР СССР. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 56. Л. 143; Вольный Дон. 1917. 24 и 25 нояб.
- ¹¹⁴ ЦГАВМФ. Ф. 181. Д. 1. Л. 15; Партийный архив Ростовского обкома КПСС. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1270. Л. 3. (Далее: ПАРО).
- ¹¹⁵ ПАРО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 49. Л. 119; Октябрь 1917 г.: Сб. статей и воспоминаний. Ростов н/Д. 1921. С. 28.
- ¹¹⁶ *Nissel.* Op. cit. P. 137.
- ¹¹⁷ Цит. по: *Соловьев О. Ф.* Указ. соч. С. 138.
- ¹¹⁸ Там же. ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ *Абазатов М. А.* Борьба трудящихся Чечено-Ингушетии за Советскую власть. Грозный, 1969. С. 31.

- ¹²¹ Вольный Дон. 1917. 6 дек.
- ¹²² Там же. 14 нояб.
- ¹²³ Ростовская речь. 1917. 9 дек.
- ¹²⁴ *Гамбашидзе Г.* Из истории политики США в отношении Грузии, 1917—1920. Тбилиси, 1960. С. 10.
- ¹²⁵ *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States.* 1918. Russia. Washington, 1932. Vol. 2. P. 588—589.
- ¹²⁶ *Ibid.* P. 589. ¹²⁷ *Ibid.* P. 607. ¹²⁸ *Ibid.* P. 606.
- ¹²⁹ *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States: The Lansing Papers* 1914—1920. Washington, 1940. Vol. 2. P. 343—344.
- ¹³⁰ *Вильямс В. Э.* Американская интервенция в России в 1917—1920 гг. // *История СССР.* 1964. № 4. С. 176—177.
- ¹³¹ *Ротштейн Эндрю.* Когда Англия вторглась в Советскую Россию. М., 1982. С. 57.
- ¹³² *Documents on British Foreign Policy* 1919—1939. First Series. Vol. 3: 1919. L., 1949. P. 369—370.
- ¹³³ *Черчилль В.* Мировой кризис. М., 1932. С. 105.
- ¹³⁴ Там же. С. 50.
- ¹³⁵ *Ullman R. H.* *Op. cit.* P. 52, 56, 232.
- ¹³⁶ *Brinkley J.* *Op. cit.* P. 27—28.
- ¹³⁷ См.: Владимир Ильич Ленин: Биохроника. М., 1974. Т. 5. С. 119.
- ¹³⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 18.
- ¹³⁹ Теодорович — офицер сербской армии, выдавая себя за врача и под прикрытием повязки Красного Креста, занимался шпионажем.
- ¹⁴⁰ ЦГАОР СССР. Ф. 8415. Оп. 1. Д. 4. Л. 57, 66, 72.
- ¹⁴¹ ЦГАСА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 88, 139.
- ¹⁴² *Гуковский А. И.* Антанта и Октябрьская революция. М.; Л., 1931. С. 126.
- ¹⁴³ Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии (1917—1921 гг.): Сб. документов. М., 1958. С. 111—112; *Революционная Ставка*, 1917. 24 дек.
- ¹⁴⁴ *Ullman R. H.* *Op. cit.* P. 43.
- ¹⁴⁵ *Кириенко Ю. К.* Крах калединщины. М., 1976. С. 128—129.
- ¹⁴⁶ *Валь Э. Г.* К истории белого движения: Деятельность генерал-адъютанта Щербачева. Таллин, 1935. С. 25.
- ¹⁴⁷ *The Story of my Life by Marie, Queen of Romania.* L., 1935. Vol. 3. P. 290—291.
- ¹⁴⁸ *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States.* Vol. 2. P. 607.
- ¹⁴⁹ *История дипломатии.* М., 1945. Т. 2. С. 317.
- ¹⁵⁰ Дневник генерала М. Г. Дроздовского. Берлин, 1923. С. 20, 29; *Донская волна.* 1919. № 2(30). С. 5.
- ¹⁵¹ *Донская волна.* 1919, № 17(45). С. 8.
- ¹⁵² Белое дело. Берлин, 1926. Т. 1. С. 79.
- ¹⁵³ *Масарик Т. Г.* Мировая революция: Воспоминания. Прага, 1926. Т. 1. С. 212, 215.
- ¹⁵⁴ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Париж, Б. г. Т. 2. С. 213.
- ¹⁵⁵ *Миллюков П. Н.* Россия на переломе. Париж, 1927. Т. 1. С. 25.
- ¹⁵⁶ Государственный архив Ростовской области. Ф. 3440. Оп. 1. Д. 25. Л. 2. (Далее: ГАРО).
- ¹⁵⁷ *Веселы И.* Чехи и словаки в революционной России, 1917—1920 гг. М., 1965. С. 64.
- ¹⁵⁸ Воспоминания генерала А. П. Богаевского, 1918 год: «Ледяной поход». Нью-Йорк, 1963. С. 55—56, 82, 94.
- ¹⁵⁹ *Клеванский А. Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965. С. 140—141.
- ⁶⁰ *Bradley J.* *Op. cit.* P. 13, 16, 244; *Brinkley G.* *Op. cit.* P. 27.
- ⁶¹ *Донская летопись.* Белград. 1923. № 1. С. 91.
- ⁶² Владимир Ильич Ленин: Биохроника. Т. 5. С. 151.
- ⁶³ *Армия и флот рабочей и крестьянской России.* 1917. 24 дек.
- ⁶⁴ *Правда.* 1917. 24 дек.
- ⁶⁵ *Социал-демократ.* 1917. 7 дек.; *Правда.* 1917. 12 дек.
- ⁶⁶ *Наш век.* 1917. 10 дек.
- ⁶⁷ *Документы внешней политики СССР.* М., 1957. Т. 1. С. 67.
- ⁶⁸ *Донецкий пролетарий.* 1917. 21 дек.
- ⁶⁹ *Приазовский край.* 1918. 25 янв.
- ⁷⁰ *Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений.* Т. 1: Ноябрь 1917 — август 1922. М., 1973. С. 45.

- ¹⁷¹ ЦГАОР СССР. Ф. 8415. Оп. 1. Д. 17. Л. 6.
¹⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 43.
¹⁷³ Соловьев О. Ф. Указ. соч. С. 138—139.
¹⁷⁴ Там же. С. 139.
¹⁷⁵ ГАРО. Листовки ОФОР. Папка № 8. Инв. № 207.
¹⁷⁶ Донская волна. 1919. № 13(41). С. 3.
¹⁷⁷ Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 352.
¹⁷⁸ Донские известия. 1918. 12 апр.
¹⁷⁹ Френкель А. А. Орлы революции. Ростов н/Д, 1920. С. 13.
¹⁸⁰ Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 185.
¹⁸¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 296—297.
¹⁸² Там же. Т. 36. С. 95.

Глава **ИНТЕРВЕНЦИЯ ЧЕТВЕРНОГО СОЮЗА**
третья **НА ДОНУ И СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**
 В 1918 Г.

1. Экспансионистские планы германского империализма на Юге России

Навязав Советской Республике грабительские условия мира в Брест-Литовске, германский империализм рассчитывал использовать их для осуществления своих дальнейших агрессивных замыслов. «Этот мир, — указывалось в декларации, оглашенной советской делегацией при подписании договора, — продиктован с оружием в руках... Это — мир, который под предлогом „освобождения“ российских окраин на деле превращает их в немецкие провинции... Германия силой оружия занимает области с чисто русским населением и устанавливает там режим военной оккупации и дореволюционного строя... Такой откровенный и насильственный территориальный захват важных стратегических пунктов может иметь только одну цель: подготовку нового наступления на Россию...»¹.

В словах декларации довольно точно определена сущность военно-политического курса германского империализма в отношении Советского государства: заключив мир с Советским правительством, Германия намерена была продолжать «в рамках договора», а затем и грубо попирая его, наступление своих войск на Юге страны, не отказываясь при благоприятных условиях от возобновления «большой войны» с целью свержения большевизма. Курс этот основывался на убежденности руководителей кайзеровской монархии в кратковременности существования Советской власти, неминучести ее скорого падения.

В правящих кругах Германии не было, однако, единомыслия в вопросах практического проведения антисоветского курса. Господствовавшая среди буржуазных политиков военно-стратегическая концепция предусматривала, по словам рейхсканцлера Гертлинга, «решение труднейшей задачи установления хороших экономических и политических отношений с Россией при помощи мощного удара и одновременного отторжения входящих в состав России территорий, которые необходимо превратить в бастион на немецких границах»². Вышие же военные руководители настаивали на продолжении захватнических действий, не считаясь с подписанными условиями мира. Начальник генерального штаба и фактический главнокомандующий германской армией фельдмаршал П. Гинденбург считал заключенный с Россией договор противоречащим его убеждениям³. По признанию его помощника Э. Людендорфа, военные сделали все от них зависящее, чтобы «настоящий мир с Россией не наступил»⁴.

Борьба в правящих кругах Германии усугубляла сложность внешнеполитического положения Советской Республики, усиливая нестабильность отношений между двумя странами.

Продиктованные немцами в Бресте условия не содержали обязательств для Германии признавать территориальную целостность и неприкосновенность Советской России. Договор не устанавливал каких-либо рамок оккупации в огромной полосе от Брест-Литовска до Черного моря. Советская Республика обязалась в Бресте немедленно заключить мир с Украинской Центральной радой, но границы Украины с Советской Россией не были определены, и это давало повод кайзеровской военщине «для политики постепенного наступления и просачивания Германии все дальше и дальше в глубь России»⁵.

В ту пору страны Четверного союза приближались к военной катастрофе: в Германии и Австро-Венгрии назревала революция, и авантюристическое германское командование видело спасение в захватах на Востоке.

В первую очередь речь шла о южных районах страны, богатых продовольствием, топливом и другими видами сырья, столь необходимыми для ведения войны. Для оккупации Украины было выделено свыше 33 дивизий. На направлении главного удара из района Ковеля на Киев — Полтаву — Харьков — Ростов-на-Дону наступали два армейских корпуса. Третий двигался степями Таврии. «На Украине,— объяснял позднее Людендорф,— надо было подавлять большевизм и создавать там такие условия, чтобы иметь возможность извлечь из нее военные выгоды и вывозить хлеб и сырье. Для этого мы должны были сильно углубиться в страну»⁶. Оправдывая дальнейшее «углубление» и вторжение интервентов в пределы РСФСР, генерал-квартирмейстер германской армии писал, будто после захвата 8 апреля Харькова выяснилось, что «без угля Донбасса эксплуатация железных дорог невозможна...». Пришлось, заключает Людендорф, занять и эту часть Украины и продвинуть наш фронт до Ростова⁷.

На самом деле новое продвижение не было плодом решения, принятого под влиянием обстоятельств. Немцы еще в марте планировали оккупацию важнейших стратегических пунктов Донской области, а также Крыма и кавказского побережья Черного моря. При этом они использовали националистическую Центральную раду, которая предъявила необоснованные территориальные претензии на Крым, Таганрогский округ и некоторые другие районы, признанные Брестским мирным договором частью Российской Советской Республики. Соглашением между верховным командованием Германии и Австро-Венгрии от 29 марта 1918 г. предусматривался захват Таганрога, Ростова и Новороссийска⁸.

«На Украине,— записывал в конце апреля в своем дневнике начальник штаба Восточного фронта М. Гофман,— все идет планомерно. Мы заняли весь Крым, нам еще следует занять Таганрог и Новороссийск, тогда все Черное море будет в наших руках»⁹. Как видим, речь шла отнюдь не об обеспечении стратегического

тыла германской армии, как утверждал задним числом Людендорф и как вторят ему нынешние западные буржуазные историографы¹⁰, но об осуществлении далеко идущих империалистических планов установления господства на всем Юго-Востоке Европейской России с последующим захватом Баку и выходом в Среднюю Азию к границам Индии. Воображению кайзеровских генералов уже мерещилось сокращение Британской империи и вождеденное мировое господство.

Распространить свое влияние на важнейшие районы Закавказья и Северного Кавказа желала и союзница Германии Османская Турция. С согласия немцев турецкие войска в апреле предприняли наступление в глубь Закавказья, имея задачей оккупацию восточных районов Армении и Тбилиси. В дальнейшем предусматривался захват всего Азербайджана и вторжение в горные районы Дагестана, Чечни и Ингушетии¹¹.

Германский империализм и его младший партнер наперебой стремились получить доступ к эксплуатации этих богатейших и важных в стратегическом отношении территорий. Последовательно и педантично осуществлялся план, разработанный германскими монополиями еще в 1914—1915 гг. и изложенный в секретном меморандуме шести пангерманских хозяйственных организаций. План этот был еще тогда принят германским правительством. Им предусматривалось создать на землях Восточной Европы обширную «сельскохозяйственную базу», которая будет снабжать метрополию «здоровыми крестьянами», «крепкими и выносливыми солдатами», продовольствием и промышленным сырьем. Россия будет отброшена от Балтийского и Черного морей, безапелляционно заявлялось в меморандуме пангерманцев¹². В Берлине вынашивалась идея создания на территории Южной России вассального Черноморского государства. Местных трудоспособных жителей предполагалось угнать на работы в Германию, а на их земле поселить немецких солдат — ветеранов войны, а также тех немцев, которые были рассеяны по России¹³. Немецким колонистам придавалось весьма серьезное значение. Предполагалось, что в южнорусских губерниях они выставят 50 тыс. новобранцев в ряды германской армии. Словом, как не без сарказма заметил современный западногерманский либеральный историк О. Грецер, «все в Берлине были одержимы... возможностью создания „восточной империи“ путем зверских аннексий»¹⁴. Из сказанного видна полная несостоятельность попыток организаторов немецкого нашествия на Советскую страну представить его как вынужденную меру, вызванную будто исключительно опасениями воссоздания Антантой антигерманского фронта на Дону, Кавказе и Волге. Подобные объяснения, имеющие целью скрыть подлинные мотивы действий оккупантов, повторяют нынешние западногерманские и английские авторы. Они рассматривают германскую интервенцию в Советскую Республику лишь как один из эпизодов последней фазы мировой войны на Восточном фронте¹⁵. Тем самым отрицается различие между войной Герма-

нии против России, входившей в Антанту и закончившейся подписанием Брестского мира, и агрессивной войной, навязанной немцами РСФСР. По поводу последней В. И. Ленин писал: «Это не та война, которую большевики обещали прекратить, — это новая война, которую немцы ведут против Советской власти»¹⁶.

Главным препятствием к осуществлению Германией экспансионистских планов в этой войне являлась решимость трудящихся всей Советской страны защитить завоевания социалистической революции, отстоять добытую с таким трудом свободу. Настоятельной необходимостью в этой справедливой борьбе становилось укрепление связей окраин, которым угрожали интервенты, с революционным центром. Именно поэтому германо-турецкие империалисты осуществляли курс на расчленение России, стремились, в частности, отделить Дон и Северный Кавказ, как и Украину, от Советской Республики, поддерживали на Юго-Востоке контрреволюционные, сепаратистские силы, подталкивая их на борьбу с Советской властью. С предельной ясностью этот курс был разъяснен самим Вильгельмом II в беседе с атаманом Астраханского казачьего войска князем Тундутовым, явившимся в Берлин за поддержкой. «Славянский вопрос, — говорил кайзер, — нам надоел. Поэтому знайте, что никакой... „единой России“ не будет, а будет четыре царства: Украина, Юго-Восточный союз, Великобритания и Сибирь. Мы отлично знаем, что у вас... думают, что вы присоедините к Киеву все остальное и таким образом объедините Россию. Пожалуйста передавайте там, что мы этого не желаем и не допустим»¹⁷.

В конце апреля немцы разогнали вконец дискредитировавшую себя в глазах трудящихся Центральную раду и назначили гетманом марионеточной «Украинской державы» крупного помещика, бывшего царского генерала и флигель-адъютанта П. П. Скоропадского, принявшего обязательства безоговорочно выполнять «советы» оккупантов¹⁸. Гетманский переворот означал полное восстановление буржуазно-помещичьего строя на Украине, что, как указывал В. И. Ленин, не могло не обострить борьбы против контрреволюции у нас, не могло не окрылить планов, не поднять духа у внутренней контрреволюции¹⁹, не усилить ее связей с международным империализмом. Образование в Киеве правительства Скоропадского, отмечал нарком иностранных дел Г. В. Чичерин, «встает перед Советской Россией как живая угроза все-российской реставрации, поддерживаемая германским военным командованием на Украине»²⁰.

После переворота в Киеве немцы начали осуществлять большой план, конечной целью которого было свержение Советского правительства и замена его прогерманским монархическим режимом, целиком зависимым от кайзеровской империи. Инициатива в выдвижении этого плана исходила от «военной партии», действовавшей в тесном контакте и по указаниям воротил монополистического капитала. Заинтересованные в колониальном ограблении России, последние настаивали на проведении «решитель-

тельной политики на востоке». 16 мая в Штальгофе, близ Дюссельдорфа, открылось совещание пушечных и стальных королей Германии. Центральным был вопрос о ведении дел с Россией, Украиной, Балканами и так называемыми окраинными народами. В принятой резолюции указывалось на необходимость возможно более глубокого финансового проникновения в Россию для сохранения политического и военного преимущества Германии. Но, подчеркивалось в документе, «условием такого предприятия является более прочное и гораздо более широкое укрепление политических позиций Германской империи в восточных областях, чем это следует из настоящих условий мирного договора»²¹.

Итак, пересмотр, т. е. разрыв, неудовлетворительных с точки зрения «фабрикантов смерти» брестских условий и замена их новым соглашением, полностью закабальюющим Россию. Но такое соглашение могло быть заключено лишь в результате свержения Советского правительства. С предельной откровенностью это выразил руководитель немецкого банка и будущий посол в Москве вице-канцлер К. Гельферих: «Только в том случае, если на место большевистского режима придет новый порядок вещей... мы могли бы надеяться облегчить ведение войны путем использования русских источников и запасов»²². Ознакомившись с программой монополистов, Людендорф телеграфировал в министерство иностранных дел о полном согласии военных с ней: «Любая другая политика, — категорически заключал он, — серьезно подорвала бы наши военные и послевоенные экономические интересы»²³.

Ухудшение международного и внутреннего положения Советской Республики в связи с развертыванием интервенции Антанты и обострением гражданской войны делало, казалось, перспективу организации государственного переворота в Москве реальной. Военный атташе при германском посольстве в Москве майор Шуберт, «первым высказавшийся за решительное выступление против большевиков», полагал даже, что двух батальонов было бы вполне достаточно «для водворения порядка в Москве и установления нового правительства». Хотя такую точку зрения начальник штаба германского Восточного фронта М. Гофман считал слишком оптимистической, сам он все-таки тоже «думал, что нам вполне бы хватило для проведения этого начинания тех немногих дивизий, которыми мы еще располагали», ибо, писал он, «в то время у Ленина... еще не было Красной Армии»²⁴.

Людендорф сразу же поддержал идею свержения Советского правительства, опираясь на помощь контрреволюционных сил самой России, в первую очередь на те, которые боролись против Советской власти на Украине, Дону и Северном Кавказе, в Закавказье. «В военно-политическом отношении оккупация нами Украины, — писал он, — значительно ослабила мощь Советского правительства. Мы также установили связь со многими великорусскими народными течениями и с донскими казаками, которых мы могли бы использовать для низложения большевизма»²⁵.

Поднявшая весной 1918 г. голову казачья контрреволюция явилась послушным орудием исполнения империалистических планов интервентов.

Пользуясь слабостью местных Советов и партийных организаций, отвлечением основных сил советских войск, верхи донского казачества подняли в начале апреля в разных концах области антисоветские мятежи. В них контрреволюционеры вовлекали и рядовых казаков, опутанных сословными предрассудками, опасающихся за свои наделы при уравнительном переделе земель. Но сил для большой войны у мятежников не хватало, и они все надежды возлагали на кайзеровские полчища. В северных округах, писал белоказачий «Дон», «движение в первую свою пору было до такой степени жиденьким и расплывчатым, что в успехе его можно было бы сомневаться, если бы не было определенной веры во внешнюю помощь»²⁶. Еще более определенно высказывался о перспективах «движения» штаб мятежников станицы Нижне-Чирской: «... или немецкие войска, или солидную числом и снарядами гаубичную артиллерию, или „сиди, Хома, дома да не рыпайся“»²⁷.

В последних числах апреля к командованию двигавшихся с Украины немецких дивизий направились с просьбой о помощи в борьбе с Советской властью делегаты образованного мятежниками контрреволюционного «временного Донского правительства». За поддержкой к немцам обратились и главы северокавказской горской контрреволюции. В письме к германскому представителю в Закавказье генералу Лоссову лидеры самозванного правительства «Союза объединенных горцев Северного Кавказа» А. Чермоев и Г. Баммат подчеркивали, что «благодарность германская будет иметь большую важность для осуществления их стремлений (т. е. отделения Северного Кавказа от Советской России.— Авт.)»²⁸.

Инспирированные самими оккупантами мольбы о помощи, с которыми обращались контрреволюционеры к германскому командованию, явились удобным прикрытием для осуществления империалистами агрессивных антисоветских замыслов. По словам западногерманского историка Гаффнера, немцы «не хотели представлять перед окружающими в качестве циничных захватчиков». Прием был найден самим кайзером — «не война, а помощь». Эта идея была поддержана рейхсканцлером Гертлингом. «Мы должны получить просьбы о помощи,— говорил он,— и тогда действовать». Призывы о помощи, саркастически замечает историк, прозвучали в точно назначенное время²⁹.

2. Вторжение германских войск и обострение гражданской войны на Дону и Северном Кавказе

Захват немцами Украины и продвижение в пределы Воронежской губернии и к границам Донской области создавали угрозу всему Юго-Востоку. Перед Советским правительством встала

труднейшая задача организовать отпор интервентам, притом так, чтобы не сорвать мирную передышку, не дать повода германским империалистам возобновить наступление по всему фронту. Четкую программу организации обороны Юга дал В. И. Ленин в письме от 14 марта 1918 г. Чрезвычайному комиссару Совнаркома на Украине Г. К. Орджоникидзе. В нем указывалось: «Немедленная эвакуация хлеба и металлов на восток, организация подрывных групп, создание единого фронта обороны от Крыма до Велико-россии с вовлечением в дело крестьян, решительная и безоговорочная перелицовка имеющихся на Украине наших частей на украинский лад — такова теперь задача»³⁰. Ход событий, подчеркивал вождь партии, фактическая война, которую ведут немцы с Украиной, навязывают южным республикам оборону³¹. С целью координации действий местных советских органов, укрепления их связей с центром декретом СНК от 9 апреля 1918 г. Г. К. Орджоникидзе было поручено организовать под своим председательством Чрезвычайный комиссариат Южного района, который бы объединял деятельность Советов Крыма, Дона, Терека, Черноморской губернии и всего Северного Кавказа, а также Черноморского флота. На комиссариат возлагались задачи проведения в жизнь декретов центральной Советской власти, организации «концентрированной борьбы с буржуазной контрреволюцией»³².

Под знаком мобилизации сил на отпор интервентам и подавление контрреволюционных мятежей проходил 9—14 апреля в Ростове I съезд Советов Дона. «Признавая мирный договор,— говорилось в принятой по предложению большевиков резолюции съезда,— трудовое казачество, крестьяне и рабочие не останутся ни перед чем для защиты Российской республики и все как один с оружием в руках восстанут в случае вторжения в пределы Донской республики чужеземных войск»³³.

В связи с угрозой вторжения немцев и разрастанием анти-советских мятежей постановлением ЦИК Донской республики от 16 апреля был образован Чрезвычайный штаб обороны, куда вошли Г. К. Орджоникидзе, председатель ЦИК и Главком В. С. Ковалев, председатель Донсовнаркома Ф. Г. Подтелков, И. Дорошев и А. Степанов³⁴. Под руководством большевиков в области стали формироваться красноармейские части и красногвардейские отряды. Части новой революционной армии создавались также Советами Кубани, Черноморья, Терека и Ставрополя.

Это были главным образом добровольческие отряды из рабочих, крестьян, казачьей и горской бедноты с непостоянным составом, выборными командирами, неналаженными штабами. Плохо вооруженные, нередко разобщенные, они смело вступали в бой с регулярными немецкими войсками и отлично обученными офицерскими и казачьими белогвардейскими формированиями. Мужественно отстаивая родную землю, советские отряды задерживали сколько могли продвижение врага.

Теснимые превосходящими силами австро-германцев и гайдамаков на территории Воронежской и Курской губерний, Донской

области и Крыма, с боями отходили украинские революционные войска под общим командованием В. А. Антонова-Овсеенко. Правое крыло их (Донецкая, 1-я Донская и 5-я армии) обороняли в двадцатых числах апреля северо-западные районы Донбасса, обеспечивая магистраль Луганск-Миллерово-Чертково, по которой двигались десятки эшелонов с эвакуируемыми семьями рабочих, оборудованием, оружием, боеприпасами и другими материальными ценностями. 1, 2 и 3-я армии прикрывали западные и юго-западные районы Донбасса. Положение армий Антонова-Овсеенко, отбивавшихся от наседавших немцев, осложнялось тем, что в их тылу действовали контрреволюционные мятежники. Разрушая железнодорожное полотно, мосты, станционные сооружения, повстанцы фактически помогали наступающим оккупантам.

18 апреля, прорвав оборону немногочисленных советских отрядов на Перекопе, германский корпус генерала Коша вступил в Крым. Заняв при содействии татарских буржуазных националистов Симферополь, немцы устремились к Севастополю, рассчитывая захватить Черноморский флот.

Однако замысел германского командования не удался. Высший Военный Совет Российской Республики постановил перебазировать флот в Новороссийск³⁵. Этому яростно воспротивились меньшевики, эсеры, анархисты, украинские «самостийники», контрреволюционная часть офицерства во главе с командующим флотом М. И. Саблиным. Вместе с председателем Центрофлота эсером Кнорусом Саблин вступил в преступные переговоры с Центральной радой с целью передать ей (т. е. фактически немцам!) флот. Но предательская затея адмирала провалилась. 21 апреля на совместном заседании Центрофлота и делегатов от всех кораблей и береговых частей абсолютным большинством голосов была принята предложенная большевиками резолюция: «Революционный Черноморский флот был авангардом революции, им и будет, и знамя революции никогда не спустит, ибо это знамя угнетенных, и моряки его не предадут»³⁶.

Совнарком приказал флоту «оказать энергичное сопротивление захвату Севастополя, а в случае невозможности удержать Севастополь со всеми судами, могущими выйти в море, перейти в Новороссийск, уничтожив все остающиеся в Севастополе суда, имущество и запасы»³⁷.

30 апреля немцы подошли вплотную к Севастополю. Узнав, что генерал Кош намерен оккупировать город и порт, корабли разрушить, а команды разогнать, большинство моряков высказались за перевод в Новороссийск. Последние корабли покидали Севастопольскую бухту под огнем полевой артиллерии противника, установленной на господствующих высотах. Немцам удалось помешать выходу подводных лодок, транспортных судов, катеров. Героическими усилиями большевиков, а также патриотически настроенных офицеров боевое ядро флота было вырвано из лап врага и переведено 1—2 мая 1918 г. в Новороссийск. На рейде Цемеской бухты сосредоточилось в начале мая два линкора, один

вспомогательный крейсер, 17 эсминцев и миноносцев, 10 сторожевых катеров³⁸.

Дальнейшее продвижение австро-германцев, перенос военных действий на территорию РСФСР угрожали срывом брестской передышки, втягиванием Республики в новую войну с Германией. Советское правительство прилагало все усилия, чтобы не допустить этого. Обсудив на своем заседании 22 апреля обстановку, складывающуюся на Юге, Совнарком предложил Военному комиссариату принять незамедлительные меры для обороны восточной границы Харьковской губернии, «особенно же станции Чертково, занять которую стремятся немцы и гайдамаки для перерыва железнодорожного сообщения с Ростовом»³⁹.

Вместе с тем предпринимались экстренные шаги, чтобы поставить дипломатический барьер вторжению интервентов. Советское правительство решительно настаивало перед Германией на точном соблюдении условий Брестского мира и прекращении наступления немецких войск за пределы чисто украинской территории. Чтобы пресечь попытки кайзеровской военщины спекулировать на неопределенности восточных границ Украины, Наркоминдел РСФСР предложил германскому правительству незамедлительно высказаться определенно по вопросу о том, «какие именно границы ставит это правительство Украинской республике»⁴⁰. Немцы ответили, что к «собственно Украине» (в соответствии с прокламацией Центральной рады) относятся губернии: Волынская, Подольская, Херсонская, Таврическая (без Крыма), Киевская, Полтавская, Черниговская, Екатеринославская и Харьковская⁴¹.

21 апреля ЦИК Донской республики получил телеграмму за подписью В. И. Ленина о том, что Германией официально признана принадлежность Донской области, Крыма, а также губерний Орловской, Тульской, Курской и Воронежской к РСФСР. «В виду этого,— говорилось в телеграмме,— на их территорию не должны распространяться военные действия, ведущиеся на Украине». Местным Советам и начальникам частей предписывалось разоружать войска обеих воюющих сторон, переходящих границы Советской России⁴². Чтобы избежать вооруженных конфликтов, Совнарком предложил местным властям и командованию Красной Армии высылать навстречу немецким войскам парламентариев для заключения соглашений о прекращении военных действий.

Одновременно германскому послу в Москве Мирбаху при вручении им верительных грамот была передана нота, в которой заявлялось о недопустимости нарушений немецкими войсками границ РСФСР, официально признанных Германией. Советское правительство, указывалось в ноте, вынуждено в сложившихся обстоятельствах «мобилизовать необходимые силы для обеспечения свободы и независимости Российской Республики, угрожаемой ныне в тех пределах, которые определены были Брест-Литовским договором»⁴³. В случае, если германо-гайдамацкие отряды будут продолжать наступать на нашу территорию, необходимо, указы-

валось в постановлении Совета Народных Комиссаров от 4 мая 1918 г., «защищаться до последней капли крови, мобилизуя и вооружая все взрослое население угрожаемых областей»⁴⁴.

Предпринятые Советским правительством меры свидетельствовали о его твердой решимости защищать неприкосновенность Республики. Вместе с тем проявлялось стремление устранить формальный повод для нарушения немцами границ РСФСР. Выполнение указаний Совнаркома помогало сохранить украинские революционные войска от разгрома в неравной борьбе с интервентами.

Но немецкие дивизии продолжали рваться на восток. «Германцы, — сообщал из Ростова в Москву 27 апреля Г. К. Орджоникидзе, — несмотря на все принятые меры, границы перешли. Приняты самые энергичные меры для оказания противодействия, но возлагать на это большие надежды не приходится»⁴⁵.

30 апреля немцы захватили станцию Чертково, отрезав украинским революционным войскам путь на север. В сложившейся обстановке 5-я армия с присоединившимися к ней отрядами 3-й и Донецкой армий стала отходить на юг к Лихой и дальше вдоль железной дороги на восток через казачьи станицы и хутора, объятые пламенем антисоветских мятежей, к Царицыну.

Интервенты и белоказаки попытались перерезать путь отхода украинским войскам ударом на Каменскую, но здесь враг встретился с упорным сопротивлением местных красногвардейцев во главе с Е. А. Щаденко. «Сдерживая натиск наступающих от Гундоровки объединенных немецких и казачьих сил, — писал позднее командир красных отрядов, — Каменский гарнизон... переживал критические дни»⁴⁶. Вместе с выделенным командованием 5-й армии отрядом И. С. Локотоша каменцы четыре дня отбивали яростные атаки противника, пока в ночь на 5 мая не отошли от Каменской последние советские эшелоны.

Продвигаясь далее вдоль линии Юго-Восточной железной дороги, оккупанты после двухдневных боев захватили г. Сулин. У разъезда Горного немцы при поддержке белоказаков окружили и принудили к сдаче красногвардейские отряды сулинских металлургов и несветайских шахтеров. Пленных бойцов по распоряжению германского командования отправили в Восточную Пруссию на каторжные работы.

На южном крыле фронта под натиском интервентов в пределы Донской области отошли части 1-й и 2-й украинских армий. На их арьергарды наседали дивизии из корпуса генерала Кнёрцера. Чтобы остановить немцев, Чрезвычайный штаб обороны Донской республики предпринял попытки вступить в переговоры с германским командованием. Выехавшие в ночь на 27 апреля навстречу наступающим оккупантам члены Таганрогского Совета во главе с А. Глушковым предложили представителям Кнёрцера начать переговоры о прекращении военных действий, ссылаясь при этом на заключенный между центральными державами и Российской Республикой, составной частью которой является Донская респуб-

лика, мирный договор⁴⁷. Немцы, однако, отказались приостановить наступление. Пролетарский Таганрог готовился к боям.

Несколько отрядов из состава 1-й и 2-й украинских армий вместе с находившимися в Таганроге рабочими дружинами составили группировку численностью около 5 тыс. бойцов. С 29 апреля в течение трех дней они героически сражались с превосходящими силами интервентов на подступах к городу. Сломив мужественное сопротивление советских отрядов, части 20-й баварской дивизии вечером 1 мая ворвались в Таганрог. Прикрывая отход остальных войск по железной дороге на Ростов и эвакуацию морем на Ейск, в тяжелых боях был почти полностью уничтожен полк под командованием А. Каска (численностью свыше 2200 человек), ядро которого составляли киевские и полтавские рабочие⁴⁸. Так в борьбе за свободу кровью скреплялись дружба и братство русских и украинских трудящихся.

Захватив Таганрог, интервенты стали продвигаться к Ростову. Донское Советское правительство предприняло еще одну попытку задержать наступление немцев. 2 мая Г. К. Орджоникидзе и В. С. Ковалев выехали на автомобиле в Таганрог, где заявили германскому командованию решительный протест против вторжения в пределы Донской республики, противоречащего мирному договору. Генерал Кнёрцер цинично ответил, что его войска явились по приглашению правительства Украинской республики помочь восстановить границы Украины. Но как определяются эти границы, добавил он, еще неизвестно. Он имеет приказ занять Ростов, как пункт, важный в стратегическом отношении. В то же время, заключил генерал, он, принимая к сведению сделанное ему заявление, запросит высшее командование⁴⁹. Помедлив, командир корпуса согласился приостановить наступление на столицу Донской республики.

Фон Кнёрцер решил сберечь силы. Он надеялся, что город будет захвачен предусмотрительно пропущенным через германские позиции офицерским отрядом Дроздовского, направлявшимся на Дон с Румынского фронта. Внезапным ударом дроздовцы действительно овладели Ростовом 4 мая при помощи местных белогвардейцев. Но уже на следующий день красновардейцы совместно с отрядами 2-й украинской армии ударили со стороны Батайска и восточной окраины города — Нахичевани — выбили дроздовцев из Ростова, нанеся им большие потери⁵⁰.

В ходе боев все больше проявлялось взаимодействие интервентов с белоказаками, силы которых немцы использовали для осуществления своих экспансионистских планов. В свою очередь, мятежники активизировались при прямой поддержке оккупантов. Воспользовавшись тем, что советские отряды в Ростове были заняты отражением германской угрозы и борьбой с контрреволюционным подпольем, мятежники 6 мая после короткого боя захватили Новочеркасск. На следующий день немецкие войска с запада и белоказачья конница со стороны Новочеркаска под прикрытием сильного артиллерийского огня перешли в наступление. Советские

отряды вынуждены были отойти за Дон, и утром 8 мая в Ростов вступили авангардные части 1-го резервного корпуса оккупантов и кавалеристы полковника Туроверова.

Местная буржуазия с восторгом встречала интервентов. «Германцы в походном порядке тремя колоннами входят в Ростов. Тысячные толпы стоят на пути победителей,— захлебываясь писал репортер меньшевистского «Рабочего дела». — Кое-где в немецкие колонны вкраплены отдельные русские офицеры с трехцветными нашивками на рукавах. Ближе к центру настроение толпы теплее по отношению к спасителям...»⁵¹. Поистине впечатляющая демонстрация признательности российских толстосумов, спасенных чужеземной женщиной от своего народа.

Явившись «по приглашению» (впрочем, неизвестно чьему, ибо претензии Рады на Ростов не распространялись), оккупанты тотчас приняли меры к укреплению своих военных и политических позиций. Они, вспоминая командуемый Донской белоказачьей армией генерал С. В. Денисов, «отбросили свои авангарды к Батайску (на левом берегу Дона.—*Авт.*), тесня большевиков к югу. Казаки выбросили свои авангарды к хутору Злодейскому, что на юго-восток от Батайска и в 10 верстах от него. Левее казаков вела наблюдение и разведку баварская кавалерия, эскадроны которой к вечеру 25 апреля (по старому стилю.—*Авт.*) заняли станции Ольгинскую и Аксайскую... С другой стороны, новые соратники не забыли навести свои пушки на столицу Дона и в расстоянии 11 верст от города полукольцом с юга расставили свои аванпосты с пулеметами, как бы желая показать свою силу, свое право делать то, что им будет угодно, а не то, что будет желать капризная власть Дона, не обладающая военной силой»⁵².

В спешном порядке по указке немцев 11 мая (22 апреля) 1918 г. в Новочеркасске был созван так называемый «Круг спасения Дона» из представителей мятежных станиц, контрреволюционного офицерства и чиновничества. Круг открыто призвал кайзеровские войска на помощь в борьбе против Советской власти. «На Дон и Донец,— говорилось в постановлении круга,— германцы явились по самочинному, может быть, но все-таки приглашению самих казаков и потому должны рассматриваться не как враги, но как наши временные союзники в борьбе с большевиками»⁵³. Круг утвердил посольство в Киев для установления прямой связи с командованием немецких оккупационных войск на Украине и с только что поставленным интервентами взамен разогнанной Рады главой «Украинской державы» гетманом Скоропадским.

Приняв ряд постановлений, которыми восстанавливались буржуазно-помещичьи порядки в области, круг избрал войсковым атаманом генерала П. Н. Краснова, махрового реакционера, в прошлом, как и Скоропадский, находившегося при царской свите. Новоиспеченный атаман тотчас направил доверенного адъютанта есаула Кульгавова в Киев с личными посланиями гетману «всёя Украины» и императору Вильгельму. Письмо для кайзера посланец

Краснова должен был передать командующему германскими войсками на Украине фельдмаршалу Эйхгорну. В нем атаман собственноручно (на немецком языке!) писал о своем избрании, просил о признании Войска Донского самостоятельной республикой и о помощи оружием в борьбе с Советской властью. В послании гетману говорилось о «вечной дружбе между Украиной и донскими казаками» и необходимости урегулировать пограничные споры между двумя «суверенными» государствами⁵⁴.

Одновременно Краснов обратился в штаб корпуса фон Кнёрцера, расположившийся в Таганроге, с просьбой назначить в крупные города области германских представителей с вооруженными отрядами для «успокоения населения».

Все разыгрывалось по сценарию, сочиненному оккупантами. Уже 21 мая в Новочеркасск явилась делегация от Кнёрцера, заявившая, будто «в интересах казаков», чтобы германцы остались на территории Донской области до тех пор, пока здесь не установятся «порядок и спокойствие», в чем они сами весьма заинтересованы⁵⁵. Делегаты заверили атамана в том, что оккупационное командование окажет ему всяческую помощь.

Оккупация Таганрога и Ростова, выдвижение германских войск широким фронтом на линию Юго-Восточной дороги резко изменяли обстановку в области и оказали влияние на положение всего Юго-Востока.

«Донцы могли быть совершенно спокойны за ту полосу, которая была занята немецкими войсками,— признавал потом Краснов.— Вся западная граница с Украиной от Кантемировки до Азовского моря, длиною более 500 верст, была совершенно безопасна, и донское правительство не держало здесь ни одного солдата»⁵⁶.

Отводя Краснову центральное место, как имевшему, по их мнению, наиболее надежную внутреннюю опору в лице казаков, немцы хотели с его помощью объединить под своей эгидой всю южную контрреволюцию. Этим планам отвечало усиление контактов донской белогвардейщины с другими антисоветскими силами края. 22 мая в Новочеркасск прибыли кубанский атаман полковник А. Филимонов с членами «Краевого правительства» и делегация грузинских меньшевиков. В результате двухдневных переговоров было заключено соглашение с кубанцами о взаимной поддержке в борьбе против Советской власти на территории Дона и Кубани, а в дальнейшем в пределах всего Северного Кавказа. По настоянию донского атамана и не без подсказки германского командования в соглашение был включен пункт о необходимости создания на юге России «прочного государственного образования на федеративных началах»⁵⁷. В Новочеркасске связывали с ним утверждение Краснова в роли главы всей южной белогвардейщины.

Предпринимала Германия и неоднократные шаги, чтобы «звести в круг своих расчетов также и Добровольческую армию», действовавшую в кубанских степях. Однако руководители ее генералы М. В. Алексеев и А. И. Деникин проявили меньшую подат-

ливость, чем Скоропадский и Краснов. Строптивость их объяснялась не непоколебимой верностью идейно-политическим принципам, как изображалось дело белогвардейскими мемуаристами, а вслед за ними представляется современными «советологами». Были обстоятельства, которыми белогвардейские вожди не могли пренебречь и которые в известной степени связывали им руки. Во-первых, фанатичные элементы, составлявшие костяк Добровольческой армии, исполнены были решимости бороться против «немецко-большевистского нашествия» под эгидой и с помощью Антанты. Во-вторых, Добровольческая армия, рассматривавшая себя носителем идеи «единой, неделимой России», противилась поощряемым Германией сепаратистским и автономистским тенденциям и ориентировалась в достижении своих великодержавных целей на поддержку Антанты. Впрочем, все это не мешало деникинскому командованию получать от немцев оружие и вступать в соглашение с немецким ставленником Красновым в общей борьбе против Советской власти.

28 мая 1918 г. в станице Маньчской состоялась встреча Краснова и председателя Совета управляющих отделами (так именовалось донское правительство) А. П. Богаевского с руководителями Добровольческой армии А. И. Деникиным и М. В. Алексеевым. Командующий Добровольческой армией потребовал от Краснова полного подчинения, а не только согласования планов. Но атаман не намеревался уступить роль первой скрипки в прогерманском антисоветском оркестре. Он дал понять, что «более не бригадный генерал», каким знал его на войне Деникин, и подчинится последнему, если будет принят «совместно выработанный план движения внутрь России», которое должно начаться немедленно⁵⁸. Этот план, продиктованный немцами, имел ближайшей целью занятие Царицына, что обеспечило бы северный фланг германских оккупационных войск и облегчило бы захват всего Юго-Востока, отрезанного от центральной России, силами контрреволюции. К захвату Царицына немцы усиленно толкали донцов во время проходивших в те же последние числа мая переговоров в Киеве с представителями Краснова⁵⁹.

Уговаривая «добровольцев» идти вместе с казаками и немцами на север, Краснов рисовал радужные перспективы: «Царицын даст генералу Деникину хорошую, чисто русскую базу, пушечный и снарядный заводы и громадные запасы всякого войскового имущества, не говоря уже о деньгах. Добровольческая армия перестанет зависеть от казаков. Кроме того, занятие Царицына сблизило бы, а может быть, и соединило бы нас с чехословаками и Дутовым и создало бы единый грозный фронт»⁶⁰. Но Деникин отказался от этого предложения, опасаясь осложнений внутри своей армии. К тому же в его кубанском тылу находились крупные советские силы. Было решено, что Добровольческая армия вместе с кубанскими белоказаками предпримет наступление на Екатеринодар (Краснодар), Минеральные Воды, после чего приступит к взаимодействию с донцами на Царицынском направлении.

Дон обязался «снабдить Добровольческую армию всем необходимым и быть ее тылом». В Ростове и Новочеркасске должны были быть устроены лазареты и этапные пункты, вербовочные бюро. Из донской казны командование Добровольческой армией брало заимообразно 6 млн руб., требовало оружия и снаряжения.

«К Украине и немцам,— писал позднее Краснов,— генерал Деникин высказывал самое непримиримое отношение...» Но при этом «старательно закрывал глаза на то, что оружие и снаряжение для Добровольческой армии донской атаман может получить только из Украины, т. е. от немцев»⁶¹.

Командование Добровольческой армии предпочитало, по словам Алексева, уклоняться «от сношений с германцами до поры до времени»⁶². Но рост пронемецких настроений в антисоветском лагере на Украине и в России ставил и перед главарями «добровольцев» вопрос об изменении официального курса. «По-видимому,— писал Алексей Деникину,— психологическая минута назревает и упустить ее будет нашей непоправимой ошибкой»⁶³. Назревание этого поворота было связано с возможностью немецкого похода на Москву. Людендорф не без основания считал, что в конце концов Деникин «перешел бы на нашу сторону, если бы мы свергли Советское правительство»⁶⁴.

Во всяком случае оккупанты сразу же стали снабжать казачью и деникинскую контрреволюцию оружием, боеприпасами и снаряжением. Уже 1 июля Краснов получил через фон Кнёрцера сообщение о готовности фельдмаршала Эйхгорна предоставить в распоряжение донского правительства часть оружия, захваченного немцами из советских запасов на станции Лихой, при условии, что оружие это не попадет в руки советских людей и не будет использовано против германцев. Краснов заверил интервентов, что оружие будет употреблено только в войне против Советской Республики⁶⁵. За первые полтора месяца оккупации немцы передали белоказакам 11 651 трехлинейную винтовку, 46 орудий, 88 пулеметов, 109 104 артиллерийских снаряда, 11 594 721 патрон. Из этого количества треть снарядов и четвертая часть патронов были «куступлены» Добровольческой армии⁶⁶.

Официально немцы не разрешали красновским властям переправлять оружие Деникину. В Батайске даже был устроен специальный контрольный пункт. Но все знали, что грузы с оружием и боеприпасами из Новочеркасска на автомашинах доставлялись степными дорогами на склады Добровольческой армии. Позже немцы ставили себе в заслугу оказание помощи деникинцам. «Германскому командованию,— говорилось в статье, написанной по официальным немецким материалам и предназначенной для новочеркасских «Донских ведомостей»,— было известно, что значительная часть снаряжения, доставляемая Дону, передается Добровольческой армии, но оно не протестовало против этого, вполне понимая общность интересов и стремлений Дона и Добровольческой армии»⁶⁷.

Кроме того, интервенты на всей оккупируемой ими территории содействовали вербовке и отправлению на юг добровольцев. О том, что означала эта немецкая поддержка для белогвардейщины, можно судить по откровенному заявлению, содержащемуся в письме белоказацкого представителя при штабе Кнёрцера, полковника Измайлова Войсковому правительству: «...Ни оружия, ни боевых припасов у нас тогда (в мае.— Авт.) не хватало... И мы жили только тем, что нам продавали немцы, да еще кое-какими трофеями, взятыми у противника. Стоило немцам уйти из-под Батайска — и Ростов, а затем и Новочеркасск были бы в тот же день задушены лавиной большевиков и песенка Дона была бы, что называется, спета»⁶⁸.

Но немцы вовсе не собирались уходить из-под Батайска. Наоборот, они стремились расширить свой плацдарм на левом (южном) берегу Дона, готовясь к прыжку на Кубань и далее на Северный Кавказ. Однако оккупанты столкнулись здесь с упорным сопротивлением. Отступившие из Ростова украинские и донские советские отряды образовали ядро Ростовского боевого участка (фронта) войск Кубано-Черноморской республики. На протяжении почти месяца они мужественно отбивали натиск германцев и белоказачков. Попытки интервентов лобовыми атаками сокрушить оборону защитников Батайска не имели успеха. По признанию самих немцев, «на южном берегу Дона красногвардейцы оказали столь яростное сопротивление», что командование «вынуждено было ввести в бой всю 7-ю ландверную дивизию... Здесь германские войска плечом к плечу с донскими казаками неделями сдерживали натиск неприятельских отрядов, силы которых в то время достигали 12 000 человек». К 25 мая немцы потеряли в упорных боях на этом участке около 1 тыс. солдат⁶⁹. Борьбу «ежедневную и ежечасную», по словам Г. В. Чичерина, против расширения германской военной экспансии на Юге вела советская дипломатия. Основные усилия были направлены на урегулирование отношений с марионеточной администрацией Украины, определение ее границ с РСФСР⁷⁰. Советское правительство добивалось скорейшего заключения общего соглашения с Украиной, чтобы поставить твердые пределы немецкому продвижению. Вместе с тем в связи с уклонением германских и украинских властей от подписания такого договора военные органы принимали энергичные меры с целью заключения перемирия и установления демаркационной линии на различных участках фронта. В течение мая такие соглашения были достигнуты в ряде мест. Но на южном фланге Донского фронта военные действия продолжались. Вопреки лицемерным заявлениям германского правительства о готовности приостановить дальнейшее продвижение своих войск и установить на всех фронтах точные демаркационные линии местное немецкое командование отказывалось заключить соответствующие соглашения. «Таким образом,— отмечалось в советской ноте германскому министерству иностранных дел,— продолжается состояние войны при формально заключенном мире»⁷¹.

Имея в виду серьезную опасность, которую представляло наступление немцев к югу от Ростова, В. И. Ленин 16 мая предложил Высшему военному совету направить парламентариев на Донской фронт, чтобы добиться перемирия «как можно скорее, соглашаясь в крайнем случае и на принятие за основу теперешнего расположения военных сил»⁷². Выполняя указания правительства, в 20-х числах мая представители военных властей Кубано-Черноморской республики предложили немецкому командованию заключить соглашение о прекращении военных действий и проведении демаркационной линии у Батайска. В ответ предварительным условием переговоров немцы выставили оккупацию ими Батайска и ряда станиц на левом берегу Дона⁷³. За этим наглым требованием стояло нескрываемое намерение дальнейшего продвижения интервентов на Юго-Востоке. «Русские военные власти доносят, — говорилось в заявлении советского полпреда в Берлине германскому министерству иностранных дел 28 мая, — что там (на Донском фронте. — Авт.) сосредоточиваются силы, явно подготовляемые для наступления на Новороссийск... В южной части Донского фронта идет наступление: было сражение у Батайска»⁷⁴.

В конце мая германское командование предприняло новое наступление на Батайск. К участию в нем немцы привлекли донцов. Командир 7-й ландверной дивизии генерал фон Арним просил атамана выделить для этой цели надежные казачьи части, «вооружению которых и снабжению боеприпасами германское командование обещает оказать полное содействие». Просьба немцев была, разумеется, удовлетворена. «При предстоящей операции германцев против Батайска, — телеграфировал командующий Донской армией генерал Денисов своему представителю в Ростове, — прошу вас командировать в штаб германской дивизии офицера для оперативной связи..., поставив ему задачу точно ориентировать в обстановке войсковой штаб и полковника Зубова». Последний, согласно директиве атамана, должен был содействовать своим отрядом со стороны ст. Хомутовской захвату Батайска немцами⁷⁵.

Воспользовавшись спадом весенних вод и большей проходимостью плавней, германцам и белоказакам удалось 30 мая овладеть этим крупным железнодорожным узлом, однако через несколько дней с подходом подкреплений советские войска выбили оттуда интервентов, нанеся им большие потери. «Но по неизвестным причинам того момента, — отмечалось в докладе штаба Кубано-Черноморской республики, — войска вышли из Батайска и закрепились в 3-х верстах от него...»⁷⁶. Видимо, это объяснялось, пишет В. И. Петров, неумением командующего Ростовским участком советских войск Сорокина наладить взаимодействие отрядов и проявлением партизанщины со стороны ряда частей⁷⁷.

Таким образом, германские войска, укрепившись на широком фронте от границ Воронежской губернии до низовий Дона, создали стратегический тыл всей южной контрреволюции. Наиболее авантюристически настроенные представители кайзеровской военщины настаивали на немедленном наступлении на Кубань

и оккупации всего Юга-Востока России. Для этого, однако, имевшихся не только на Ростовском участке, но и вообще на Восточном фронте германских сил было недостаточно. Раздраженный задержкой операции у Батайска начальник штаба ландверной дивизии полковник Бопп просил командование направить туда «еще два армейских корпуса», чтобы «очистить от большевиков Северный Кавказ»⁷⁸. Но просимых «свободных войск» у Ставки не было. В ответ на аналогичную просьбу донского атамана помочь донцам немецкими войсками на Царицынском направлении германский посол в Киеве барон Мумм заявил: «Мы не можем являться в роли жандармов для наведения порядка во всем мире, нас, ведь, как горой, давит Западный фронт»⁷⁹.

Осуществление своих дальнейших планов экспансии на Юго-Востоке немцы связывали прежде всего с активизацией контрреволюционных сил в советском тылу, в частности с выступлениями казачьих и горских верхов на Кубани и Тереке. Германское командование спешило установить с ними контакты. «С подчеркнутой вежливостью и любезностью,— писал белогвардейский «Донской край»,— была встречена в Ростове в начале июня командиром 7-й ландверной дивизии генералом Арнимом делегация кубанского краевого правительства». Она поставила «ряд вопросов, касающихся оккупации Дона и Кубани отрядами германцев...». Относительно Кубани, ответил генерал, никаких распоряжений нет. Он заверил делегатов, что «при наличии кубанского правительства без ведома и согласия последнего никаких шагов по отношению к Кубани Германией предпринято не будет»⁸⁰.

Большие надежды немцы возлагали на закавказских контрреволюционеров, рассчитывая с их помощью укрепиться на Черном море. Еще в начале мая правительство так называемого Закавказского сейма направило свои вооруженные отряды против советской Абхазии. Наступление их на Сухум и предполагавшееся последующее продвижение на север в Сочинский округ непосредственно угрожали Кубано-Черноморской республике. Еще в конце апреля председатель Сухумского Военно-революционного комитета Е. А. Эшба обратился к В. И. Ленину в просьбой отдать срочное распоряжение в Новороссийск, Туапсе и Сочи о высылке «Сухуму морской и сухопутной силы в том размере, какой будет достаточен для защиты округа от нашествия контрреволюционеров»⁸¹. В начале мая он запросил помощи у руководителей Кубанской и Черноморской республик, а также у Саблина, командующего Черноморским флотом. Однако Саблин запретил выход кораблей в море, ссылаясь на указания правительства⁸².

11 мая 1918 г. Е. А. Эшба телеграфировал В. И. Ленину (копия Чрезвычайному комиссару Юга России Г. К. Орджоникидзе) об опасном положении, сложившемся для всего Черноморского побережья в связи с наступлением войск грузинских меньшевиков на Сухумский округ. Спасти положение, указывалось в телеграмме, может лишь флот. Но Саблин не высылает боевых судов, ссылаясь на правительственное запрещение.

«Просим срочно дать распоряжение...— писал председатель ревкома, — о высылке на сухумский фронт боевых судов»⁸³.

12 мая коллегия Морского комиссариата направила Саблину директиву, в которой предлагалось подготовить часть судов эскадры для выхода в район Сухума с целью оказания помощи советским отрядам, обороняющим порт. В случае нападения немцев предписывалось защищаться энергично и защищать все побережье «от Донской области до Поти». В то же время командование Черноморским флотом категорически предупреждалось: «Ни в коем случае не совершать нападений на суда военные или торговые, подводные лодки, миноносцы и т. п. Четверного союза... Помнить твердо и соблюдать строжайше, что мы храним Брестский мир и с Германией не воюем»⁸⁴.

Об отданной флоту директиве Советское правительство поставило в известность немцев. При этом в ноте Наркоминдела подчеркивалось, что так называемое Закавказское правительство не имеет опоры в массах, отделение Закавказья Советским правительством не признано, а в Сухумском округе Советская власть ведет с ним борьбу. «Нашему флоту дана инструкция в случае нападения самозванного так называемого Закавказского правительства на Сухумский округ оказать поддержку Советским властям... К Турции и Германии наш флот будет относиться как флот нейтральной державы»⁸⁵. Г. В. Чичерин дал указание советскому полпреду в Берлине добиваться согласия германского правительства на оказание Черноморским флотом помощи Абхазии. «Необходимо, — писал он, — чтобы наши суда могли выйти из Новороссийска поддержать наших абхазцев против закавказских узурпаторов, но Германия требует неподвижного пребывания наших судов в Новороссийске»⁸⁶.

Не желая считаться с интересами Советской Республики, немцы всячески поощряли агрессию грузинских меньшевиков. Они отклоняли советские предложения по вопросу о флоте, изыскивали всевозможные поводы для срыва Брестского договора и оккупации Кавказа. 11 мая 1918 г. Главнокомандующий германским Восточным фронтом Леопольд принц Баварский направил в Москву радиogramму на имя народного комиссара по иностранным делам Г. В. Чичерина, в которой ультимативно требовал немедленного возвращения черноморской эскадры в Севастополь. Это наглое требование объяснялось тем, что якобы «находящиеся в Новороссийске суда Черноморского флота неоднократно принимали деятельное участие в боях против германских войск на Украине и этим доказали, что они не желают придерживаться Брестского договора, но и не хотят выполнять приказы Русского правительства». Если корабли не будут возвращены в Севастополь, то немецкие войска продолжат «наступательные действия в районе Черноморского побережья против судов Черноморского флота, вышедших из Севастополя»⁸⁷.

На следующий день командующий армейской группой «Киев» генерал Эйхгорн, бесцеремонно вмешавшись во внутренние дела

Советской Республики, игнорируя законное правительство, направила радиограмму-ультиматум прямо Саблину. Она повторила радиограмму от 11 мая на имя наркоминдела⁸⁸.

В создавшейся обстановке оказание помощи революционным силам Абхазии становилось невозможным. По указанию Советского правительства Морской комиссариат 14 мая немедленно отменил ранее данные им распоряжения и приказал судам оставаться в Новороссийске⁸⁹. Ввиду превосходства военных сил закавказских контрреволюционеров абхазские советские отряды вынуждены были оставить Сухумский порт и округ и в Абхазии была установлена власть грузинских меньшевиков. На помощь им спешили интервенты.

Нацеливаясь на Кавказ, беря его в клещи с юга и севера, германо-турецкие империалисты потребовали от местной контрреволюции полностью порвать с Россией. Непременным условием заключения мира с закавказскими националистами они поставили декларирование независимости края. По их указке 22 апреля 1918 г. Закавказский сейм провозгласил создание независимой демократической федеративной республики. В действительности это означало полную зависимость от чужеземного империализма. Интервенты получили возможность, не стесняясь формальными рамками Брестского договора, ввести войска в Закавказье и установить там свое господство. На «независимости» Закавказья играет германский империализм, говорил В. И. Ленин в докладе о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Моссовета 14 мая 1918 г. Германии и Турции как подсобному государству, продолжал он, стало возможно «двигаться и двигаться, ни на что не отвечая, ни на что не обращая внимания, заявляя: мы возьмем то, что сможем взять, мы не нарушаем Брестского мира, потому что закавказская армия его не признает, потому что Кавказ независим»⁹⁰.

В самом деле, на возобновившихся в Батуме мирных переговорах турецкий представитель Халил-бей объявил 14 мая, что в целях противодействия «операциям англичан в пределах Персии» турецким войскам дан приказ продвигаться по железнодорожной линии Александрополь-Джульфа⁹¹. В тот же день грузинский так называемый Национальный совет обратился с просьбой о помощи к Германии в международных и государственных политических вопросах. Грузинские меньшевики просили также немцев продолжить наступление на Северный Кавказ и приблизиться к границам Грузии⁹².

Международное правовое «обоснование» вторжения интервентов на Северный Кавказ подготовили обанкротившиеся у себя в крае и нашедшие покровителей в Константинополе главари горской контрреволюции. В конце апреля они выпустили «Манифест» о создании независимой республики горцев Северного Кавказа.

Известие о предательских махинациях контрреволюционеров вызвало возмущение трудящихся горцев. На экстренно созванном

заседании Терского народного Совета 24 апреля 1918 г. единогласно (поименным голосованием ввиду важности вопроса!) была принята резолюция протеста. «Терскому народному Совету... стало известно,— говорилось в ней,— будто делегаты Северного Кавказа, находящиеся в Константинополе, объявили независимость Северного Кавказа и нотифицировали ее перед императорским турецким правительством и другими державами. Терский народный Совет... удостоверяет, что народы Терского края никогда, никого и никуда для указанной выше цели не делегировали, что если отдельные лица, находящиеся ныне в Константинополе, выдают себя за делегатов народов Терского края и действуют от имени этих народов, то это является с их стороны не чем иным, как самозванством и авантюрой. Терский народный Совет выражает свое удивление политической близорукости и наивности турецкого правительства, которое могли ввести в заблуждение проходимцы»⁹³.

Но именно с помощью проходимцев империалисты и рассчитывали добиться осуществления своих целей. 27 апреля 1918 г. главнокомандующий турецкими войсками на Кавказе Вехиб-паша телеграфировал Закавказскому контрреволюционному правительству: «Северный Кавказ объявил свою независимость... Делегаты Северного Кавказа, находящиеся в Константинополе, выедут в Батум вместе с оттоманской делегацией и примут шаги к объединению их страны с Закавказьем»⁹⁴. В грузинских газетах появились сообщения, что по «дружескому договору», заключенному 8 мая 1918 г., «Высокая Порта приняла на себя некоторые обязательства в деле осуществления стремлений народов Северного Кавказа»⁹⁵. О характере этих обязательств можно судить из письма вожака горских контрреволюционеров Г. Баммата главе закавказской делегации в Батуме Чхенкели от 20 мая. В нем сообщалось, что Турция «с благосклонностью приняла» просьбу правительства Союза горцев Северного Кавказа помочь ему в борьбе с врагами его независимости военным снаряжением, техническими приспособлениями и кадрами инструкторов для формирования значительной армии⁹⁶.

Препятствием для получения помощи оказывался, однако, германский контроль, установленный над военными перевозками в Грузии. Поэтому Баммат просил Чхенкели независимо от хода общих переговоров в Батуме добиваться решения восстановить движение по железнодорожной линии Батум — Тифлис и по шоссе Тифлис — Владикавказ, «чтобы эшелоны инструкторов и военные материалы могли проследовать на Северный Кавказ, получая необходимую помощь от Закавказского правительства»⁹⁷.

Такая же просьба была направлена главе германской делегации на батумских переговорах генералу фон Лоссову. Последний уведомил Баммата письмом от 25 мая, где заверял, что всякое соглашение по настоящему вопросу встретит «полное сочувствие германского правительства»⁹⁸.

На помощь немцев горская контрреволюция возлагала особые надежды. «Благосклонность германская, — писали Лоссову лидеры Союза горцев Г. Баммат и А. Чермоев, — будет иметь большую важность для осуществления их (горцев. — Авт.) стремлений». Контрреволюционеры заверяли немецкого генерала, что «Союз» управляет страной, не имея никаких сношений с русским правительством, и что «отказ признать большевистское правительство вовлек Горскую республику в войну с большевиками». Далее говорилось, однако, что республика горцев воюет не только с Советской властью, но и с терскими казаками, которым-де помогают большевики⁹⁹. Последнее насторожило немцев. Вступая в контакты с главарями горской контрреволюции, они вовсе не собирались помогать своему младшему партнеру, султанской Турции, укрепить позиции на Северном Кавказе. Ведь именно в Константинополе получила благословение республика горцев в границах от Каспийского до Черного моря.

Германский империализм имел собственные планы колонизации Кавказа и эксплуатации его богатств. На совещании представителей главного командования сухопутных войск, генерального штаба и имперского ведомства экономики в Берлине при обсуждении вопросов, связанных с Кавказом, было высказано мнение: «Было бы очень желательно, если бы нефтяные поля Майкопа также попали в наши руки, поскольку добываемая там нефть (в отличие от Баку) богата бензином»¹⁰⁰. И это не было только пожеланием. К границам Терской республики с территории Грузии выдвигались авангарды немецких войск. Чрезвычайный комиссар Юга России Г. К. Орджоникидзе специально просил Москву сделать официальный запрос германскому правительству о целях сосредоточения в 37 верстах от Владикавказа в Дарьяльском ущелье германских отрядов. В той же телеграмме он сообщал, что немецкие агенты ведут работу среди ингушей, обещая им независимость¹⁰¹.

Таким образом, у Германии и Турции имелось известное различие целей, несмотря на существовавшие между ними союзные отношения. 20 мая Лоссов сообщил Баммату и Чермоеву, что Берлин готов оказать помощь и поддержку правительству республики народов Северного Кавказа. Но при этом было замечено, что границы республики, как они намечены декларацией о независимости, не вполне удовлетворяют Германию. Если вопрос о Дагестане и Терской области ясен, то Кубань, по мнению Лоссова, по этнографическому признаку принадлежит Украине. Кроме того, указывал генерал, казаки организованы и хорошо вооружены, и аннексирование их территории не может обойтись без войны¹⁰².

В непомерных амбициях главарей Союза горцев, поддерживаемых Турцией, немцы усматривали помеху своим планам колонизации Кавказа, подчинения всей южнороссийской контрреволюции. Тем не менее германский посол в Москве Мирбах поспешил уже 14 мая передать Наркому по иностранным делам радиограмму

с текстом заявления правительства Союза горцев о провозглашении независимости и отделении республики от Советской России.

Советское правительство решительно выступило в защиту интересов трудящихся горцев. В ответной ноте германскому правительству, переданной Мирбаху на следующий же день, Наркоминдел квалифицировал авторов «Манифеста» как узурпаторов, пытающихся пожать волю широких слоев народа, высказавшихся на своих демократически организованных съездах за неразрывную связь с Российской Федерацией. «Против узурпации власти этой кучкой Российская Советская власть будет поступать самым решительным образом», — предупреждала советская нота¹⁰³. Одновременно с этим Советское правительство выразило протест против авантюристических действий «Союза горцев» правительству Турции. «Народный комиссариат по иностранным делам, будучи информирован о том, — говорилось в ноте от 30 мая 1918 г. турецкому посланнику, — что Оттоманское правительство вошло в сношения в Константинополе с полномочными представителями так называемого правительства Союза горцев, обращает внимание Оттоманского правительства на то, что эта политическая организация не пользуется уважением и доверием большинства населения Северного Кавказа, которое настроено решительно против него, как об этом свидетельствуют документы, находящиеся в распоряжении комиссариата»¹⁰⁴. Среди документов, содержание которых доводилось до сведения турецкого посланника, была декларация Терского народного Совета. В ней от имени чеченского, кабардинского, осетинского, ингушского и казацкого населения заявлялось, что народы Северного Кавказа никогда не давали кому бы то ни было поручения декларировать выделение края в самостоятельное государство. Народный Совет Терской области, говорилось далее в документе, заявляет, что Северный Кавказ составляет неотъемлемую часть Российской Федерации, и решительно протестует против намерения закавказского правительства привлечь Северный Кавказ к акту отделения Закавказья от России¹⁰⁵. Решительная и безоговорочная поддержка центральной Советской власти придавала большую силу и уверенность трудящимся Терека и Дагестана в их борьбе против врагов народной власти.

Под давлением германских империалистов и ввиду разногласий между меньшевиками, дашнаками и муссаветистами Закавказская буржуазная федерация распалась. Грузия оказалась в руках Германии. По просьбе Национального совета немцы высадили 25 мая 1918 г. трехтысячный отряд в Поти. Через две недели германские части вошли в Тифлис. По указке и с помощью немцев меньшевики начали создавать плацдарм в районе Сочи с целью последующего наступления на Кубань с юга. Деникинская разведка сообщала, что «грузины начали готовить оборонительную позицию в Сочинском округе, причем осматривать и руководить работами приезжали германские офицеры. Среди грузин-

ских войск появились германские войска»¹⁰⁶. За «оборонительными» мероприятиями крылись приготовления к наступлению. После четырехдневных ожесточенных боев севернее Нового Афона грузинские войска прорвали оборону красновардейских отрядов и в начале июля 1918 г. захватили Адлер, а затем и Сочи. Дезорганизованные советские части отступили к Туапсе, но и этот важный стратегический пункт и порт не удалось удержать. Под напором превосходящих сил врага пришлось отходить к Геленджик. Значительная часть Черноморского побережья Кавказа оказалась фактически под контролем Германии.

Между тем турецкие войска продолжали продвигаться в глубь Закавказья. Захватив восточную часть Армении, они вместе с мусаватистскими бандами рвались к заветной цели империалистов — нефтеносному Баку, являвшемуся цитаделью Советской власти на Кавказе. Эмиссары турецких интервентов проникли в горные районы Дагестана. Опираясь на их помощь, активизировались недобитые отряды Нажмутдина Гоцинского, Узун-Хаджи и других контрреволюционеров. Они совершали разбойничьи набеги на Темир-Хан-Шуру, Хасав-Юрт, Дербент, на железнодорожные станции и аулы, признавшие Советскую власть.

Стремясь поднять против народной власти трудящихся горцев, германо-турецкие захватчики и клерикально-феодалные реакционеры использовали религиозные предрассудки, глубоко укоренившиеся в массах. Интервенты и контрреволюционеры выступали под фальшивым знаменем «защиты ислама», ратовали за сплочение всех мусульман Кавказа и Средней Азии под эгидой султанской Турции.

К лету 1918 г. ухудшилось общее военно-политическое положение Советской Республики в связи с развертыванием интервенции Антанты на Севере и Востоке страны и обострением гражданской войны. Поворотным моментом в разгоравшейся борьбе стал подготовленный империалистами Антанты мятеж Чехословацкого корпуса. Мирная передышка кончилась. «Международная буржуазия, — отмечал В. И. Ленин, — сначала германская, потом англо-французская (неоднократно и обе вместе), пошла войной на победивший в России пролетариат»¹⁰⁷.

В создавшейся сложной и противоречивой обстановке нужна была величайшая осторожность и осмотрительность, чтобы не дать повода крайним элементам военной партии в Германии для расширения антисоветской агрессии. «Сейчас все спасение не в открытом разрыве Брестского договора, — указывал В. И. Ленин, — а в умении лавировать среди сложившихся сложных международных ситуаций благодаря противоположности интересов отдельных империалистических стран»¹⁰⁸.

Одним из средств ограничения вооруженной экспансии немцев были, как уже отмечалось, усилия Советской власти по заключению местных соглашений об установлении демаркационной линии. Крайне важно, в частности, было добиться таких согла-

шений на ростовско-батайском и таманском участках в связи с намерением Германии захватить Черноморский флот. Тяжесть обстановки здесь усугублялась ошибочным поведением руководителей Кубано-Черноморской республики, пристававшим из неправильной оценки ими стратегического положения Советской страны в целом и развития военно-политических событий на юге при крайней затрудненности связи с Москвой.

Исходя из того, что «главнейшей задачей Советской власти Кубано-Черноморской республики является самая энергичная борьба с немецким нашествием» и что «бои (с немцами) мы в состоянии выдержать»¹⁰⁹, екатеринодарские руководители не исключали при благоприятной ситуации перехода в наступление против оккупантов. Плодом таким настроений явилось решение о проведении десантной операции в тылу оккупантов у Таганрога.

По плану, разработанному командующим Азовской флотилией И. И. Гернштейном совместно с командиром 1-й дивизии Ейского отдела С. Клово, предполагалось под прикрытием кораблей флотилии высадить части дивизии в устье р. Миус, западнее Таганрога, овладеть при поддержке местного большевистского подполья городом и повести наступление на северо-восток в обход Ростова. Одновременно Сорокин обещал начать наступление на Ростов с юга, со стороны Батайска. Главком Кубано-Черноморской республики К. Калнин санкционировал операцию. План был смелым и, по оценке германского командования, хорошо задуманным. «Если бы это нападение увенчалось успехом, то вполне возможно, — признавал штаб Кнёрцера, — что Ростов оказался бы снова во власти красновардейцев, так как ни у Донского правительства, ни у германского командования не было тогда достаточных резервов»¹¹⁰.

Однако предполагавшаяся операция находилась в противоречии с политической обстановкой и возможностями советского командования. Нападение на германские войска у Таганрога могло стать поводом к срыву переговоров об установлении демаркационной линии. К тому же расширение сферы военных действий против немцев мешало сосредоточению вооруженных сил Кубано-Черноморской республики против главного противника — Добровольческой армии. Главнокомандованию Красной Армии и Советскому правительству не было известно о задуманной операции. Уже после разгрома и гибели десанта военный руководитель Высшего военного совета М. Д. Бонч-Бруевич в ответ на запрос Наркоминдела сообщал: «Наше военное командование не отдавало приказов относительно высадки у Таганрога. Эта высадка... является проявлением народного негодования, с которым Военное командование бороться не может... Почин военных действий находится у Кубано-Черноморской республики»¹¹¹.

На рассвете 8 июня три полка Ейской дивизии (более 6 тыс. человек) были погружены в угольные шаланды, баржи. Под

охраной нескольких небольших вооруженных кораблей транспорты вышли из Ейского лимана. Из-за плохого знания фарватера и начавшегося шторма тихоходные десантные суда только на вторые сутки приблизились к Таганрогу. Утром 10 июня орудия советских кораблей открыли огонь по городу. Немцы залпами тяжелой артиллерии заставили десантные суда отойти. Пришлось вопреки первоначальному плану произвести высадку в нескольких пунктах побережья значительно западнее Таганрога. Двумя группами десантные войска стали продвигаться к городу — вдоль моря и к селу Федоровка, где находилась паромная переправа через Миус. К ним присоединились партизанские отряды, организованные из местных крестьян, численностью около 500 бойцов¹¹².

Германское командование было сильно встревожено действиями десантников. Таганрог был объявлен на военном положении, прекращено было пассажирское движение на линии Таганрог — Ростов. Представитель оккупационных войск на Дону писал позднее, что положение складывалось «исключительно критическое, принимая во внимание, что одновременно большевики повели энергичное наступление на Койсуг у Батайска и что в то время германские силы в Таганроге были крайне незначительны»¹¹³.

К месту высадки десанта немцы спешно перебросили войска из Мариуполя и Донбасса — пехотную дивизию и кавалерийскую бригаду, сняты были также три батальона с позиций у Батайска. Организовав сильную боевую группу, оккупанты перешли 12 июня в наступление. Корабли Азовской флотилии вынуждены были отражать контрдействия вражеских судов и потому не смогли оказать действенную огневую поддержку.

События у Таганрога немцы попытались использовать для расширения своей экспансии на юге. Они ультимативно потребовали от Советского правительства прекратить всякие наступательные действия в зоне демаркационной линии, угрожая вторжением на Кубань. Советский посол в Берлине А. Иоффе, связавшись поздно вечером 10 июня с Москвой, ознакомил Ленина с немецкими требованиями. В заключение разговора он заметил: «... всякие недоразумения с нашей стороны только на руку тем, которые желают взять Новороссийск. Необходимо уничтожить всякий повод для этого... всякое оплошное, даже и мелкое провоцирование с нашей стороны будет немедленно использовано с военной точки зрения»¹¹⁴.

В. И. Ленин в ответ заявил: «Мы принимаем со своей стороны решительно все меры, чтобы добиться... прекращения военных действий или подобия их с нашей стороны. Повторяю: все возможное делается»¹¹⁵. В ночь на 11 июня глава Советского правительства направил через Царицын телеграмму командованию советских войск в Ейске с требованием не нарушать демаркационную линию и предупреждал о «строгой ответственности перед Революционным трибуналом»¹¹⁶.

Отрезанные от главных сил и не получавшие никаких инструкций от командования героические десантники продолжали сражаться.

12 июня германское министерство иностранных дел специальной нотой, переданной советскому послу, в резкой форме потребовало немедленно убрать советский десант у Таганрога и прекратить наступательные действия у Батайска. Если до 15 июня, говорилось в ноте, советской стороной не будут предприняты соответствующие действия, «германское командование будет принуждено принимать дальнейшие меры»¹¹⁷. В тот же день в направленной в Берлин ответной телеграмме советская сторона подтверждала свою готовность приостановить военные действия и выслать представителей для установления демаркационной зоны в районе Батайск — Харьков. В телеграмме подчеркивалось, что «командованием Российской Социалистической Федеративной Республики всегда принимались и принимаются меры для устранения каких-либо трений в пограничной зоне»¹¹⁸.

Ко времени отправки этой телеграммы уже было подписано общее соглашение о прекращении военных действий между советскими и германо-гайдамацкими войсками. Немцы торопились использовать каждый день и час для активных действий на Донском фронте, единственном теперь участке, где заключение соглашения затягивалось.

Перейдя крупными силами в наступление на десантные части, немцы прижали их к берегу. Под ураганным огнем вражеской артиллерии красноармейцы-десантники грузились на уцелевшие транспорты. Немцы в упор били по баржам. Лишь немногим бойцам удалось добраться до Ейска. Ужасна была судьба оставшихся на берегу. Немецкий солдат, участник боев с красным десантом, писал: «Все пленные были расстреляны на следующий день. Они были выстроены рядами от 400 до 500 человек и затем сметены пулеметами. Оставшихся в живых наши пехотинцы приканчивали из винтовок»¹¹⁹.

Палач донских рабочих и крестьян, немецкий холоп Краснов поспешил поздравить генерала фон Кнёрцера с «громкой победой» у Таганрога¹²⁰.

Неудача десанта дорого обошлась Советской Республике. Более 5 тыс. человек погибли в боях и были расстреляны оккупантами. Накануне решающих боев с деникинцами революционные войска Северного Кавказа оказались серьезно ослаблены. Германцы получили повод затянуть заключение перемирия на Донском фронте и предпринять попытку вторжения на Кубань.

Для этой цели кайзеровское командование привлекло находившиеся в Крыму части корпуса Коша. 14 июня 58-й Берлинской пехотный полк с подразделениями усиления (2500 штыков с орудиями и 150 пулеметами) был погружен в Керчи на транспорты и при поддержке артиллерии и помощи белоказаков высажен на Таманском полуострове. Штаб Северо-Кавказского военного

округа докладывал 17 июня в Высший военный совет Республики: «... немцы произвели высадку хорошо организованного десанта в районе Еникале. Наши войска вынуждены начать отступление на линию Темрюк — Старотитаровская — Благовещенская»¹²¹.

Немцы пытались представить эту свою акцию, явившуюся очередным грубым нарушением Брестского мира, вынужденной мерой, направленной против действий «отдельных банд», нападающих на территории, занятые германскими войсками. Они отказались от предложения главкома Кубано-Черноморской республики К. Калнина начать переговоры о прекращении военных действий на Тамани и продолжали наступление¹²². В ноте германского министра иностранных дел Кюльмана Советскому правительству провакционно утверждалось, будто «десант русских войск у Таганрога... принудил нас к занятию Тамани. Русское правительство,— продолжала нота,— очевидно, не обладает достаточной силой, чтобы помешать действиям отдельных банд, чем мы принуждены сами предпринимать меры безопасности, необходимые для нашей защиты. Такие меры мы в случае нужды будем предпринимать и в будущем»¹²³. Это была неприкрытая угроза.

Германское командование рассчитывало сделать десант на Тамани ядром массового белоказачьего восстания, чтобы при участии ограниченных собственных сил развить наступление на Новороссийск с целью захвата Черноморского флота и на Екатеринодар с последующим выходом в тыл советских войск Ростовского участка. Но эти расчеты не сбылись. Получив подкрепления численностью до 3000 штыков и сабель, советские войска Таманского боевого участка нанесли решительный контрудар по противнику. Немцы вынуждены были переправить свои главные силы обратно в Керчь. От полного разгрома интервентов и белоказачков спасло то, что командующий советскими отрядами А. А. Романенко неожиданно прекратил преследование врага и дал приказ об отходе своих частей, получив неподтвердившиеся данные из Керчи о готовящемся новом германском десанте¹²⁴. В создавшейся обстановке немцы согласились на переговоры с советским командованием. Военные действия на Батайском и Таманском участках вскоре фактически прекратились.

Хотя главная задача, поставленная перед немецким десантом, не была выполнена, он сковал значительные силы советских войск, что ухудшило и без того сложное военно-политическое положение Кубано-Черноморской республики и особенно Черноморской эскадры, стоявшей в Новороссийске.

3. Гибель Черноморской эскадры

Захват Черноморского флота являлся важнейшей целью германской вооруженной экспансии на Юго-Востоке. Интервенты хотели использовать корабли эскадры, представлявшие крупную военную

силу, в борьбе против Советской Республики, для овладения всем кавказским побережьем и установления своего полного господства на Черном море. В дальнейшем кайзеровскому командованию мерещилась возможность употребить русский флот в войне против Антанты.

«Охота» за Черноморским флотом началась с вторжения оккупантов в Крым. Однако благодаря самоотверженным усилиям флотских большевиков, о чем рассказывалось ранее, боевое ядро эскадры (20 боевых единиц и часть вспомогательных судов) удалось увести из захваченного немцами Севастополя в Новороссийск. Но и после этого германская военщина не оставила своих замыслов. По мере продвижения войск оккупантов на Дон и в сторону Кубани, вторжения их в Закавказье немецкое командование нагнетало обстановку вокруг флота. Как уже отмечалось, оно намеренно раздувало инциденты на различных участках фронта, цепляясь за любой повод, чтобы вынудить Советское правительство вопреки Брестскому договору выдать стоявшие в Новороссийске боевые корабли Германии.

Конфликт по вопросу о Черноморском флоте в начале лета 1918 г. стал, по словам Наркоминдела Г. В. Чичерина, в центр «всей акции германской дипломатии»¹²⁵, целью которой было спровоцировать нападение на Советскую Республику. Не допустить захвата боевых кораблей немцами и вместе с тем не позволить им использовать конфликт для разрыва Брестского договора — такова трудная задача, вставшая перед Советским правительством. Учитывая сложность международного и внутреннего положения, неподготовленность Республики к открытой схватке с германским империализмом, необходимо было, как указывал В. И. Ленин, «лавировать, отступать, выжидать»¹²⁶, сделать все возможное, «чтобы отдалить момент войны, дабы продлить перерыв»¹²⁷, соблюдая величайшую осторожность, осмотрительность, выдержку.

В связи с упоминавшимся ранее германским радиоультиматумом от 11 мая 1918 г., в котором содержалось требование немедленного возвращения Черноморской эскадры в Севастополь, В. И. Ленин в тот же день написал «Протест германскому правительству против оккупации Крыма»¹²⁸. В нем разоблачались агрессивные германские замыслы, но вместе с тем указывалось на возможность мирного разрешения спорного вопроса. Особенно подчеркивалось, что германское правительство ни разу ни в одном документе не заявляло нам о том, будто наш флот участвовал в боях против немецких войск на Украине, поэтому заявление в радиোগрамме от 11 мая явно неверно. Наш флот ушел из Севастополя, говорилось в «Протесте», «лишь после наступления германцев и нападения на Севастополь, следовательно, в этом случае явно нарушен был Брестский договор германцами, а не нами... Факты доказывают, следовательно, что мы твердо стоим на почве Брестского договора, германцы же отступили от него, заняв весь Крым»¹²⁹. От имени Советского правительства Ленин

выразил готовность дать гарантии невмешательства флота в войну и даже возвратить его в Севастополь, если этот порт не будет оккупирован и если будет заключен точный и полный мир не только с Германией, но и с Финляндией, Украиной, Турцией¹³⁰.

Ленинский «Протест» определил основные направления советской политики в конфликте о Черноморском флоте. Этот документ лег в основу ноты Наркоминдела министерству иностранных дел Германии от 13 мая 1918 г. В ней Советское правительство предлагало в качестве гарантии от возможности враждебных действий со стороны Черноморского флота его разоружение с оставлением в Новороссийске или перевод в Севастополь. На последнее, указывалось в ноте, правительство Республики готово согласиться лишь в том случае, если будет заключено общее соглашение об установлении окончательных пределов германской, австро-венгерской и турецкой оккупации во всех частях России и границ Финляндии и Украины, предполагающее безусловное прекращение военных действий на всех участках фронта. Другим условием возвращения флота в Севастополь выдвигалось полное освобождение последнего от оккупации со стороны Германии, Турции, Австро-Венгрии или Украины¹³¹.

Четкая и ясная позиция Советского правительства полностью соответствовала условиям Брестского мирного договора. Вместе с тем она исключала употребление немцами русского флота против Советской Республики. Но именно это и не устраивало германскую военщину.

На ноту Советского правительства Германия не ответила. Более того, немецкие подводные лодки блокировали Цемесскую бухту. Высший военный совет приказал начальнику морских сил Черного моря Саблину немедленно войти «в переговоры с германским морским командованием об установлении демаркационной линии, за которую германские лодки не должны ходить», «строго соблюдать условия соглашения», организовать защиту входа в Цемесскую бухту, подготовить флот к потоплению, «если бы обстановка этого потребовала»¹³².

В ответ немцы начали преследовать в Черном море советские суда, обстреливать и захватывать их. 23 мая Германия потребовала, чтобы в течение 6—10 дней все суда Черноморского флота были переведены из Новороссийска в Севастополь, в противном случае ее войска перейдут линию перемирия¹³³.

Над Советской Республикой сгустились тучи. В случае наступления немцы оказались бы полными хозяевами Кубанской области и Черноморского побережья, они нанесли бы непоправимый удар по всей обороне Республики, ибо этим замкнулась бы полная ее блокада. В создавшейся обстановке требовалась чрезвычайная осторожность. Неправильное решение вопроса о судьбе Черноморского флота могло бы, по заключению Г. В. Чичерина, повлечь за собою срыв «всех соглашений и всех переговоров (с Германией.— Авт.) и, может быть, немедленную общую катастрофу»¹³⁴.

В те дни В. И. Ленин много внимания уделял судьбе Черноморского флота. М. Д. Бонч-Бруевич вспоминает: «Исчерпав все аргументы против требования немецкого командования, он (В. И. Ленин.— Авт.) несколько раз совещался со специалистами-морьяками, желая найти выход к спасению флота, но никакого иного выхода, кроме потопления, никто предложить не мог. Владимир Ильич потребовал письменный доклад начальника Морского генерального штаба о положении Черноморского флота»¹³⁵.

24 мая начальник Морского генерального штаба Е. А. Беренс в докладе Высшему военному совету предложил: так как «положение с оставшейся частью нашего Черноморского флота становится все более и более критическим», надо теперь же произвести «уничтожение судов в Новороссийске... иначе они... попадут в руки Германии и Турции»¹³⁶.

В. И. Ленин, всесторонне оценив обстановку, принимает единственно верное решение. На докладе Беренса он накладывает резолюцию: «Ввиду безвыходности положения, доказанной высшими военными авторитетами, флот уничтожить немедленно»¹³⁷.

Общее руководство по потоплению флота было возложено на члена Коллегии Народного комиссариата по морским делам И. И. Вахрамеева; 27 мая он выехал в Новороссийск.

На следующий день В. И. Ленин по представлению Высшего военного совета подписал секретную директиву командующему Черноморским флотом М. П. Саблину и Главному комиссару флота Н. П. Глебову-Авилову, в которой приказывалось уничтожить все суда флота и коммерческие пароходы, находящиеся в Новороссийске ввиду явных намерений Германии захватить их и невозможности перевести их в другой порт или защитить Новороссийск с суши¹³⁸. Но приказ Советского правительства натолкнулся в Новороссийске на яростное сопротивление махровых белогвардейцев во главе с Саблиным, эсеров, меньшевиков и украинских националистов. Они выступили за перевод флота в Севастополь, надеясь с помощью немцев превратить его в мощное средство борьбы против Советской власти на юге. Контрреволюционеры яростно обрушились на большевиков и революционных моряков — сторонников потопления флота, используя неискушенность, порою наивность в политике части матросов, они сеяли смуту в массах.

Обстановка на флоте обострилась, когда против потопления кораблей выступили некоторые руководители Кубано-Черноморской республики и Новороссийского Совета. В этот ответственный момент они не смогли подняться до понимания решений Советского правительства, пытались местные интересы поставить выше общегосударственных.

Выступая 9 мая на экстренном заседании Новороссийского Совета, член ЦИК Черноморской республики А. И. Рубин утверждал, что, поскольку предстоит борьба «прежде всего с внешней буржуазией», корабли Черноморского флота потребуют-

ся, чтобы нанести «сокрушительные удары по германскому империализму». Заседание Совета заявило о готовности «гордо умереть на своем посту, но флот сохранить во всех случаях»¹³⁹.

С начала двадцатых чисел мая, когда А. А. Рубин стал председателем СНК и ЦИК образовавшейся Кубано-Черноморской республики, точка зрения по вопросу «нанесения ударов по германскому империализму» и использования в этих целях боевых кораблей Черноморского флота распространялась особенно быстро, завоевывая все новых и новых сторонников.

Естественно, видя колебания моряков, неустойчивую позицию СНК и ЦИК Кубано-Черноморской республики, Саблин отказался выполнить правительственную директиву от 28 мая.

3 июня прибывший из Москвы в Новороссийск И. И. Вахрамеев и Н. П. Глебов-Авилов провели совещание председателей судовых комитетов и флагманов, на котором была признана необходимость потопить флот, но директиву правительства решено было пока не объявлять¹⁴⁰. На флоте началась серия бесплодных совещаний. Выполнение директивы откладывалось на неопределенный срок. Между тем 9 июня германские войска перешли в наступление на Воронежском и Батайском фронтах и потребовали вновь возвращения кораблей в Севастополь не позднее 14 июня.

Советское правительство, чтобы не обострять отношений, согласилось выполнить требование немцев. При этом была выражена уверенность, что «теперь осуществлены будут, наконец, также и обязательства, взятые на себя Германией, и в особенности прекращены будут враждебные против России действия на всех фронтах»¹⁴¹.

Согласие Советского правительства с германским ультиматумом было вынужденным и носило формальный характер. В тот же день, 9 июня, В. И. Ленин, ознакомив с содержанием ультиматума члена Морской коллегии Ф. Ф. Раскольникову, поручил ему срочно выехать в Новороссийск, чтобы помочь сторонникам уничтожения боевых кораблей выполнить правительственную директиву¹⁴². Вахрамееву и Глебову-Авилову было приказано ускорить потопление флота. «Так как срок немецкого ультиматума истекает 14 июня, так как флот защитить себя не в силах, — указывалось в радиограмме Коллегии Народного комиссариата по морским делам за № 14, направленной в Новороссийск поздно вечером 9 июня, — единственным исходом является своевременное уничтожение судов. Ввиду германского ультиматума правительство сочло себя вынужденным формально согласиться на возвращение судов в Севастополь. В этом смысле вам будет послан [не] шифрованный телеграфный приказ. Но вы обязуетесь его не исполнять и считаться только с отданными ранее предписаниями и с настоящей телеграммой. Флот должен быть уничтожен. Моряки обязаны понять, что правительство решается на эту страшную меру только потому, что другого исхода нет»¹⁴³.

10 июня И. И. Вахрамеев и Н. П. Глебов-Авилов довели это приказание до сведения совещания флагманов и исполняющего обязанности командующего флотом Тихменева¹⁴⁴, предложив им уничтожить суда до получения формального приказа о переводе флота в Севастополь. Тихменев стал тянуть время (его гонец отправился на Дон, чтобы согласовать действия с генералом Красновым) и попросил выяснить мнение команд.

На референдуме, проходившем в ночь на 12 июня, победила точка зрения кубано-черноморцев: «... в Севастополь не идти, флот не топить, а в случае наступления немцев сражаться до последней возможности и лишь только при явной невозможности отстоять флот — его затопить»¹⁴⁵.

Ободренный этой «победой», ЦИК Кубано-Черноморской республики обратился к Советскому правительству с заявлением, в котором утверждалось, что республика «способна вести и ведет серьезную войну с шансами на успех. Достигнутое невероятными усилиями положение на внешнем фронте, а также устойчивость Советской власти внутри быстро и безвозвратно рухнет в панике, порожденной осуществлением приказа об уничтожении флота... Просим, взвесив ситуацию, дать директивы, которым подчинимся. Убеждены, что распоряжение продиктовано отсутствием связи и неосведомленностью об истинном положении фронта и Советской власти на Кубани»¹⁴⁶. В таком же духе высказалось 12 июня заседание Новороссийского Совета.

События, развернувшиеся вокруг Черноморского флота, приобрели все более опасный оборот. 13 июня В. И. Ленин направил в Новороссийск шифрованную радиogramму № 47 с подтверждением радиogramм Наркоммора № 13 и 14 от 9 июня 1918 г. о потоплении Черноморского флота и требованием немедленного их исполнения. С целью дезинформации Германии Советское правительство отправило открытую радиogramму № 48, в которой приказано командованию флота немедленно перевести корабли в Севастополь, что в соответствии с радиogramмой № 14 выполнению не подлежало¹⁴⁷.

Вслед за ней в Новороссийск полетела весьма секретная правительственная телеграмма № 49. «Вести свою особую политику против воли Центрального Исполнительного Комитета флот не имеет права, — указывали руководители партии и правительства. — Флот в Новороссийске отстоять себя не может. Агитаторы, которые при этих условиях говорят о боевых действиях флота, — либо безумцы, либо провокаторы. Немецкие военные власти хотят вызвать флот на какую-либо авантюру, чтобы занять Новороссийск, как они заняли Севастополь. Тогда они овладеют флотом по праву войны и будут употреблять его против нас и против союзников. Ответственность за это падет на головы безумцев и преступников, не считающихся с общим положением страны и ее военных сил. Подтверждаем приказ: немедленно уничтожить суда. В противном случае флот будет объявлен вне закона... Открытой радио за номером 48 не выполнять»¹⁴⁸.

Но кубано-черноморские руководители продолжали упорствовать.

14 июня на делегатское собрание прибыл Рубин. В часовой речи он убеждал делегатов не топить флот, не прекращать вопреки требованиям Москвы военные действия против немцев до освобождения Ростова. В заключение он предупредил: если корабли будут потоплены, то кубано-черноморские войска «расправятся с флотским составом».

Эти угрозы произвели потрясающее впечатление. Через день-два началось массовое дезертирство с кораблей.

Позиция кубано-черноморских «самостийников» в вопросе о потоплении флота привлекла к себе внимание французской миссии. Ее глава предложил руководителям Кубано-Черноморской республики отделиться от Советской России, вступить в союз с Антантой и продолжать войну с Германией. Со стороны Франции он обещал как военную, так и экономическую помощь, если она будет признана покровительствующим государством¹⁴⁹. Объединенное собрание фракций большевиков Кубано-Черноморского ЦИК и Екатеринодарского Совета совместно с Екатеринодарским комитетом большевиков решило отделиться от РСФСР, чтобы тем самым не ставить «под удар всю страну, революцию, которым мы преданы, не срывать Брестский мир». Тут же был утвержден текст радиограммы: «Всем, всем... С этого времени Кубано-Черноморская Советская Социалистическая Республика существует как самостоятельная единица»¹⁵⁰.

А Тихменев тем временем готовил корабли к уходу в Севастополь.

В своей агитации враги Советской власти демагогически опирались на открытую правительственную телеграмму о переводе кораблей в Севастополь, ловко спекулировали на угрозах кубано-черноморских «самостийников» и сепаратистов, превозносили гарантии Германии.

На состоявшемся 16 июня новом референдуме на кораблях основная масса матросов высказалась за то, чтобы ничего не предпринимать до возвращения делегации флота из Екатеринодара, где, как они знали, на заседаниях решается судьба кораблей. На втором месте по численности была группа матросов, согласившихся идти в Севастополь. Меньшая часть высказалась за потопление кораблей¹⁵¹.

Тихменев приказал готовить корабли к походу, а начальнику Севастопольского порта радировал: «Принимаю все меры к переводу флота в Севастополь 19 июня»¹⁵². События достигли кульминационной точки.

В тот же день, 16 июня, на открывшемся совместном собрании большевистских фракций ЦИК Кубано-Черноморской республики и Екатеринодарского Совета, Екатеринодарского городского комитета партии стало известно о новой телеграмме из Москвы, требующей «полного подчинения приказам центральной влас-

ти»¹⁵³. В итоге бурных дебатов на вечернем заседании с участием представителей флота было решено добиваться выполнения директивы Советского правительства, аннулировать телеграмму об отделении¹⁵⁴.

Но дорогое время было упущено. На рассвете 17 июня по приказу Тихменева корабли начали выходить на рейд, чтобы следовать в Севастополь. Моряки, не желавшие идти туда, сошли на берег. Сорвалась попытка Тихменева вывести из бухты линкор «Свободная Россия», так как с него ушли почти все коцегары и другие специалисты. Миноносец «Керчь» и другие корабли, команды которых отказались выполнить предательский приказ Тихменева, подняли сигнал: «Судам, идущим в Севастополь: позор изменникам России»¹⁵⁵.

Поздним вечером 17 июня Новороссийский Совет предпринял попытку вернуть корабли с рейда. Но было уже поздно. Корабли подняли якоря и взяли курс на Севастополь.

С наступлением рассвета 18 июня началась подготовка оставшихся кораблей к потоплению. Эсминец «Керчь» и миноносец «Лейтенант Шестаков» отбуксировали корабли на рейд. По пути к месту затопления миноносец «Гаджибей» поднял сигнал: «Поглябю, но не сдаюсь».

В 15 час. 45 мин. началось затопление. Эту нелегкую миссию с честью выполнила команда эскадренного миноносца «Керчь» во главе со своим командиром В. А. Кукелем.

Предварительно заложив в машинное отделение каждого корабля взрывные патроны, команда «Керчи» с короткой дистанции расстреляла все суда Черноморского флота, которые остались в Новороссийске, и сама ушла в Туапсе, где в 4 час. 30 мин. 19 июня в полутора милях от маяка Кадош затопила и свой корабль. Были затоплены и транспортные суда¹⁵⁶.

План германских агрессоров провалился. «Немцы негодовали, — писал М. Д. Бонч-Бруевич, — узнав о потоплении... нашего флота, на который они уже разинули свою прожорливую пасть... И вдруг такой афронт!.. Немцы злились, не однажды высказывая это вслух. Владимир Ильич потирал руки и посмеивался. Пусть немцы знают, что мы не шутим и что русский народ может пойти на любые жертвы, но все это до известного предела, который мы никогда не перейдем»¹⁵⁷.

При обстоятельствах, которые тогда сложились в молодой Советской Республике, потопление флота в Новороссийске было единственно верным выходом. Выступая 27 июня 1918 г. на IV конференции профсоюзов, В. И. Ленин говорил: «... наша политика (в вопросе о потоплении Черноморского флота. — Авт.) была единственная, которая так же, как и политика Брестского мира, принесла нам массу тяжелых бедствий, но которая дала возможность Советской власти и рабоче-социалистической революции в России продолжать держать свое знамя перед рабочими всех стран»¹⁵⁸.

Выполнив приказ В. И. Ленина о потоплении кораблей Черноморского флота, революционные матросы предотвратили захват их германскими империалистами. Они совершили великий подвиг, светлую память о котором хранит советский народ.

4. Июльский кризис и провал похода на Москву с Юга

Намерения германской военщины с помощью конфликта вокруг Черноморского флота развязать войну против Советской Республики провалились, но замысел свержения Советской власти не был оставлен. Он подогревался уверенностью в слабости советского режима, находившегося в начале лета 1918 г. будто бы на грани краха. Кайзеровские генералы спешили опередить империалистов Антанты, развертывающих интервенцию на севере и в Сибири, опасаясь, что им с помощью российской контрреволюции удастся устранить Советское правительство и восстановить антигерманский фронт на Востоке. Крайне милитаристские круги в Германии полагали, что пришел наконец, момент начать поход на Петроград и Москву. В одном из донесений немецкого военного агента из советской столицы в конце июня прямо заявлялось: «Так как власть большевиков неминуемо и в скором времени придет к концу, по моему мнению, для нас речь может идти только о немедленном вмешательстве в Россию, чтобы не предоставить поле деятельности Антанте»¹⁵⁹.

В предполагавшемся наступлении первостепенное место отводилось укреплению и расширению южного плацдарма. С этой целью продолжались попытки объединить контрреволюционные силы Дона и Северного Кавказа под эгидой Германии. Костяком объединения должна была стать казачья окраина. Краснов ретиво приступил к реализации кайзеровской идеи. Вслед за заключением соглашений Дона с Кубанским и Астраханским казачьими войсками о совместной борьбе против Советской власти в Новочеркасске в последних числах июня было созвано совещание представителей казачьих областей и горских националистов. Участники его приняли декларацию, провозглашавшую необходимость создания на Юго-Востоке федеративного государственного образования, в состав которого должны были войти Всевеликое Войско Донское, Астраханское войско с калмыками, Ставропольская губерния, Кубанское войско, а впоследствии и Терское войско, а также народы Северного Кавказа¹⁶⁰.

Донской атаман специальным письмом поспешил известить «могущественного монарха великой Германии» об этом намерении и просил кайзера признать право на самостоятельное существование Всевеликого Войска Донского и по мере образования всей федерации под именем Доно-Кавказского союза¹⁶¹. В письме содержались заверения в том, что члены союза обязуются не допускать на свою территорию «враждебные германскому народу вооруженные силы», т. е. войска Антанты и подчиненные ей отряды чехословаков. Краснов просил императора Вильгельма содейст-

вовать присоединению к Войску Донскому «по стратегическим соображениям» городов Царицына, Камышина, Воронежа, железнодорожных станций Лиски и Поворино, а также Таганрога и его округа. В уплату за испрашиваемую помощь атаман обязывался поставлять в Германию донской хлеб, сырье, шерсть, растительные и животные жиры, скот, лошадей, виноградное вино и другие продукты земледелия и садоводства, а германским промышленникам предоставить особые льготы по помещению капиталов в донские предприятия¹⁶².

В холопских обязательствах и просьбах, идущих будто бы от казаков, на самом деле отражались германские планы расчленения России, подчинения и колониального ограбления Юго-Востока. Вот почему из Берлина было дано согласие принять посланцев Краснова с письмом. По полномочию кайзера и на отпущенные им средства Краснов выступил в роли дирижера по формированию на Юге прогерманских воинских соединений, подчас громко именовавшихся армиями.

Князь Тундутов создал корпус из пехоты (3 тыс. человек) и конницы (1 тыс. человек). Герцог Г. Лейхтенбергский приступил в Киеве к организации так называемой Южной армии, которую в последующем планировалось развернуть на территории Богучарского уезда Воронежской губернии. Однако, по признанию самого ее руководителя, «не удалось набрать состава нижних чинов даже на полный комплект одной дивизии боевого состава». По данным Краснова, в ней было едва 2 тыс. человек, из них только половина боеспособных. К боевым действиям она была не пригодна. Необходимую для нее территорию захватили казаки. Вскоре в уездах Воронежской губернии водворились старые порядки. Вспыхнули восстания, подавлять которые пришлось казакам. Краснов перевел эту «армию» в Чертково. Кроме того, Краснов сформировал «Саратовский корпус» из кулаков, «ушедших от большевиков Саратовской губернии». Озлобленные, они яростно дрались «вместе с казаками в Царицынском, Камышинском и Балашовском направлении», но «вырасти больше бригады никак не могли»¹⁶³.

Затея с Юго-Восточным союзом у немцев явно не получалась. Карты путала Добровольческая армия, удерживавшая также и кубанцев. Когда атаман Кубанского казачьего войска полковник Филимонов сообщил, что его вызывают в Ростов для подписания договора о Доно-Кавказском союзе, Деникин ответил: «Против Доно-Кубанского и Доно-Кавказского союза в принципе ничего не имею. Но освободить Кубань, чтобы она стала в вассальную зависимость от Германии, я не согласен. Если угодно — поезжайте. Но тогда завтра же я сверну Добровольческую армию с Екатеринодарского направления на Царицын». Под разными предложениями кубанские самостоятели уклонялись от подписания договора¹⁶⁴.

Реальной силой на всем Юге России летом 1918 г. у немцев оставалось только «Всевеликое Войско Донское». Поэтому они

оказывали ему всяческое содействие, укрепляя его положение, во всем потакали «личным пожеланиям атамана». Когда между «Украинской державой» и «Всевеликим Войском Донским» возникла тяжба из-за Таганрогского округа, который первая рассматривала как мост на Кубань, Германия поддержала последнюю¹⁶⁵. Опираясь на немцев, Краснов мобилизовал в армию двенадцать возрастов казаков и вовлек в нее донских офицеров, многие из которых предпочитали стоять в стороне. Создал полки, дивизии и корпуса, восстановил офицерские училища, ввел уставы. К августу в обмен на сырье и продовольствие он получил от немцев большое количество оружия и снаряжения. Его действующая армия, разделенная на шесть групп, насчитывала 39 тыс. бойцов, 93 орудия и 280 пулеметов. В тылу находилась еще так называемая постоянная армия в 14 тыс. человек. Имелась речная флотилия из 10 судов¹⁶⁶.

Летом 1918 г. это была внушительная сила, немцы возлагали на нее немалые надежды. Людендорф писал: «С военной точки зрения мы были в силах произвести короткий удар на Петроград теми войсками, которые у нас имелись на востоке, и при помощи донских казаков развить наступление на Москву. Это было бы много выгоднее ведения обороны на длинных фронтах»¹⁶⁷.

В предвидении наступления кайзеровские генералы стремились усилить казачий ударный кулак. В последних числах июня представитель германского командования в Ростове майор Кохенгаузен просил через полковника Измайлова сообщить, какое количество боевых припасов и вооружения необходимо Донской армии. Подробный список всего необходимого, заключил майор, будет немедленно представлен в германскую ставку на распоряжение¹⁶⁸.

Организуя силы внутренней контрреволюции, Германия получила возможность часть своих войск перебросить с Восточного на Западный фронт. Если весной 1918 г. она держала 72—75 пехотных дивизий, то, по данным Оперативного управления Всероссийского главного штаба, на 27 июня 1918 г. на Восточном фронте оставались всего 24 пехотные и 4 кавалерийские германские дивизии. Тем не менее, по расчетам военных специалистов, немцы могли бросить тогда против Советской республики до 50 пехотных и 15 кавалерийских дивизий¹⁶⁹.

Однако ряд серьезных обстоятельств охлаждал воинственный пыл глашатаев похода казачье-немецких войск на Москву. Неудача весеннего наступления на Западном фронте обострила внутривнутриполитическую борьбу в Германии. В правящих кругах усиливалась тревога за исход войны.

Советское правительство всемерно использовало межимпериалистические противоречия для укрепления военно-политического положения Республики. На основе глубокого анализа обстановки, сложившейся в начале лета 1918 г., ЦК РКП (б) и Совнарком во главе с В. И. Лениным пришли к выводу, что главной силой антисоветского нашествия международного империализма стану-

вится Антанта. Острая борьба между двумя империалистическими группировками делала маловероятным их совместное выступление против Советской России. В этих условиях исключительно важно было добиться урегулирования отношений с Германией на основе Брестского договора, что позволило бы сосредоточить силы для отражения натиска интервентов и контрреволюции на Востоке страны. На открывшихся в июне 1918 г. в Берлине советско-германских переговорах советская делегация выдвинула широкую программу развития экономических связей. Она предусматривала предоставление существенных выгод германским промышленникам и банкирам при неременном, однако, условии соблюдения Германией территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела Советской Республики. Советская сторона, в частности, настаивала на точном проведении и соблюдении демаркационной линии, освобождении важнейших путей сообщения, соединяющих центр страны с Юго-Востоком, отказе от поддержки немцами Краснова, прекращении продвижения турецких войск на Кавказе¹⁷⁰.

Но германские империалисты упорно не хотели расстаться с планами удушения Советской Республики. 2—3 июня состоялось совещание представителей имперского правительства с верховным командованием, где обсуждался весь комплекс вопросов взаимоотношений между двумя странами. На нем под давлением обстоятельств было признано, что, хотя положение в Советской России «нестабильно», «сейчас не следует добиваться свержения большевистского правительства, а необходимо установить тесные связи с монархистами, чтобы быть подготовленными на будущее»¹⁷¹. Таким образом, подтверждалось проведение «двухколейной» (по выражению германского дипломата В. Блюхера) политики по отношению к РСФСР: с одной стороны, официальное признание, с другой — поддержка сил контрреволюции.

Особенно горячо обсуждался вопрос об усилении помощи антисоветским силам на Юге. Кайзер считал, что главным оплотом в борьбе против Советской власти следует сделать оккупированную Украину. «Вокруг Киева, — говорил он, — теперь могут собраться все русские элементы порядка (т. е. монархические, контрреволюционные элементы. — Авт.), и отсюда может произойти возрождение России». Людендорф, напротив, наиболее активную антисоветскую силу видел в белоказаках Краснова и высказался за расширение связей с ними. Воздействовать на Краснова, подчеркнул он, можно только деньгами и оружием. Людендорф просил министерство иностранных дел предоставить для этой цели крупную сумму, желательно «молча и без особых указаний». Без денег казаков не удержат, заключил генерал, в таком случае наше положение может осложниться.

Военный министр поддержал Людендорфа: отпущенных ранее 15 млн мало. Давление на казаков он назвал «военно-стратегич-

ческой задачей». Выступивший от имени министерства иностранных дел советник Розенберг согласился с мнением военных и заявил, что будет ходатайствовать перед государственным казначейством о новых ассигнованиях. Однако, заметил, он, при составлении планов относительно казаков надо учитывать, что их области являются пока еще составной частью Русского государства. Советское правительство, продолжал он, заявило о своей готовности признать независимость Грузии при условии, что мы не станем проявлять заинтересованность в Донской области и не признаем самостоятельности казаков.

Но нам нужна Донская область, возразил Людендорф. Речь идет о военной необходимости. Если мы не позаботимся о донских казаках, то они перейдут на сторону Антанты. Этому нужно помешать, учитывая положение на Западном фронте. Идя навстречу генералу, Розенберг предложил осуществлять подобные военные меры «в известной степени за спиной политического руководства», а оправдывать большие затраты необходимостью защиты интересов немецких колонистов на Дону.

«Абсолютно согласен», — заключил Людендорф. По его предложению совещание решило воздержаться от признания Краснова и от подписания какого-либо официального соглашения с белоказаками¹⁷².

Так было подтверждено «разделение труда»: германская дипломатия клялась в верности Брест-Литовскому договору и «умывала руки», а генералы за спиной «политического руководства» развертывали в полную меру поддержку казачьей контрреволюции, ведущей войну с Советской властью. Подводя итоги совещания, рейхсканцлер Гертлинг подчеркнул: «Я констатирую, что никаких разногласий по существу между имперским руководством и верховным командованием больше нет. Речь идет лишь о темпе»¹⁷³.

Ровно через неделю после принятия решений главной германской ставкой в Новочеркасске состоялось совещание донского атамана с представителями оккупационного командования. Участники подробно обсудили планы совместных действий немецких и белоказачьих войск против Красной Армии¹⁷⁴. Решено было, в частности, объединить казачьи и немецкие части на Батайском фронте (фактически и раньше выступавшие совместно) под начальством генерала Кнёрцера и добиться захвата Азова и продвижения к Ейску. Эта операция по замыслу оккупантов должна была обеспечить южный фланг всего немецко-казачьего фронта.

Немцы заверили Краснова, что окажут всю необходимую помощь в предстоящем наступлении белоказачьих войск на Царицын. Они обещали направить туда тяжелую артиллерию и шесть самолетов, о чем просил атаман. На границе Донской области, сказал майор Кохенгаузен, германцами будет устроено несколько крупных складов-арсеналов для регулярного снабжения казачьей армии оружием и боеприпасами в потребном коли-

честве. Представители немецкого командования были чрезвычайно щедры и на политические обещания. Майор Стефани выразил уверенность, что спор с гетманом о Таганрогском округе будет решен в пользу Дона. В самом ближайшем будущем, добавил без смущения Кохенгаузен, Всевеликое Войско Донское будет признано Германией в качестве суверенного государства¹⁷⁵.

Все эти заверения имели своей целью укрепить позиции казачьей контрреволюции — главной опоры германских интервентов на Юго-Востоке, ускорить активные действия красновских войск на всем фронте борьбы с Красной Армией. «Это немцам важно,— резюмировал свои впечатления от бесед с представителями германского командования полковник Измайлов,— имея в виду неудачи на Западном фронте и восстания в оккупированных районах»¹⁷⁶.

Убийство Мирбаха эсеровскими террористами 6 июля 1918 г. и последовавший за этим антисоветский мятеж, поднятый левыми эсерами под лозунгом разрыва Брестского договора, поставили Советскую страну «на волосок от войны». Германская военная партия, говорилось в советском правительственном сообщении, получила такой повод, «лучше коего нельзя бы ей и желать»¹⁷⁷. Нагнетая напряженность, рьяный сторонник авантюристических действий немецкий военный атташе майор Шуберт предложил ввести в Москву «батальон состава военного времени в униформе, с пулеметами, минометами, огнеметами для охраны миссии»¹⁷⁸. Предложение было одобрено Гинденбургом, и 14 июля соответствующее требование от имени Германии предъявлено Советскому правительству.

Однако быстрый и полный разгром левозэеровской авантюры показал германским империалистам иллюзорность их расчетов на слабость Советской власти. Наглое требование немцев было категорически отвергнуто. В правительственном Заявлении, с которым выступил В. И. Ленин, твердо и ясно указывалось, что «есть пределы, за которыми даже самые миролюбивые трудящиеся массы будут вынуждены встать и встанут, как один человек, на защиту своей страны вооруженной рукой»¹⁷⁹.

По постановлению правительства Высший военный совет срочно разработал мероприятия по обороне Республики в связи с возможностью в ближайшее время перехода германских войск в наступление¹⁸⁰. Ими предусматривалось, в частности, проведение мобилизации ряда возрастов для комплектования достаточного количества дивизий, осуществление необходимой перегруппировки войск в полосе завесы, усиление узлов обороны на важнейших коммуникациях и др. Оценивая положение Республики и намерения противника, советское командование считало, что целью германской агрессии является захват Москвы и прилегающей к ней наиболее развитой в экономическом отношении части Советской страны. Для этого, говорилось в докладе Главного штаба Красной Армии, немцы сначала хотят изолировать центр Республики «от

Севера и питающего нас Юга», чтобы затем развить наступление на столицу, нанося удары по кратчайшему пути от верховьев Западной Двины и Днепра. Главным районом германских действий в ту пору советское командование справедливо считало Юг России¹⁸¹.

В соответствии с такой оценкой Высший военный совет определил в начале лета расстановку сил создававшейся Красной Армии. Наибольшее количество войск выдвигалось на Южное направление. Там предполагалось развернуть первоначально 16 дивизий¹⁸². Однако обострившаяся обстановка на Юге России вскоре потребовала корректировки плана. Из первых 34 дивизий, составивших советскую Действующую армию, на Юг решено было выделить 26 дивизий. Туда же предусматривалась отправка, как наиболее мобильных, всех создававшихся конных частей¹⁸³.

Выполняя указания Советского правительства, военное командование усиливало Северо-Кавказское направление. Еще 9 июня 1918 г. директивой Высшего военного совета все советские отряды и части, действовавшие южнее границы Воронежской губернии, были подчинены Северо-Кавказскому военному округу¹⁸⁴. Командование последнего разбило весь фронт на боевые участки, поставило перед каждым из них конкретные задачи по отражению врага. Часть отрядов была передвинута на участок Темрюк — Анапа, взято под контроль побережье Азовского моря, что преградило дорогу немцам на Кубань и Северный Кавказ¹⁸⁵. Общей задачей войск Северо-Кавказского военного округа являлось, согласно директиве Высшего военного совета, удержание путей, связующих Северный Кавказ с Москвой¹⁸⁶.

В течение всего лета на просторах Юго-Восточной окраины России кипели кровопролитные бои. Под натиском белоказаков и денкинцев, направляемых и поддерживаемых интервентами, Красная Армия вынуждена была оставить большую часть Донской и Кубанской областей, Черноморья и Ставрополя. Враг был остановлен у стен Царицына и на границе Воронежской губернии. Немцы продолжали усиленно толкать Краснова к захвату Царицына, имея в виду окончательно изолировать центр Советской Республики от Юго-Востока, укрепить тем самым плацдарм для наступления на Москву. Но предпринять этот поход германские империалисты были уже не в состоянии. Под влиянием поражений на Западном фронте и истощения ресурсов внутри страны в Германии усилилось понимание опасности новых военных авантур в России. Влиятельные правительственные и парламентские круги, поддержанные крупными промышленниками, предпочитали добиваться укрепления позиций на Востоке путем навязывания Советской Республике новых выгодных Германии соглашений. В августе в Берлине близились к завершению советско-германские переговоры о заключении добавочных соглашений по политическим, экономическим и финансовым вопросам. В ходе их Советское правительство соглашалось на серьезные экономические уступки,

в частности на поставки на льготных условиях зерна, нефти и других сырьевых материалов. Вместе с тем советская сторона настаивала, чтобы для выполнения ею этих обязательств были устранены препятствия хозяйственным связям Центра страны с Юго-Востоком. 27 июля Г. В. Чичерин дал указание полпреду в Берлине добиваться очищения оккупантами Ростова и железных дорог Таганрог — Курск и Таганрог — Ростов. В тот же день А. А. Иоффе передал германскому правительству меморандум, в котором подчеркивалось, что очищение указанных территорий является непременным условием заключения соглашения между Германией и РСФСР¹⁸⁷.

Большое значение Советское правительство придавало прекращению поддержки Германией российской контрреволюции. Разумеется, оно не могло пройти мимо принятия в Берлине официальной делегации «Всевеликого Войска Донского» во главе с герцогом Лейхтенбергским, явившейся с посланием Краснова кайзеру. «Русское правительство, — говорилось в ноте Г. В. Чичерина германскому генеральному консулу, — заявляет решительный протест против поддержки и сношений с донскими мятежниками, принимающей даже характер официального отношения». Наркоминдел расценил поддержку Германией белоказаков как серьезное препятствие нормализации отношений между двумя странами¹⁸⁸.

Объявив во всеуслышание, что целью политики Германии по отношению к Советской России является «не допустить или по крайней мере оттянуть возобновление фронта на Востоке»¹⁸⁹, правительство Гертлинга не могло афишировать свою поддержку белогвардейцев. Посланцы донского атамана не были допущены к императору. Принявший их в главной квартире Людендорф заявил, что Германия, связанная условиями Брестского договора, не может признать самостоятельность Войска Донского и открыто оказывать помощь Дону оружием. В тот же день донцов принял Гинденбург, который повторил сказанное Людендорфом, заверив, однако, делегатов, что главное командование даст указание в Киев о продолжении снабжения донской контрреволюции оружием. «Двухколейная дипломатия» продолжала действовать¹⁹⁰.

27 августа в Берлине был подписан Добавочный русско-германский договор, состоящий из политического, финансового и частногоправового соглашений¹⁹¹. Они накладывали на Советскую Республику новые тяжелые обязательства, в том числе выплату 6 млрд марок контрибуции. Вместе с тем соглашения, по словам Г. В. Чичерина, отчасти ограничивали «результаты германского наступления на нас, которым Брест-Литовский договор оставил широкую возможность дальнейшего продления»¹⁹². Августовским соглашением предусматривалось завершение демаркации оккупированной территории, чем устранялась неопределенность Брестского договора и ставился дипломатический барьер дальнейшей антисоветской экспансии Германии.

Последняя обязывалась никоим образом не вмешиваться «в отношения между Русским государством и его отдельными областями, и, следовательно, она в особенности не будет ни вызывать, ни поддерживать образование самостоятельных государственных организмов в этих областях»¹⁹³. Это обязательство было уточнено таким образом, что Германия согласилась «оказывать воздействие», чтобы создание подобных «организмов» «не поддерживалось военными мероприятиями с территории Украины»¹⁹⁴.

Тем самым немцы официально отказывались от прямой или через украинских националистов поддержки Краснова и всей затеи с «суверенным» Доно-Кавказским союзом. Кроме того, Германия соглашалась очистить железную дорогу Ростов — Воронеж и город Ростов, а также разрешить перевозку грузов и товаров для нужд РСФСР по железным дорогам Таганрог — Ростов и Таганрог — Курск, проходившим тогда по оккупированной немцами территории¹⁹⁵.

Советской дипломатии удалось, учитывая противоречия между Берлином и Стамбулом, добиться включения в договор пункта, обязывающего Германию не оказывать поддержки «Третьей Державе» (т. е. Турции. — *Авт.*) «при возможных на Кавказе вне пределов Грузии... военных операциях»¹⁹⁶. Это препятствовало осуществлению турецких планов овладения богатствами Кавказа, доступ к которым немцы рассчитывали получить сами, развивая экономические связи с Советской Россией.

Заключение Добавочного договора, таким образом, затрудняло объединение сил внутренней контрреволюции и международного империализма. Советская дипломатия, признает современный немецкий историк Г. Раш, расстроила планы германской реакции по оказанию помощи «русским правым (белогвардейцам. — *Авт.*) против большевиков»¹⁹⁷.

Разумеется, с подписанием августовского договора не исчезла опасность новых военных авантюр со стороны германских милитаристов и их союзников, особенно в сговоре с силами южной контрреволюции. Поддержка ее немцами и султанской Турцией не прекращалась.

5. Германо-турецкая интервенция в Дагестане

В конце лета осложнилась обстановка на Кавказе. Обеспокоенные успехами немцев и турок, наступавших на Баку, империалисты Антанты, прежде всего англичане, предпринимают энергичные шаги к укреплению собственных позиций в этом богатом нефтью районе, лежащем на важных путях к колониальным владениям на Ближнем и Среднем Востоке. Для вторжения на Кавказ формируется в иранском г. Хамадан военная экспедиция английского генерала Денстервилля. «Наш план, — признавал он позднее, — сводился к господству над Каспийским морем, а так как этого мы могли достигнуть лишь оккупацией Баку, то необходимо было, значит, защищать этот город от захвата его неприятелем»¹⁹⁸.

Важное место в планах англичан отводилось находившемуся в Иране большому экспедиционному отряду казаков под командованием полковника Л. Бичерахова. Завербованный Денстервиллем на британскую службу, Бичерахов с отрядом стремился проникнуть на Северный Кавказ на соединение с казачьей контрреволюцией. Первым шагом на этом пути стал Баку.

Прикинувшись сочувствующим Советской власти, Бичерахов с помощью левых эсеров и дашнаков добился от Бакинского Совнаркома назначения командующим фронтом против турок и мусаватистов, его отряд влился в ряды защитников Баку. В обстановке усиливающегося натиска турецких интервентов эсеры, меньшевики и дашнаки повели агитацию за приглашение англичан якобы для отпора врагу. Эта агитация усилилась после того, как в конце июля Бичерахов предательски бросил фронт и ушел на север в сторону Дербента и Петровска и далее на Терек, где его брат Г. Бичерахов поднял антисоветский мятеж. Действия братьев Бичераховых являлись частью плана английских интервентов.

1 августа 1918 г. Советская власть в Баку пала, 4-го в город вошел английский отряд. Падение Советской власти в Баку значительно ухудшило положение Дагестана. С юга туда двинулись войска Л. Бичерахова, усиленные отрядами дашнаков, английскими офицерами. Л. Бичерахов 3 августа захватил Дербент и по указке англичан распустил слух о том, что его войска, измотанные в боях против германо-турецких захватчиков в Закавказье, уходят теперь на Терек для расформирования.

Большевики Дагестана разоблачили ложь английского наймита. Порт-Петровский Совет, узнав о нападении бичераховцев на Дербент, принял резолюцию: «Мы... объявляем перед лицом портпетровского пролетариата полковника Бичерахова за его явную англофильскую деятельность... изменником, предателем революции»¹⁹⁹.

Для руководства операциями против Бичерахова распоряжением комиссара Северо-Кавказского военного округа Н. А. Анисимова 3 августа был образован в Порт-Петровске военный совет²⁰⁰. Он направил почти все находившиеся в районе города военные силы против бичераховцев. Отряды из прилегающих к железнодорожной линии аулов Даргинского и Кайтаго-Табасаранского округов также помогали подразделениям Красной Армии. Однако имевшихся сил было недостаточно для отражения угрозы. Чрезвычайный комиссар В. Нанейшвили, председатель областного исполкома Д. Коркмасов, военный комиссар Дагестана М. Дахадаев с тревогой сообщали в Царицын: «Господство на море при участии бакинского флота, узость береговой полосы дают огромный шанс противнику. Экстренное чрезвычайное совещание, обсудив всю обстановку, находит, что необходимо из Царицына и Астрахани спешно, не теряя ни одной минуты, двинуть значительный боевой флот для совместных с нами действий... Допущение соединения Бичерахова с терской казачьей

контрреволюцией отрезает весь Кавказ, а борьба еще возможна и обязательна»²⁰¹.

Положение самой Российской Советской Республики было в это время крайне тяжелым. Организовать помощь Дагестану войсками, снять с какого-нибудь фронта дивизию или даже полк было невозможно. Царицын отчаянно отбивался от полчищ Краснова и других белых генералов. Астрахань стойко оборонялась от наседавших со всех сторон белоказаков деникинской армии, английской флотилии.

Связь Кавказа с Москвой была крайне затруднена. В. И. Ленин, внимательно следивший за развитием событий на Юго-Востоке, в частности, сообщал 23 августа 1918 г. председателю Туркестанского Совнаркома Ф. И. Колесову: «На Северном Кавказе Советская власть. Ее войска отрезаны от Царицына, осаждаемого с юга казаками. В Баку высадились англичане, и положение там неустойчивое... Неизвестно, как сложатся там дела. О военной помощи не знаем, где она. Думаем, что задержана под Царицыном»²⁰².

Военное положение в Дагестане ухудшалось с каждым днем. Часть советских войск отошла на север, в сторону Кизляра и Астрахани. Отряд красноармейцев, дружина железнодорожников и присланные из Астрахани артиллеристы-венгры оказывали упорное сопротивление бичераховцам, подходившим к Порт-Петровску. Основная часть советских войск в Дагестане была оттянута к Темир-Хан-Шуре — областному центру, которому угрожали банды горских контрреволюционеров, руководимые турецкими офицерами.

Зная, что наступление турецко-горской контрреволюции не менее опасно для Советской власти, чем приближение его войск к Петровску, Л. Бичерахов лицемерно предложил Дагестанскому областному исполкому совместно бороться против турок, а затем пропустить его отряд на Терек. Исполком принял это предложение. 2 сентября было заключено соглашение («деловой контракт»), по условиям которого Бичерахов занимал Петровск, обязавшись не вмешиваться во внутренние дела Дагестана и вести войну со всеми, кто придерживается германо-турецкой ориентации.

Соглашение явилось роковой ошибкой исполкома. Зато англичане были весьма довольны действиями своего агента. Их представитель при штабе Бичерахова майор Роуландсон сообщил в Баку: «Захват Бичераховым Петровска означает большой шаг вперед в смысле достижения нами же намеченной цели»²⁰³.

Захватив Дербент и Петровск, Бичерахов не собирался выполнять соглашение о «невмешательстве» в гражданскую войну в Дагестане. По его приказу были арестованы и расстреляны многие советские и партийные работники. Контрреволюционерами был убит выдающийся борец за свободу горцев военный комиссар Дагестана М. Дахадаев. Своим союзником Л. Бичерахов сделал

одного из руководителей горской контрреволюции — князя Тарковского. Он был провозглашен диктатором, а Бичерахов — главнокомандующим вооруженными силами в Бакинской губернии и Дагестане.

Утвердившись в Дагестане, Л. Бичерахов приступил к реализации планов английских интервентов по консолидации контрреволюционных сил на северо-востоке Кавказа и блокаде Советской Республики с юга. В эти планы входило объединение с терскими белоказаками и взятие Астрахани. Установив связь со своим братом Георгием, возглавлявшим антисоветские силы на Тереке, Л. Бичерахов предложил ему обеспечить объединение отдельных частей Кавказа и жителей бассейна Каспийского моря, установить, временно, впредь до созыва Учредительного собрания, высшую краевую власть — Кавказско-Каспийское народное управление²⁰⁴.

Бичерахов постоянно поддерживал антисоветский мятеж на Тереке деньгами, английским золотом и военной техникой. «В помощь терцам я послал отряд, — писал Л. Бичерахов в начале октября, — 1500 человек при 4-х полевых пушках, двух тяжелых орудиях, 14 пулеметах, 2 бронированных автомобилях с автомобильной колонной, с достаточным количеством снарядов и патронов. Я полагаю, что в ближайшее время вопрос Кизляра решится. Затем на очереди — Грозный»²⁰⁵.

Однако бичераховцы недолго господствовали в Дагестане. 15 сентября германо-турецкие интервенты захватили Баку. Командование турецкой армии стало готовить дивизию к вторжению в Дагестан. Чтобы «не нарушать» давно нарушенный Брестский мир, командование зачислило турецкую дивизию в войска «Горского правительства», находившегося в обозе интервентов. Дивизия получила от германского командования в Закавказье стрелковое оружие, пулеметы, орудия, большое количество боеприпасов, обмундирования и медикаментов. Вскоре дивизия во главе с генералом Юсуфом Иззет-пашой вступила в Дагестан. Вслед за ней прибыло и «Горское правительство». Диктатор Дагестана Тарковский добровольно уступил власть командованию турецкой армии и его марионетке — «Горскому правительству». 8 ноября 1918 г. турки выбили бичераховцев из Порт-Петровска. Л. Бичерахов с награбленным в Азербайджане и в Дагестане имуществом (по записям самого Бичерахова, 502 млн деньгами и 10 млн золотом) и со своей свитой морем бежал в Ленкорань.

Турецкие войска стремились проникнуть и на Терек через Грузию, чтобы подготовить там условия для прихода основных сил из Турции. С этой целью на Северный Кавказ были посланы турецкие офицеры Мустафа-бей, Беркук, Митхад-бей, полковник Рушту и др. Как писал впоследствии Беркук, они имели задание «очистить Северный Кавказ от врагов и создать обстановку в соответствии с национальными и политическими интересами турок и в случае необходимости оказать помощь турецкому продвижению с юга»²⁰⁶.

6. Освободительная борьба против оккупантов. Крах германской интервенции

Оккупировав территорию Таганрогского, Ростовского и части Донецкого и Черкасского округов, где находились крупные пролетарские центры и проживало большинство донского крестьянства, немцы с помощью белоказачков контролировали всю Донскую область, а через Краснова стремились воздействовать на обстановку во всем Юго-Восточном регионе. Главной целью оккупации Дона, как и других советских районов, являлось ограбление и колонизация земель, максимальное выкачивание материальных ресурсов для усиления немецкой военной машины и победоносного завершения мировой войны, превращение богатой юго-восточной окраины европейской части России в аграрно-сырьевой придаток Германской империи. Первостепенную задачу своей политики в оккупированных районах немецкое командование видело в подавлении революционного движения трудящихся, ликвидации их завоеваний, разрыве связей с Советской Россией.

Штыками оккупантов и казачьими нагайками восстанавливались буржуазно-помещичьи порядки. Впредь до издания новых законов, говорилось в постановлении белоказачьего правительства, Войско Донское управляется на твердых основаниях свода законов Российской империи²⁰⁷. В городах водворялись градоначальники, в станицах и хуторах — атаманы. Распоряжением оккупационных властей возобновлялась деятельность юстиции царского времени, а все выступления против немецких войск подлежали рассмотрению германских военно-полевых судов²⁰⁸. Массовыми свирепыми расправами интервенты и их прислужники хотели сломить революционный дух трудящихся. Едва водворившись в Таганроге и Ростове, германские коменданты запугивали: «С сегодняшнего дня, — говорилось в обращении германского коменданта полковника Фромма, — власть в городах Ростове и Нахичевани-на-Дону перешла в руки германских войск... Мы вас предупреждаем оставить всякую агитацию против германского начальства и спокойно приступить к работе на рудниках, фабриках и полях. Все, которые будут мешать ходу нормальных работ... будут преследоваться со всей строгостью, вплоть до применения в необходимых случаях военной силы»²⁰⁹.

Начались обыски и массовые аресты в рабочих кварталах, на заводах и фабриках. Оккупанты безжалостно расправлялись с коммунистами, бывшими красногвардейцами, революционными рабочими и крестьянами. «За недоставление, хранение и ношение оружия и патронов» германский военно-полевой суд в Таганроге приговорил группу рабочих к длительному тюремному заключению²¹⁰. Немцам помогали красновцы. Донской атаман писал 4 июня начальнику ростовского гарнизона: «По соглашению с германцами пошлите и свои отряды для ликвидации очагов большевизма в Ростове»²¹¹. Организатор партийной ячейки на руд-

нике «Екатериндон» Снисаренко рассказывал, что ночью 4 июня немецкие и белоказацкие отряды окружили рудник. К утру после пулеметного огня рудник был занят. Тотчас стали производиться аресты по заранее подготовленным спискам. Под конвоем немцев арестованных направили в Луганск в германскую комендатуру. Оттуда их повезли в Брест-Литовскую крепость для отбывания каторжных работ²¹².

17 большевиков, задержанных 25 июня в Ростове, были расстреляны без суда во дворе немецких казарм²¹³. Смертью угрожал немецкий комендант Таганрога каждому, кто укроет у себя большевиков — участников разгромленного «красного десанта».

Разнузданный белый террор стал главным орудием утверждения господства оккупантов и красновцев. Наркоминдел в ноте от 25 августа 1918 г. на имя германского генерального консула отмечал, что «так называемое Донское правительство мятежников против Советской власти могло усилиться лишь благодаря посторонней помощи, давшей ему возможность производить насильственные действия в Донской области, где им расстреляно свыше 30 тысяч приверженцев Советской власти»²¹⁴.

На заводы, фабрики, шахты возвращались прежние владельцы. Постановлением Войскового круга на всех промышленных предприятиях области отменялся восьмичасовой рабочий день и распускались органы рабочего самоуправления. Немецкие коменданты и казацкие отряды силой водворяли помещиков, изгнанных крестьянами при Советской власти. Особенно заботились оккупанты о восстановлении владений немецких колонистов в Таганрогском и Донецком округах. В приказе старшина с. Решетиловки и близлежащих деревень и хуторов немецкий комендант требовал немедленно возвратить землю ее прежним владельцам, колонистам. Если по истечении трех дней земля не будет возвращена, угрожал комендант, то она будет отобрана немецкими властями и в наказание старшины будут арестованы, а у крестьян отобран весь скот²¹⁵. Крестьяне соседних с колониями сел и хуторов обязывались отдавать половину урожая колонистам, а все излишки хлеба своей половины сдавать по реквизиционным ценам германскому командованию.

Оккупантов весьма привлекали мощная металлургическая и горная промышленность Таганрогского округа, земельные массивы Приазовья. Начальник таганрогской окружной белоказацкой милиции, наблюдавший хозяйничанье немцев, сообщал в Новочеркасск: «В целях упрочиться здесь германцы... ведут переговоры с землевладельцами о покупке у них их имений в крупном масштабе на чрезвычайно выгодных условиях для немецких колонистов. Подобного рода работа, но пока еще менее заметная, ведется также в промышленных и горнозаводских округах». Автор заключал: «Округ они хотят возможно гуще колонизовать и промышленность, особенно горнозаводскую, захватить в свои руки»²¹⁶.

Немцы грабили богатства Донской земли. По приказу командира оккупационного корпуса генерала фон Кнёрцера в сельских местностях производились планомерные реквизиции с привлечением донских белоказачьих властей. Для осуществления поставок продовольствия была образована «Доно-Германская согласительная комиссия». Вошедшие в ее состав донские помещики, промышленники и торговцы повели беззастенчивый торг народным добром.

Виды на урожай в 1918 г. были неважные, местами хлеба выгорали, но это не смущало немецких лакеев. С исключительным цинизмом совещание представителей ростовской биржи и общества фабрикантов и заводчиков высказалось за принудительный вывоз зерна из области. «Моральных стимулов, побуждающих к добровольной сдаче хлеба, у населения, особенно если хлеб будет назначаться для немцев, не будет,— призвали участники совещания.— Остается принудительный путь реквизиций. Без сильного сокращения потребления хлеба населением Донской области,— заключали они,— хлеб не может быть дан немцам»²¹⁷.

При содействии красновских властей, донских помещиков и капиталистов оккупанты чуть ли не даром забирали продовольствие и сырье. К участию в закупках для нужд германской армии привлекались крупнейшие фирмы — товарищество Е. Парамонова и Русское экспортное общество. Капиталисты наживались при этом, получая 3% комиссионных от стоимости вывезенного зерна. Добрый кусок отхватывало и Донское правительство в виде 5% премии с цены товара, устанавливаемой в порту отгрузки²¹⁸.

Донские «патриоты» и казаки самостийники готовы были за «сходную цену» запродать всю область!

Немцы торопились вывезти с Дона, как и из других оккупированных районов, возможно больше продовольствия, сырья для промышленности, топлива. На заседании «согласительной комиссии» они потребовали немедленной отгрузки 2100 шкур, закупленных по «твердым» ценам, и поставки по таким же низким ценам шерсти. Если продавцы откажутся продать шерсть по названной цене, товар будет реквизирован и передан германцам бесплатно, угрожали оккупанты. Атаман Краснов, ознакомившись с журналом заседания комиссии, принял все эти требования²¹⁹.

Один за другим отправлялись в Германию эшелоны с донецким углем. «Погрузка антрацита, — сообщали с ясиновских рудников в Новочеркасск, — производится исключительно за пределы Донского края по нарядам угольного синдиката „Монотоп“ и германского горного бюро из Харькова»²²⁰. Находясь в полной зависимости от оккупантов, главари донской контрреволюции готовы были на любые кабальные сделки, лишь бы получить побольше оружия и боеприпасов для борьбы против Красной Армии. «Нам орудия, патроны и ружья теперь нужнее самостоятельности,— с циничной откровенностью писал Краснов своим

посланцам в Киев, — об этом не надо говорить, но надо помнить, и помнить твердо»²²¹. По соглашению с командованием 7-й Вюртембергской ландверной дивизии Донское правительство обязывалось поставить 75—100 тыс. голов скота в обмен на 15 млн русских винтовочных патронов и 110 тыс. снарядов²²².

Что стоят в свете этих фактов утверждения нынешних западных апологетов контрреволюции, пытающихся представить отношения Краснова с оккупантами как «сотрудничество» равноправных партнеров? «Краснов не был германской марионеткой, как Скоропадский, — категорически заявляет калифорнийский профессор П. Кинез. — Часть Дона, находившаяся под его властью, была освобождена его казаками»²²³. Дело, однако, в том, что подлинными хозяевами всей Донской области, как и на Украине, являлись оккупанты. Они регулировали выходившие на Дону газеты, контролировали телефонные разговоры, бесцеремонно вмешивались в действия белоказачьей администрации. «Станция Миллерово, — сообщала Донская разведка, — производит впечатление немецкого поселения — столь глубоко проникли там немцы во все отрасли жизни. Улицы даже называются на немецком языке»²²⁴.

Чтобы обеспечить вывоз награбленного, а также удовлетворить другие свои нужды, немцы угоняли паровозы и товарные вагоны, растаскивали имущество из станционных складов и т. д. За короткое время железнодорожное сообщение в области было совершенно расстроено. В исключительно тяжелом положении оказались промышленность и сельское хозяйство Донщины. Катастрофически падала добыча угля на шахтах, один за другим закрывались заводы Таганрога, Ростова, Сулина. Производились массовые увольнения рабочих. Капиталисты вели наступление на права и интересы пролетариев. В связи с непрекращающимся ростом цен на продукты резко упала реальная заработная плата.

Беспрепятственные реквизиции, производимые оккупантами и белоказачами, мобилизации в красновскую армию разоряли крестьян и казачью бедноту, подрывали производительные силы донской деревни. Во многих станицах и хуторах Донецкого округа из-за недосева и неурожая уже в августе 1918 г. ощущалась нехватка хлеба. Выборные хутора Аннинского станицы Гундоровской жаловались окружному атаману, что расположенные у них немецкие солдаты (340 артиллеристов и пехотинцев) «совершенно оголодали хутор и совершенно самовольничают — ходят по амбарам, забирают хлеб, делают покос, совершенно без ведома хозяев пускают лошадей в хлеба и сенокос... Хуторские жители не имеют продуктов, с чем выезжать на полевые работы. За забираемые ячмень, пшеницу и сено не платят (немцы) по установленной цене»²²⁵. Подобными жалобами летом 1918 г. были буквально завалены окружные правления и атаманская канцелярия.

Указывая на результаты хозяйничанья германских империалистов и белогвардейцев в оккупированных областях, В. И. Ленин

отмечал: «И что же мы видим в этих местах, на развалинах Советов? Полное торжество капиталистов и помещиков, стон и проклятия в среде рабочих и крестьян. Земля отдана дворянам, фабрики и заводы их прежним владельцам. Восьмичасовой рабочий день уничтожен, рабочие и крестьянские организации упразднены, а на их место восстановлены царские земства и старая полицейская власть»²²⁶.

Антинародный режим Краснова являлся послушным орудием оккупантов. Сепаратистские и автономистские лозунги, под которыми новочеркасское марионеточное правительство вело войну с Красной Армией, служили целям немецкой политики расчленения Советской страны, отрыва от нее Юго-Восточной окраины. В действительности, признавал позднее председатель Донского Войскового круга при Краснове кадет Харламов, никаких оснований для создания казачьего государства не было. «И казакам и всем русским людям, — заключал он, — был ясен и понятен смысл этой казачьей самостоятельности»²²⁷.

Однако объединить силы южнороссийской контрреволюции, оторвать богатейшую обширную окраину от центра страны, колонизовать ее оказалось гораздо труднее, чем это представлялось германским империалистам. Уже в мае 1918 г. В. И. Ленин отмечал, что немцы столкнулись с необходимостью «завоевывать каждый шаг, чтобы получить хлеб и сырье, без которых Германия существовать не может и которые получать военным насилием в оккупированной стране стоит слишком больших усилий и слишком многих жертв»²²⁸. Основным препятствием на пути осуществления планов интервентов являлось сопротивление трудящихся, их стремление свергнуть чужеземное иго, воссоединиться с Советской Республикой. Всенародная борьба против оккупантов и их прислужников отхватила все захваченные ими территории.

Рабочие, крестьяне, казачья беднота не хотели мириться с оккупационным режимом, реставрацией буржуазно-помещичьих порядков. Тщетными оказывались усилия германских империалистов изолировать трудовое население области от главного очага Советской власти — Центральной России. Вера в близкую помощь Советской Республики, вести о первых победах Красной Армии под Царицыном и на других участках фронта вдохновляли трудящихся на борьбу.

В первых рядах шел рабочий класс. Уже в мае-июне 1918 г. на заводах Ростова, шахтах Александровск-Грушевска прокатилась волна протеста в связи с арестами и казнями, совершенными по приказу оккупационных властей и красновцев. «Настроение большинства рабочих, — горестно замечал корреспондент белогвардейской газеты из Александровск-Грушевска, — большевистское»²²⁹. Во многих селах Приазовья крестьяне отказывались возвращать земли вернувшимся вновь помещикам и повиняться белоказачьей администрации. В докладе подпоручика Цыганкова представителю Добровольческой армии в Таганроге о наст-

роениях в округе в августе отмечается, что «неприязнь к немцам день ото дня увеличивается. Крестьяне говорят: „Мы все слишком чувствуем на своей шкуре, что значит для немцев владеть нами... что в данное время у нас нет уже мочи терпеть. Пусть дадут нам винтовки, и мы здесь же поведем борьбу с этим злейшим врагом...“. Это говорили крестьяне в ответ на уговоры офицеров деникинской армии, будто главным их (крестьян) врагом являются большевики»²³⁰.

Недовольны были хозяйничаньем оккупантов в родных станицах и многие рядовые казаки. Поначалу они выражали свой протест против грабежей и насилий интервентов в жалобах на имя «своих» атаманов и начальников. Скоро, однако, стала видна тщетность таких прошений. Казаки все больше тяготились преступной войной против Советов, в которую их толкнули интервенты и главари контрреволюции.

Белоказачий представитель при штабе германского командования в Ростове полковник Измайлов уже в июне 1918 г. вынужден был признать, что вражда к немцам широко распространяется среди населения. В области, писал он в Новочеркасск, ведется успешная агитация против оккупантов. Она захватывает массы простого казачества и народа. Тема для агитации весьма благодатная: общее экономическое обнищание, ужасный рост цен, взвинчиваемых мародерами и оккупантами, недостаток во всем и везде — все это относится на счет немцев, их грабительской эксплуатации и громадных реквизиций. Прямолинейный, наивный и понятный для народа вывод: восстать против германцев, прогнать их с Дона — и все будет отлично²³¹.

Партия большевиков организовала революционные силы в тылу интервентов и белогвардейцев, подняла их на освободительную борьбу. Главной целью ее было восстановить Советскую власть, оказать возможно большую помощь Красной Армии. Освободительная борьба трудящихся на оккупированной территории являлась важной составной частью ленинского стратегического плана отражения агрессии германского империализма. Развертывание ее, формы и средства обуславливались внутренним и международным положением Советской Республики, задачами ее обороны, они зависели от военно-политической обстановки в различных районах, соотношения классовых сил в них.

По свидетельству начальника оперативного отдела Наркомвоена С. И. Аралова, за развертыванием подпольного и партизанско-повстанческого движения в зоне германской оккупации внимательно следил В. И. Ленин. Он постоянно интересовался подготовкой кадров для работы в тылу врага, требуя «обязательной, самой тесной связи наших товарищей с подпольными большевистскими организациями»²³².

Летом 1918 г. подпольные большевистские группы организовались в Ростове-на-Дону, Таганроге, Новочеркасске, Сулине, на рудниках Александровск-Грушевского угольного района,

а также на крупных железнодорожных станциях и в селах Приазовья. Выдающуюся роль в развертывании большевистского подполья сыграла группа во главе с ростовским рабочим Г. А. Мурлычевым. Она не только наладила работу в Ростове-на-Дону, но и настойчиво устанавливала связи с разрозненными партийными ячейками в пролетарских центрах Донской области, большевистскими организациями соседних украинских губерний.

Важнейшими средствами борьбы стали агитация среди населения и в войсках белогвардейцев и оккупантов, забастовки, саботаж мобилизаций в белую армию и других мероприятий контрреволюционных властей и интервентов. С самого начала ведущее место в большевистской агитации заняло разоблачение разбойничьей политики германских интервентов, призыв к борьбе против оккупационного режима²³³. По мере расширения влияния и укрепления связей с массами трудящихся подпольщики готовили вооруженные выступления. «Рабочие Ростова и Нахичевани! Держите порох сухим и готовьтесь к новым жестоким боям», — говорилось в одной из первых листовок, выпущенных коммунистами летом 1918 г.²³⁴

В июне — июле вспыхнули стачки на заводах Ростова, рудниках Грушевского района. Наиболее значительным было выступление пролетариев Таганрога. В связи со всеобщей стачкой рабочих железных дорог Украины 21 июля началась забастовка таганрогских железнодорожников. Она отличалась большим размахом и организованностью, протекала, по признанию оккупантов, «главным образом на политической почве»²³⁵. Новочеркасская разведка отмечала, что «основной причиной забастовки украинских железнодорожников было желание создать немцам затруднения по вывозу хлеба. Жестокость, с которой забастовки подавлялись германцами, еще более ожесточила массы против них»²³⁶. Стачка, охватившая все железные дороги Украины, явилась мощным ударом по германским планам ограбления Юга и оккупационному режиму в целом.

Выступление таганрогских железнодорожников сыграло большую роль в деле сплочения и мобилизации рабочих города и окрестных сел, помогло установлению связей между подпольщиками Дона и Украины.

Большевики являлись единственными руководителями и организаторами борьбы против оккупантов и внутренней контрреволюции. Соглашательские партии, проложив своей предательской политикой путь контрреволюции, становились пособниками интервентов и белогвардейцев. На второй же день после вступления немцев в Ростов меньшевики призвали рабочих «возможно скорее отделаться от большевистских увлечений»²³⁷. Они категорически выступили против проведения всеобщей стачки протеста в связи с отменой оккупантами 8-часового рабочего дня, «дабы не отягощались наши товарищи столь длинной чередой безработных дней»²³⁸. Даже в тех случаях, когда соглашатели говорили

о борьбе с оккупантами, они оставались союзниками контрреволюции. Так, Таганрогский комитет партии эсеров получил в начале лета директиву своего ЦК, предписывающую членам организации вступить в контакт с чехословаками и Добровольческой армией для «активной борьбы с немцами». Одновременно директива провозглашала необходимость борьбы против большевиков²³⁹.

Однако глашатаи «третьей силы» оказались генералами без армии. Опыт хозяйничанья оккупантов и красновцев убеждал многих рядовых членов эсеровских и меньшевистских групп — рабочих и крестьян — в том, что свергнуть чужеземный гнет и господство контрреволюции можно, лишь борясь вместе с коммунистами за восстановление власти Советов.

Несмотря на террор и преследования оккупантов и белогвардейцев, дезорганизаторскую деятельность соглашателей, силы и влияние большевиков-подпольщиков росли. Дальнейшее развертывание борьбы в тылу врага требовало объединения, создания руководящего центра, который придаст бы этой борьбе организованный характер, налажит и поддерживал связи подполья с командованием Красной Армии, ЦК партии. В августе 1918 г. группа донских коммунистов по указаниям Центрального Комитета приступила к созданию такого центра. Вскоре в Курске было образовано Донское бюро РКП(б). В него вошли П. Г. Блохин, И. А. Дорошев, С. Л. Лукашин, И. В. Решетков, С. И. Сырцов, А. А. Френкель. Донбюро установило связи с подпольщиками в красновском тылу, создало опорные пункты в прифронтовой полосе. Были налажены тесные контакты с политотделом Южного фронта и бюро ЦК Компартии Украины²⁴⁰.

Подъем освободительной борьбы, расширение деятельности большевистского подполья делали необходимым создание при ЦК РКП(б) специального органа для руководства подпольем в масштабе всей оккупированной Германией и Австро-Венгрийей территории страны. Такой орган — Центральное бюро коммунистических организаций оккупированных областей — был образован в сентябре 1918 г.²⁴¹

Действуя на основе указаний ЦК РКП(б), Донбюро и Реввоенсовет Южного фронта помогали большевистским организациям в тылу врага окрепнуть, направляли их деятельность. Зафронтовым центром на Дон было послано 18 опытных работников. При их участии был расширен и реорганизован Ростово-Нахичеванский комитет, ставший центром подпольной работы в области. Оживилась деятельность партийных комитетов в Таганроге, Новочеркасске, подпольных групп в селах Приазовья.

От подпольщиков стали поступать важная информация о положении в оккупированных районах, данные о намерениях германских и белогвардейских властей. Эти сведения использовались Центральным Комитетом партии и советским командованием при разработке планов борьбы на Южном фронте. Последнее,

намечая наступление против армии Краснова, придавало большое значение действиям в тылу врага.

Большевики становились во главе массовых выступлений трудящихся против интервентов и белогвардейцев. «Замечается подъем в рабочих кругах, — говорилось в одном из сообщений Донбюро в ЦК РКП(б), — все большее количество товарищей примыкает к нам»²⁴². Осенью 1918 г. в городах Донской области поднялась новая волна стачек. Пролетарии саботировали прежде всего производство на военных заводах Таганрога, которые пытались пустить в ход оккупанты. Несколько недель бастовали железнодорожники, срывая вывоз угля и зерна в Германию.

Кровавый режим интервентов и красновцев вызывал растущее возмущение крестьян и многих рядовых казаков. Под влиянием успехов Красной Армии и повстанческого движения на Украине усиливались революционные настроения крестьян Приазовья, началось разложение в белоказачьих войсках. В Таганрогском и Ростовском округах произошли волнения среди мобилизованных в красновскую армию, участились случаи дезертирства²⁴³.

С каждым днем обстановка на Дону, как и в других оккупированных немцами районах, становилась тревожнее. В середине октября Донбюро и Ростово-Нахичеванский комитет распространили в городах и селах на юге области обращение, в котором призвали рабочих, крестьян и трудовых казаков объединиться и помочь Красной Армии свергнуть господство контрреволюции на Дону, воссоединиться «в дружной и братской семье рабоче-крестьянской России»²⁴⁴. Готовясь к предстоящим боям, большевики создавали повстанческие отряды из рабочих и крестьян в соседних с Украиной районах Таганрогского и Донского округов²⁴⁵.

Выступления трудящихся расшатывали и ослабляли режим германских оккупантов и красновцев, приближали его крах. Они явились решающим фактором в провале империалистических планов ограбления Советской страны. Особенно ошутим был срыв поставок продовольствия. К концу октября, по германским данным, в страны Четверного союза из оккупированных советских территорий, главным образом с Украины, было отгружено 9132 вагона хлеба, что составляло около 8,6 млн пудов²⁴⁶ — всего лишь немногим более 1/10 намеченного количества. Мы получили хлеб и фураж, писал Людендорф, «однако не в том размере, который нам был необходим для оживления упавших сил родины»²⁴⁷.

В клочкующих народным возмущением захваченных районах немцы вынуждены были держать крупные силы, в то время как на Западе приближалась катастрофа. Чтобы высвободить некоторое количество войск с востока, сохранив при этом за собой занятые области, германское командование активизирует поддержку белогвардейцев и буржуазных националистов, рассчитывая

использовать их военные формирования для подавления выступлений трудящихся и борьбы с Красной Армией.

Но это оказалось непростым делом. Потерпели неудачу попытки создать гетманскую армию на Украине. С помощью Краснова оккупанты усилили формирование так называемой Южной армии, сосредоточившейся в Миллерово. Предполагалось объединить ее с Астраханским и Саратовским белогвардейскими корпусами, сформированными также на территории Дона²⁴⁸. Однако численность этих формирований была невелика, а боеспособность частей — весьма низкой.

Самому Краснову понадобилась срочная и энергичная поддержка оккупантов. На Войсковом круге в августе 1918 г. донской атаман встретился с недовольством значительной части делегатов-фронтников в связи с монархическим курсом правительства, открыто провозглашавшимся со страниц официального «Донского Края». За восстановление царизма казаки воевать не будут, заявляли многие делегаты. Круг постановил отстранить рьяного монархиста Родионова от должности редактора «Донского края». В ответ Краснов демонстративно подал в отставку. Сторонники Деникина пытались использовать создавшуюся ситуацию, чтобы вовсе устранить Краснова и добиться полного подчинения белоказачьей контрреволюции командованию Добровольческой армии. По предложению оппозиции круг принял приветствие Добровольческой армии и ее командующему²⁴⁹.

Оказавшись перед опасностью потерять влияние на донцов — единственную послушную им реальную силу на Юго-Востоке — немцы бросились спасать своего верного слугу. Они грубо вмешались в работу Войскового круга. Майор Кохенгаузен направил письма Краснову и командующему Донской белой армией генералу Денисову. В них он настаивал на скорейшем проведении атаманских выборов и угрожал прекращением всякой поддержки Дону, если не будет обеспечено проведение прежнего прогерманского курса. «Применение этого решения, — писал Кохенгаузен, — продолжится до тех пор, пока не будет выбран атаман, в котором высшее германское командование будет уверено, что он проведет политику Донского государства в направлении, дружественном Германии, и который будет облечен кругом полной власти, необходимой для настоящего серьезного момента»²⁵⁰. Тут же немецкий майор недвусмысленно добавлял, что оберкомандо питает «самое полное доверие именно к генералу Краснову»²⁵¹.

На закрытом заседании круга письмо было зачитано делегатам. Это предопределило результат выборов. Вновь получив из рук оккупантов атаманский пернач, Краснов добился согласия круга на продолжение войны против Советской Республики. Войсковой круг принял указ о переходе границ Донской области и занятии фронта Богучар — Калач — Новохоперск — Поворино — Балашов — Камышин — Царицын, линии, которая была нужна германской военщине для укрепления расшатавшегося

антисоветского плацдарма на Юго-Востоке. «Но это была мертвая буква,— признавал позднее Краснов,— за границу шли неохотно»²⁵².

Расчеты на силы внутренней контрреволюции явно не оправдывались. Под влиянием освободительной борьбы трудящихся на оккупированных территориях началось разложение в войсках интервентов. Среди австро-германских солдат росли антивоенные настроения, резко упала дисциплина в частях, нередкими стали отказы выполнять карательные функции²⁵³. Революционному брожению в оккупационных войсках способствовала агитация подпольщиков. Эту работу Центральное бюро коммунистических организаций оккупированных местностей считало одним из важнейших направлений в деятельности подполья. В сентябре-октябре 1918 г. оно направило через Донбуро в Ростов и Таганрог для распространения среди солдат оккупационных частей газеты и листовки на немецком, венгерском и румынском языках. В них разоблачались захватнические планы германских империалистов, предпринявших разбойничий поход против свободы русских рабочих и крестьян. «Немецкие товарищи,— говорилось в одном воззвании,— следуйте примеру вашего вождя Либкнехта, обратите ваше оружие против ваших угнетателей, против дворян, генералов и заводчиков»²⁵⁴.

Антивоенные и революционные призывы, распространявшиеся подпольщиками, находили отклик у немецких и австрийских солдат. «К сожалению,— писал Людендорф рейхсканцлеру Гертлингу,— нельзя отрицать, что вследствие большевистских влияний внутренняя цельность и моральный дух германских войск, находящихся на Восточном фронте, пострадали»²⁵⁵. В Таганроге среди немецких солдат действовала группа «Борцы за международную революцию». Она выпустила листовку, в которой призывала своих соотечественников выступить против их «настоящих врагов — империалистов и буржуазии»²⁵⁶.

Уже в конце августа 1918 г. В. И. Ленин указывал, что «германские империалисты не могли задушить социалистической революции. Подавление революции в красной Латвии, Финляндии и на Украине,— писал он,— стоило Германии разложения армии. Поражение Германии на Западном фронте было вызвано в значительной степени тем, что старой армии в Германии уже не существует... Дух протеста растет, „измены“ становятся обычным явлением в германской армии»²⁵⁷.

Позиции герmano-турецких интервентов в оккупированных районах катастрофически слабели. Находившиеся под гнетом турецких оккупантов поднялись на борьбу трудящиеся Дагестана. Горцы отказывались вступать в армию, создаваемую интервентами, отказывались поставлять им лошадей и провиант; партизанские отряды громили обозы турок, нарушали их коммуникации. Силы оккупантов и местной контрреволюции стали таять.

Под воздействием событий на Западе немцы вынуждены были идти на сокращение зоны оккупации на Востоке. «В распоряже-

ниях германского командования уже в начале сентября появилась неуверенность, нервность и половинчатость,— писал полковник Измайлов в Новочеркасск.— Войсковые части, находившиеся на территории Войска, снимались с мест и уходили, но не в назначенные сроки, а после колебаний и откладываний»²⁵⁸. 29 октября немецкое оккупационное командование известило атамана о намерении оттянуть свои войска, расположенные на линии железной дороги Кантемировка — Миллерово, за р. Айдар на линию Старобельск — Славяносербск. В связи с этим встал вопрос об обеспечении белоказачьего северного фронта от возможного наступления советских войск со стороны Воронежа²⁵⁹. Но это не все. С уходом оккупантов красновцы оказывались не в состоянии справиться с растущим революционным движением трудящихся. Местные буржуа и помещики были в панике. На имя германских властей, сообщалось в начале октября из Таганрога, поступают многочисленные ходатайства от представителей «образованных классов» не уменьшать значительно немецкий гарнизон, выражаются опасения, что тотчас после ухода германских войск начнутся беспорядки, выступления большевиков. Передавая эти сведения в Новочеркасск, Измайлов подчеркивал, что опасения вполне обоснованы и что нужно просить немцев «до поры до времени (т. е. до появления французов, англичан или других наших бывших союзников) оставить хотя бы еще три роты с пулеметами и орудиями»²⁶⁰.

Казачья контрреволюция спешила, как видим, переориентироваться, рассчитывая на поддержку Антанты. Торопиться ей действительно следовало. Вслед за выходом из войны 30 сентября Болгарии капитулировала Турция, за нею Австро-Венгрия. 3 ноября в Германии разразилась народная революция. Через неделю немецкие уполномоченные подписали в Компьене условия перемирия с державами Антанты. Закончилась первая мировая война.

Свержение монархий в Германии и Австро-Венгрии, революционный подъем в других капиталистических странах сковывали силы международного империализма, создавали возможность для Советской Республики установить связи с пролетариями Запада, начать освобождение оккупированных немцами областей. Приветствуя в связи с аннулированием Брест-Литовского договора 13 ноября 1918 г. трудящихся освобождающихся местностей, Советское правительство обещало им «полную, до конца идущую поддержку в их борьбе за установление на их земле социалистической власти рабочих и крестьян»²⁶¹.

В то же время империалисты Антанты, победив Германию, получили возможность расширить масштабы антисоветской интервенции, сконцентрировать свои главные усилия на удушении Советского государства. При этом они стремились использовать Германию «в качестве бастиона против русского большевизма»²⁶². Поэтому на переговорах о перемирии союзники пошли навстречу стремлениям немцев сохранить за ними значительное количест-

во вооружения, боевой техники и транспортных средств, продления срока оккупации советских областей. Статьей 12 Компьенского перемирия предусматривался вывод германских войск с территорий, составлявших до войны Россию, только после признания Антанты, что «для этого настал момент, приняв во внимание внутреннее положение этих территорий». Антанта считала также необходимым сразу же взять под свой контроль черноморские порты с передачей ей «всех русских судов, захваченных немцами»²⁶³. Еще ранее по условиям перемирия с Турцией Антанте гарантировалось «открытие Дарданелл и свободный допуск к Черному морю». Турки соглашались на оккупацию союзниками Батума и Баку и передавали под их контроль закавказские железные дороги»²⁶⁴.

Немецкое командование прилагало все силы, чтобы максимально затянуть вывод своих войск с оккупированной советской территории и продолжать поддержку силой внутренней контрреволюции. 12 ноября полковник Измайлов сообщал в Новочеркасск: «Из разговора по прямому проводу с киевской главной квартирой майор фон Кохенгаузен узнал, что в Киеве надеются, что войска держав Согласия займут Украину вслед или одновременно с удалением германских войск... Он уверен, что Германия будет и дальше снабжать оружием Украину, Дон и вообще те части России которые защищаются против большевиков»²⁶⁵.

Чтобы осуществить эти замыслы, командование должно было удержать солдат в подчинении и сохранить гарнизоны в важнейших районах оккупации до прибытия туда войск Антанты, как того требовали условия перемирия. С этой целью предпринимались попытки лишать немецких солдат информации о событиях на родине. В частности, немедленно по получении известия об отречении кайзера была прекращена работа ростовской радиостанции и с обслуживающего персонала взято слово ничего не говорить в гарнизоне о революции в Германии. Новочеркасскому правительству были даны заверения в том, что командование «примет все меры, чтобы выяснить необходимость поддержания полного порядка, спокойствия и энергичной борьбы с анархией, при возникновении которой Германия останется совершенно без хлеба украинского, кубанского и донского»²⁶⁶.

В соответствии с приказом командующего Восточным фронтом немецкие войска первоначально должны были быть выведены из Крыма, затем из Таврической, Екатеринославской и Харьковской губерний и только потом — из Донской области. Такой порядок отвечал стремлениям интервентов сохранить возможно дольше в своих руках углепромышленный район, откуда продолжался вывоз топлива, а также передать возможно больше оружия и боевого снаряжения Краснову и тем сохранить на Дону антисоветский плацдарм. В Киеве (т. е. в штабе оккупационных войск.— *Авт.*) считают, передавал Войсковому правительству представитель оберкомандо в Ростове, что германский гарнизон на Дону «должен оставаться возможно дольше для внушения

страха большевикам и для прикрытия хозяйственных операций и по обмену военнопленными, а уходить только при появлении непосредственной опасности»²⁶⁷.

Армейскому депо в Бахмуте был направлен приказ, устанавливающий порядок передачи немецкого оружия для нужд Донской, Южной и Кубанской белоказацких армий. Согласно приказу надлежало немедленно выдать донскому офицеру-приемщику 20 тыс. русских винтовок, 28 полевых орудий, 2230 тыс. патронов и другие боеприпасы²⁶⁸. В статье, подготовленной штабом оккупационного корпуса в ноябре для опубликования в «Донских ведомостях», подчеркивалось, что поддержка донской контрреволюции «будет оказываться германцами и в дальнейшем по мере сил и фактической возможности»²⁶⁹. Но ни сил, ни фактической возможности у германских интервентов уже не было. Центральный Комитет партии, Советское правительство и Главное командование Красной Армии подготовили освободительный поход советских войск с целью изгнания интервентов и разгрома сил внутренней контрреволюции на оккупированных территориях. Для освобождения Украины, разгрома южной белогвардейщины и противодействия созданию на Юге антантовского плацдарма главным командованием планировалось: организовать общее наступление войск Южного фронта с целью отбросить противника за Дон, развить и согласовать военные действия на северо-кавказском театре, овладеть портами Каспийского моря с целью связи с Кавказом и Закаспийской областью; вновь образуемой группе курско-воронежского направления — одновременное и согласованное с Южным фронтом наступление в направлении на Харьков, Купянск, Валуйки и Миллерово, из которых главнейшее — на Миллерово²⁷⁰. Этим ударом предусматривалось выйти в тыл белоказакам и разъединить силы донской и украинской контрреволюции.

В. И. Ленин считал также необходимым использовать все средства мирного решения вопроса об эвакуации австро-германцев в соответствии с ходом событий в Германии и степенью революционизирования оккупационных войск²⁷¹.

Вопреки усилиям реакционного командования и оппортунистических руководителей возникших в оккупационных частях Советов среди солдат ширились требования немедленного возвращения на родину. Они усиливались благодаря пропаганде подпольщиков и спартаковцев. Уже на второй день по получении известий о низвержении кайзера Донбюро обратилось в ЦК партии с просьбой направить на Дон литературу на немецком и венгерском языках и «товарищей интернационалистов», чтобы информировать солдат австро-германской армии о ноябрьской революции²⁷². Чтобы избежать полной деморализации войск, а также опасаясь оказаться отрезанными революционными повстанцами на левобережной Украине, командование вынуждено было поторопиться с выводом гарнизонов с Дона.

Еще 5 ноября представитель германского командования потребовал от донского атамана собрать необходимое количество ваго-

нов в Ростове и держать их наготове для отправки оккупационных войск на Запад. Продвижение через Украину, охваченную повстанческим движением, представлялось, однако, весьма опасным, и оккупационное командование предприняло попытку добиться эвакуации десяти тысячной группировки войск, скопившихся в Харькове и на Дону, через Новороссийск или Севастополь в английских судах. Посредниками в переговорах по этому вопросу между немцами, с одной стороны, представителями Антанты и командования Добровольческой армии — с другой, выступили главари донской контрреволюции. Они рассчитывали в случае успеха немецкого плана получить вооружение и военное имущество харьковской группы оккупационных войск²⁷³. Однако сделка не состоялась. Антанта и Деникин вовсе не были склонны заботиться о безопасности эвакуируемых немецких войск, основательно «зараженных большевизмом». Командующий Добровольческой армией заявил донскому атаману, что не может согласиться на пребывание в Новороссийске «разлагающегося» германского корпуса²⁷⁴.

Немецкие части, находившиеся на Дону, влились в общий поток оккупационных войск, возвращавшихся на родину через Украину. 15 и 16 декабря 1918 г. из Ростова на запад отправлялись последние два эшелона с германскими солдатами. Вынуждены были убраться из Дагестана и турецкие интервенты. В течение декабря 1918 и января 1919 г. оккупанты были изгнаны с большей части Украины, почти всей Белоруссии, значительной части Прибалтики.

Австро-германская интервенция потерпела крах. Рухнули планы сателлита Германии — Османской Турции. За полгода хозяйничанья оккупанты причинили громадный ущерб экономике захваченных советских районов. При их поддержке на Юго-Востоке России был создан плацдарм контрреволюции. Однако поставленных перед собою целей австро-германский империализм не добился. Героическая борьба Красной Армии, вдохновляемая и организованная большевиками всенародная борьба в тылу врага сковали значительные силы интервентов, не позволили осуществить планы оккупации всего Юго-Востока, сорвали планы ограбления и колонизации захваченных районов, а также расчеты на объединение под эгидой Германии сил внутренней контрреволюции.

¹ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: Сб. документов. М., 1968. Т. 1. С. 362—363.

² Halweg W. Der Diktatfrieden von Brest-Litowsk 1918 und die bolschewistische Weltrevolution. Munster /West/, 1960. S. 56.

³ Гинденбург П. Воспоминания. Пб., 1922. С. 67.

⁴ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. М., 1924. Т. 2. С. 218.

⁵ Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 100.

⁶ Людендорф Э. Указ. соч. С. 132. ⁷ Там же. С. 189.

⁸ Крах германской оккупации на Украине в 1918 г.: (По документам оккупантов). М., 1936, С. 32.

- ⁹ Гофман М. Записки и дневники. Л., 1929. С. 244.
- ¹⁰ Jackson R. At War with the Bolsheviks: The Allied Intervention into Russia, 1917—1920. L., 1972. P. 30.
- ¹¹ Петров В. И. Отражение Страной Советов нашествия германского империализма в 1918 году. М., 1980. С. 134.
- ¹² Нотович Ф. И. Захватническая политика германского империализма на востоке в 1914—1918 гг. М., 1947. С. 23.
- ¹³ Людендорф Э. Указ. соч. С. 221.
- ¹⁴ Цит. по: Сухоруков С. Р. Западногерманская буржуазная историография советско-германских отношений. М., 1976. С. 71.
- ¹⁵ Jackson R. Op. cit. P. 30.
- ¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 30.
- ¹⁷ Цит. по: Деникин А. И. Очерки русской смуты. Берлин, 1924. Т. 3. С. 68.
- ¹⁸ Крах германской оккупации на Украине. С. 41, 49.
- ¹⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 322—323.
- ²⁰ Чичерин Г. В. Указ. соч. С. 102.
- ²¹ Цит. по: Миц И. И. Советская Россия и Ноябрьская революция в Германии // Вопр. истории. 1974. № 11. С. 3.
- ²² Цит. по: Норден А. Между Берлином и Москвой. М., 1956. С. 156.
- ²³ Цит. по: Миц И. И. Советская Россия и Ноябрьская революция в Германии. С. 5.
- ²⁴ Гофман М. Война упущенных возможностей. М.; Л., 1925. С. 195.
- ²⁵ Людендорф Э. Указ. соч. С. 192.
- ²⁶ Дон, 1918. 17 июня.
- ²⁷ ЦГАОР СССР. Ф. 6909. Оп. 1. Д. 113. Л. 194.
- ²⁸ Красный арх., 1935. № 1. С. 129.
- ²⁹ Haffner S. Der Teufelspakt: 50 Jahre deutsch-russischen Beziehungen. Reinbeck bei Hamburg, 1968. S. 31.
- ³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 50.
- ³¹ См.: Там же. С. 49—50.
- ³² Из истории гражданской войны в СССР: Сб. документов и материалов. М., 1960. Т. 1. С. 549.
- ³³ Борьба за власть Советов на Дону: Сб. документов. Ростов н/Д, 1957. С. 313.
- ³⁴ Там же. С. 321—322.
- ³⁵ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине: Сб. документов. Киев, 1963. С. 119—121.
- ³⁶ Жуков В. Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. М., 1932. С. 196.
- ³⁷ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине. С. 126.
- ³⁸ Там же. С. 128—129, 133.
- ³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 367.
- ⁴⁰ Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 216.
- ⁴¹ Там же. С. 217.
- ⁴² См.: Ленинский сборник. Т. 18. С. 62.
- ⁴³ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 270.
- ⁴⁴ Там же. С. 280.
- ⁴⁵ ЦГАСА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 40. Л. 52.
- ⁴⁶ Цит. по: Корчин М. Н. Донское казачество. Ростов н/Д, 1949. С. 128.
- ⁴⁷ Вестник Таганрогского Совета рабочих депутатов. 1918. 27 апр.
- ⁴⁸ Антонов-Овсеевко В. А. Записки о гражданской войне. М., 1928. Т. 2. С. 273.
- ⁴⁹ Донские известия. 1918. 4 мая.
- ⁵⁰ Антонов-Овсеевко В. А. Указ. соч. С. 274.
- ⁵¹ Рабочее дело. 1918. 10 мая (27 апр.).
- ⁵² Денисов С. В. Записки: Гражданская война на юге России 1918—1920 гг. Константинополь. 1926. Кн. 1. С. 108.
- ⁵³ Донской край. 1918. 16(3) мая.
- ⁵⁴ Начало гражданской войны: Мемуары. М.; Л., 1926. С. 132—133.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Начало гражданской войны. С. 141.
- ⁵⁷ Цит. по: Деникин А. И. Указ. соч. С. 67.
- ⁵⁸ Краснов П. Н. Всевеликое войско Донское // Арх. русской революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 200—205; Деникин А. И. Указ. соч. С. 68.

- ⁵⁹ ЦГАОР СССР. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 76. Л. 4—5.
⁶⁰ *Краснов П. Н.* Указ. соч. С. 201—202.
⁶¹ Там же. ⁶² *Мицц И. И.* Указ. соч. С. 9. ⁶³ Там же.
⁶⁴ *Людendorф Э.* Указ. соч. С. 217.
⁶⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 85. Л. 1, 1 об.
⁶⁶ *Краснов П. Н.* Указ. соч. С. 209.
⁶⁷ ЦГАОР СССР. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 17. Л. 18.
⁶⁸ Там же. Д. 62. Л. 325.
⁶⁹ *Петров В. И.* Указ. соч. С. 210—211.
⁷⁰ *Чичерин Г. В.* Указ. соч. С. 39.
⁷¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 312.
⁷² См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 75.
⁷³ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922): Сб. документов. М., 1971. Т. 1. С. 176—177.
⁷⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 327.
⁷⁵ *Софинов П.* Царицын как центр борьбы за Юг и Каспий летом и осенью 1918 г.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1950. С. 116.
⁷⁶ Южный фронт (май 1918 — март 1919 г.): Сб. документов. Ростов н/Д, 1962. С. 95.
⁷⁷ *Петров В. И.* Указ. соч. С. 211.
⁷⁸ ЦГАОР СССР. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 31. Л. 64, 64 об.
⁷⁹ Сборник материалов и статей редакции журнала «Исторический архив». 1921. Вып. 1. С. 228.
⁸⁰ *Петров В. И.* Указ. соч. С. 212—213.
⁸¹ Цит. по: *Козлов А. И.* Во имя революции. Ростов н/Д, 1985. С. 92.
⁸² Там же. С. 95.
⁸³ Борьба за власть Советов в Абхазии: Сб. документов и материалов. Сухуми, 1957. С. 73.
⁸⁴ *Сирченко И. Т.* Выполняя приказ В. И. Ленина. М., 1979. С. 173.
⁸⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 285.
⁸⁶ Там же. С. 717.
⁸⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 296.
⁸⁸ Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 187, 188.
⁸⁹ *Сирченко И. Т.* Указ. соч. С. 174.
⁹⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 339—340.
⁹¹ Цит. по: *Мицц И. И.* Год 1918-й М., 1982. С. 460.
⁹² Там же. С. 461.
⁹³ Цит. по: *Гугов Р. Х.* Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик, 1975. С. 248.
⁹⁴ Бакинский рабочий. 1918. 16 мая.
⁹⁵ *Корнев Д. З.* Революция на Тереке. Орджоникидзе, 1967. С. 227.
⁹⁶ Красный арх. 1935. Т. 1. С. 134.
⁹⁷ Там же.
⁹⁸ *Гугов Р. Х.* Указ. соч. С. 249.
⁹⁹ Красный арх. 1935. Т. 1. С. 129.
¹⁰⁰ *Пиция Г. В.* Политика Германии в Закавказье в 1918 году. Тбилиси. 1971. С. 161.
¹⁰¹ *Гиоев М. И.* Антиденкинский фронт на Кавказе Орджоникидзе, 1984. С. 40.
¹⁰² Красный арх. 1935. Т. 1. С. 129.
¹⁰³ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 302.
¹⁰⁴ Там же. С. 335. ¹⁰⁵ Там же. С. 337—338.
¹⁰⁶ Архив русской революции. Берлин, 1925. Т. 16. С. 233.
¹⁰⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 142.
¹⁰⁸ Там же. Т. 36. С. 346.
¹⁰⁹ Цит. по: *Козлов А. И.* Борьба трудящихся Черноморья за власть Советов. Ростов н/Д, 1976. С. 98.
¹¹⁰ Цит. по: *Петров В. И.* Указ. соч. С. 215.
¹¹¹ Центральный государственный архив Военно-Морского Флота (ЦГА ВМФ). Ф. 6—55. Оп. 1. Л. 143, 145.
¹¹² *Бобрин В. В.* Застенках контрразведки. Таганрог, 1928. С. 5—6.
¹¹³ ЦГАОР СССР. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 17. Л. 15.

- 114 Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 358—360.
 115 Там же. С. 360.
 116 Ленинский сборник. Т. 34. С. 25.
 117 ЦГАОР СССР. Ф. 130. Оп. 2. Д. 510. Л. 29.
 118 Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 362.
 119 *Фрелих*. К истории германской революции. М.; Л., 1929. Т. 1. С. 226.
 120 Красный арх. 1934. Т. 6(67). С. 100.
 121 Южный фронт. С. 66
 122 Из истории гражданской войны в СССР. Т. 1. С. 566.
 123 Цит. по: *Сирченко И. Т.* Указ. соч. С. 217.
 124 *Сухоруков В. Т.* XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге (1918—1920 гг.). М., 1961. С. 27—28.
 125 Моряки в борьбе за власть Советов на Украине. С. 147.
 126 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 323.
 127 См.: Там же. С. 342—343. 128 См.: Там же. С. 320—321.
 129 См.: Там же. С. 320. 130 См.: Там же. С. 321.
 131 Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 295—296.
 132 Моряки в борьбе за власть Советов на Украине. С. 132, 134.
 133 Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 351.
 134 Ист. арх. 1960. № 2. С. 41.
 135 Воен.-ист. журн. 1964. № 4. С. 10
 136 Ист. арх. 1960. № 2. С. 41.
 137 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 81.
 138 Владимир Ильич Ленин: Биохроника. М., 1974. Т. 5. С. 490—491.
 139 Известия Новороссийского Совета. 1918. 11 мая.
 140 *Жуков В.* Указ. соч. С. 255.
 141 Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 360.
 142 Владимир Ильич Ленин: Биохроника. Т. 5. С. 526.
 143 Моряки в борьбе за власть Советов на Украине. С. 144—145.
 144 Саблин в начале июня отбыл в Москву для доклада правительству о переходе флота в Новороссийск, а затем бежал к Деникину.
 145 Моряки в борьбе за власть Советов на Украине. С. 151.
 146 Государственный архив Краснодарского края. Ф. р. 411. Оп. 2. Д. 309. Л. 3—4. (Далее: ГАКК).
 147 Владимир Ильич Ленин: Биохроника. Т. 5. С. 538—539.
 148 Моряки в борьбе за власть Советов на Украине. С. 145—146; Ист. арх. 1960. № 2. С. 39—40.
 149 Партийный архив Краснодарского крайкома КПСС. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 204. Л. 60. (Далее: ПАКК).
 150 ГАКК. Ф. р. 411. Оп. 2. Д. 212. Л. 114—116.
 151 Сколько-нибудь точных сведений о результатах референдума 16 июня не имеется. См.: Пролет. революция. 1925. № 6; Моряки в борьбе за власть Советов на Украине. С. 154, 602.
 152 ЦГАСА. Ф. 25896. Оп. 1. Д. 50. Л. 157.
 153 См.: Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 617—618.
 154 ПАКК. Ф. 1830. Оп. 1. Д. 204. Л. 61; ГАКК. Ф. р. 411. Оп. 2. Д. 212. Л. 116.
 155 Из Новороссйиска ушли линейный корабль «Воля» и миноносцы «Дерзкий», «Беспокойный», «Пылкий», «Громкий», «Поспешный», «Жаркий», «Живой».
 156 Были затоплены линкор «Свободная Россия», эсминец «Керчь», миноносцы «Произительный», «Калиакрия», «Гаджибей», «Капитан-лейтенант Баранов», «Лейтенант Шестаков», «Фидониси», «Сметливый» и «Стремительный». См.: Пролет. революция. 1925. № 6. С. 167—171; Ист. арх. 1960. № 2. С. 42—43; Моряки в борьбе за власть Советов на Украине. С. 157—160.
 157 Воен.-ист. журн. 1964. № 4. С. 14.
 158 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 463.
 159 Цит. по: *Ахтмазян А.* От Бреста до Кия. М., 1963. С. 133.
 160 Документы по истории гражданской войны в СССР. М., 1940. Т. 1. С. 232.
 161 Документы по истории гражданской войны в СССР. Т. 1. С. 232.
 162 Там же. С. 233.
 163 *Миллюков П. Н.* Россия на переломе. Париж. 1927. Т. 2. С. 67, 68.

- 164 Деникин А. И. Указ. соч. С. 69. 165 Там же. С. 70. 166 Там же. С. 61.
167 Людендорф Э. Указ. соч. С. 218.
168 ЦГАОР СССР. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 31. Л. 201 об.
169 ЦГАСА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 34. Л. 2 об.; Д. 71. Л. 7 об.
170 Ахтмазян А. Указ. соч. С. 142.
171 Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске... Т. 1. С. 576.
172 Цит. по: Там же. Т. 1. С. 569—576. Протокол совещания.
173 Там же. С. 576.
174 Из истории гражданской войны в СССР. Т. 1. С. 473—476. Протокол совещания.
175 Там же. С. 474.
176 Красный арх. 1934. Т. 67. С. 127.
177 Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 380.
178 Ахтмазян А. Указ. соч. С. 147.
179 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 525.
180 Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). М., 1969. С. 47—48.
181 ЦГАСА. Ф. 3. Оп. 7. Д. 34. Л. 1 об., 3 об., 4, 5, 5 об.
182 Там же. Л. 7, 7 об. 183 Там же. Л. 10.
184 Там же. Ф. 25896. Оп. 2. Д. 40. Л. 1.
185 Там же. Оп. 1. Д. 1. Г. 1. Л. 56.
186 Директивы Главного командования Красной Армии. С. 71.
187 Кобляков И. К. Борьба Советского государства за сохранение мира с Германией в период действия Брестского договора // История СССР. 1958. № 4. С. 19—20.
188 Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 435.
189 Цит. по: Ахтмазян А. Указ. соч. С. 155.
190 Донская летопись. Белград. 1924. № 3. С. 201.
191 Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 437—453.
192 Чичерин Г. В. Указ. соч. С. 66.
193 Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 439.
194 История внешней политики СССР. М., 1976. Т. 1. С. 86.
195 Там же. С. 443. 196 Там же.
197 Blätter für deutsche und internationale Politik. 1967. N. 9. S. 889.
198 Денстервилль. Британский империализм в Баку и Персии (1917—1918). Тифлис, 1925. С. 123.
199 Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане, 1917—1921. М., 1958. С. 176—177.
200 Там же. С. 176.
201 ЦГАОР СССР. Ф. 3718. Оп. 1. Д. 47. Л. 14.
202 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 167—168.
203 Бюллетень Центрокаспия. 1918. 11 сент.
204 Тифлисский листок. 1920. 3 нояб.
205 Цит. по: Алекберов Г. А. Революция и гражданская война в Дагестане. Махачкала, 1962. С. 50.
206 Беркук Миралай. Наша деятельность на Северном Кавказе: Военные действия 15-го полка: Исторический раздел военного сборника. Стамбул, 1934. С. 9. На тур. яз.
207 Донской край. 1918. 23(10) мая.
208 ПАРО. Ф. 12. Оп. 23. Д. 192. Л. 28.
209 Рабочее дело. 1918. 11 мая (28 апреля).
210 Материалы Таганрогского краеведческого музея. Ф. 2. Оп. 6. Д. 122. Оттиск. (Далее: ТКМ).
211 Цит. по: Борьба за власть Советов на Дону. С. 353.
212 Клич казачьей бедноты. 1919. 20 марта.
213 Приазовский край. 1918. 27 окт.
214 Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 435.
215 ЦГАОР СССР. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2. Л. 153.
216 Там же. Д. 10. Л. 10—14.
217 Красный арх. 1934. Т. 67. С. 110.
218 ЦГАОР СССР. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 16. Л. 8—9. 219 Там же. Д. 32. Л. 1.

- 220 Донская летопись. Белград. 1924. № 3. С. 176.
221 Там же.
222 Красный арх. 1934. Т. 67. С. 113.
223 *Kenez P.* Civil War in South Russia, 1918. Berkley, 1971. P. 144.
224 ЦГАОР СССР. Ф. 111. Оп. 2. Д. 73. Л. 3.
225 Там же.
226 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 81
227 Последние новости. 1932. 12 дек.
228 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36 С. 338.
229 Донской край. 1918. 1 июня.
230 ЦГАОР СССР. Ф. 1258. Оп. 1. Д. 41. Л. 39.
231 Там же. Д. 31. Л. 16.
232 Гражданская война в СССР. М., 1980. Т. 1. С. 280.
233 Борьба за власть Советов на Дону. С. 353.
234 Очерки истории партийных организаций Дона. Ростов н/Д, 1972. Ч. 1. С. 457.
235 Крах германской оккупации на Украине. С. 160.
236 Гражданская война в СССР. Т. 1. С. 244.
237 Рабочее дело. 1918. 10 мая.
238 Цит. по: *Хмелевский К. А.* Крах красновщны и немецкой интервенции на Дону (апрель 1918 — март 1919 г.). Ростов н/Д, 1965. С. 174.
239 ЦГАОР СССР. Ф. 1258. Оп. 1. Д. 19. Л. 23, 23 об.
240 Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. М., 1969. Т. 4. С. 241.
241 Подробнее см.: *Петров В. И.* Указ. соч. С. 303.
242 Переписка Секретариата ЦК РКП(б)... Т. 4. С. 344.
243 Ист. арх. 1960. № 5. С. 31.
244 Борьба за власть Советов на Дону. С. 368.
245 Ист. арх. 1960. № 5. С. 32.
246 Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983. С. 144.
247 *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 191—192.
248 *Иоффе Г. З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. С. 120—121.
249 Подробнее см.: *Хмелевский К. А.* Указ. соч.
250 Донская летопись. Белград. 1924. № 3. С. 119.
251 Постановления Большого Войскового круга Всевеликого Войска Донского Четвертого созыва. Сес. I. 15.VIII—20.IX 1918 г. Б. м., Б. г. С. 11.
252 Начало гражданской войны. С. 160.
253 См., напр.: Борьба за власть Советов на Дону. С. 376, 383.
254 Там же. С. 373.
255 Цит. по: Ноябрьская революция в Германии: Сб. статей и материалов. М., 1960. С. 294.
256 Борьба за власть Советов на Дону. С. 375.
257 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 75.
258 Цит. по: Ист. журн. 1941. № 9. С. 63.
259 ЦГАОР СССР. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 31. Л. 65, 66 об.
260 Красный арх. 1934. Т. 67. С. 105—106.
261 Известия ВЦИК. 1918. 14 нояб.
262 История дипломатии. М., 1965. Т. 3. С. 119.
263 Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1926 Т. 2. С. 196—197.
264 Там же. С. 188—189.
265 Цит. по: *Петров В. И.* Указ. соч. С. 319.
266 Гражданская война в СССР. Т. 1. С. 255.
267 Там же.
268 ЦГАОР СССР. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 31. Л. 67 об.
269 Там же. Д. 17. Л. 18. Статья не была опубликована.
270 Директивы Главного командования Красной Армии. С. 138.
271 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 98, 120—122.
272 Переписка секретариата ЦК РКП(б)... М., 1970. Т. 5. С. 136.
273 Красный арх. 1934. Т. 67. С. 130.
274 ПАРО. Ф. 12. Оп. 23. Д. 23. Л. 55.

Глава **ПРЕВРАЩЕНИЕ АНТАНТОЙ**
четвертая **ДОНА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**
 В АНТИСОВЕТСКИЙ ПЛАЦДАРМ

1. Усиление антантовской интервенции на Юге России

Поражение стран Четверного союза в первой мировой войне, революции, происшедшие в Германии и Венгрии, а также подъем революционного движения в других капиталистических странах изменили коренным образом международную обстановку и оказали громадное влияние на военно-политическое положение Советской Республики. Анализируя создавшееся осенью 1918 г. новое стратегическое положение Советского государства, В. И. Ленин указывал, что «никогда мы не были так близки к международной революции, и никогда не было наше положение столь опасным, потому что раньше никогда с большевизмом не считались, как с мировой силой»¹.

Единственной господствующей силой в капиталистическом мире оказались государства Антанты, и прежде всего США, в финансовых сетях которых к концу войны оказались Англия и Франция. Но конец империалистической войны, несмотря на шовинистическую шумиху, поднятую в странах Антанты по поводу «победы» над Четверным союзом, способствовал быстрому росту рабочего движения в Англии, Франции. Уставшие от войны трудящиеся массы все решительнее требовали покончить с военной интервенцией против Советской Республики.

В речи на II Всероссийском съезде Советов народного хозяйства 25 декабря 1918 г. В. И. Ленин говорил: «Несмотря на шум, поднятый шовинистами по поводу победы и разрушения Германии, несмотря на то, что война официально еще не закончена, мы уже теперь имеем во Франции и Англии признаки чрезвычайно высокого роста рабочего движения и перемену позиции тех политиков, которые стояли на шовинистской точке зрения, а теперь выступающих против своего правительства из-за попытки вмешательства в русские дела»².

Тем не менее правительства стран Антанты не только не отказались от вмешательства в русские дела, а наоборот, решили, что созданный момент наиболее подходящий для дальнейшего расширения интервенции и уничтожения Советской России, а также осуществления своих захватнических планов. В этом отношении показательным является отношение английского коалиционного правительства во главе с Ллойд Джорджем к «русскому вопросу».

В кабинете Ллойд Джорджа в результате ноябрьских парламентских выборов 1918 г. сторонники открытой антисоветской интервенции получили важные министерские посты: У. Черчилль (этот, по выражению В. И. Ленина, «величайший нена-

вистник Советской России») ³ стал военным министром, Дж. Керзон, один из идеологов и организаторов колониальной политики Англии на Востоке, получил важный пост министра иностранных дел.

Став военным министром, У. Черчилль немедленно уведомил представителя белогвардейцев в Лондоне К. Д. Набокова, что возглавляемое им министерство будет «снабжать всем необходимым английские войска, находящиеся в России, и русские военные силы, ведущие борьбу с большевизмом» ⁴. Однако Антанта на новом этапе делала ставку главным образом на собственные вооруженные силы, добиваясь координации с белогвардейскими армиями. Уже 13 ноября 1918 г., когда народы стран Антанты продолжали ликовать по поводу долгожданного окончания мировой войны, английское и французское правительства в тайне от широких масс трудящихся подтвердили конвенцию о разделении «сфер действия» в России, заключенную вскоре после Октябрьской революции, 10 декабря 1917 г. По словам английского историка А. Мариотта, основой такого раздела был преобладающий интерес Англии к кавказской нефти, а Франции — к углю и железной руде Украины ⁵. Деникин отмечал, что «эта странная линия (разграничивающая зоны.— Авт.) не имела никакого смысла в стратегическом отношении... удовлетворяя скорее интересы оккупации и эксплуатации» ⁶.

Исходя из этого соглашения, военный кабинет Англии 14 ноября 1918 г. принял решение: 1) помочь Деникину оружием и военным снаряжением; 2) отправить в Сибирь дополнительные кадры офицеров и дополнительное оборудование; 3) признать Омское правительство (т. е. Колчака) де-факто ⁷.

Разумеется, Советское правительство еще не полностью знало планы наступления Антанты с Юга страны, но ряд фактов, ставших известными советскому руководству в то время, свидетельствовали о готовящемся массивированном наступлении империалистов Антанты, позволяли определить наиболее возможные районы действия интервенционистских войск. В. И. Ленин подчеркивал тогда, что «англичане и французы ни в Сибири, ни в Архангельске не имели большого успеха,— наоборот, потерпели ряд поражений, но они теперь направляют усилия на то, чтобы напасть на Россию с юга, либо с Дарданелл, либо с Черного моря, либо сухим путем через Болгарию и Румынию» ⁸. События подтвердили обоснованность ленинских прогнозов относительно дальнейших шагов интервентов.

С начала октября в греческих и других средиземноморских портах стали сосредоточиваться и готовиться к отправке в Россию крупные контингенты антантовских войск. Правительства Англии и Франции настойчиво добивались у Турции скорейшего пропуска своих военных кораблей в Черное море и базирования их на турецкие порты ⁹.

В то же время активизировалась южнороссийская контрреволюция, налаживались связи между ее различными группиров-

ками, каждая из которых стремилась заручиться поддержкой Антанты. С благословения немцев марионеточные режимы Скоропадского и Краснова предпринимают попытки объединиться с деникинцами и создать единый антисоветский фронт на юге. Во время свидания «гетмана всея Украины» и донского атамана на ст. Скороходово 2 ноября было договорено о совместной борьбе против большевиков под флагом восстановления «единой и неделимой» России¹⁰. Через два дня атаман предложил деникинскому командованию незамедлительно созвать совещание представителей белогвардейцев Украины, Дона, Кубани, Добровольческой армии, а также Терека, Грузии и Крыма, чтобы выработать общий план борьбы против Советской власти¹¹. Несколько раньше председатель Донского белого правительства А. Богаевский по поручению Краснова обратился к Деникину с предложением обсудить вопрос о предстоящей после окончания мировой войны мирной конференции¹².

В преддверии близкого военного краха австро-германского блока Краснов уже в сентябре 1918 г. готов был предоставить Донскую армию в распоряжение Антанты. Свою речь на Большом Войсковом круге, выдержанную в прогерманских тонах, атаман закончил заявлением, что Войско Донское должно быть готово к надвигающимся крупным переменам в Средней и Юго-Восточной Европе. При первых же известиях о выходе Болгарии из войны Краснов поспешил поручить барону Майделю, находившемуся по делам снабжения в Яссах, установить связи с союзным командованием¹³. Одновременно он развернул широкое наступление против армий советского Южного фронта на Царицынском, Камышинском и Воронежском направлениях.

Руководство Добровольческой армии сдержанно отнеслось к призывам донского атамана. Непременным условием совместного похода на север Деникин выдвигал подчинение Донской армии и других контрреволюционных формирований Юга своему командованию. Прикрытая с севера донскими белоказачьими войсками, деникинская армия расширяла фронт борьбы на Северном Кавказе. К концу октября она вытеснила советские войска с территории Кубано-Черноморской республики, а 14 ноября враг захватил Ставрополь. Белогвардейцы оказались в непосредственной близости от границ Терской области, где шли напряженные бои местных советских частей с бичераховской контрреволюцией.

Своими действиями Деникин оказывал непосредственную помощь Антанте, обеспечивая готовящуюся высадку ее десантов в портах Черноморского побережья Кавказа. Чтобы облегчить и ускорить проход английских и французских кораблей в Черном море, находившийся в Яссах деникинский адмирал Ненюков передал в середине октября старшему адмиралу союзной эскадры все документы о минных заграждениях черноморских портов, о числе и тоннаже военных и коммерческих судов, а также «планы, описания, статистические данные портов и рейсов всего Черного

моря, обработанные нашим бывшим морским Генеральным штабом»¹⁴.

Таким образом, Донская и Добровольческая армия, хотя и не были еще объединены общим стратегическим замыслом, но уже представляли крупную силу, которая приковала к себе около 60% личного состава и половину боевых средств действующей Красной Армии¹⁵.

Только в армии Краснова осенью 1918 г. насчитывалось свыше 52 тыс. белоказаков, и она продолжала расти. Была налажена подготовка офицерских кадров для нее. На вооружении Донской казачьей армии было 80 орудий, 270 пулеметов, 68 самолетов, 14 бронепоездов и т. д.¹⁶

Еще более опасной для Республики была армия Деникина, состоявшая из реакционных офицеров царской армии, которые, по выражению В. И. Ленина, «полные негодования и бешенства, боролись за интересы своего класса, за восстановление власти помещиков и капиталистов»¹⁷. Несколько позже, в апреле 1919 г., В. И. Ленин говорил: «На Южном фронте сосредоточились такие силы красновцев и там настолько прочным было гнездо несомненно контрреволюционного казачества, ...что без победы на Южном фронте ни о каком упрочении Советской пролетарской власти в центре не могло быть и речи»¹⁸.

Оценивая сложившуюся к концу октября 1918 г. международную обстановку и расстановку сил внутри страны, Ленин предупреждал о грозной опасности, вырастающей на Юге: «За спиной красновских и белогвардейских контрреволюционеров на нас готовится натиск неизмеримо более опасной силы, силы международной контрреволюционной буржуазии, англо-американской и французской в первую очередь»¹⁹.

В разработанном главным командованием Антанты плане расширения антисоветской интервенции после победы над Германией Югу России, району Черноморского побережья Украины и Кавказа отводилось центральное место. Это направление давало интервентам большие преимущества стратегического характера: здесь были районы, богатые хлебом, углем, железом, нефтью, не говоря уже о важных сухопутных и морских путях, связывавших Россию с внешним миром и призванных сыграть исключительную роль в ходе осуществления интервенции. В то же время высадка десантов в русских черноморских портах давала возможность, используя войска Краснова и Деникина, развернуть крупные силы на главных направлениях удара по Москве. Важнейшие моменты плана действий «союзников» были намечены в записке главного командования армиями Антанты, составленной уже на второй день после заключения Компьенского перемирия. В ней определялась политическая цель интервенции: «Необходимо уничтожить большевизм и поощрять создание в России режима порядка... Важно также, — подчеркивалось там, — заручиться солидным залогом за долги, взятые Россией у Антанты»²⁰.

В записке были подробно изложены основные направления предстоящих военных действий и сделаны подсчеты вооруженных сил, которыми располагала Антанта для этой цели. Предусматривалось, в частности, вторжение в Южную Россию одновременно через Румынию и Черное море английских, французских, итальянских и греческих дивизий, освободившихся после завершения войны на Балканах и Ближнем Востоке. Действия этих войск, говорилось в записке, «постепенно заменят действия германских и австрийских сил и будут разворачиваться в сотрудничестве с частями режима порядка, уже объединенными под командованием Краснова и Деникина»²¹.

Главкомандующий союзными силами в Румынии и Трансильвании генерал Бертелло, назначенный руководителем действий интервентов на Юге России, в беседе с прибывшими в Бухарест в ноябре 1918 г. посланцами Донской белоказачьей и Добровольческой армий заявил, что вскоре 12 антантовских дивизий высадятся в южнорусских портах²².

Делая ставку на уничтожение Советской Республики главным образом собственными силами, руководители «союзников» имели в виду также использовать побежденную Германию. Как отмечалось ранее, по условиям перемирия австро-германские оккупационные войска обязывались оставаться на занятых территориях до прибытия туда отрядов Антанты или российской контрреволюции, противодействуя освобождению этих районов Красной Армией. Однако из-за прогрессирующего разложения немецких войск этот план не удался²³.

С окончанием первой мировой войны империалисты Антанты не могли более оправдывать интервенцию стремлением восстановить Восточный фронт против Германии. Нужны были другие объяснения, тем более что отправка войск на территорию союзной в годы войны страны вызывала растущее недовольство как самих солдат, так и демократической общественности Запада. Организаторы интервенции пытались прикриты антисоветскую сущность разглагольствованиями о помощи «русским национальным силам», остававшимися верными «союзникам». Уничтожение большевизма и реставрация режима порядка в России, говорилось в записке главного командования армиями Антанты, представляют собой исключительно национальное дело, и сделать это должен сам русский народ. Но мы, лицемерно прибавляли авторы, должны предоставить ему средства для этого²⁴. По существу сказанное означало всестороннюю поддержку и оказание помощи белогвардейским и националистическим образованиям на территории России и в немалой степени — южной контрреволюции, чьи действия являлись важной частью стратегического плана Антанты.

В упомянутой записке прямо указывалось: «Только в южной России на самой украинской базе должны сосредоточиваться усилия союзников, чтобы создать там основную массу русских национальных сил и позволить ей предпринять наступление на Москву. Эта масса будет сформирована из армий Деникина и

Краснова, местных контингентов, которые будут создаваться на Украине по мере ее оккупации... Английское и французское командование в своих соответствующих зонах действий* возьмут на себя задачу организации этих различных элементов, комплектования для них офицерского состава и снабжения необходимыми военными материалами»²⁵.

Оказывая поддержку силам внутренней контрреволюции, «союзники» руководствовались отнюдь не благородными чувствами долга и «моральными обязательствами» перед белыми, о чем трубила буржуазная пропаганда на Западе и продолжают твердить современные «советологи»²⁶. Организаторы интервенции преследовали вполне определенные империалистические цели. Никаких «моральных обязательств» по отношению к белым интервентам не имели и не испытывали к ним даже особых симпатий. «Отношение союзников к русским далеко не уважительное», — с горечью писал один из деятелей донской контрреволюции²⁷.

«Цель нашей интервенции в Южной России состоит в обеспечении защиты наших интересов», — прямо говорилось в цитированном документе антантовского командования. Эти интересы, между прочим, состояли в восстановлении и укреплении позиций англо-французского капитала, в получении доступа к богатствам Дона, Кубани и Кавказа. Явившись в Новочеркасск, французский представитель капитан Фуке потребовал от Донского правительства в обмен на просимое оружие и снаряжение «заплатить все убытки французских граждан, проживающих в угольном районе „Донецк“, где бы они ни находились, происшедшие вследствие отсутствия порядка в стране... и заплатить полную среднюю доходность предприятий с причислением 5% надбавки за все то время, когда эти предприятия почему-то не работали, начиная с 1914 г.»²⁸.

Какой уж тут долг перед «русскими друзьями»! Здесь налицо самое циничное стремление ограбить захваченные районы, оторванные от Советской Республики. Характеризуя подобные действия империалистов, В. И. Ленин указывал, что они старались «главным образом отрезывать источники снабжения от страны, на которую они нападали...»²⁹. Французский премьер-министр Клемансо лицемерно утверждал, будто «межсоюзнический план действий по характеру не агрессивен, он просто воспрещает большевикам доступ к районам Украины, Кавказа и Западной Сибири, которые экономически им необходимы для того, чтобы выстоять»³⁰. В действительности за этим скрывалось стремление расчленив Россию, окружить ее «санитарным кордоном» из зависимых от Антанты окраинных государств.

Эти стремления разделялись всеми державами-победительницами. Программу расчленения России, в частности отрыва от нее Кавказа и всего Юго-Востока, разработали американцы еще накануне окончания мировой войны в документе в качестве официаль-

* Английская — Дон и Кавказ, французская — Украина (примечание документа).

ного комментария к «14 пунктам» мирных предложений президента Вильсона. Она предусматривала признание временных, т. е. белогвардейских и националистических, правительств и оказание помощи им. «Кавказ,— говорилось в комментарии,— придется, вероятно, рассматривать как часть проблемы Турецкой империи»³¹. Фактическое установление британского господства на Юго-Востоке России предусматривало упоминавшееся ранее англо-французское соглашение о разделе сфер действия в Южной России. Керзон, по словам Ллойд Джорджа, «чувствовал глубокую страсть к Кавказу. За несколько лет до того он сам побывал на Кавказе и проникся нежностью к храбрым горцам...»³².

Если бы господин Ллойд Джордж хотел говорить правду, то мог бы с полным основанием сказать, что такую «любовь» к храбрым горцам и подлинную страсть к Кавказу испытывала вся английская буржуазия, не исключая его самого. И вовсе не с Керзона начинается такое «трогательное» отношение Англии к Кавказу. Напомним, что интерес Англии к кавказской нефти стал проявляться уже в конце XIX — начале XX столетия, когда ее стал сильно беспокоить вопрос о жидком топливе для громадного морского флота и промышленности. Английские капиталисты начали тогда приобретать акции и покупать имущество русских нефтяных предприятий с тем, чтобы с течением времени установить над бакинской нефтяной промышленностью полное господство. Из общей суммы иностранного капитала, вложенного в русскую нефтяную промышленность с 1898 по 1903 г., на долю Англии приходилось более 85%³³. Накануне первой мировой войны, когда британский морской флот целиком был переведен на жидкое топливо, стремление Англии овладеть кавказскими нефтяными источниками усилилось, а образование Антанты способствовало еще большему проникновению английского капитала в русскую нефтяную промышленность. Нужно учесть также, что ко времени первой мировой войны Англия уже овладела нефтяными промыслами в юго-западном Иране и соединение иранской и бакинской нефти под британским контролем полностью освобождало бы Англию от зависимости от американской нефти.

В годы первой мировой войны в английских правящих кругах не случайно взяла верх доктрина сторонников концентрации военных усилий не столько на Европейском континенте, сколько в районе Среднего и Ближнего Востока. К числу самых активных исполнителей этой идеи относился У. Черчилль, бывший тогда первым лордом адмиралтейства. В марте 1917 г. английские войска заняли Багдад. В течение 1918 г. полностью очистили от турецких войск Сирию, Палестину, а после вывода русской армии с иранской территории установили там военно-политический контроль. К середине 1918 г. Англия, по выражению В. И. Ленина, «скушала всю Персию»³⁴.

Окупированный Иран английское правительство решило использовать в качестве плацдарма для наступления на южные районы России. Этой цели служили действия обосновавшейся

в северном Иране экспедиции генерала Денстервилля и его агента Л. Бичерахова, о которых рассказывалось ранее.

Как отмечалось в предыдущей главе, к началу октября 1918 г. при активной помощи местной контрреволюции бичераховцам удалось ликвидировать Советскую власть в Дагестане. Теперь на очереди был Терский край, где родной брат Л. Бичерахова, Г. Бичерахов, тесно связанный с империалистическими разведками, в июле 1918 г. поднял восстание контрреволюционного казачества. Восставшие белогвардейцы немедленно установили связи с британским командованием через Л. Бичерахова, а также через английскую военную миссию на Кавказе, которая в мае 1918 г. из Тифлиса переехала во Владикавказ. Терская контрреволюция была тесно связана и с Деникиным.

Л. Бичерахов в письме Деникину свидетельствовал, что англичане «оказывали союзным фронтам (читай белой гвардии.— Авт.) в борьбе с большевизмом помощь и отрядами, и вооружением, и снарядами, и деньгами. Передали оружия терцам на 20 млн руб., уральцам — на 5 млн, Закаспию — 1 млн, Дагестану — 2 млн, Мугану — 20 млн руб.»³⁵. В общей сложности терская контрреволюция только через Л. Бичерахова получила военной техники и денег на сумму 20 млн руб.

Разоблачая происки империалистов на Северном Кавказе, газета «Правда» писала в тот период: «Все контрреволюционное движение в Терской области создано на английские деньги. Английские агенты подкупили ... полковника Шкуро, действующего в районе Минеральных Вод. Относительно всех этих подкупов в руках нашей ЧК имелись самые точные сведения»³⁶.

Таким образом, еще до окончания первой мировой войны империалисты Антанты, и прежде всего Великобритании, делали все возможное для укрепления своих позиций на Юге страны и ликвидации там Советской власти.

Ллойд Джордж, а вслед за ним буржуазные фальсификаторы истории пытаются «облагородить» роль империалистов Антанты, и прежде всего собственной английской буржуазии, доказывая, что предпринимавшиеся на Кавказе и в целом на Юге России военные акции были якобы делом рук Керзона и его сторонников. На самом же деле Керзон и К^о проводили общий агрессивный курс своего правительства и генерал Денстервилль действовал в строгом соответствии с установками Ллойд Джорджа, когда из Грузии перемещал кавказскую военную миссию в центр Терской республики — Владикавказ, по соседству с которой находилась Добровольческая армия — основная надежда Антанты на Юге страны. Действия английской миссии во главе с полковником Пайком, этим хитрым и наглым дипломатом, как выяснилось позже, были составной частью тщательно разработанного правительством Великобритании плана уничтожения Советской власти на Юге страны и установления здесь господства английско-го капитала.

Хотя арест английской военной миссии был осуществлен советскими органами безопасности в октябре 1918 г., разоблачение ее подрывной, антисоветской деятельности относится к более раннему периоду. Неопровержимо было доказано, что военная миссия поддерживала теснейшие связи с контрреволюцией не только Закавказья, Терека, Кубани и Ставрополя, оказывая ей всемерную помощь и координируя ее действия, но также выполняла роль связующего звена между контрреволюцией на Северном Кавказе и правительством Ллойд Джорджа. В связи с этим был издан приказ о выселении миссии за пределы Терской республики. Но из-за отсутствия дороги временно с разрешения областной власти миссия оставалась в городе. Однако она продолжала свою антисоветскую деятельность. «Для власти, — как сообщало правительство Терской республики 7 октября 1918 г., — создалось невыносимое положение: немисливо было терпеть в центре революционного порядка представителей империализма, который за свои капиталы содержит все контрреволюционное движение казаков Терской, Кубанской областей и Ставропольской губернии»³⁷.

3 октября 1918 г. был арестован шпион штаба генерала Алексеева штабс-капитан Угнивенко, у которого были отобраны документы и письма, разоблачающие антисоветскую деятельность английской миссии во Владикавказе. Она, как следовало из захваченных материалов, находилась в связи с известным заговором послов в Москве, преследовавшим цель убийства В. И. Ленина и других выдающихся деятелей партии и Советского государства. Английская миссия старалась создать в крае обстановку политического хаоса, одновременно провоцируя столкновение Советского государства с Германией, войска которой все еще стояли на подступах к Владикавказу.

Рассказывая на заседании Терского народного Совета о действиях «союзных» дипломатов, председатель СНК республики Ф. Булле сообщил, что английская миссия делала все возможное для создания так называемого Юго-Восточного союза с целью борьбы за свержение Советской власти в России. «Подкупаются наши суды, — продолжал Ф. Булле, — даются субсидии национальным войскам, вмешиваются во внутренние дела Советской России, скупаются оружие у наших солдат, уходящих с фронта, организуются отряды и корпуса для борьбы ради английского капитала, во всем этом — здешняя английская миссия»³⁸.

Комментируя перехваченное органами безопасности Республики письмо известного монархиста Шульгина, газета «Народная власть» писала: «Несомненно одно — существует организованная связь между Добровольческой армией, ядром контрреволюционного движения в России... и представителями англо-французского империализма в России, которые через посредство своих миссий и атташе поднимают мятеж внутри страны, одновременно субсидируя и развивая, таким образом, этот поход против трудовым народом избранной власти»³⁹.

Москва — Кубань — Владикавказ — Закавказье и страны Антанты — так тянулась цепь английской разведки. Надо отметить и то, что англичане посредничали между российской контрреволюцией и империалистами других стран. Упомянутый Шульгин просил английскую миссию передать в Париж, в министерство иностранных дел, Маклакову телеграмму следующего содержания: «Шульгин находится при генерале Алексееве в Екатеринодаре, просит вас от имени Алексеева быть представителем Добровольческой армии при союзных правительствах»⁴⁰.

Г. К. Орджоникидзе как представитель Советского правительства, Кавказский краевой комитет РКП(б) и СНК Терской республики придавали исключительное значение не только факту ликвидации английской миссии, которая, помимо всего, вела разведывательную работу в центре республики и корректировала удары банд Бичерахова и Шкуро на Тереке, но и разоблачению антисоветской деятельности английских империалистов в России вообще, на Кавказе в частности.

В октябре 1918 г. между Антантой и Турцией был заключен договор в Мудросе, согласно которому Англия получила права оккупации на Кавказе территорий, которые были заняты до этого турецкими войсками. Но поскольку вслед за турками поспешно покидали Кавказ кайзеровские войска, то фактически англичане оккупировали и те районы, которые находились под пятой немцев. Оказавшись в Грузии, они немедленно оседлали важнейшую стратегическую дорогу в Дарьяльском ущелье под предлогом защиты его от большевистских войск Терской республики.

Командующий английскими оккупационными войсками в Закавказье генерал Форестье Уоккер даже не считал нужным скрывать, что, направляя войска на Военно-Грузинскую дорогу, он нацеливает их против Северного Кавказа.

Вот почему обсуждение вопроса о судьбе английской миссии на заседаниях СНК Терской республики и Терского областного народного Совета имело чрезвычайно важное военное и политическое значение. Речь шла о разоблачении британских империалистов, которые в союзе с внутренней контрреволюцией стремились к свержению Советской власти, к фактической оккупации территории Российской Республики. Адвокатами английской миссии выступили эсер А. Андреев, меньшевик А. Цаликов и др.

А. Андреев демагогически утверждал, что англичане по обязанности наблюдали жизнь народов края и собранную информацию передавали своему правительству, но никакого отношения якобы к внутренней контрреволюции не имели. Что касается подкупа англичанами Черноморского флота и планов переброски румынских войск на Кавказ, то это, по утверждению меньшевиков и эсеров, делалось только для того, чтобы «не допустить захвата турками Закавказья, и румыны должны были бороться не против советских войск, а против турок»⁴¹. Таким же образом меньшевики и эсеры оправдывали участие английской миссии в образовании

антисоветского Юго-Восточного союза, который англичане якобы использовали также для борьбы против немцев⁴².

Особенно изошренно защищал английскую миссию меньшевик А. Цаликов. Он предлагал передать арестованных дипломатов персидскому консульству в Тифлисе, которое добивалось их освобождения. Персидский генеральный консул обещал из Тифлиса через Энзели препроводить английскую миссию на родину, взяв с дипломатов «подписку о том, что члены миссии политическими делами на Кавказе заниматься не будут»⁴³.

А. Цаликов даже добился принятия горскими фракциями областного народного Совета резолюции, требовавшей немедленной высылки английской миссии за пределы Российской Республики по пути, указанному персидским консулом. Цель была одна — не допустить разоблачения английской миссии в глазах горских народов и сохранить в тайне связи меньшевиков и правых эсеров с английскими империалистами. Помимо всего, передача членов миссии персидскому консулу означала санкционирование продолжения подрывной деятельности этой миссии в пределах Кавказа, так как к этому времени, как отмечалось, англичане сменили немцев и турок в Закавказье.

Решительный отпор адвокатам интервентов дали большевики. Выступив на том же заседании Терского народного Совета, член Кавказского комитета РКП(б) А. М. Назаретян потребовал, чтобы специальная комиссия Совета полно и до конца выяснила подлинный смысл действий миссии и ее связь с внутренней контрреволюцией. Это должно было способствовать окончательному развенчиванию в глазах горцев и трудового казачества бичераховщины как контрреволюционного движения, созданного на английские деньги. В конечном счете это должно было способствовать укреплению Советской власти в крае.

Раскрывая подлинные мотивы, толкавшие английскую миссию сотрудничать с внутренней контрреволюцией, А. М. Назаретян подчеркнул, что фактически речь идет об укреплении на Кавказе английского капитала. «Для англичан, — говорил он, — важно в данный момент укрепить свою ориентацию на Кавказе и вместе с тем и свой капитал»⁴⁴.

Представитель Кавказского крайкома убедительно показал, что подлинную свободу и независимость народы Северного Кавказа могут обрести только в тесной связи с Россией, поэтому «ориентация у малых народов, — как подчеркнул он, — должна быть одна, ориентацией на социалистическую революцию»⁴⁵.

Благодаря решительным и умелым действиям Краевого комитета партии и СНК Терской республики суд над английской миссией превратился в суд над мировым империализмом и его внутренними союзниками в лице меньшевиков и эсеров.

Английская миссия под усиленной охраной была доставлена в Астрахань. По пути следования она предпринимала безуспешные попытки подкупить конвой.

Почти одновременно с арестом военной миссии был раскрыт в Пятигорске заговор контрреволюционной организации во главе с агентом английской разведки генералом царской армии Джунковским⁴⁶.

Империалисты Антанты всемерно поддерживали различные националистические организации и самозванные «правительства» на Северном Кавказе, в Закавказье и других районах страны.

После разгрома бичераховщины на Тереке и скандального разоблачения империалистов Антанты в связи с судебным процессом над английской миссией правительство Ллойд Джорджа делало отчаянные попытки обелить свои действия в этом регионе, продолжая разыгрывать роль «доброжелателя» и «друга» народов Кавказа, которым империалисты якобы несут «великую хартию вольности»⁴⁷.

26 ноября генерал Томсон, командующий британскими силами в Баку, принял делегацию самозванного «Горского правительства», власть которого распространялась лишь на несколько комнат в Тифлисском притоне — «Ореоне».

Это пресловутое «правительство» еще недавно обивало пороги немецких и турецких властей, добиваясь отторжения Северного Кавказа от революционной России и образования «независимой» республики горцев Кавказа под эгидой Турции. Теперь же оно поспешило искать у империалистов Антанты поддержку в борьбе с народами, от имени которых выступало, и, конечно же, против ненавистой Советской Республики, защищавшей интересы горских народов.

Командующий британскими войсками передал делегации письмо к «правительству» Северного Кавказа, в котором демагогически потребовал «удаления» всех турок и устранения турецкой и германской пропаганды, так как «они пришли на Кавказ ради своей собственной, а не вашей выгоды и вам не принесли ничего, кроме бедствий»⁴⁸. В письме английского генерала фактически излагалась программа действий местной контрреволюции, которой предлагалось оставить «в стороне мелкие распри» и объединиться против большевиков. В этих целях прежде всего надлежало образовать коалиционное правительство горцев и казачества, восстановить «железные дороги и пароходное движение», которые нужны были интервентам для поддержания тесных связей и оказания действенной своевременной помощи внутренней контрреволюции. Не случайно в письме (пункт «е») перед «правительством» республики горцев ставилась задача помогать союзникам держать связь с армией генерала Деникина..., а также «добиться освобождения британской миссии, задержанной во Владикавказе». Письмо генерала заканчивалось лживым утверждением о том, что пришел он сюда якобы только для того, чтобы «помочь всеми средствами народам Кавказа в их стараниях превозмогнуть те трудности, которые стоят перед ними»⁴⁹. На самом деле разглагольствования об освободительной миссии британских войск на Кавказе, о готовности союзников помочь его народам

нужны были Томсону в пропагандистских целях, для словесного прикрытия планов оккупации Северного Кавказа, детально разработанных английским командованием. Согласно этим планам, войска марионеточного «Горского правительства» должны были действовать в районе южнее Ростово-Петровской железной дороги — южной границы сферы действия английского наймита Л. Бичерахова.

Железная дорога Баку — Петровск — Ростов, а также морские порты Петровск и Дербент оставались под союзным командованием. Л. Бичерахов объявлялся командующим войсками Терской области⁵⁰. Активную деятельность по осуществлению этого плана развернул глава английской миссии при «Горском правительстве» полковник Роуландсон, которому предписывалось: «1. Помочь и дать указания северокавказскому правительству (имеется в виду «Горское правительство». — *Авт.*) при мобилизации его военных сил и операциях против большевиков. 2. Поддерживать связь между генералом Бичераховым и северокавказским правительством. Цель вышеизложенных мероприятий — обеспечить активные совместные действия всех партий против большевиков...»⁵¹.

У съезд народов Терека, проходивший во второй половине ноября 1918 г., от имени всех трудящихся края полностью разоблачил это пресловутое «правительство», возглавляемое чеченским миллионером Т. Чермоевым. Как было подчеркнуто в выступлении представителя чеченского народа А. Шерипова, оно стремится только к тому, «чтобы взять нефтяные промыслы и отдать их английскому капиталу», стараясь при этом опереться на те слои населения, которые по своей сущности должны ненавидеть Советскую власть⁵².

Подробно охарактеризовав сложившуюся к этому времени политическую обстановку в крае, член Кавказского крайкома РКП(б) А. М. Назаретян подчеркнул на съезде, что чермоевина для народов края не менее опасна, чем недавно разгромленная бичераховщина. Чермоев и К⁰, выполняя волю империалистов Антанты, стремились к уничтожению Советской власти на Северном Кавказе, отрыву и изоляции горцев от других народов страны, превращению региона в надежный плацдарм внешней и внутренней контрреволюции в их борьбе против Советской России. Именно поэтому «Горское правительство», разглагольствуя о свободе и независимости своих народов, в то же время призывает английских империалистов для наведения в крае порядка, уподобляясь при этом закавказским марионеточным правительствам, которые торговали свободой и независимостью своих народов, отдавая свою Родину для разграбления то немцам и туркам, то империалистам Антанты, защищаясь их штыками от гнева собственных народов.

Как было доказано на съезде, и немцы, и турки, и англичане, лицемерно разыгрывавшие роль защитников интересов кавказских народов, на деле преследовали только лишь свои корыстные цели

и интересы, беззастенчиво грабили богатый край, натравливая местные народы друг на друга. «Вот причина их движения сюда, но вовсе не защита прав малых национальностей, как в этом они уверяют»⁵³.

2. Создание на Дону и Северном Кавказе интервенционистской базы против Советской Республики

В борьбе против Советской власти на Юге страны империализм широко использовал возникшие там марионеточные контрреволюционные правительства целиком зависимых от них буржуазных республик. Меньшевистская Грузия и мусаватистский Азербайджан для советского Северного Кавказа стали границей мирового империализма. Националистическая контрреволюция, в буквальном смысле слова едва простившись с немцами и их союзниками, тут же бросилась в объятия англичан. 22 декабря английская дивизия под командованием генерала Уоккера высадилась в Батуме. А через три дня с согласия грузинского меньшевистского правительства британские войска торжественным маршем вошли в Тифлис. Почти одновременно англичане были приглашены и дашнакским правительством в Армению⁵⁴.

При активной помощи националистических правительств «англичане стали, — по выражению Л. Фишера, — устраиваться на Кавказе по-домашнему. ...Они вели себя так, как будто... намеревались остаться на... очень долгое время. Они смотрели на Баку, как на новое приращение своей империи, а не как на сокровище, которое можно ограбить мимоходом»⁵⁵.

Продолжая политику, направленную на расчленение России, империалисты строили планы создания Юго-Восточного союза в составе Северного Кавказа и Закавказья под английским протекторатом, а позже выдвигали даже проект военно-политического союза между Азербайджаном и Ираном.

В декабре 1918 г. на собрании пайщиков Биби-Эйбатской нефтяной компании, английского треста, включавшего в себя несколько компаний и располагавшего значительными участками в Баку, ее председатель Герберт Аллен с вполне понятным удовлетворением заявил: «Британские вооруженные силы появились на Кавказе от Батума на Черном море до Баку на Каспийском море и от Владикавказа к югу до Тифлиса, Малой Азии, Месопотамии и Персии... Никогда еще история Британских островов не давала нам такого благоприятного случая для мирного расширения британского влияния и британской торговли, для создания второй Индии или второго Египта... Русская нефтяная промышленность, щедро финансируемая и должным образом организованная под британским руководством, составила бы сама по себе ценное прибавление к империи. Британскому правительству предоставляется великолепная возможность оказывать мощное влияние на огромную добычу Грозного, Баку и закаспийских нефтяных месторождений»⁵⁶.

Империалисты Антанты стремились к захвату Кавказа и всего Юга России. Тем самым они хотели решить наряду с экономическими задачами важную и неотложную политическую задачу — создать надежный барьер на пути проникновения большевистских идей в страны Ближнего Востока. В этом деле особенную заинтересованность проявляла английская буржуазия. Дело в том, что у английских империалистов, помимо общих интересов с другими странами Антанты, в этом регионе были свои собственные интересы, которые они пытались разрешить за счет Советской России. Наиважнейшей для них являлась имперская проблема, и именно поэтому Юг России, и прежде всего Дон, Северный Кавказ и Закавказье, занимали в планах английского империализма особое место.

Попытки английских империалистов захватить южные районы России были самым непосредственным образом связаны с планами создания британской ближневосточной империи, охватывающей огромный район — от Средиземного моря до Индии. Осуществление этого плана должно было означать не только порабощение народов Турции, Ирана, Афганистана, но и, безусловно, народов южных областей России. Вот почему начавшийся под влиянием Октябрьской революции бурный подъем национально-освободительного движения в сопредельных с Россией странах Ближнего и Среднего Востока чрезвычайно встревожил британских империалистов, которые теперь с утроенной энергией стремились к закреплению своих позиций на Кавказе и на Юге России, вообще рассматривая эти районы в качестве стратегического плацдарма, прикрывающего подступы к Индии, Ирану и Афганистану.

Стараясь закрепитесь на Юге страны, где находились основные источники жидкого топлива и продовольствия Советской Республики, английские империалисты одновременно преследовали цель покончить и с ненавистой революционной властью в России. Но Ллойд Джордж лицемерно писал в своих мемуарах, что «внутренние политические затруднения России нас как таковые не касались»; что «отнюдь не из антикоммунистических соображений решили мы оказывать поддержку тем лояльным по отношению к союзникам элементам в России, в руках которых находился контроль над этими областями (речь идет о Доне и Кавказе.— Авт.)»⁵⁷.

Английские империалисты на Юге России разыгрывали из себя «защитников» интересов народов этого региона. Ллойд Джордж говорил заведомую неправду, когда «страсть к Кавказу» связывал только с личностью Керзона. Правда заключалась в том, что в его коалиционном правительстве даже до ноябрьских (1918 г.) выборов, когда резко усилилось консервативное крыло У. Черчилля, действительно не было полного единства в «русском вопросе». Группа государственных деятелей во главе с У. Черчиллем выступала против каких-либо контактов с Советским правительством и настаивала на открытой военной интервенции. У Черчилля

были достаточно сильные союзники в кабинете Ллойд Джорджа: министр иностранных дел Дж. Керзон, военный министр до ноябрьских выборов 1918 г. А. Милнер, начальник британского генерального штаба Г. Уилсон и др.

Несколько иную позицию в этом вопросе занимали сам Ллойд Джордж и некоторые члены его кабинета (А. Бальфур, Р. Хорн). Они выступали против открытой военной интервенции в Россию, но вовсе не из чувства особых симпатий к Советской России, а просто потому, что глава правительства и его сторонники более реалистически оценивали сложившуюся обстановку. Англия уже в последний год первой мировой войны не располагала достаточными военными силами для проведения такой операции. Приходилось считаться и с тем, что в британской армии усиливалось с каждым днем революционное брожение, под влиянием Октябрьской революции английский пролетариат энергично выступил в защиту молодой Советской Республики. К тому же у Англии возникли тогда значительные экономические и финансовые затруднения, вынудившие ее залезть в американскую долговую кабалу. Такого рода обстоятельства заставляли Ллойд Джорджа действовать более осмотрительно и искать иные способы борьбы с Советской Россией. Но, как справедливо писал Г. В. Чичерин, Ллойд Джордж не особенно сопротивлялся натиску своих более агрессивных коллег по кабинету. Оставаясь представителем английского империализма, он в конце концов «послушно пошел за близорукими работодателями Колчака и Деникина»⁵⁸.

Курс, взятый кабинетом Ллойд Джорджа в «русском вопросе» в целом и в отношении Юга России в частности, полностью подтверждает этот вывод. Выполняя заказ английской буржуазии о защите ее имперских притязаний, Ллойд Джордж стремился сразу решить две сложные задачи: а) ввести в заблуждение общественное мнение в самой Англии; б) достигнуть договоренности с Францией, которая намеревалась удовлетворить свои интересы также за счет Советской России.

Великобритания, расширившая зону влияния на Юге России до линии Петровск — Главный Кавказский хребет, включая Сочи, использовала буквально любую возможность для упрочения там своих позиций. В частности, она всемерно использовала конфликт между Деникиным и Грузией из-за Сочинского округа, оказывала давление на обе стороны с целью усиления здесь своего присутствия. Но Деникин, временно воздержавшись от захвата Сочи под давлением англичан, ждал лишь удобного момента для осуществления намеченных планов. Повод был легко найден. Грузинские националисты систематически громили армянские горные селения в Сочинском округе. Деникин стал создавать там армянские дружины, разумеется антигрузинского толка. В то же время помощник Деникина, генерал Драгомиров, преднамеренно заявил протест английскому командованию, настоятельно прося его воздействовать на меньшевиков прекратить антиармянские акции. Англичане, хорошо понимая подлинный смысл этого протеста,

вопрос решили с дальним прицелом в свою пользу. Они потребовали от меньшевистского правительства согласия на «нейтралитет» Сочинского округа. После некоторых безуспешных попыток воспрепятствовать такому решению вопроса меньшевики вынуждены были вывести оттуда свои войска. Но такой исход конфликта не устраивал Деникина, войска которого в случае продвижения к Сочинскому округу теперь сталкивались не с грузинскими, а с английскими частями.

В создавшихся условиях Деникин решил опередить события. Не дожидаясь прибытия англичан в «нейтральную зону», он по пятам отходящих грузинских войск двинул третий «добровольческий» офицерский полк в селение Лоо. Тогда английское командование остановило грузинские войска на р. Лоо и опубликовало в меньшевистской газете «Свободная мысль» решение о «нейтрализации» Сочинского округа.

4 января 1919 г. генерал Драгомиров заявил протест англичанам и потребовал от них признания Сочинского округа частью Черноморской губернии, находившейся в руках Добровольческой армии, и содействия немедленному вводу туда деникинских войск. Но интервенты сами стремились к оккупации Сочинского округа. Через пять дней начальник штаба английской военной миссии в Екатеринодаре подполковник Кийз передал генералу Драгомирову категорический приказ Уоккера: «Дальнейшее продвижение войск Добровольческой армии в Сочинский округ без предварительного соглашения (с ним) не должно иметь места...». Правда, на этот раз белогвардейцы, обычно покорные слуги империалистов Антанты, ослушались своего хозяина. Драгомиров на приказ Уоккера ответил новым протестом, а сам Деникин 29 января 1919 г. обратился с письмом-протестом к главнокомандующему британскими войсками на Ближнем и Среднем Востоке генералу Мильну⁵⁹.

Не ограничиваясь дипломатической перепиской, деникинцы спровоцировали в Сочинском округе «армянское восстание» и одновременное нападение на грузинские гарнизоны в Адлере, Горном и Верхнем Лоо и других местах. Грузинское правительство ответило на эти акции расправой над армянскими деревнями. «Восставшие» от имени «армян» обратились за помощью к «добровольцам», которые немедленно приступили к делу. Для «прекращения кровопролития» Деникин перебросил из Туапсе Приморский отряд. 6 февраля 1919 г., прорвав грузинскую оборону в районе р. Лоо, он двумя колоннами устремился к Сочи. К 11 час. следующего дня грузинский гарнизон в Сочи капитулировал. Захватив затем Адлер и Старые Гагры, к 10 февраля 1919 г. деникинцы вышли на р. Бзыбь, но вынуждены были подчиниться приказу английской военной миссии, прибывшей туда во главе с полковником Уайтом и потребовавшей прекратить военные действия.

Но Деникин спровоцировал «восстание» теперь уже в Сухумском округе, требуя от английского командования немедленного вывода оттуда грузинских войск, «нейтрализации». Однако на этот

раз английское командование решительно пресекло действия своего подопечного. Прибывший в Екатеринодар новый начальник английской военной миссии генерал Бриггс обвинил Деникина в нарушении постановления Парижской мирной конференции, «в игнорировании мнения» английского командования о необходимости разрешения вопроса о Сочинском округе мирным путем. Правда, Деникин не очистил последний, но вынужден был отказаться от притязаний на Сухумский округ.

Англичане пока не хотели портить отношения с Деникиным — своим главным ставленником на Юге России. Они принесли в жертву интересы грузинских меньшевиков и согласились с деникинским «обоснованием» захвата Сочинского округа. Вскоре Новороссийский и Туапсинский порты стали главными артериями деникинской армии. Антанта торопилась с организацией похода на Москву.

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 114.
- ² Там же. С. 396. ³ Там же. Т. 41. С. 350.
- ⁴ Ист. арх. 1957. № 2. С. 67—68.
- ⁵ *Marriot J. A. V. Anglo-Soviet Relations, 1869—1943. L., 1944. P. 177.*
- ⁶ Французы в Одессе: Из белых мемуаров. Л., 1928. С. 10.
- ⁷ История дипломатии. М., 1965. Т. 3. С. 168.
- ⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 118.
- ⁹ Гражданская война в СССР. М., 1980. Т. 1. С. 301.
- ¹⁰ ЦГАОР СССР. Ф. 1258. Оп. 1. Д. 7. Л. 33.
- ¹¹ Архив русской революции. Т. 5. С. 238.
- ¹² Белый архив. Париж, 1928. Т. 2—3. С. 187.
- ¹³ Доклад Отдела иностранных дел Всевеликого Войска Донского Большому Войсковому кругу. Новочеркасск, 1919. С. 13.
- ¹⁴ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж. Б. г. Т. 5. С. 37.
- ¹⁵ Гражданская война в СССР. Т. 1. С. 302.
- ¹⁶ История гражданской войны в СССР. М., 1958. Т. 3. С. 220.
- ¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 244.
- ¹⁸ Там же. Т. 38. С. 277. ¹⁹ Там же. Т. 37. С. 127.
- ²⁰ Цит. по: Из истории гражданской войны в СССР. М., 1960. Т. 1. С. 57.
- ²¹ Там же. С. 58. ²² Там же. С. 59—60.
- ²³ Подробнее см.: глава 4, § 6.
- ²⁴ Из Истории гражданской войны в СССР. Т. 1. С. 83.
- ²⁵ Там же. С. 86, 87.
- ²⁶ *Brinkley G. Op. cit. P. XLL; Bradley J. Op. cit. P. 131.*
- ²⁷ Цит. по: Хмелевский К. А., Хмелевский С. К. Буря над тихим Доном. Ростов н/Д, 1984. С. 86.
- ²⁸ Архив русской революции. Т. 5. С. 308—309.
- ²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 3.
- ³⁰ Цит. по: История внешней политики СССР. М., 1976. Т. 1. С. 98.
- ³¹ Архив полковника Хауза. М., 1944. Т. 4. С. 152.
- ³² Цит. по: Штейн Б. Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919—1920 гг.). М., 1949. С. 63.
- ³³ Ахундов Б. Ю. Монополистический капитал в дореволюционной бакинской нефтяной промышленности. М., 1959. С. 46.
- ³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 7.
- ³⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 3718. Оп. 2. Д. 40. Л. 28.
- ³⁶ Правда. 1918. 5 нояб. ³⁷ Народная власть. 1918. 8 окт.
- ³⁸ Там же. 14 нояб. ³⁹ Там же. 8 окт. ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же. 14 нояб. ⁴² Там же. ⁴³ Там же. 15 нояб.
- ⁴⁴ Там же. ⁴⁵ Там же.

- ⁴⁶ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане (1917—1921 гг.): Сб. документов и материалов. М., 1958. С. 200.
- ⁴⁷ Съезды народов Терека. Орджоникидзе, 1978. Т. 2. С. 254.
- ⁴⁸ За власть Советов в Кабарде и Балкарии: Сб. документов и материалов. Нальчик, 1957. С. 122.
- ⁴⁹ За власть Советов в Кабарде и Балкарии. С. 122.
- ⁵⁰ Красный арх. 1935. № 68. С. 137.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Народная власть. 1918. 6 дек.
- ⁵³ Съезды народов Терека. Т. 2. С. 254.
- ⁵⁴ Галоян Г. Б. Борьба за Советскую власть в Армении. Ереван, 1957. С. 108.
- ⁵⁵ Фишер Л. Империализм нефти. М.; Л., 1927. С. 24—25.
- ⁵⁶ Financial News. 1918. Dec. 24.
- ⁵⁷ Ллойд Джордж. Военные мемуары. М., 1938. Т. 5. С. 88.
- ⁵⁸ Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 234.
- ⁵⁹ Козлов А. И. Борьба трудящихся Черноморья за власть Советов. Ростов н/Д, 1972. С. 79.

1. Отражение Советской Республикой натиска контрреволюции на Юге России в конце 1918 — начале 1919 г.

Несмотря на противоречия в борьбе за раздел богатейших районов России, империалисты были едины в своем стремлении к быстрейшему сокрушению Советской власти. Сначала Антанта делала ставку на свои вооруженные силы, действия которых строго должны были координироваться с действиями внутренней контрреволюции. В этих целях решено было все белогвардейские армии Юга России подчинить одному центру, который бы, в свою очередь, строго руководствовался приказами и установками верховного командования союзнических войск.

Для выработки единого плана борьбы внешней и внутренней контрреволюции против Советской Республики во второй половине ноября 1918 г. при Ставке союзного командования на Востоке в г. Яссы было созвано совещание представителей Антанты и русской белогвардейщины. На этом совещании русскую контрреволюцию представляли десятки различных буржуазно-помещичьих организаций: «Совет государственного объединения России», «Центральный военно-промышленный комитет», «Национальный центр», эсеро-меньшевистский «Союз возрождения», а также министры бывшего Временного правительства. От стран Антанты присутствовали их дипломатические представители в Румынии: Вопичка (США), Барклей (Англия), Сент-Олер (Франция)¹. Совещание разработало новый план мобилизации сил для совместной борьбы внешней и внутренней контрреволюции против Советской власти.

Несмотря на внутренние распри, белогвардейцы были единодушны в просьбах к Антанте не медлить с развертыванием интервенции. Без помощи союзников, писал Краснов командующему антантовскими войсками на Востоке, освободить Россию невозможно. Если нам помогут только деньгами, оружием и др., борьба затянется на один-два года, считал атаман. Если к тому же пришлют еще 3—4 корпуса войск (90—120 тыс.), тогда в 3—4 месяца можно освободить от большевиков всю Россию. В заключение глава «Всевеликого Войска Донского» просил союзное командование, чтобы уже теперь опытные генералы французских, английских или американских войск прибыли бы в Новочеркасск для ознакомления с положением на фронте².

Краснову вторил Деникин. В записке, направленной командующему союзными армиями, он подробно излагал перспективы совместного похода антантовских и белогвардейских войск на Москву с южного плацдарма и настаивал на срочной присылке

в южные районы России 18 пехотных и 4 кавалерийских дивизий интервентов. Записку заключал подробный перечень всех видов снабжения, необходимых Добровольческой и Донской белым армиям³.

Свои просьбы ускорить отправку антантовских войск участники совещания объяснили опасениями, что в связи с крахом германской интервенции южные районы могут быть быстро заняты Красной Армией. «Большевистские войска,— говорилось в телеграмме из Ясс 20 ноября 1918 г. в Париж,— особенно угрожают северной границе Украины, что впоследствии может привести к уничтожению связи между Украиной и Доном... В случае если эта угроза осуществится, угольные залежи Дона со всеми его богатствами, которые необходимо было вывезти, а также металлургические заводы и довольно значительные военные склады попадут в руки большевиков»⁴. Авторы телеграммы считали необходимым незамедлительную присылку войск для занятия Одессы, Киева и Харькова. Они предлагали также, чтобы правительства Антанты опубликовали специальную декларацию, в которой бы ясно говорилось о поддержке «элементов порядка» (т. е. белогвардейцев.— *Авт.*) в России⁵.

Антанта не скупилась на посулы. В письме Деникину от его представителя при штабе войск Антанты в Румынии Д. Щербачева выразилось полное удовлетворение результатами переговоров с командующим союзническими силами на Черном море генералом Бертелло. Белогвардейцам было обещано, что в ближайшее время против Советов будут двинуты 12 дивизий и быстро будут заняты англо-французскими отрядами не только Одесса и Севастополь, но и Киев, и Харьков с Криворожским и Донецким бассейнами, Дон и Кубань, «чтобы дать возможность Добровольческой и Донской армиям прочней организовать и быть способными для более широких активных операций». Обещано было также передать деникинцам запасы бывшего Румынского фронта⁶.

Посланцу Краснова генерал Бертелло подтвердил, что Донской армии, как и Добровольческой, будет оказана материальная поддержка. Этим обещанием предприимчивые донцы не преминули тотчас же воспользоваться. Они получили на румынских складах и отправили в Новочеркасск 5500 винтовок, около 200 тыс. патронов, 47 пулеметов, 1000 верст телеграфного кабеля и другое снаряжение⁷.

Антанта требовала объединения контрреволюционных групп на Юге России и подчинения их себе в военном, политическом и экономическом отношениях. Только так, считала она, можно укрепить и расширить антисоветский плацдарм в южных и юго-восточных районах Европейской России, организовать эксплуатацию этого богатейшего края, создать там крупные вооруженные силы, снабдить их всем необходимым и развернуть наступление на центр Советской Республики — Москву. В Добровольческой армии они видели наиболее надежное и боеспособное ядро антисовет-

ских формирований и добивались, чтобы Деникин стал главнокомандующим всеми белогвардейскими силами на Юге.

Интервентам пришлось приложить усилия, чтобы помочь Деникину преодолеть сопротивление не только Краснова, но и верхушки кубанского казачества. Деникин вынужден был даже переместить свои центральные органы с Кубани в Ставрополь, а полевые штабы — в Ставропольскую и Черноморскую губернии. Однако и в Черноморье Деникин наткнулся на противодействие меньшевистского грузинского правительства, следствием которого были уже описанные военные действия в районе Сочинского округа.

Но интервенты Антанты настойчиво добивались подчинения всех белогвардейских сил Юга России Деникину. Краснов через своего агента при штабе Добровольческой армии генерала Ажинова пригласил в Новочеркасск главу англо-французской миссии Пуля, которому готовил «достойную встречу» и, разумеется, перечень просимых для своего войска вооружения, снаряжения и т. д. Однако представители «союзников» решительно выступили против его сепаратистских попыток уклониться от подчинения командующему Добровольческой армии, сохранить самостоятельность белоказачьих формирований, ибо это ослабляло антисоветский лагерь, затрудняло его подготовку к общему наступлению на Москву. Еще в Яссах союзники потребовали подчинения Донской армии Деникину и ухода в отставку Краснова. В подтверждение этих требований французское командование распорядилось ничего не давать донцам из грузов, прибывших первым транспортом в Новороссийск. Тщетно Краснов добивался получения антантовской помощи в обход командования Добровольческой армии, ссылаясь на тяжелое положение Донского фронта. В ответ на все просьбы глава британской миссии в Екатеринодаре генерал Пуль заявлял: единое командование — основа для дальнейших переговоров⁸.

Донские сепаратисты вынуждены были уступить. К этому толкало и положение на фронте. Растущее брожение в рядах белоказачьей армии и отсутствие резервов вынуждали атамана настоятельно просить командование Добровольческой армии о помощи. На совещании с Деникиным 8 января 1919 г. на станции Торговая Краснов признал единое командование. Донская армия вошла в состав так называемых «вооруженных сил Юга России», возглавляемых Деникиным⁹.

Под начальством последнего оказались весьма значительные силы: в войсках Краснова — около 76,6 тыс. штыков, 50,2 тыс. сабель; в частях Добровольческой армии — 82,6 тыс. штыков, 12,7 тыс. сабель¹⁰. Правда, Донская армия сохранила известную автономию, подчиняясь в политико-административном отношении Войсковому кругу, но в целом объединение южнороссийской контрреволюции усиливало ее, вселяло в организаторов интервенции уверенность, что намеченная программа наступления «должна быть осуществлена решительно и как можно скорее»¹¹.

Но при всех обстоятельствах объединенные силы внутренней контрреволюции должны были действовать в строгом соответствии с планами союзного командования. Внутренняя реакция, готовая на любое предательство, измену Родине и своему народу во имя защиты своих классовых интересов, охотно подписала под диктовку своих хозяев на совещании в Яссах так называемое «обращение» к державам Антанты с просьбой о вооруженном вмешательстве в дела России для свержения ненавистой Советской власти. Тем самым империалисты Антанты попытались создать видимость «законности» и «обоснованности» своего открытого военного вторжения в Советскую Россию осенью 1918 г. Собственно, уже до Ясского совещания подробный план интервенции Антанты был разработан почти во всех деталях. Здесь речь могла идти лишь об уточнении деталей и вопросов взаимодействия с российской контрреволюцией.

Как подчеркивалось в письме маршала Фоша, руководившего разработкой этого плана интервенции, на имя главы французского правительства Клемансо от 20 ноября 1918 г., в результате осуществления указанного плана державы Согласия, полностью овладев Украиной и объединив все местные контрреволюционные силы, должны были создать условия для их прочных контактов как с Деникиным и Красновым, так и с польской контрреволюцией на Северо-Западе.

Практическое осуществление этого плана интервенции было возложено на главнокомандующего союзными силами в Румынии, Трансильвании и на Юге России французского генерала Бертелло, который должен был в первую очередь обеспечить захват черноморских портов и главных экономических центров и железнодорожных узлов Украины.

Для окончательного согласования с Бертелло планов своих действий и получения конкретных установок в его штаб в Бухарест были направлены генерал Щербачев (от Деникина), генерал Сазонов (от Краснова). Перед командованием Добровольческой и Донской армий Бертелло поставил важнейшую задачу — в ближайшее время под прикрытием и при активной помощи союзных войск создать новые крупные воинские формирования на Юге страны, которые должны были действовать в полном контакте с войсками Антанты. «Только при таком условии,— сообщал Деникину его представитель из Бухареста,— будет обеспечено скорейшее наступление всех русских южных армий под единым командованием на Москву»¹².

Таким образом, империалисты приступили к практическим действиям. 23 ноября 1918 г. корабли англо-французской эскадры появились на новороссийском рейде. Через несколько дней интервенты высадились в Одессе и Севастополе. Постепенно при помощи флота антантовские войска захватили почти все черноморские порты. В Черном море действовала объединенная англо-французская эскадра, насчитывавшая 12 линкоров, 10 крейсеров и 10 миноносцев¹³.

В захваченные порты стали прибывать транспорты с оружием, снаряжением и обмундированием для белогвардейцев. На Дон и Кубань союзным командованием были направлены специальные миссии для руководства боевыми действиями деникинцев и белоказаков. На двух миноносцах из Севастополя в Мариуполь прибыли капитаны французской службы Бонд и Ошен, проследовавшие затем в Новочеркасск. К Деникину в Екатеринодар явилась англо-французская миссия, возглавляемая генералом Ф. Пулем, бывшим командующим британскими интервенционистскими войсками на русском Севере.

Укреплению позиций контрреволюции на Юго-Востоке содействовало также развертывание английской интервенции в Закавказье. Командование Добровольческой армии освобождалось от необходимости заботиться об охране своего тыла от выступлений горских народов. Эту обязанность взяло на себя по соглашению с интервентами грузинское меньшевистское правительство после того, как был исчерпан конфликт с Деникиным. Таким образом, Деникин получил возможность сосредоточить все силы против Красной Армии.

По плану, разработанному штабом генерала Бертелло, наступление объединенных сил интервентов и белогвардейцев с черноморских плацдармов намечалось на вторую половину декабря 1918 г. Не менее 10 тыс. солдат и офицеров должны были устремиться по трем операционным линиям: из Одессы, Херсона и Николаева в направлении Киева и Калуги; из Севастополя через Харьков и Курск и из Мариуполя в направлении Купянск, Воронеж. Конечной целью предполагавшегося наступления являлся захват Москвы и свержение Советской власти¹⁴.

Во всех белогвардейских газетах в связи с планируемым наступлением было опубликовано обращение командующего силами Антанты генерала Бертелло к населению Юга, в котором объявлялось о решении союзников высадить свои войска в южной России, «чтобы дать возможность благонамеренным жителям восстановить порядок». Генерал обещал снабдить население «все, в чем вы нуждаетесь», призывал встретить его войска с доверием¹⁵. Обращение, широко распространенное в частях Донской и Добровольческой армий, было призвано поднять дух белогвардейцев, вселить веру в мощь Антанты.

Центр тяжести борьбы Советского государства переместился на Юг. Поставив в связь усилившийся нажим войск Краснова и Деникина с приготовлениями Антанты, В. И. Ленин еще в конце октября 1918 г. указал на исключительное значение Южного фронта для судеб Республики: «Южный наш фронт не есть фронт единичный,— это фронт против всего англо-французского империализма, против самого могущественного врага в мире...». На укрепление его, на создание и вооружение несравненно более могучей Красной Армии, говорил вождь Коммунистической партии, необходимо обратить самое усиленное внимание¹⁶.

Задача состояла в том, чтобы упредить врага и организовать разгром контрреволюционных сил на Юге до того, как они получат в больших размерах помощь от Антанты, активизировать деятельность большевистского подполья и повстанческо-партизанского движения в тылу белогвардейцев. Была проведена серьезная и всесторонняя подготовка к наступлению: укреплена дисциплина в войсках и развернута работа по политическому воспитанию бойцов и командиров; армии Южного фронта были пополнены частями и соединениями, переброшенными с других участков; фронт получил значительное количество вооружения и боеприпасов. Сосредоточив на северных рубежах Донской области крупные силы, советское командование в декабре 1918 г. обеспечило значительный перевес над противником на решающих направлениях.

Наступление против армии Краснова становилось, по определению В. И. Ленина, общестратегической задачей¹⁷. Освобождение от врага Донской области и Донецкого бассейна обеспечивало Республику хлебом и топливом, перекрывало пути выхода Деникина с Северного Кавказа, облегчало условия для освобождения Украины. Последнее было крайне важно, чтобы не допустить расширения плацдармов антантовских десантов на Юге, сорвать планы развертывания «союзнических» сил.

4 января 1919 г. 8-я и 9-я армии Южного фронта перешли в наступление. Их удары по врагу на верхнем Дону позволили войскам 10-й армии отбить атаки противника на Царицын и также перейти в наступление. Под влиянием поражений на фронте и революционной агитации коммунистов-подпольщиков развалился красновский тыл. Рядовые казаки массами бросали позиции и расходились по домам. На ростовских и таганрогских заводах вспыхнули забастовки. Подпольщики создавали боевые дружины и готовили восстание при приближении Красной Армии.

Тщетно донской атаман пытался задержать катастрофический развал своего воинства. Напрасно он сыпал угрозами и сеял лживые обещания. «Передайте доблестным хоперцам, — говорил Краснов полковнику Савватееву, — что час спасения наступает, необходимо продержаться одну-две недели. В конце января авангарды английской пехоты прибывают в мое распоряжение и будут двинуты на северный фронт...»¹⁸

Однако ни английской, ни французской пехоты на Дон не прибыло. Краснов и Деникин в многочисленных телеграммах в Бухарест и Париж буквально умоляли антантовское командование срочно направить на Дон хотя бы одну-две дивизии. «Единственная опора, поддерживающая казаков, — говорилось в памятной записке донской белоказачьей делегации на Парижскую мирную конференцию, — это надежда на помощь союзников...» Новочеркасску вторил Екатеринодар. Деникин взывал к «солдатскому сердцу» главнокомандующего армиями Антанты маршала Фоша: «Скажите правительствам, что мы истекаем

кровью». 2 февраля 1919 г. он писал генералу Франшэ Д'Эспере: «В течение трех месяцев юг России ждет реальной помощи союзников. Вооруженные силы союзников за это время заняли некоторые пункты территории России, где их присутствие или вовсе не вызывалось русскими интересами, или силы эти могли быть значительно меньше. Я несколько раз просил хоть небольшой отряд для Дона... Отказ в этом привел к разложению Дона, потери 1/2 территории»¹⁹.

Возмущение командующего Добровольческой армией поведением союзниками «русских интересов» по меньшей мере наивно. Ему-то хорошо было известно, что Антанта преследовала в «русской экспедиции» прежде всего свои выгоды. Что касается присылки на Донской фронт обещанных дивизий, то дело заключалось не в пренебрежении чьими-либо интересами, а в том, что посылаемые в Россию интервенционистские войска оказались неустойчивыми. Командование объединенными силами интервентов делало отчаянные попытки остановить быстро растущий процесс разложения в войсках на Юге России. Бертелло почти умолял Париж немедленно отозвать из России неспособные к дальнейшей борьбе с Красной Армией войска, находившиеся под его командованием. Но на помощь ему спешно был направлен в марте 1919 г. Франшэ Д'Эспере.

Приняв революционную Россию за обыкновенную колонию, сей самонадеянный генерал в беседе с французскими штабными офицерами в Одессе рекомендовал им испытанный метод — «не стесняться с русскими» и расстреливать их за малейшую провинность. Правда, к этому времени интервенты уже успели применить в оккупированных советских районах и массовые расстрелы, и жестокие пытки, и бесчеловечные насилия и грабежи. Однако чудовищный вандализм способствовал лишь усилению ненависти и презрения советских людей к внешней и внутренней контрреволюции.

Несмотря на то что вооруженные силы интервентов и белогвардейцев значительно превосходили силы Красной Армии на Юге страны особенно по вооружению и технике, широко разрекламированный план похода на Москву с треском провалился. Если не считать захвата Крыма при деятельном участии местной контрреволюции, то интервенты к февралю 1919 г. овладели всего лишь небольшим плацдармом в районе Одессы, Херсона, Николаева и вышли на линию Тирасполь — Бирзула — станция Мартыновка до Николаева и Херсона. Империалисты не смогли трезво оценить не только возросшую мощь Красной Армии, но и рост движения солидарности с Республикой Советов в капиталистическом мире. Начиная вторжение в нашу страну, они и не предполагали, что под влиянием идей Октября начнется столь бурное революционное брожение в самих интервенционистских войсках на Севере и Юге России.

Антанта вынуждена была признать фактический провал своих планов на Юге Советской Республики. 21 января 1919 г. на засе-

дании Совета десяти Парижской мирной конференции Ллойд Джордж мрачно говорил: «Великобритания имеет в настоящее время в России 15—20 тыс. солдат, чтобы предотвратить разложение антибольшевистских правительств, необходимо дополнительно послать около 150 тыс. Но солдаты не хотят воевать и требуют возвращения на родину. Если Британия попытается послать новые войска в Россию, они восстанут»²⁰.

«Среди буржуазии и правительств Антанты,— писал в этой связи В. И. Ленин,— замечаются теперь некоторые колебания. Часть видит, что разложение союзнических войск в России... уже начинается; — что продолжение военного вмешательства и попытки победить Россию, требующие миллионной оккупационной армии на долгое время, что этот путь есть вернейший путь для самого быстрого перенесения пролетарской революции в страны Антанты... Другая часть буржуазии в странах Антанты стоит по-прежнему за военное вмешательство в России, за „экономическое окружение“ (Клемансо) и удушение Советской республики»²⁰.

Ратуя за удушение Советской Республики, Клемансо вынужден был тогда официально заявить: «Как только будет отдан приказ французским войскам идти против России, они немедленно восстанут»²¹. В результате провала планов интервенции, а также целенаправленной разъяснительной работы большевиков среди войск оккупантов апрель 1919 г. ознаменовался восстанием матросов на кораблях французской эскадры во главе с Андре Марти под лозунгом «Да здравствует Советская власть».

События разворачивались столь стремительно, что 2 апреля 1919 г. командование интервентов было вынуждено отдать приказ об эвакуации не только Одессы, но и всей зоны, оккупированной войсками Антанты. В апреле же английские войска были вынуждены покинуть Закаспий, а несколько позже, в августе,— Баку.

Эвакуация войск интервентов превратилась в позорное бегство. Так бесславно закончилась еще одна попытка империалистов Антанты с помощью собственных войск уничтожить Советскую власть в России.

2. Антанта — организатор деникинского наступления на Москву в 1919 г.

Оказавшись банкротом в борьбе с Советской Республикой собственными войсками, Антанта вынуждена была изменить формы и методы интервенции. Теперь она решила сделать ставку на формирование российской контрреволюции и армии сопредельных с Россией малых буржуазных государств.

Готовя новый виток военной интервенции в Россию, Антанта прибегла к дипломатическим маневрам. Совет десяти выдвинул предложение созвать в середине февраля 1919 г. на Принцевых островах в Мраморном море совещание представителей всех «воюющих» группировок в России якобы для выработки с полномоченными великих держав условий восстановления мира в

стране. 22 января 1919 г. этот совет одобрил написанное президентом США Вильсоном «Обращение к русским политическим группировкам». В документе лицемерно-торжественно заявлялось о признании абсолютного права русского народа «устраивать свои собственные дела без какой бы то ни было диктовки, или без указания извне», о «признании революции», об отказе «давать поддержку каким-либо посягательствам контрреволюции и т. д.». Вильсон по согласованию с Ллойд Джорджем направил в Москву атташе при американской делегации на Парижской конференции Буллита для встречи с советскими руководителями²². Но, как впоследствии писал У. Черчилль, именно в этот период началась усиленная работа по выработке плана новой интервенции. В частности, им было предложено создать Союзный совет по русским делам в качестве англо-американо-французского штаба интервенции.

Военный комитет этого совета должен был исходить из того принципиального положения, что державы Согласия не имели в своем распоряжении надежной армии, способной воевать против Советской России. Командующий союзными войсками французский маршал Фош представил план нового этапа интервенции в России. 25 февраля 1919 г. он обсуждался на заседании. Решено было поднять против России малые государства, окружавшие Советскую Республику. Совместно с белогвардейскими армиями они должны были образовать непрерывное кольцо антисоветских фронтов. Снабжение всех армий и общее руководство крестовым походом против Советской Республики должны были быть сосредоточены в руках главного командования Антанты.

Надеясь ввести в заблуждение и обмануть Советское правительство, державы Согласия предложили на время совещания прекратить военные действия²³. Тем самым они попытались сорвать успешное наступление Красной Армии на Южном и других фронтах и дать белым армиям время полностью отомобилизоваться для решительного наступления на Москву. Организаторы политической авантюры были уверены, что Советское правительство откажется от участия в указанном совещании, тем более что оно не получило официального приглашения. В таком случае империалисты попытались бы обвинить Советское правительство в отказе от поисков путей быстрее окончания гражданской войны в стране. Но правительство РСФСР разгадало подлинный смысл затеи империалистов и объявило по радио о готовности не только участвовать в работе конференции, но и пойти на серьезные экономические и территориальные уступки ради прекращения вмешательства империалистов в дела России и получения для народов возможности строить мирную жизнь. Размеры и характер предполагаемых уступок, подчеркивалось в ноте НКВД от 4 февраля 1919 г., будут зависеть от военного положения Советской Республики по отношению к державам Согласия, причем в настоящее время это положение с каждым днем улучшается. В ноте далее перечислялись успехи Красной Армии на Северном,

Восточном и особенно Южном фронте и на Украине в последние дни²⁴.

От имени Советского правительства В. И. Ленин заявил о согласии в основном и с условиями, которые Буллит передал ему от имени США и Англии²⁵. В советском ответе Буллиту, врученном ему 14 марта 1919 г., выдвигалось требование о немедленном выводе всех интервентов из России и прекращении поддержки всех проантантовских правительств. Вместе с тем В. И. Ленин считал весьма важным продолжение энергичного наступления на всех фронтах, чтобы сорвать планы Антанты закрепиться на окраинах страны и обеспечить Республике более прочные позиции на предстоящих переговорах. Он писал председателю Реввоенсовета: «Вильсон предлагает перемирие и вызывает на совещание все правительства России. Боюсь, что он хочет закрепить за собой Сибирь и часть Юга, не надеясь иначе удержать почти ничего. Это обстоятельство в связи с взятием Оренбурга, Луганска и Черткова заставляет нас, по-моему, напрячь все силы, чтобы в месяц взять и Ростов, и Челябинск, и Омск»²⁶.

Войскам Южного фронта в начале февраля 1919 г. была поставлена боевая задача, конечной целью которой являлось овладение Ростовом и Новочеркасском, выход на линию Великокняжеская — Ростов — район Донецкого бассейна²⁷. Несмотря на весеннюю распутицу, нехватку резервов, боеприпасов и продовольствия, утомленность длительными переходами, советские войска рвались вперед. Разбитые части белоказачьей армии спешили отойти на рубежи по рекам Северский Донец и Маныч.

На собравшемся 14 февраля Большом Войсковом круге командующий Донской армией генерал Денисов вынужден был признать развал фронта и полное расстройство тыла. «Если нам не будет оказана посторонняя помощь, — заключил он, — то вряд ли удержим все то, чем завладели»²⁸. Командарм, а вслед за ним Краснов, в которых делегаты круга видели непосредственных виновников поражений, подали в отставку. Донским атаманом был избран сторонник Деникина А. П. Богаевский. Казачья контрреволюция переживала глубокий кризис. Разложение армии, выступления многих рядовых казаков против войны с Советской властью свидетельствовали о провале расчетов российской и международной реакции на Донскую область как на монолитный, внутренне сплоченный антисоветский плацдарм. Подчинение казачьих верхов великодержавной помещичье-буржуазной диктатуре Деникина призвано было задержать эти процессы.

Попытка при помощи приглашения РСФСР на Принцевы острова добиться приостановки военных действий Красной Армии провалилась. Провокационный замысел не удался. Империалисты поспешили похоронить идею совещания, «посоветовав» белогвардейским правительствам отказаться от участия в нем, активизировали поддержку силам российской контрреволюции и соседним с Россией буржуазным государствам. Дону и Северному Кавказу отводилась ведущая роль. Возрастало значение деникинских полчищ.

Антанта даже в момент подготовки наступления на Москву силами своих войск осенью 1918 — зимой 1919 г. стремилась подчинить Деникину всю внутреннюю контрреволюцию на Юге России. Теперь же, окончательно похоронив планы уничтожения Советов своими силами, она видела в нем основную там опору. Теперь только ему она оказывала всемерную помощь вооружением, военной техникой и кредитами, принимала меры к окончательному подчинению ему всего белого движения в этом регионе. Даже закавказские буржуазно-националистические правительства Антанта принудила оказывать Деникину необходимую поддержку и помощь. Но Англию не устраивало стремление Деникина распространить свое влияние на Закавказье. Командующий находившимися там английскими войсками генерал Форестье Уоккер строго запретил пропаганду, направленную на воссоединение Закавказья с Россией, а деникинским офицерам закрыл въезд в Батум. Более того, на мирной конференции в Париже англичане добивались превращения Батума в «свободное государство» под протекторатом Лиги Наций. Даже когда этот проект не прошел, они еще долго цеплялись за этот важный порт и город, пока не вынуждены были передать его меньшевистскому грузинскому правительству. Однако эти частные спорные вопросы не были помехой на пути тесного сотрудничества между правительством Ллойд Джорджа и Деникиным. Командующий Добровольческой армией писал позже, что «с февраля начался подвоз английского снабжения. Недостаток в боевом снаряжении с тех пор испытывали редко»²⁹. Это была открытая интервенция. Но Ллойд Джордж 16 апреля 1919 г. в палате общин упрямо твердил фактам и логике вопреки, что помощь белогвардейским генералам России деньгами и оружием не является «отступлением от основной политики Англии — невмешательства во внутренние дела какой-либо страны»³⁰.

Активная помощь и поддержка империалистов Антанты позволили Деникину в конце 1918 — начале 1919 г. развернуть решительные боевые операции против частей Красной Армии. Отрезанная от центра страны, лишенная регулярного снабжения боеприпасами, снаряжением, медикаментами, уничтожаемая тифом, 11-я Красная Армия, противостоявшая Деникину полгода, начала откатываться на восток, неся огромные потери. Несколько позднее Г. К. Орджоникидзе писал: «С начала зимы раздетые солдаты стали болеть. Тиф стал свирепствовать. К началу января мы имели уже 50 тыс. тифозных... Армия, раздетая, больная, без денег и без вооружения, все более и более теряла веру в самое себя. Началось разложение. Для провокаций создалась богатая почва. Агенты Деникина ловко пользовались нашей разрухой. И вот началось бегство всей армии»³¹.

В этих условиях Кавказский краевой комитет партии, Чрезвычайный комиссар Юга России Г. К. Орджоникидзе предпринимали героические усилия, чтобы спасти Северо-Кавказскую республику и хотя бы часть отступающей 11-й Красной Армии. 19 декабря

1918 г. был образован Совет Обороны Северного Кавказа во главе с Г. К. Орджоникидзе. Были мобилизованы все людские и экономические ресурсы края для борьбы с наступающими войсками Деникина. 29 декабря 1918 г. было опубликовано обращение Кавказского крайкома РКП(б), Чрезвычайного комиссара Юга России Г. К. Орджоникидзе, Председателя СНК Терской республики, Председателя Крайисполкома Советов Северного Кавказа и Председателя Реввоенсовета 11-й армии «Ко всем трудящимся Северного Кавказа», в котором разоблачались захватнические, антинародные цели внешней и внутренней контрреволюции, пытавшейся «отторгнуть от России Северный Кавказ и передать наши области на расхищение английским капиталистам, вернуть земли князьям и помещикам и власть губернаторам и атаманам»³².

В руках Совета Обороны сосредоточивалась вся полнота власти. Крайисполком Советов Северного Кавказа был упразднен, а все его учреждения перешли в ведение Совета Обороны. Все трудящиеся края призывались «к дружной, единой совместной работе»³³. Под руководством Кавказского крайкома РКП(б) 2 января 1919 г. в г. Владикавказе открылся чрезвычайный съезд Северо-Кавказской организации РКП(б). Он мобилизовал всех коммунистов, всех трудящихся, всех, кому были дороги революция и Советская власть, на смертельную схватку с армией Деникина, вдохновляемой и направляемой империалистами Антанты. Дни защиты последней цитадели Советской власти на Северном Кавказе стали днями подлинного массового героизма трудящихся масс всех национальностей, населявших край. «Там, на Северном Кавказе,— писала газета «Правда» несколько раньше,— наши силы велики, очень велики... ибо за нас стоит один крупный фактор — это горцы... Тот, кто знает, какую боевую силу представляют из себя эти народы, не может сомневаться в исходе борьбы»³⁴.

Только исчерпав все возможности борьбы с врагом на Северном Кавказе, было принято решение временно оставить пределы этого региона. Надо было любой ценой сохранить остатки частей революционной армии, кадры партийных и советских работников для последующей борьбы с врагом. Удержаться в условиях зимы в горной части Осетии, Балкарии, Ингушетии, Чечни и продолжать вооруженную борьбу с врагом при отсутствии значительных запасов продовольствия и боеприпасов было невозможно. Основная масса воинских подразделений и безоружного гражданского населения была вынуждена отступать по Дарьяльскому ущелью в меньшевистскую Грузию. Это прекрасно знали не только деникинцы, преследовавшие по пятам отходивших, но и контрреволюционное правительство Грузии, командование английскими оккупационными войсками в Закавказье. В конечном счете именно английские интервенты решили судьбу тысяч людей, оказавшихся в безвыходном положении.

В тот трагический момент для народов Северного Кавказа английское правительство Ллойд Джорджа, «влюбленного» в

храбрых горцев, на деле убедительно продемонстрировало суть той «великой хартии свободы», которую оно так торжественно сулило им, призывая к борьбе против Советской власти в России. Тогда же показали еще раз свое подлинное обличье и рядившиеся в тогу «демократов» правительства закавказских буржуазно-националистических республик. Английские войска по приказу генерала Уоккера оседлали Дарьяльское ущелье и Военно-Грузинскую дорогу. По указке англичан в самой Грузии меньшевистское правительство загнало в подполье всех большевиков. Члены Кавказского крайкома, находившиеся в Закавказье, были посажены либо в тюрьмы, либо под домашний арест. Члены крайкома и другие видные коммунисты Грузии, возвращавшиеся с Северного Кавказа, были объявлены вне закона. При подходе отступавших частей и гражданского населения к границам Грузии членам крайкома С. Кавтарадзе и Л. Думбадзе, вступившим в длительные переговоры с председателем меньшевистского грузинского правительства Жорданием, было цинично заявлено, что через границу будут пропущены только лица грузинской национальности. Более 3 тыс. красноармейцев, партийно-советских работников, женщин и детей* оказались в ужасном положении. Лжесоциалисты без содрогания сердца отдавали их на растерзание деникинцам. Члены крайкома категорически заявили протест против этого решения и потребовали неременного пропуска всех отступающих. Наконец, разрешение было получено³⁵. Но не по гуманным соображениям пропускались они в Грузию, а потому, что Жордания польстился на богатые военные трофеи и деньги отступавших³⁶.

2 февраля 1919 г. министр иностранных дел Грузии был уведомен Уоккером, что британский отряд в Казбеки будет состоять из 400 человек из всех родов войск. «Мой отряд в Казбеки, — писал генерал, — будет отвечать только за охрану Дарьяльского ущелья против большевиков, но сохраняя за собой право контроля на дороге всех лиц с целью недопущения сношений с большевиками»³⁷. 13 февраля он согласился обезоружить «большевиков в Казбеки, провести по Военно-Грузинской дороге под охраной и интернировать их в Мцхете». Далее он категорически потребовал от Жордании строго охранять большевиков, подчеркивая: «Я должен просить Ваше превосходительство дать мне письменные заверения относительно этого»³⁸. В письме особо оговаривалась выдача «любых беженцев-большевиков из Владикавказа, замешанных в аресте британской миссии во Владикавказе, независимо от национальности...». «Это условие, — указывалось, — касается

* Согласно официальным данным меньшевистского грузинского правительства, только через Тифлисский городской питательный пункт прошли 4500 человек. Кроме того, было зарегистрировано «до 500 случаев заявлений различных лиц о принадлежности к интернированным большевикам, отставшим в пути или перешедшим нашу границу через Ингушетию и т. д.». См.: Центральный Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства ГССР. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1. Л. 4, 5а, 5б. (Далее: ЦГАОРСС ГССР).

также всех большевистских лидеров, суд над которыми... может показаться желательным британскому командованию»³⁹.

Через несколько дней после интернирования основной группы защитников Владикавказа генерал Уоккер дает Жордани новую директиву. В его письме от 20 февраля 1919 г. говорилось: «Я пришел к заключению, что необходимо воспрепятствовать впредь вхождению большевиков в Грузию. А поэтому я шлю приказ офицеру, командующему британским отрядом в Казбеки, воспрепятствовать проходу большевиков через Казбеки. Дабы облегчить идентификацию действий против большевиков, попросил Добровольческую армию назначить одного офицера в помощь британскому коменданту, и я предлагаю, чтобы грузинское правительство сделало то же самое. Британский комендант откажет в проходе через Казбеки всем тем, против кого высказутся грузинский и добровольческий представители»⁴⁰.

Для того чтобы картина была вполне законченной, приведем еще один документ, показывающий зловещую роль британского империализма и его агентов на Кавказе, которые всеми доступными путями и средствами оказывали помощь внутренней контрреволюции, ведя истребительную борьбу с большевиками. 17 марта 1919 г. министр иностранных дел меньшевистской Грузии Гегечкори в письме начальнику английской миссии писал: «В ответ на письмо Вашего превосходительства... имею честь уведомить, что к выезду из Батуми в Новороссийск 600 казаков отряда Бичерахова со стороны грузинского правительства препятствий нет»⁴¹.

Правительство Жордания немедленно арестовало партийных и советских работников, прибывших из Северного Кавказа, и водворило их в Метехскую тюрьму. Особые меры по изоляции были приняты в отношении членов крайкома партии С. Кавтарадзе, Л. Думбадзе и др. У интернированных изъяли их личное имущество и ценности, не давали им пищи, не оказывали медицинской помощи. Со многими коммунистами меньшевистская охранка зверски расправилась еще по пути следования в Тифлис. Так, после жестоких пыток и издевательств были задушены и сброшены в реку Арагву нарком просвещения Терской республики Я. Л. Маркус и редактор газеты «Народная власть» Г. Н. Ильин. В Тифлисе раздетые, разутые и голодные красноармейцы, многие из которых были больны тифом, были обречены меньшевистским правительством на гибель.

Насилия над прибывшими с Северного Кавказа получили столь широкую скандальную огласку, что меньшевистское правительство вынуждено было образовать специальную комиссию для изучения положения на Военно-Грузинской дороге, которая полностью подтвердила факты грубого произвола и ограбления интернированных. Комиссия привела в своем докладе слова члена Кавказского крайкома РКП(б) С. Кавтарадзе: меньшевистская охранка способна «продать за деньги любую крепость»⁴².

В то же время, боясь усиления влияния большевиков в массах, меньшевики обрушили карательные меры как на прибывших коммунистов, так и на всех местных революционеров.

Особенно усилились репрессии после покушения на денкинского генерала Баратова в Тифлисе в сентябре 1919 г. За короткое время было арестовано 5 тыс. человек. Арестам подверглись прежде всего коммунисты и активные борцы за власть Советов, прибывшие с Северного Кавказа, значительную часть которых меньшевистское правительство выдало денкинским палачам для физической расправы. Сотни активных революционеров были уничтожены тайной полицией меньшевистского правительства без суда и следствия. Выполняя указания представителей Антанты, меньшевистское грузинское правительство категорически запретило вступать на свою территорию революционным деятелям, которые продолжали прибывать с Северного Кавказа. При этом оно не останавливалось ни перед каким преступлением, выслуживаясь перед империалистами. Показательными в этом отношении являются кровавые события, разыгравшиеся 8 апреля 1919 г. в районе крепости «Дарьял». Со стороны Ингушетии вышли на Военно-Грузинскую дорогу до 40 красноармейцев и партийно-советских работников. С ними были семьи Я. Бутырина, А. Гегечкори, Я. Маркуса. В группе находились командующий казачьими красноармейскими частями А. З. Дьяков, начальник штаба этих частей Ф. С. Тасуй, заведующий продовольственным отделом Владикавказского Совета депутатов Белых, член Грозненского Совета депутатов Кизиров и др. Все они питали надежду получить политический приют у меньшевистского правительства. Полковник Церетели, фактически представлявший не столько грузинское, сколько английское командование и денкинскую армию, по прибытии в крепость «Дарьял» арестовал женщин и детей, а мужчин в количестве 31 человека приказал обыскать и ограбить, после чего передал их денкинским палачам. 8 человек по дороге в Ларс бросились в бурлящий Терек, остальные частью были расстреляны казаками... частью раздеты догола, избиты и отправлены во Владикавказ»⁴³.

К весне 1919 г. определился провал плана Антанты на удушение Советской Республики преимущественно собственными силами. Начавшиеся волнения среди интервенционистских войск на Севере и Юге России и растущее движение демократической общественности в странах Запада против вмешательства в русские дела заставили империалистов убраться свои десанты.

Но свертывание прямой интервенции не означало отказа Антанты от продолжения вооруженной борьбы против Советской Республики. Новый план ее основывался на использовании сил внутренней контрреволюции и сопредельных с Советской страной буржуазных государств. Антанта готовила комбинированный поход. В. И. Ленин на чрезвычайном заседании пленума Московского Совета 3 апреля 1919 г. говорил: «Все силы международных капиталистов хотят нам дать этой весной последний бой»⁴⁴.

Штаб союзных армий 6 марта 1919 г. потребовал от адмирала Колчака, объявленного «верховным правителем России», подписать специальное соглашение, обязывавшее «русское верховное командование» исходить в своих военных действиях непременно из директивных установок «союзного верховного командования»⁴⁵. К белогвардейским главарям были приставлены специальные военные миссии с чрезвычайными полномочиями от союзного командования.

В итоге империалистам удалось собрать для осуществления нового генерального наступления на Москву внушительные силы. «...Сейчас военные силы, скопленные против нас,— говорил В. И. Ленин,— чрезвычайно велики»⁴⁶. Только в армии Колчака, которая, по замыслу Антанты, наносила главный удар по Республике, насчитывалось более 300 тыс. человек. Ее тылы прикрывали не менее 150 тыс. солдат и офицеров из стран Антанты. На юге страны Деникин сосредоточил более чем 100-тысячную армию. Она должна была устремиться навстречу Колчаку, чтобы, соединившись с ним на Волге, совместно ударить по Москве. Именно Колчак и Деникин, которых В. И. Ленин рассматривал как две руки Антанты, составляли теперь главную смертельную опасность для Советской России. По определению В. И. Ленина, обстановка в рассматриваемое время была столь опасна, что ее могло спасти только крайнее напряжение сил⁴⁷.

В подготовке новой интервенции против Советской Республики особая роль принадлежала США. В конечном счете и Англия, и Франция, не говоря уже о других странах, не могли бы тогда продолжать интервенцию в столь широких масштабах без серьезной финансовой помощи Америки. Только с 1 декабря 1918 г. по 30 июня 1919 г. монополисты США представили Англии займов на сумму почти в полмиллиарда долларов, значительная часть которых была использована на интервенцию и снабжение белогвардейцев⁴⁸.

Но как ни велики были силы империалистов, В. И. Ленин, проанализировав международное и внутреннее положение Республики, сделал вывод, что наша победа вполне возможна⁴⁹. Правительства Англии, Франции, США к этому времени не только лишились собственных войск для борьбы с революционной Россией, но и оказались перед лицом мощного движения солидарности трудящихся масс с Советской Республикой и растущей оппозицией. «...Что такое Советы, что такое Советская власть,— писал В. И. Ленин в работе „Успехи и трудности Советской власти“ в 1919 г.,— это, вопреки всей лжи, всем потокам вранья и грязной клеветы, рабочие всех стран поняли»⁵⁰.

Даже Ллойд Джордж вынужден был с тревогой писать в конце марта 1919 г., что «вся Европа пропитана духом революции»⁵¹. Во многих странах образовались коммунистические и рабочие партии, возглавлявшие классовые битвы. Даже в парламентах стран Антанты обсуждение «русского вопроса» стало неизменно превращаться в ожесточенную борьбу между оппозицией и сторон-

никами продолжения войны. В этих условиях правительства стран Антанты принимали поистине отчаянные меры, чтобы скрыть от народных масс правду о продолжающейся военной интервенции в России. Так, 7 и 10 апреля 1919 г. в английском парламенте задавался вопрос помощнику министра иностранных дел С. Хармсворту, какую помощь Англии оказывает белогвардейцам в России. С. Хармсворт ушел от прямого ответа, заявив, что «весь вопрос о помощи разным русским силам, старающимся восстановить порядок в России, внимательно изучается правительством»⁵².

16 апреля 1919 г. с пространным заявлением по «русскому вопросу» в палате общин был вынужден выступить сам Ллойд Джордж. Основные положения его выступления можно разделить на две части. С одной стороны, Ллойд Джордж категорически отверг саму идею открытой военной интервенции как «акт величайшей глупости», поскольку для этого требуются огромная армия и большие деньги. «Россия — это страна, в которую легко войти, но очень трудно выйти», — заявил премьер-министр⁵³. Но с другой стороны, Ллойд Джордж признал, что армии Деникина и других белогвардейских генералов выступили, «побуждаемые нами и, без сомнения, главным образом за наш счет». Ллойд Джордж даже пытался убедить палату общин, что помощь Деникину была единственно правильной линией поведения правительства («иначе бы немцы получили зерно Дона, минералы и нефть Кавказа») и, что самое главное, подобная линия якобы вполне согласовывалась с главным принципом Англии о невмешательстве во внутренние дела других стран⁵⁴. Правда, несколько позже и Ллойд Джордж, и У. Черчилль вынуждены были признать, что на анти-советскую интервенцию Англия истратила 100 млн фунтов стерлингов⁵⁵.

Аналогичная картина наблюдалась и в других странах Согласия. Однако империалистическим хищникам мешали выступать единым фронтом против Советской Республики усиливавшиеся между ними противоречия. Правительства Англии, Франции, США и Японии остро соперничали друг с другом. Каждая сторона хотела захватить в России побольше территории. «Большие державы Антанты, — отмечал В. И. Ленин, — не могут объединиться для борьбы с Советской властью, так как слишком враждуют друг с другом»⁵⁶. Глубокими оказались противоречия между США и Англией, между Антантой и малыми буржуазными странами. «...Они передерутся, — указывал В. И. Ленин, — в то время, когда заключат мир»⁵⁷. Естественно, такие противоречия ослабляли лагерь империалистов и объективно способствовали победе Советской Республики.

В то же время происходившие во внутреннем положении Советской Республики позитивные сдвиги имели принципиальное значение для исхода нового этапа иностранной военной интервенции. Решительный поворот подавляющей массы крестьянства — середняков — в сторону Советской власти привел к укреплению революционной власти и к коренному перелому в строительстве

Красной Армии. В итоге, как подчеркивал В. И. Ленин, «от нашей полной беззащитности... мы пришли к могучей Красной Армии»⁵⁸.

В момент, когда Колчак перешел в наступление на Востоке, преобладающие силы Красной Армии были сосредоточены на Южном фронте. Говоря об этом 11 апреля 1919 г., В. И. Ленин отметил: «Союзники-империалисты как раз с юга, с Украины, пытались наступать и хотели сделать из Украины опорный пункт против Советской республики, значение Южного фронта для нас тем более усилилось...»⁵⁹. Указав далее на серьезную опасность, которую представляет наступление Колчака, Ленин подчеркнул, что, несмотря на это, с Юга на помощь Восточному фронту двинуть силы «мы не можем, — это значило бы оставить там недобрым главным неприятеля»⁶⁰.

Захватив весь Северный Кавказ, Деникин с конца января 1919 г. начал выдвигать войска на север против советских 13-й и 8-й армий. В феврале с Кубани, Ставрополя и Терека было переброшено около 14,5 тыс. штыков и 5,5 тыс. сабель в Донбасс и на Ростовско-Новочеркасское направление, где они сменили потрепанные донские полки. При всемерной помощи Антанты в тылу Деникина шло ускоренное формирование новых военных частей, из которых впоследствии и была создана Кавказская армия под командованием генерала Врангеля, которая должна была разбить 10-ю Красную Армию, овладеть Царицыном и далее идти на соединение с колчаковским фронтом.

В феврале — марте 1919 г. в ходе ожесточенных боев поредевшие и утомленные предшествующим тяжелым походом в донских степях советские армии Южного фронта были остановлены в Донбассе, на Северском Донце и Маныче. Более того, к началу мая соотношение военных сил на Южном фронте изменилось в пользу белогвардейцев. 100-тысячной армии Деникина, ряды которой непрерывно пополнялись, противостояли всего лишь 73 тыс. уставших в боях солдат и командиров. На Южном фронте враг сосредоточил 2/3 всех своих кавалерийских частей. Серьезную помощь Деникину оказал антисоветский мятеж казачества, вспыхнувший в марте 1919 г. в районе станиц Вешенской и Казанской⁶¹.

На Юге страны начинался новый этап борьбы. По антантовским замыслам «окружения большевизма» и удушения Советской Республики, деникинской армии отводилась роль активного участника в наступлении всех контрреволюционных и интервенционистских сил на Москву. Именно «в южной России, — подчеркивалось в материалах главного командования Антанты, — должна быть создана для наступления на Москву основная масса национальных сил с помощью армий Деникина, Краснова, местных войск, набранных на Украине, русских пленных, подлежащих репатриации из Германии в этот район»⁶².

Начавшееся в марте наступление войск Колчака сковывало крупные силы Красной Армии на Восточном фронте. Это позволяло, по мысли руководителей Антанты, подготовить наступление

армий южной контрреволюции навстречу Колчаку на Царицынско-Саратовском направлении, чтобы сомкнуть вражеское кольцо вокруг Советской Республики. «Мне представляется целесообразным,— писал французский премьер Клемансо генералу Жанену в Омск 23 апреля об операциях колчаковцев,— движение сил в общем направлении на Москву и обеспечение на левом фланге связи с генералом Деникиным, что дало бы возможность создать единый русский фронт, захватить богатые области по ту сторону Волги и изменить условия снабжения путем установления базы на Черном море». Оценивая перспективы использования южной белогвардейщины в предстоящем походе, Клемансо считал, что деникинская армия теперь еще не в состоянии предпринять серьезные наступления. «Но,— заключал он,— она может при значительной материальной помощи, которая была ей оказана, сохранить настоящее положение»⁶³.

Чтобы обеспечить последующий переход «вооруженных сил Юга России» к активным действиям, главное командование и правительства Антанты усилили поддержку деникинской и белоказачьей армиям. Громадную помощь оказывали империалисты Англии. В отличие от французов, скептически оценивавших весной 1919 г. боевые возможности южной контрреволюции, англичане тогда рассматривали объединенные деникинские и белоказачьи войска как крупную силу в борьбе против Красной Армии. Еще 28 марта военный министр Великобритании У. Черчилль писал маршалу Фошу, что Англия взяла на себя обязательства оказать деникинской армии «всю возможную помощь в допустимых для нас рамках. Мы провели весьма тщательное исследование всех условий, в которых она находится,— заключал Черчилль, и у нас имеется весьма авторитетная миссия при ставке ген. Деникина... Факты, которыми мы располагаем, не подтверждают неблагоприятного мнения, которое создалось у вас»⁶⁴.

С ноября 1918 г. через Новороссийск из Англии регулярно поступали грузы для Добровольческой и Донской армий. Поток снаряжения был значителен, широко использовались наряду с английскими и русские суда, захваченные белыми. Уже к концу апреля 1919 г. деникинцам было отправлено, по официальным данным военного министерства Великобритании, вооружения, снаряжения и обмундирования на 100-тысячную армию, в том числе 340 орудий разных калибров, 2 тыс. пулеметов, 100 тыс. винтовок русского образца, 12 танков, 100 самолетов, а также другое снаряжение. Министерство сообщало, что в Англии готовится отправка военных грузов на Юг России еще на 150 тыс. солдат⁶⁵. Причем поток военных поставок Деникину увеличивался с каждым днем. Например, за первую половину июня 1919 г. в Новороссийске было получено 306 вагонов грузов, а в августе только за одну неделю (с 23 по 30 августа) — 268 вагонов. Сам Деникин свидетельствовал позже, что с марта по сентябрь 1919 г. от интервентов было получено столько обмундирования, что его хватило бы и для 250-тысячной армии. Кроме того, деникинцы

получили за это же время 558 орудий, 12 танков, свыше 1,5 млн снарядов и 160 млн винтовочных патронов⁶⁶.

Белоказачья Донская армия, терпевшая в начале 1919 г. тяжелые поражения, особенно нуждалась в антантовской помощи. Посланцы донского контрреволюционного правительства, прибывшие в феврале в Константинополь, умоляли английского командующего генерала Мильна отправить поскорее на Дон танки и боеприпасы, а также особого представителя Великобритании при донском атамане⁶⁷.

Назначенный на эту должность генерал Бриггс добился того, что Донская армия стала снабжаться «союзниками» непосредственно, минуя деникинское командование. В конце апреля на Донской фронт был отправлен дивизион английских танков. В двадцатых числах мая из Новороссийска в Ростов прибыли три транспорта с британским оружием и снаряжением. Выступая на заседании Войскового круга, Бриггс заявил: «Англия посылает сюда полное снаряжение, вооружение, танки, аэропланы, орудия и обмундирование на 250-тысячную армию. Если кто хотел бы проверить это, то есть возможность собственными глазами видеть английские орудия здесь, на станции железной дороги»⁶⁸.

В феврале 1919 г. в Париже и Вашингтоне деникинские представители вели переговоры о получении американской помощи. В ходе их, как сообщал в Новочеркасск посланец донского атамана, выявились громадные возможности США в присылке на Дон оружия, медикаментов и других товаров. Явившаяся вскоре на Юг России американская миссия поставила условие для оказания помощи — получение исчерпывающих сведений о хозяйственном и политическом положении Дона. Прибывшему в Новочеркасск члену миссии США капитану А. Берри были переданы отчеты о деятельности отдела промышленности и торговли Донского правительства. Управляющий отделом заверил капитана, что и впредь американская миссия будет получать фактический материал «с исчерпывающей полнотой по каждой отрасли хозяйства». В начале августа 1919 г. в Ростов для нужд Донской армии был доставлен 21 вагон медикаментов из США. Через месяц было заключено соглашение об отправке из США деникинцам 300 тыс. шрапнельных снарядов, 7 тыс. винтовок, более 3 млн патронов⁶⁹.

Из Франции для войск южной контрреволюции в Новороссийск было доставлено большое количество обмундирования и артиллерийских снарядов. Кроме того, французы обязались оплатить 50% стоимости всех грузов, поставляемых Деникину англичанами⁷⁰.

Помощь иностранных империалистов спасла донскую белогвардейщину от полного разгрома советскими войсками весной 1919 г. Белоказачий круг поспешил выразить «глубокую признательность» правительству Великобритании, а генералу Бриггсу вынес благодарность «за личную отзывчивость и внимание»⁷¹.

Империалисты, всемерно вооружая белую армию, которая должна была помочь им осуществить свои захватнические цели в России, старались уже в ходе войны возместить свои расходы за счет ограбления оккупированных районов страны. В частности, за свою помощь Деникину они получали не только золото, но и железную руду, марганец, хлеб, другие богатства Юга России. Корабли, доставлявшие оружие и боеприпасы для армии Деникина, возвращались в свои страны груженными сырьем и продовольствием.

Современные английские и американские буржуазные авторы стремятся преуменьшить значение вмешательства империалистов в гражданскую войну в России, в частности на Юге. «Красные,— заявляет, например, П. Кинез,— могли разгромить своих врагов скорее, если бы те не имели поддержки извне. Но вклад союзников в белое дело был так далек от того, чтобы иметь решающее значение»⁷².

Ссылаясь на сравнительную малочисленность интервенционистских войск в Южной России, советологи предпочитают не распространяться о той громадной военной и финансовой помощи, которую правящие круги США, Англии и Франции предоставляли деникинцам и белоказакам. В этой связи уместно напомнить слова В. И. Ленина, который, подчеркивая связь гражданской войны с интервенцией, говорил: «Не будь помощи им (белогвардейцам.— *Авт.*) со стороны Антанты (Англия, Франция, Америка), они бы давно развалились. Только помощь Антанты делает их силой»⁷³.

Деникин строгойше следовал директивным установкам империалистов Антанты. По заранее продуманному плану еще 4 апреля 1919 г. в Париже был подписан Англией и Францией протокол, являвшийся дополнением к известному соглашению от 23 декабря 1917 г. «о сферах действия» в Южной России. Этим протоколом Деникин обязывался вести операции по согласованию с союзным командованием, направляющим военные действия в своих зонах. За командующим Добровольческой армией не признавалось право устанавливать и возглавлять гражданское управление на всей территории Юга России, захваченной контрреволюционными войсками и интервентами⁷⁴. В деникинское же управление на Кубани и Дону интервенты вмешивались беспрестанно.

По настоянию Антанты Деникин опубликовал в апреле 1919 г. общую декларацию о целях борьбы с Советской властью. Она была необходима империалистам Запада для оправдания политики поддержки российской реакции. В начале апреля генерал Бриггс предложил председателю так называемого Особого совещания при главнокомандующем «вооруженными силами Юга России» проект текста декларации. С небольшими редакционными поправками этот текст был утвержден Деникиным и 27 апреля направлен в виде ноты союзным представителям. 10 мая белогвардейский посланец в Париже Чайковский вручил декларацию Совету четырех заседавшей мирной конференции. При этом он

ясно сказал, что инициатива создания этого документа исходила от государств Антанты⁷⁵.

Декларация провозглашала в качестве целей белого движения «восстановление закона и порядка в стране» и восстановление «могущественной, единой и неделимой России». Говорилось в ней также о созыве так называемого народного собрания, о широкой областной автономии, немедленном издании земельной реформы и т. д.⁷⁶

Демократическая фразеология декларации находилась в полном противоречии с действительной реакционно-черносотенной политикой деникинщины и предназначалась главным образом для обмана общественного мнения на Западе. Не случайно генерал Бриггс, составляя проект декларации, затюбился о том, чтобы она могла удовлетворять лейбористскую партию⁷⁷. Только представив монархиста Деникина «демократом», англо-американские империалисты могли рассчитывать на поддержку общественным мнением своих стран интервенционистской политики. Миф о «демократизме» и «романтизме» деникинщины усиленно поддерживается и ныне буржуазными историками, оправдывающими вмешательство международного империализма в дела России. Деникин шел на Москву, пишет американский советолог Дж. Розенберг, озабоченный спасением духовных ценностей «русской души», находясь под «гипнотическим влиянием» древней русской столицы⁷⁸.

Опекуны же Деникина далеки были от «гипнотических влияний» и преследовали в Южной России весьма реальные политические и экономические выгоды. Американские, английские, французские империалисты стремились восстановить и укрепить позиции иностранного капитала на Юге России. Образовавшийся в Париже комитет по защите интересов французских граждан направил специальную делегацию в Донбасс для обследования предприятий, принадлежащих французам. Было решено оборудовать мариупольский порт для скорейшего вывоза из Донбасса и Приазовья угля и других товаров. Выкачать больше и дешевле хлеба и промышленного сырья с занятых белогвардейцами территорий — к этому стремились все интервенты. «Во всем мире не будет нормальной жизни до тех пор, — заявил на обеде в Новочеркасске генерал Бриггс, — пока восстановленная Россия не будет снабжать Европу хлебом и нефтью»⁷⁹. Не дожидаясь восстановления буржуазно-помещичьих порядков по всей России, империалисты стали тянуть продовольствие и сырье из захваченных белогвардейцами районов.

В феврале 1919 г. при переговорах в Париже с белогвардейцами Дона представители американских, английских, французских и бельгийских банков в ответ на просьбу белых о валютной ссуде потребовали немедленно отгрузить с Дона 14 тыс. т сырьевых материалов в обеспечение кредитов⁸⁰. Уже в мае 1919 в печати появилось сообщение о том, что с Дона и Кубани морем направляется в США русское сырье. Государственный секретарь Лансинг

писал военному министру США Бейкеру о желательности всячески поощрять поставки Деникину, так как это «явится побудительным началом для вывоза местного сырья из Южной России»⁸¹.

В обмен на донскую пшеницу и грушевский антрацит монополисты старались сбыть всякую заваль из запасов, оставшихся после окончания войны. При этом иностранцы поставили кабальные условия: свои товары они продадут по фабричным ценам с надбавкой предпринимательской прибыли, а взамен возьмут каменный уголь и железо по «твердым» (местным) ценам.

Представители хищнической русской буржуазии — горнопромышленники Александровск-Грушевского района, владельцы ростовских и таганрогских предприятий и ссыпок зерна стремились всеми способами нажиться на перепродаже ожидаемых из Западной Европы и Америки гнилых ниток, полотенец и подметок. Они готовы были запродать иностранцам не только пшеницу и уголь, но и будущее родной земли. В специальном номере «Донских ведомостей», посвященном «нашим друзьям-союзникам англичанам», автор статьи «Дон, Англия и Америка» пространно доказывал, что без англо-американских капиталов нельзя ни восстановить, ни развить экономику области. Толкуя о предполагаемой прокладке Волго-Донского канала, шлюзовании Дона и т. д., белогвардейский публицист утверждал: «...обойтись без американской предпримчивости и английской опытности здесь едва ли удастся».

Но предприимчивые американцы и опытные англичане не спешили строить судоходные каналы и шлюзовать русские реки. Они торопили главарей контрреволюции с выполнением поставок в счет получаемой «помощи». Донские белогвардейские власти приняли обязательство поставить в страны Антанты сырьевых материалов и промышленных изделий на 100 млн руб. Соглашение предусматривало вывоз из Донской области антрацита, кровельного железа, шерсти, сала, мяса, мыла. Летом 1919 г. с Дона и Кубани начался вывоз хлеба за границу. Донское правительство снарядило две морские экспедиции с грузом зерна, угля и железа для «союзников». Два парохода с грушевским антрацитом и железом в августе прибыли в Константинополь. Позднее еще один пароход, груженный углем, отправился из Таганрога в Италию⁸².

«Кайнова торговля» — так исключительно метко заклемили большевики Дона постыдные махинации белогвардейцев, распродавших богатства русской земли. «За русский хлеб,— говорилось в воззвании Донбюро,— английские биржевики платят русской кровью»⁸³.

Опираясь на растущую помощь Антанты, командование «вооруженных сил юга России» готовилось перейти в наступление на важнейших направлениях: Донбасском, Воронежском и Царицынском. Успехи, одержанные во второй половине апреля 1919 г. Колчаком, войска которого подошли на 100 верст к Симбирску и 60 верст к Самаре, вселяли надежду на близкое соединение

сил сибирской и южной контрреволюции. Прибывший в конце апреля 1919 г. на Дон глава британской миссии генерал Бриггс заявил в беседе с атаманом А. Богаевским, что, по имеющимся у него сведениям, приблизительно через две-три недели произойдет соединение армий Колчака и Деникина. Это заявление тотчас было опубликовано в белой печати⁸⁴. «Бог даст — встретимся в Саратове», — писал в эти же дни Деникин Колчаку⁸⁵.

Однако командующий Добровольческой армией не решился оставить Донбасс и бросить главные силы на Царицынское направление навстречу войскам «верховного правителя». Деникин считал необходимым сохранить за собой Донецкий бассейн и правобережье Дона, как наиболее удобные плацдармы предстоящего наступления на Москву кратчайшими путями. В древней столице России глава южнорусской белогвардейщины собирался быть раньше сибирского адмирала. Но контрудар М. В. Фрунзе на южном фланге колчаковских армий в первой половине мая 1919 г. сорвал эти планы. «Соединение Деникина с левым флангом Колчака, — признавалось в телеграмме антантовского командования, — представляется более чем проблематичным, по крайней мере в близком будущем»⁸⁶. Колчака не спасло от поражения даже начатое в мае 1919 г. наступление деникинской армии, ставшей главной ударной силой контрреволюции.

3. Разгром похода Антанты на Юге России

Как только войска Колчака потерпели поражение, международный империализм перегруппировал силы российской внутренней контрреволюции. Теперь вновь главная ставка делалась на южную белогвардейщину. Как подчеркивалось в письме ЦК РКП(б) к организациям партии 9 июля 1919 г., «теперь заграничные капиталисты делают отчаянную попытку восстановить иго капитала посредством нашествия Деникина, которому они, как некогда и Колчаку, оказали помощь офицерами, снабжением, снарядами, танками и т. д...»⁸⁷⁻⁸⁹.

К моменту, когда Юг страны снова стал главным театром гражданской войны, армия Деникина, переформированная, укомплектованная и вооруженная союзниками, прорвала фронт советских войск и успела захватить значительную часть левобережной Украины, вышла к Волге, к Царицыну. В соответствии с установками Антанты 3 июля 1919 г. Деникин подписал в Царицыне так называемую Московскую директиву, согласно которой войска, наращивая достигнутый успех, наносили удар по Советской Республике. Через Курск — Орел — Тулу на Москву наступала Добровольческая армия под командованием генерала Май-Маевского. Донская армия под командованием генерала Сидорина устремлялась к Москве через Воронеж — Козлов — Рязань — Новый Оскол — Елец. Через Саратов на Москву предстояло наступать Кавказской армии под командованием генерала Врангеля. Чтобы оградить тылы Врангеля от нападения частей Красной

Армии с тыла, группа войск под командованием генерала Эрдели была нацелена в юго-восточном направлении на Астрахань. Одновременно перед корпусом Добровольского была поставлена задача при содействии эскадры Антанты и боевых кораблей Деникина овладеть черноморскими городами. Все белогвардейские формирования во всех регионах страны обязывались помогать деникинцам активными боевыми действиями.

Вместе с тем Антанта делала все возможное, чтобы заставить зависимые от нее малые государства выступить против Советской Республики. В случае успеха этого крестового похода Советская страна могла бы оказаться в тяжелейшем положении. «Если бы все эти маленькие государства пошли против нас,— а им были даны сотни миллионов долларов, были даны лучшие пушки, вооружение, у них были английские инструктора, продлававшие опыт войны,— если бы они пошли против нас,— подчеркивал В. И. Ленин,— нет ни малейшего сомнения, что мы потерпели бы поражение. Это прекрасно каждый понимает»⁹⁰. Но эти маленькие государства при всей ненависти их правительств к большевикам не могли стать под монархическое знамя Деникина, Юденича, Колчака, не могли содействовать восстановлению столь ненавистной им российской короны. «... В этих маленьких государствах,— говорил В. И. Ленин,— ясно представляют себе, что такое Юденич, Колчак, Деникин». «... Целый ряд стран,— продолжал он,— говорили себе: как мы ни ненавидим Великобританию, которая нас душила, но мы знаем, что душили нас Юденич, Колчак, Деникин, а не большевики»⁹¹. Пресловутый план крестового похода 14 государств против Страны Советов, объявленный Черчиллем и К⁰, был обречен на провал.

Антанта главное внимание уделяла всемерному обеспечению своих ударных сил на Юге страны. В октябре 1919 г. У. Черчилль уведомил Колчака, что английский кабинет принял решение сосредоточить свою помощь на фронте генерала Деникина и согласился ассигновать еще 14,5 млн ф. ст. на посылку ему вооружения. «Британская миссия на Юге России,— сообщал Черчилль,— будет состоять из 2000 офицеров и сержантов, главной заботой которых будет скорое и отвечающее нуждам распределения снабжение». В ноябре 1919 г., выступая в палате общин, Черчилль подчеркнул, что подобная помощь белогвардейцам будет оказываться так долго, как это потребуется до полной их победы⁹².

По официальным данным, правительство Англии поставило Деникину не менее 250 тыс. ружей, 200 пушек, 30 танков и большие запасы боеприпасов. Сотни английских офицеров и многочисленные советники, инструктора, хранители складов и даже несколько авиаторов помогали формированию новых воинских частей деникинской армии⁹³.

Антанта в широких масштабах занималась пополнением армии Деникина также за счет бывших русских военнопленных офицеров и солдат в Германии и интернированного русского экспедиционного корпуса во Франции. Все русские офицеры и солдаты

содержались на положении заключенных, без права возвращения на Родину. Их принуждали вступать в белую армию и с оружием в руках бороться против Республики Советов.

Для полноты картины надо отметить, что белогвардейщину на Юге России снабжали также США и Франция. Только в июле 1919 г. США поставили 200 тыс. снарядов, 320 400 пар сапог, 2658 тюков кожи, 28 паровозов. В августе из США в Новороссийский порт было доставлено 28 тыс. винтовок, свыше 3 млн патронов, 85 700 пар сапог, около 200 тыс. шинелей и много другого военного имущества. В сентябре и октябре из Америки было доставлено для армии Деникина еще 72 020 винтовок, 23 500 пар сапог, 234 ящика запасных ружейных частей и т. д., а в ноябре дополнительно — 200 пулеметов «Кольт»⁹⁴. Франция, которая осуществляла поставки в основном совместно с Англией, взяла на себя оплату половины всех поставок.

Оказывая помощь, Антанта рассматривала Деникина лишь в качестве исполнителя своей воли, следила за всеми его военными и гражданскими акциями через свои миссии и представительства. Английское представительство при Деникине возглавлялось генералом Хольманом, французское — генералом Манженом и американское — адмиралом Мак-Келли.

Для Деникина тщательно подбирались «советники» и «эксперты» и с целью разработки планов экономического освоения Юга России. Е. В. Саблин (поверенный в делах белогвардейцев в Лондоне) сообщал в ноябре 1919 г. С. Д. Сазонову, что он познакомился с Макиндером, комиссаром английского правительства при Деникине. Он заявил, что на него возложена задача «координировать действия всех военных и гражданских чинов англичан на Юге России, не исключая и Кавказа», представлять генералу Деникину «советы испытанных британских экспертов для экономического воссоздания Юга России и способствовать установлению там такого экономического порядка и благосостояния, при наличии коего Великобритания могла бы завязать с территорией, контролируемой генералом Деникиным, правильные торговые отношения». Саблин также сообщал, что, по словам Макиндера, Ллойд Джордж и его коллеги по кабинету пришли к убеждению, что «спасение России произойдет на Юге»⁹⁵.

Такое внимание к Югу России со стороны интервентов объяснялось несколькими причинами. Во-первых, они считали, что там белогвардейская армия располагает потенциальными возможностями для быстрого пополнения своих рядов хорошо подготовленными солдатами и офицерами из находившихся там 2/3 всех казачьих войск России и многочисленных слоев зажиточного крестьянства. Во-вторых, учитывалось, что крупнейшие порты Каспийского и Черного морей дают возможность им не только легко поставлять вооружение и снаряжение армии Деникина, но и вывозить через них награбленные богатства России.

В-третьих, там существовали контрреволюционные закавказские правительства, открыто сотрудничавшие с Антантой, а черз

нее и с Деникиным, надежно прикрывая его стратегические тылы и тем самым давая ему возможность сосредоточить максимум сил против Красной Армии на Московском направлении. Они не только люто ненавидели большевиков, но готовы были на деле вступить в любой преступный сговор против революционной России. Меншевицкий министр Чхенкели был абсолютно искренен, когда от имени мелкобуржуазных продажных партий под бурные аплодисменты единомышленников заявил: «Наш путь ведет в Европу, а путь России — в Азию. Знаю, враги скажут, что мы на стороне империалистов. Поэтому я здесь должен решительно заявить: предпочту империалистов Запада фанатикам Востока»⁹⁶⁻⁹⁷.

Дашнакское правительство Армении, бредившее идеей создания Великой Армении от Черного до Средиземного морей, бесспорно, ратовало за победу Деникина, в помощь которому выставило один корпус своих войск. Азербайджанское правительство, лишь формально не находившееся в состоянии войны с Республикой Советов, щедро снабжало Деникина горючим, открыло транспорту Антанты зеленую улицу с вооружением и снаряжением для белогвардейцев. По всему Азербайджану открыто шла вербовка добровольцев в армию Деникина. Мало того, арестовывались видные партийные и советские работники Северного Кавказа, отступившие туда, и выдавались деникинским палачам.

Даже меньшевицкое правительство Грузии, которое официально находилось в состоянии войны с Деникиным, в районе Гагринского округа фактически сотрудничало с ним. Вербовщики добровольцев в белогвардейскую армию свободно действовали по всей Грузии. Грузинское правительство совместно с британским командованием и представителями Деникина разрабатывали планы карательных операций против коммунистов и повстанцев Северного Кавказа. Н. Жордания сожалел, что монархист Деникин, не желавший считаться с «независимыми» закавказскими правительствами, не понимает общности их целей в борьбе с Советами. 16 мая 1919 г. он буквально умолял представителя британского командования внушить Деникину, что соглашение с Грузией в его же интересах, что в случае ликвидации войны между ними «он сможет перебросить войска с Черноморского фронта на большевицкий»⁹⁸. Через одиннадцать дней Н. Жордания, продолжая этот разговор с представителем британского командования, опять пытался убедить его, что «генералу Деникину будет, несомненно, лучше, если тыл у него будет обеспечен»⁹⁹.

Правда, как признали английский генерал Кийз, находившийся при генерале Деникине, и лорд Керзон, планы союзников по созданию единого буферного государства в Закавказье провалились¹⁰⁰. Но британское командование делало все возможное, чтобы заставить кавказских националистов воевать на стороне Деникина. Контролируя подступы к Северному Кавказу, они оказывали максимальную помощь Деникину в борьбе с повстанческим движением в регионе, с тем чтобы он мог высвободить

оттуда как можно больше войск, столь нужных для наступления в глубь Советской Республики. Представитель английской военной миссии при ставке Деникина заявил: «Я ...обращаюсь к представителям Ингушетии, Чечни и Дагестана и говорю: „Правительство Англии поддерживает Деникина и его цели... — уничтожение большевиков, возрождение великой неделимой России...“». Представитель Англии в Закавказье 4 августа объявил Грузии и Азербайджану, что в Дагестане право водворять порядок принадлежит генералу Деникину и что Грузия и Азербайджан должны помогать Деникину в его борьбе с большевиками. Иначе Англия будет смотреть на это как на акт недоброжелательства к союзникам. Англия помогает Деникину снаряжением, танками, аэропланами, пушками, пулеметами и будет помогать до исполнения Деникиными его цели. Англия дала для этого своих инструкторов¹⁰¹.

Деникинские каратели по указанию империалистов Антанты в крови топили восстания горцев. В августе 1919 г. вся территория Осетии, Чечни, Ингушетии и Дагестана, за исключением отдельных горных мест, была занята «добровольцами». С невероятными жестокостями они подавили восстания в Ингушетии и Дагестане, около 100 селений горцев были сравнены с землей артиллерией казаков и английскими самолетами.

Империалисты жестоко мстили непокоренным горцам. Тысячи их были казнены без суда и следствия. Только на осетинское селение Христиановское два карательных отряда оккупантов наложили контрибуцию в 100 млн руб., 1500 лошадей с седлами, 2000 бурок, 5 тыс. винтовок и т. д. С чеченцев и ингушей были взысканы все убытки, понесенные казачьими станицами от краж и грабежей за время с 1914 г. Белые банды открыто грабили население. В Терской области налог с земли по сравнению с 1915—1917 гг. возрос в 10 раз¹⁰². Такова была на деле «свобода», широко обещанная народам Северного Кавказа империалистами Антанты.

Когда, перепуганные приближением белой армии непосредственно к границам Закавказья, марионеточные правительства Грузии и Азербайджана открыли словесную войну против Деникина, Антанты, боясь роста антиденикинского движения на Кавказе, забила тревогу. Были строго одернuty закавказские марионетки, которые, сами того не желая, разрушали тылы Деникина. Английский генерал Кори прибег даже к жульническому приему. Чтобы сбить волну антиденикинского движения, он объявил, будто 18 июня 1919 г. в Лондоне состоялось соглашение, по которому якобы Деникин не будет угрожать неприкосновенности Грузии и Азербайджана. Однако этой фальшивки, переданной правительствам Азербайджана и Грузии, оказалось достаточно для того, чтобы меньшевики и мусаватисты не только забили отбой, но и обрушили жестокие репрессии на голову большевиков и всех тех, кто боролся против деникинщины. Причем гонения на революционные силы не прекратились даже после того, как жульничество английского генерала стало очевидным.

При всемерной помощи Антанты Деникину удалось сколотить внушительную по количеству армию, которая наступала в глубь страны по фронту протяженностью 1130 км от Волги до Днепра. К осени 1919 г. под властью деникинцев находились значительная часть Украины, целиком Северный Кавказ и Донская область, часть Курской, Орловской, Саратовской и Воронежской губерний. Над Республикой нависла смертельная опасность. В начале июля 1919 г. в письме ЦК РКП(б) «Все на борьбу с Деникиным!» В. И. Ленин подчеркивал: «Наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции»¹⁰³.

На этот раз Антанта была полна уверенности, что желанная цель будет достигнута, удастся разгромить Красную Армию и взять Москву. Империалисты спешили поделить шкуру неубитого медведя. Всюду на оккупированной территории они уничтожали революционную власть, водворяли снизу доверху систему военной диктатуры, способную, как они считали, в кратчайшее время восстановить собственность русских и иностранных капиталистов, отнятую революцией. Ограбление Юга России находилось в прямой связи с империалистическими планами расчленения страны, превращения ее окраин в колонии. Этому служила поддержка Антантой сепаратизма в национальных районах и казачьих областях. Повестуя о своих переговорах с британскими представителями об условиях получения помощи в борьбе с Советской властью, Б. Савинков показывал на судебном процессе 1924 г.: «Очень упорно, очень много англичане говорили со мной о том, что желательно образовать независимый „Юго-Восточный союз“ из Северного Кавказа и Закавказья. Говорили о том, что этот „союз“ должен быть только началом... Я в этом чувствовал запах нефти»¹⁰⁴. Запах долларов и фунтов чувствовали казацки федералы, умолявшие Верховный совет Антанты принять «суверенные» Дон и Кубань в Лигу Наций, соглашаясь, подобно председателю Кубанской рады Рябоволу, на установление британского протектората над родным краем¹⁰⁵.

Хозяиничанье антантовских интервентов и белогвардейцев углубило и усилило экономическую разруху Донской области. Промышленное производство в 1919 г. продолжало катастрофически падать. В состоянии полного развала оказалась угольная промышленность. Шахтовладельцы усиленно сбывали экспортным скопившимся ранее запасы угля, почти вовсе прекратив работы в рудниках. Добыча угля в области сократилась по сравнению с 1916 г. на 80%. На железных дорогах в середине октября оставался одно-двухдневный запас угля, города получали минеральное топливо лишь для нужд водопровода и электроосвещения. Надвигалась настоящая топливная катастрофа.

Замерла работа металлургических предприятий. Выплавка чугуна и прокат железа составили в 1919 г. всего 4,5% от уровня 1916 г.

Восстановление помещичьей собственности, беспрестанные реквизиции, неоднократные мобилизации населения в белую армию — все это вело к дальнейшему упадку сельского хозяйства области. Повсеместно сокращались посевные площади, падала культура земледелия. Поля обрабатывались плохо, наспех и поздно запахивались, озимые сеяли на неподготовленной почве. Дичали и пустели хутора и станицы, разбегались жители. «Случалось ли читающему эти строки видеть когда-либо брошенные старые казачьи станицы?» — спрашивал корреспондент «Донских ведомостей» и отвечал: «Ветхие, полуразрушенные мазанки уныло глядят на поросший кругом них бурьян, кусты колючки скрывают бывшую когда-то дорогу, мертвое, гнетущее молчание, ни одной живой души, куда ни достанет глаз, — таковы хутора от Константиновской до Романовской станицы. Хуторяне или перемерли от тифа, или бежали зимой с отступающими казаками, или, наконец, весною бежали с красными»¹⁰⁶.

Область, вывозившая в 1913 г. 60 млн пудов хлеба, в 1919 г. сама нуждалась в продовольствии. С каждым днем ухудшалось положение трудящихся. В связи с резким сокращением производства быстро росла безработица. Оставшиеся на предприятиях рабочие получали нищенскую зарплату. При неуклонном вздорожании продуктов это обрекало пролетариев и их семьи на голодное существование.

Кровью своей расплачивались рядовые казаки и крестьяне за преступные авантюры атаманов и стоявших за их спиной интервентов. Более 260 тыс. мужчин не вернулись с полей сражений в донские станицы и хутора¹⁰⁷.

Развал экономики и обнищание трудящихся масс являлись прямым следствием реставраторского курса деникинской и белоказачьей контрреволюции, ее прислужничества у интервентов. Чем больше неистовствовали белогвардейские правители, тем шире становился фронт рабочих, крестьян и казачьей бедноты в борьбе с контрреволюцией.

Сама армия Деникина, на которую уповала мировая реакция, жаждавшая уничтожения Республики Советов, превратилась в скопище разбойников и бандитов, грабивших страну. Генерал Врангель свидетельствовал позже, что «война обратилась в средство наживы, а довольствие местными средствами — в грабеж и спекуляцию... Армия развращалась, обращаясь в торгашей и спекулянтов»¹⁰⁸.

Еще в самый разгар наступления южной белогвардейщины В. И. Ленин четко указал на слабости и внутренние противоречия в стане врага, которые таили для него смертельную опасность. В. И. Ленин подчеркивал, что армия Деникина сильна за счет проведенной поголовной мобилизации населения и щедрой помощи Антанты, поставившей белогвардейцам танки, оружие и снаряжение более чем на 250 тыс. человек. Но именно поголовная мобилизация таила в себе неминуемую гибель армии Деникина, лишившейся своей классовой сущности. «Крестьяне,

набранные в армию Деникина, произведут в этой армии то же самое, что произвели сибирские крестьяне в армии Колчака,— они принесли ему полное разложение»¹⁰⁹.

Жизнь полностью подтвердила обоснованность ленинских выводов относительно белой армии. В тот момент, когда деникинцы, захватив Орел, считали, что дорога на Москву практически открыта, командование Красной Армии заканчивало подготовку к контрнаступлению. Блестящая победа над белогвардейцами в боях за Орел положила начало коренному перелому в борьбе против Деникина. Вскоре началось отступление войск врага по всему фронту. В палате общин 13 ноября 1919 г. Ллойд Джордж, имея в виду новое поражение мировой реакции в России, заявил, что на территории, занятой Деникиным, свирепствуют банды мародеров и что «подавляющее большинство населения этих районов не чувствуют твердой лояльности» по отношению к генералу. «В результате генерал Деникин,— констатировал глава английского правительства,— едва ли сможет в скором времени установить административный контроль над занятой территорией»¹¹⁰.

Господин премьер не полностью называл вещи своими именами. Между тем ему было известно, что народные массы, оказавшиеся на временно оккупированной деникинцами территории, не признавали власти врага и вели с ним героическую и самоотверженную борьбу, приближая час окончательной победы Красной Армии. По подсчетам Г. К. Орджоникидзе, только в национальных районах Северного Кавказа насчитывалось около 2 млн человек, готовых выступить против Деникина. «Когда мы отбросим Деникина к Северному Кавказу,— подчеркивал он,— то там его добьют северокавказские горцы»¹¹¹.

Ллойд Джордж был полностью информирован о том, что к концу 1919 г. только в Новороссийском порту стояли без движения 4200 вагонов с военными грузами, присланными Антантой для снабжения армии Деникина, и что, несмотря на чрезвычайные меры, принятые белогвардейцами в начале 1920 г., из 6631 вагона с оружием и боеприпасами удалось отправить войскам всего лишь 2328 вагонов. На рейде стояли десятки неразгруженных кораблей под флагами Англии, Франции, США¹¹². Несмотря на всемерную помощь Великобритании, Деникин не смог обеспечить даже надежную охрану своих морских баз и т. д. Право же было от чего прийти в уныние господину Ллойд Джорджу, правительство которого, по его же словам, надеялось «установить самые широкие торговые и коммерческие связи с Южной Россией»¹¹³, а вместо этого расхлебывало последствия еще одной провалившейся военной авантюры. И теперь, оплакивая свое жестокое поражение, Ллойд Джордж, наконец, сказал даже правду о зловещей роли Англии в «русских делах». «Не было страны,— говорил он сокрушенно,— которая оказала бы большую поддержку антибольшевистским элементам в России, чем наша. И ни одна страна не понесла большие жертвы, чем наша,— ни Франция, ни Япония, ни США»¹¹⁴.

Разгром Деникина был очевиден. Он означал полный крах интервенционистской политики Антанты на Юге России. Тем не менее империалисты продолжали удерживать занимаемые позиции, надеясь образовать надежный барьер между центральными и южными районами России. Правительство Великобритании продолжало создавать так называемое «русское государственное объединение» в составе Крыма, Дона, Терека и Кубани под названием «Крымско-казахской Федерации»¹¹⁵, опираясь на поддержку терпевших поражение белогвардейцев. С помощью такой федерации Англия намеревалась, во-первых, организовать вывоз русского сырья с Юга страны; во-вторых, создать барьер между большевиками и младотурками и обеспечить угодный ей «порядок» на Кавказе и в Северной Персии¹¹⁶.

Правительство Англии, вынужденное еще в августе 1919 г. вывести свои войска из Закавказья, теперь надеялось осуществить свои новые планы на Юге страны прежде всего за счет находившихся там марионеточных контрреволюционных правительств. Учитывалось, что все они люто ненавидят Советскую власть и испытывают смертельный страх в связи с приближением Красной Армии, вынашивают планы оккупации Дагестана и Терека. Принимались в расчет и реакционные силы на самом Северном Кавказе, давно находившиеся на содержании у Антанты. Делалась ставка и на так называемое Константинопольское правительство Турции, которое, по плану интервентов, должно было объявить войну Советской Республике.

В момент отступления деникинской армии империалистическая пропаганда выдвинула провокационный, антинародный лозунг «Независимой республики горцев Северного Кавказа». Одновременно английская агентура в лице националистической буржуазии делала попытки «теоретически» обосновать невозможность установления в крае диктатуры пролетариата в форме Советской власти. С целью активизации антисоветской деятельности закавказских марионеточных правительств империалисты Антанты, заявили, наконец, о признании «независимости» этих республик.

Теперь меньшевики, мусаватисты, дашнаки не скрывали своих преступных связей с мировой реакцией. Правительство Азербайджана с огромной радостью приняло от деникинцев в дар оружие и снаряжение: 15 тыс. винтовок, 10 млн патронов, 20 орудий, 100 пулеметов, 9 самолетов и гидропланов, много броневиков, автомашин и другой техники¹¹⁷. Особый восторг у марионеток вызвало то, что империалисты Антанты теперь сознательно поощряли их захватнические планы на Северном Кавказе, стараясь поскорее столкнуть их с Советской Республикой.

В плане генерального штаба азербайджанского мусаватистского правительства прямо указывалось, что «Дагестан самостоятельно существовать не может... Для Азербайджана выдвижение границы на север с закреплением за собой дагестанского плацдарма имеет огромное стратегическое значение...». Более сложным является решение вопроса о Терской области, отмечалось в этом

плане, ввиду наличия там русского населения. Главным врагом рассматривались терцы, против них предназначались беспощадные удары. «Дабы объединить все разрозненные горские племена,— говорится далее в документе,— нужно провозгласить газават, развернуть зеленое знамя пророка, вести энергичное наступление в направлении Грозный — Беслан — Прохладная, очищая от русского населения всю правобережную часть Терской области и полосу, прилегающую к железной дороге Владикавказ — Прохладная»¹¹⁸.

Составители таких планов и их британские хозяева надеялись на то, что им удастся с помощью националистической пропаганды поднять горские народы на борьбу с русским населением. Оккупировав Терскую область, они надеялись установить непосредственную связь мусульман Кавказа с 35-миллионным мусульманским населением Волжского бассейна, Предуралья, Сибири и Туркестана¹¹⁹. Мусаватисты и меньшевики рассчитывали на помощь Англии, в руках которой пока находились все морские пути, связывавшие Кавказ не только с Персией, но и с Европой¹²⁰.

В разговоре по прямому проводу с членом Реввоенсовета Кавказского фронта С. И. Гусевым 20 февраля 1920 г. С. М. Киров сообщал, что грузинское правительство почти заключило соглашение с Деникиным. Деникин предложил меньшевикам «занять всю Военно-Грузинскую дорогу и поддерживать там порядок в случае восстания горцев против белой армии». Далее С. М. Киров привел один из пунктов соглашения между Грузией и Деникиным, в котором было сказано, что «правительство Грузии дает приют силам Добровольческой армии и взамен получает все военные запасы и оружие Добровольческой армии»¹²¹. Азербайджан, продолжал С. М. Киров, чрезвычайно озабочен движением Красной Армии в пределы Северного Кавказа и намерен против Советской России создать горский фронт, занять Дагестан и Терскую область своими войсками, передать власть в пределах горской полосы контрреволюции под знаком горской самостоятельности. Грузия отправляет в Терскую область людей, английские деньги и прочее¹²².

Стремительное наступление Красной Армии перепутало все планы врагов на Юге страны. Империалисты и их многоликая агентура на Северном Кавказе делали отчаянные попытки преградить путь победоносной Красной Армии и тем предотвратить собственную катастрофу. Английское правительство, обычно пытавшееся выступать в роли «миротворца», «друга» и «защитника» народов края, сбросило овечью шкуру и стало действовать открыто и нагло, сляясь удержать в этом регионе свои экономические и политические позиции.

Как было отмечено в докладе члена Дагестанского обкома партии Султанова на конференции коммунистов Дербентского фронта 12 февраля 1920 г., «с приближением Красной Армии... Антанта... стремится создать буфер между Турцией и Советской Россией. С этой целью империалисты Антанты хотят присоеди-

нить к Азербайджану Дагестан»¹²³. В этом же направлении работал и британский агент — турецкий генерал Нури-паша, который командовал повстанческими войсками в Дагестане. Чтобы ускорить вступление Турции в войну с Советской Республикой, Антанта повела усиленную агитационную кампанию, пообещав ей вернуть отвоєванные у нее области, и прежде всего Константинополь и часть Балкан.

Толкая Турцию на военный конфликт с Советской Россией, империалисты старались решить по крайней мере три задачи: во-первых, остановить победное наступление Красной Армии, способствовавшее быстрой революционизации народов Ближнего Востока; во-вторых, помешать в самой Турции победе прогрессивного эрзерумского правительства во главе с Мустафой Кемалем, выступавшее за тесные дружеские контакты с революционной Россией. Наконец, вступление Турции в войну с Советами должно было способствовать сохранению марионеточных «независимых» закавказских правительств, которые, Антанта была уверена, поддержат Турцию в войне с Советской Республикой. Мусаватистское правительство Азербайджана пришло в восторг от обещания Антанты переправить в Каспийское море несколько подводных лодок.

Одновременно империалисты Антанты пытались объединить непосредственно на Северном Кавказе всех тех, кто боялся Советской власти и был готов с оружием в руках выступить против нее. В этих целях они планировали как можно скорей вывести из Северного Кавказа деморализованные белые войска и тем самым помешать Красной Армии прийти сюда в роли освободительницы. В таком случае они надеялись выставить советские войска как угнетателей малых народностей¹²⁴. Одновременно английское правительство форсировало в Закавказье подготовительные работы к созданию на Северном Кавказе буржуазной республики. Как было сказано в письме Дагестанского обкома партии на имя командующего Терскими повстанческими силами Н. Ф. Гикало от 20 февраля 1920 г., «люди, которые будут это осуществлять для Терской области, уже найдены, для Дагестана — подыскиваются»¹²⁵.

Важную роль в осуществлении этих планов Антанты отводила своему агенту — престарелому сподвижнику Шамиля шейху Узун-Хаджи, главе пресловутого Северо-Кавказского эмирства, в создании которого непосредственное участие принимало английское правительство через своих агентов в грузинском меньшевистском правительстве. Узун-Хаджи, разыгрывавший роль неприимого врага деникинщины, теперь, когда белая армия панически отступала под ударами Красной Армии, решительно выступил против Советской Республики. Он фактически поддерживал карательные акции деникинцев против повстанческого отряда Н. Ф. Гикало в Чечне.

В сообщении члена Реввоенсовета Кавказского фронта С. И. Гусева 23 января 1920 г. говорилось, что Узун-Хаджи «взял

резко шовинистический курс, издает прокламации о необходимости немедленно изгнать из пределов Дагестана и горной части Терской области всех русских, не исключая большевиков»¹²⁶. Анализируя создавшееся положение на Юге страны, где империалисты Антанты развили бурную деятельность, член Дагестанского обкома партии Б. П. Шеболдаев писал Н. Ф. Гикало 20 февраля 1920 г.: «Сейчас главная опасность с юга, со стороны Азербайджана, Англии и местной контрреволюции, на которую опирается Антанта, поэтому больше надо смотреть на юг, а не на север, там справятся и без нас»¹²⁷.

Агентура империализма в лице всех националистических элементов, еще недавно пытавшаяся выступать от имени народов края, взяла курс на сговор с Деникиным, на «борьбу с Советской Республикой». Разоблачая эти лишённые элементарного смысла действия империалистов Антанты, В. И. Ленин в беседе с корреспондентом американской газеты «The World» Линкольном Эйром 21 февраля 1920 г. говорил, что все это «вызывает у нас не столько страх, сколько разочарование по поводу того, что союзники все еще продолжают добиваться невозможного»¹²⁸.

Чтобы как-то заглушить голоса возмущенной оппозиции и гнев трудящихся масс своих стран, империалисты прибегали к элементарным жульническим приемам. В январе 1920 г. военное министерство Англии внезапно опубликовало в «Таймс» полуофициальное сообщение о том, что, по имеющимся у него сведениям, на Кавказ якобы проникает с юга большое количество турок с целью разжечь там беспорядки. «Говорят, что группы большевиков и турок, — вешала газета, — прибыли в Герат с двумя обозами и они сейчас двигаются через Кандагар и Кабул, сопровождаемые афганской конницей. Большевики открыли большое число пропагандистских школ в Ташкенте, где изучаются восточные языки и откуда агенты могут быть посланы в Индию, Китай и все мусульманские страны»¹²⁹. Газета снабдила эту дикую публикацию картой и броским заголовком: «Большевицкая угроза Среднему Востоку». Вся эта провокационная затея имела своей целью убедить общественное мнение Англии в том, что Красная Армия угрожает британским позициям в Персии и Афганистане.

Эффект получился совершенно противоположный. Исследователь англо-советских отношений З. Коутс пишет, что «впервые со времени перемирия в британской прессе и общественном мнении царил полное единодушие. Журналы разных политических оттенков и политически разнообразных цветов громко высказывались против всяких дальнейших британских военных авантур в России»¹³⁰.

Советское правительство по поводу цитированной провокационной статьи направило ноту английскому правительству, в которой подчеркнуло, что оно «не участвовало и не участвует в каком бы то ни было военном заговоре против британских интересов в Малой Азии; оно не угрожало и не угрожает нашествием на Хоросан и не создавало в Ташкенте никаких органи-

заций, предназначенных для нападения на британскую территорию или для угрозы ее интересам»¹³¹.

29 февраля 1920 г. Н. Ф. Гикало писал в Дагестанский областной комитет РКП(б) на имя Б. П. Шеболдаева: «Сообщаю для сведения, что узун-хаджинское влияние с каждым днем падает и рушится. Отряд красноармейцев с помощью революционной части горцев-чеченцев в слоб. Шатое 6 февраля с. г. обезоружил эмирское воинство. Отобраны пулеметы орудия. Великий визирь «князь Дышнинский» арестован и предан шариатскому суду. Факт разоружения — это факт нашего влияния в Чечне. Здесь в Чечне мы уже наблюдали работу английских и иных агитаторов, но все их соображения и козни пойдут насмарку... В Терской области, в среде горцев, никакие авантюры, направленные против Советской власти, не осуществятся»¹³².

О положении на Кавказе крайком РКП(б) подробно информировал ЦК партии и В. И. Ленина, одновременно разрабатывая конкретные мероприятия с целью разоблачения происков врага.

Чтобы выбить почву из-под ног агентуры Антанты на Северном Кавказе, которая пыталась привлечь на свою сторону широкие массы трудящихся туманными обещаниями создания независимой Северо-Кавказской республики и т. д., Центральный Комитет РКП(б) и Советское правительство под руководством В. И. Ленина еще задолго до окончательного разгрома денкинской армии самое серьезное внимание уделили будущему государственному устройству народов этого многонационального края.

Борьба с денкинщиной способствовала политическому пробуждению и классовому становлению трудящихся. Даже та часть пролетарских и полупролетарских масс населения, которая по неосознанности первоначально поддавалась вражеской пропаганде, теперь четко увидела своих друзей и недругов и решительно встала под знамя большевистской партии. Наши крестьяне, говорил А. И. Микоян на заседании отдела ЦК РКП(б) по работе в деревне, восстали против своих врагов — помещиков и капиталистов и стали перед необходимостью гражданской войны. Под сильным большевистским влиянием Узун-Хаджи и его единомышленники к началу 1920 г. оказались в полной изоляции от народных масс. Без особых осложнений была разоружена армия эмира. Шариатская монархия развалилась¹³³.

Рухнула также империалистическая затея превратить Черноморскую губернию в плацдарм против Советской Республики. По указке Антанты эсеры и меньшевики в конце 1919 г. создали так называемые Комитет освобождения Черноморья и Крестьянское ополчение как его вооруженную силу. Кавказский крайком РКП(б) внедрил в последнее под видом военспецов большевиков и сочувствующих им беспартийных. В ходе наступательной операции посланцы крайкома постепенно заняли командные посты и возглавили Крестьянское ополчение, пополнив его интернированными в Грузии бойцами из бывшей Северо-Кавказской армии, другими сторонниками Советской власти. Соглашатели оказались

изолированными от войск, в составе которых была создана сильная большевистская организация. Вместе с партизанскими отрядами Сочинского и Туапсинского округов эти войска к началу марта 1920 г. очистили от деникинцев значительную территорию, взяв под свой контроль побережье от Адлера до Туапсе. К этому времени Советская зеленая армия, действовавшая в Новороссийском округе, освободила Геленджик, окрестности Новороссийска, развернула боевые действия, перейдя через горы, на юге Кубани.

4 марта 1920 г. В. И. Ленин, ознакомившись с письмом Г. В. Чичерина о провозглашении эсерами в районе Сочи и Туапсе самостоятельной республики и необходимости проводить по отношению к ней осторожную политику, направил письмо зампредреввоенсовета Республики Э. М. Склянскому для ответа. Получив ответную записку от последнего о поддержке Советской Республики борьбой повстанцев Черноморской губернии против Деникина, В. И. Ленин под текстом записки написал: «Ответ Склянского. Чичерину к сведению»¹³⁴.

Чрезвычайное совещание большевиков, состоявшееся в Туапсе 7 марта 1920 г., решило объединить войска, формально считавшиеся еще Крестьянским ополчением. В деникинском тылу возникла 12-тысячная Красная Армия Черноморья как соединение Красной Армии. Эту по тем временам внушительную силу возглавил Реввоенсовет в составе большевиков П. Соркина (председатель), Л. Ивницкого, И. Шевцова, А. Цимбалюта. Командующим армией был назначен коммунист Е. С. Казанский, начальником штаба — В. В. Фавицкий¹³⁵.

События стремительно опрокидывали все планы империалистов Антанты и их агентов на Северном Кавказе, пытавшихся поднять народные массы против Советской власти. Их военное и политическое поражение стало совершившимся фактом. Теперь марионетки империализма в Грузии, Азербайджане и Армении с ужасом осознали, что Антанта не может уже дать им реальной военной силы для защиты от Красной Армии, прихода которой с нетерпением ждут трудящиеся массы Закавказья. Сами они не могли выставить ни единого полка и даже роты, готовой действительно защищать их правительства, запятнавшие себя грязным прислужничеством мировому империализму, предательством своей родины и народов во имя спасения собственной шкуры.

В этих условиях остатки разбитой белой гвардии, окончательно превратившиеся в банды мародеров и разбойников, оказались последней «надеждой» меньшевиков, мусавитистов и дашнаков.

Вот почему закавказские правительства, позабыв мнимые раздоры с Деникиным, радушно принимали у себя остатки его армии, создавая им необходимые условия для быстреего заживления ран и свободного передвижения в Крым, где «черный» барон Врангель готовил новый поход против Страны Советов. Больше того, марионеточные правительства формировали специальные части из деникинцев как для борьбы с наступающей Красной Армией, которая стремительно приближалась к границам

закавказских республик, так и для подавления восстаний своих трудящихся масс.

Таким образом, разгром предпринятого Антантой комбинированного военного похода против Советской Республики со всей убедительностью показал глубокий исторический смысл ленинского вывода о том, что нельзя победить народ, в котором трудящееся большинство осознало свои классовые интересы и всей своей мощью встало на защиту революционной власти.

4. Борьба трудящихся Дагестана против ставленников Антанты

После ухода турок в Закавказье и Дагестан пришли английские захватчики.

«Кавказ стонет под пятой английских империалистов,— писал А. И. Микоян в 1919 г. В. И. Ленину.— Когда еще хищнический германский империализм терзал Кавказ, грабил все что можно было, англичане тогда сулили кавказским народам золотые горы. Но вот немцы и турки покинули Кавказ, этих варваров сменили англо-французские «демократы». Но от этой перемены трудящимся массам на Кавказе не стало лучше. Империализм Антанты оказался не менее хищническим, чем германский»¹³⁶.

Часть турок оставалась в Дагестане и Азербайджане до прихода основных сил английских интервентов. Только в конце ноября турки окончательно покинули Дагестан. В связи с этим значительно ухудшилось положение «Горского правительства» — марионетки турецких интервентов.

Лакейско-подданническое отношение «Горского правительства» к империалистическим интервентам, готовность продаться кому угодно объяснялись его классовой сущностью, враждебным отношением к нему народных масс, пониманием им того, что без штыков интервентов оно не сможет просуществовать даже короткое время. В угоду личным «карманным интересам»,— как выразился С. М. Киров,— пресловутые деятели Горского правительства были готовы на все»¹³⁷. Большевики клеймили их как предателей народов Северного Кавказа¹³⁸.

Английское командование, захватив Баку и Порт-Петровск, превратило их в крупные военно-морские базы с целью наступления на Северный Кавказ и советскую Астрахань. Буржуазно-националистические партии на Кавказе оказывали всемерное содействие англичанам в осуществлении их планов. Вместе со штабом генерала Томсона в Баку прибыли французские и американские военные представители, а также Л. Бичерахов, получивший чин генерала английской армии.

Главарь «Горского правительства», страшась народной мести, в конце ноября 1918 г. сменил свою внешнеполитическую ориентацию и перешел в услужение к английским интервентам. Горская делегация любезно пригласила их из Баку в Дагестан, на Терек, просила помочь «освободить» территорию от Каспия до Черного

моря и воздействовать на Деникина, вторгшегося на эту территорию. Томсон предложил делегации «бросить мелкие распри и объединиться против большевиков... помогать союзникам установить связь с армией Деникина»¹³⁹.

Английские интервенты стали проводить в Закавказье и Дагестане беззастенчивую колониальную политику. Полоса железной дороги была наводнена английскими войсками. В Порт-Петровске, Дербенте, на всех железнодорожных станциях был установлен оккупационный режим.

В конце декабря 1918 г. «Горское правительство» подписало официальное заверение на имя Томсона о том, что в условиях борьбы с большевизмом в Дагестане оно предоставляет свои вооруженные силы в распоряжение британского командования¹⁴⁰.

С целью установления контроля над деятельностью «Горского правительства» английское командование направило в Дагестан специальную военную миссию во главе с полковником Роуландсоном. В задачи этой миссии входили поддержка связи с горской контрреволюцией и белогвардейскими силами на Северном Кавказе, проведение мобилизации горцев в армию английских «спасителей». Основная задача, как указывалось в инструкции Томсона Роуландсону 31 декабря 1918 г., заключалась в том, чтобы «обеспечить активные совместные действия всех партий против большевиков»¹⁴¹. В Темир-Хан-Шуре Роуландсон принял на себя обязанности командующего горскими войсками.

Трудящиеся горцы Дагестана под руководством большевиков поднялись на борьбу против английских интервентов и их марионетки — «Горского правительства». Эту борьбу направляли ЦК РКП(б) и Советское правительство.

Центральное бюро мусульманских организаций РКП(б) и Наркомат по делам национальностей развернули массово-политическую работу среди трудящихся Северного Кавказа. У. Буйнакский, командированный в Москву решением I съезда Советов депутатов Дагестана (июль 1918 г.), чтобы доложить Советскому правительству, В. И. Ленину о положении дел и попросить помощи для борьбы с контрреволюцией, работал в отделе горцев Кавказа Центрального бюро мусульманских организаций РКП(б). Этот отдел 28 октября 1918 г. был преобразован в Чрезвычайную коллегию Наркомнаца по делам Северного Кавказа и Дагестана под руководством У. Д. Алиева. Ее членами были У. Буйнакский, Х. Гастемиров и У. Кубатиев. В ноябре коллегия отбыла из Москвы и во главе с У. Буйнакским прибыла в Астрахань.

Перед Чрезвычайной коллегией стояли задачи принять энергичные меры по воссозданию и усилению работы партийных организаций на Северном Кавказе и организации всенародной борьбы против интервентов и их марионеток — местных «правительств». Для выполнения этих задач члены коллегии и ответственные работники из Астрахани направились в различные районы Северного Кавказа. У. Буйнакский направился в Дагестан,

где «Горское правительство» держалось лишь с помощью английских интервентов. Но местные большевистские организации, руководившие борьбой горцев, были разрозненными и малочисленными.

С приездом У. Буйнакского развернулась работа по созыву первой областной партийной конференции большевиков. В тяжелых условиях подполья налаживались связи между большевистскими организациями, создавались новые организации в окружных центрах и крупных аулах. У. Буйнакский, А. Исмаилов, М. Далгат, Д. Атаев, Г. Далгат, В. Гавриленко и другие побывали во многих городах и аулах. Первая дагестанская областная партийная конференция состоялась в середине февраля 1919 г. в ауле Кумторкала. На конференцию прибыли делегаты большевистских организаций городов Порт-Петровск, Дербент, Темир-Хан-Шура и селений Н. Дженгутай, Тарки, Кумторкала и др. На повестке дня стояли вопросы состояния работы большевистских организаций в области, подготовки вооруженного восстания для свержения «Горского правительства», выборов Областного комитета партии, Военного совета и приема в члены РКП(б).

У. Буйнакский подробно охарактеризовал деятельность большевистских организаций области, информировал конференцию о директивах ЦК РКП(б) и Центрального бюро мусульманских организаций РКП(б), о помощи, которая будет направлена из Москвы и Астрахани, о Дагестанском конном полке и дивизионах горцев-добровольцев, которые могут быть переброшены в Дагестан из Астрахани по необходимости.

На конференции был избран Областной комитет партии в составе: Уллубий Буйнакский (председатель), Джелалудин Кокмасов, Магомед Далгат (секретарь), Емельян Гоголев, Гамид Далгат, Абдурахман Исмаилов, Саид Абдулхалимов, Петр Ковалев, Гадис Гаджиев и др. Конференция наметила ряд мер по усилению подготовки вооруженного восстания против оккупантов, «Горского правительства» и денкинцев. Для руководства военной работой был создан Военный совет во главе с У. Буйнакским в составе С. Абдулхалимова, Н. Магомедова и др.

Первая областная партийная конференция и ее решения сыграли чрезвычайно важную роль. Она ознаменовала собой поворотный пункт в борьбе трудящихся области за восстановление Советской власти. Впервые в истории большевистских организаций в Дагестане был создан руководящий орган — партийный центр областного масштаба.

С созданием Дагестанского обкома РКП(б) партийная работа в области заметно оживилась. Значительно возросло влияние большевиков среди трудящихся, во многих окружных центрах и крупных селениях возникли новые большевистские партийные организации и группы. Военный совет при обкоме формировал партизанские отряды и группы. Большая работа проводилась по

созданию рабочих дружин в Порт-Петровске, где располагался деникинский отряд генерала Пржевальского.

Дагестанский обком и Военный совет в марте 1919 г. провели пленум, на котором обсудили вопрос о степени подготовки вооруженного восстания. Пленум проходил в ауле Н. Казанище. По поручению пленума Военный совет обсудил конкретный план восстания.

В конце марта 1919 г. в помощь обкому с паспортом эсера Николая Савинкова, «скрывавшегося» после подавления антисоветского эсеровского мятежа в Астрахани, в Дагестан прибыл Оскар Моисеевич Лещинский. Он был принят английскими офицерами и офицерами Пржевальского с большими почестями и получил свободный доступ на все предприятия и в воинские подразделения Порт-Петровска.

В апреле 1919 г. состоялся второй пленум Обкома РКП(б), где О. Лещинский был введен в состав Обкома и в члены Военного совета. На этом пленуме снова обсуждался вопрос о вооруженном восстании.

По предложению О. Лещинского главный удар должен был быть нанесен против английских оккупантов и отряда Пржевальского. Поэтому Порт-Петровск, на взятие которого обращал особое внимание В. И. Ленин¹⁴², стал главным объектом плана вооруженного восстания. Но для овладения Порт-Петровском требовалось, чтобы Реввоенсовет Каспийско-Кавказского фронта высадил здесь военно-морской десант. Пленум Обкома поручил О. Лещинскому к 1 мая 1919 г. подготовить и вооружить не менее 70 рабочих-дружинников для внезапного удара по противнику в момент подхода к Порт-Петровску красной флотилии из Астрахани.

Направленные Обкомом РКП(б) и Военным советом пропагандисты развернули в аулах Темир-Хан-Шуринского округа широкую агитационно-массовую работу среди трудящихся, распространяли листовки, которые призывали к борьбе против интервентов, деникинских ставленников и «Горского правительства». Почти в каждом ауле создавались партизанские отряды. Большая работа проводилась среди рабочих-железнодорожников и почтово-телеграфных служащих Порт-Петровска, Дербента и Темир-Хан-Шуры, объявивших всеобщую забастовку. Движение поездов, почтово-телеграфные работы всецело контролировались забастовочными комитетами. Ни одна «правительственная» телеграмма без кодового знака забастовочного комитета не отправлялась. Обком РКП(б) обратился к трудящимся горцам с листовкой, в которой он призывал их взяться за оружие¹⁴³.

Аул за аулом отказывались подчиниться распоряжениям «Горского правительства». Начальник Темир-Хан-Шуринского округа сообщал: «В селениях Кумторкала, Кадар, Доргели и др. идет брожение под влиянием тайных агентов, настраивающих жителей в пользу распространения большевистских идей, и даже идет запись людей в ряды Красной Армии. В этих селениях

фактически не признают и правительство»¹⁴⁴. Реввоенсовет Каспийско-Кавказского фронта и политотдел 11-й армии обсудили вопрос о конкретной помощи восстанию в Дагестане.

Для взятия Порт-Петровска был срочно сформирован морской десант, в состав которого входил и отряд из 1-го дагестанского советского конного полка, командиром которого был Осиповский, а политруком — К. Мамедбеков¹⁴⁵.

Для организации боевых действий Каспийской флотилии Астрахань была неудобной стоянкой. Поэтому решено было перенести главную базу флотилии в какой-нибудь подходящий пункт на побережье Каспия на территории, находившейся в руках противника. Выбор пал на форт Александровский, расположенный на Мангышлакском полуострове. Необходимость занятия этого форта диктовалась еще и тем, что там находилась мощная радиостанция, с помощью которой осуществлялась связь между деникинскими и колчаковскими войсками.

Реввоенсовет фронта решил овладеть фортом Александровским. Группа кораблей флотилии с десантным отрядом из бойцов дагестанского полка 30 апреля подошла к берегам Тюб-Караганского залива. С. М. Киров лично руководил этим походом. Для предотвращения неожиданного нападения противника в сторону Порт-Петровска были также высланы корабли. Внезапно высадившийся десант обезоружил охрану радиостанции противника.

По замыслу С. М. Кирова радиостанция должна была продолжать работу, с тем чтобы деникинцы, англичане, колчаковцы не подозревали о ее захвате красными. Поступавшие радиogramмы удалось расшифровать и передать командованию советских войск.

Форт Александровский 5 мая получил от Пржевальского из Порт-Петровска радиogramму о том, что в Гурьев на канонерке «Лейла» к Колчаку направляется делегация с особо важной миссией во главе с генералом Гришиным-Алмазовым. Пржевальский предложил встретить «Лейлу» в открытом море и сопроводить ее до Гурьева. Быстро созрел план захвата «Лейлы». Пржевальскому радиировали о том, что форт Александровский к встрече готов. Эскадренный миноносец «Карл Либкнехт», на борту которого находился С. М. Киров, вышел в море навстречу белогвардейскому судну и захватил его 6 мая.

Деникинцы не успели уничтожить находившиеся у них важные документы (в том числе обширную переписку Деникина с Колчаком). Эти материалы были пересланы С. М. Кировым В. И. Ленину.

Однако пробиться к Порт-Петровску десантным кораблям из-за технических неполадок не удалось. Член Реввоенсовета Республики К. А. Механошин сообщал В. И. Ленину из Астрахани о том, что первая операция (в отношении Порты-Петровска) не удалась в связи с выходом из строя эсминца «Москвитянин» и вспомогательного крейсера «Ильич»¹⁴⁶. Это вынудило принять решение вернуться на астраханский рейд, с тем чтобы подготовить повторный набег. Но отложенную операцию провести не удалось,

так как основная часть красной флотилии еще была на пути к Астрахани, в то время как 16 английских кораблей направились в Тюб-Караганский залив против группы кораблей, оставленных в форте Александровском. Три дня англичане обстреливали корабли красной флотилии из дальнобойных орудий, бомбили с самолетов. Потеряв часть судов, почти половину личного состава десантный отряд на четвертый день с наступлением темноты вынужден был покинуть залив и вернуться в Астрахань¹⁴⁷.

Восстание в Дагестане было назначено на 2 мая. В ожидании появления советской флотилии из Астрахани к этому дню О. Лещинский обеспечил выведение из строя деникинской артиллерии, в порту — подъемных кранов для английских гидропланов. В боевую готовность была приведена рабочая дружина. Но флотилия не прибыла. Восстание было отложено.

Командование англичан принимало меры, чтобы не допустить восстания в Дагестане. С этой целью было решено перебросить сюда из Закавказья большую группу войск. Но бакинское бюро Кавказского крайкома РКП(б) организовало всеобщую забастовку рабочих и железнодорожников Баку, сорвав тем самым переброску войск. Забастовали также железнодорожники Порт-Петровска и Дербента, руководимые С. Дрожжиным, Н. Ротенко, Шихна-Мамедом, Мирзояном и Н. Ляхновским. Забастовочное движение охватило все Закавказье.

Английские империалисты на словах признавали «независимость» республики союза горцев Кавказа («Горское правительство»). Но нараставшая опасность восстания, подготовленного Дагестанским обкомом РКП(б), убедила их в том, что своими силами им Дагестан не удержать. И они решили вначале обезглавить дагестанских большевиков, добившись ареста подпольного обкома «Горским правительством», а затем впустить деникинскую армию в Дагестан.

13 мая в Темир-Хан-Шуре в момент обсуждения нового плана восстания Дагестанский обком РКП(б) во главе с У. Буйнакским был арестован. Арестованные члены Обкома РКП(б) и активные коммунисты были доставлены в портпетровскую тюрьму, которая охранялась деникинцами из отряда Пржевальского.

Англо-американские представители при «Горском правительстве» убеждали его главарей в том, что занятие Дагестана деникинцами необходимо и не представляет опасности для его «независимости», ибо когда Парижская мирная конференция или державы Антанты решат вопрос о независимости горцев, Деникин сам уйдет. «Мы от души будем просить мудрый Дагестан не портить своего отношения с «Добровольческой армией», — писали они в своем официальном отношении к «Горскому правительству». Но впустить деникинскую армию в Дагестан с согласия «Горского правительства» англичанам было не так-то просто. Парламент «Горского правительства» к тому времени был расколот на две группировки — сторонников и противников деникинского вторжения в Дагестан. Одним из ярых противников

деникинское вторжения был известный шейх, член духовного правления «Горского правительства» Али-Гаджи Акушинский¹⁴⁸.

Осведомленное обо всем этом деникинское командование направило в Дагестан войска и 20 мая захватило Порт-Петровск и Дербент. 24 мая, пока члены «Горского парламента» дискутировали, новоявленный деникинский правитель — военный министр этого правительства генерал Халилов объявил о роспуске «Горского правительства» и «парламента». «„Горское правительство“, — писал С. М. Киров, — не имея ни турецких аскеров, ни горского населения за собой, продало горцев палачам Деникина»¹⁴⁹ ценой жизни горских коммунистов с тов. Буйнакским во главе.

Оставшиеся на свободе члены Обкома РКП(б) взяли руководство восстанием на себя. Теперь восстание было направлено против деникинских войск в Дагестане. Члены Обкома вместе с направленным из Астрахани и Кизляра им в помощь Б. Шеболдаевым перебрались из Темир-Хан-Шуры в селение Левашаи в июне 1919 г. и начали собирать противоденикинских повстанцев в горных округах.

Следуя указаниям Кавказского крайкома РКП(б), коммунисты в Левашах привлекли к восстанию оппозиционную к деникинцам часть духовенства. Влиятельный среди горцев Дагестана, воинственно настроенный против вторжения деникинцев в Дагестан и готовый мстить им за ликвидацию республики союза горцев («Горского правительства») шейх Али-Гаджи Акушинский согласился принять активное участие в восстании. Компромисс удался. Али-Гаджи был выдвинут председателем Военного совета — штаба противоденикинское восстания. Членами этого штаба были коммунисты Б. Шеболдаев, Г. Саидов, Д. Коркмасов, В. Гавриленко и др.

Восставшие горцы из Даргинского, Казикумухского и Темир-Хан-Шурина округа в двадцатых числах июля 1919 г. начали наступление на занятые деникинцами аулы Верхний и Нижний Дженгутай, Муслимаул (ныне Атланаул) и на областной центр г. Темир-Хан-Шуру. Это было первое противоденикинское восстание. Но оно потерпело поражение. Причины поражения заключались в том, что мобилизовали повстанцев лишь 4 (из 9) округов, не был восстановлен Дагестанский обком РКП(б), горцы были плохо вооружены, не хватало даже патронов. Деникинцы, разгромив повстанцев, заняли и горные округа Дагестана. Организаторы и активные участники восстания разбежались в Баку и азербайджанские селения.

В августе — сентябре 1919 г. началось второе восстание. Оно превратилось во всенародную самоотверженную борьбу трудящихся Дагестана. Восстание возглавили члены восстановленного Обкома РКП(б). Все горные округа были освобождены от захватчиков, установлена регулярная связь с Кавказским крайкомом РКП(б) и его Бакинским бюро, с Красной Армией через Астрахань.

В октябре 1919 г. в Левашах образовался Совет обороны Северного Кавказа и Дагестана. Когда духовенство и буржуазно-националистические временные попутчики настаивали на проведение шейха Акушинского председателем Совета обороны, большевики добились назначения его лишь почетным председателем Совета, одновременно выдвинув другим почетным председателем от коммунистов члена Обкома РКП(б) Д. Коркмасова. Почетные председатели играли роль советников, решающая функция принадлежала самому Совету обороны.

С вторжением деникинских войск в Дагестан начался жестокий белый террор. «Петровск и Дербент, занятые деникинской бандой, представляют кромешный ад... Массовый расстрел, бесшабашный пьяный разгул офицерской банды возбуждают население, которое ждет момента для расправы с разбойниками»¹⁵⁰, — писали большевики из Баку.

Активизировали свои происки на Кавказе и американские империалисты. «Администрация американской помощи» организовала специальное Кавказское отделение. Руководил им верховный комиссар союзников на Кавказе Гаскель. В составе отделения были в основном военные: капитан С. Саундерс, полковник Дж. К. Ре, капитан М. Хьюзик, лейтенант-полковник С. Уэйт. Кроме них, в составе отделения были 4 полковника, 6 майоров, 5 капитанов, 1 лейтенант и несколько гражданских чиновников¹⁵¹. «Администрация американской помощи» сделала попытку проникнуть и в Дагестан, где в это время установилась власть деникинского правителя генерала Халилова. Американские империалисты не соглашались на официальное признание Закавказских республик до разрешения «русского вопроса» на Парижской мирной конференции. Однако генерал Харбург — руководитель военной миссии США в Турции и на Кавказе — и другие американские представители поддерживали вновь возникавшие государственные образования, стремившиеся отмежеваться от Советской России.

Американская военная миссия послала к эмиру Узун-Хаджи в Чечню своего агента — бывшего ротмистра царской армии Арсанукаева с фирманом турецкого султана, сохранившего за собой сан «великого халифа» (преемника пророка). Халиф обещал свое покровительство любому мусульманскому военно-теократическому государственному образованию горцев Кавказа, не признающему власти большевиков. У Узун-Хаджи это создавало иллюзию прочности образованной им мусульманской монархии (эмирата).

Владение Дагестаном обеспечивало Деникину поступление помощи от англичан через Баку, связь с Гурьевским и Туркестанским фронтами. Но вести сражение на два фронта — против Красной Армии и горских повстанцев — у деникинцев уже не было сил.

Деникинское командование пыталось вести переговоры с повстанцами о заключении перемирия. Для этого решено было

использовать колебания духовенства и проденикинского правителя Дагестана. В январе 1920 г. была сделана первая попытка заключить перемирие.

Одновременно в этих целях деникинцы решили использовать одного из почетных председателей Совета обороны антиденикинской борьбы в горах — Али-Гаджи Акушинского. Но открытая посылка специального представителя командования к нему могла вызвать протест у рядовых повстанцев. Поэтому деникинцы воспользовались авторитетом другого верного им шейха — Абдул-Басира Казанищенского, до этого объявленного ими главой правоверных мусульман — шейх-уль-исламом. В письме к Али-Гаджи Акушинскому Абдул-Басир предложил прекратить войну и заключить мир с Деникиным, «против войск которого не может устоять ни одна народность Кавказа»¹⁵². Это обращение усилило колебание Али-Гаджи. Он хотел было ответить о готовности вступить в переговоры, но резкий протест со стороны Дагестанского обкома РКП(б) заставил его пока воздержаться от этого шага.

Совет обороны, ставший в то время большевистским, постановил задержать вопрос о вступлении в мирные переговоры, сообщив Абдул-Басиру о том, что Совет обороны будет обсуждать лишь те предложения, которые будут исходить от противника согласно установленным правилам международных отношений¹⁵³.

Когда в конце 1919 г. ставленники Антанты терпели поражения на Южном и Юго-Восточном фронтах, в Дагестане начались повальные грабежи. В аулах Кумуторкала Темир-Хан-Шуринского округа, Дарваги, Мамедкала и Берекей Кайтаго-Табасаранского округа деникинцы угнали весь скот¹⁵⁴. Даже буржуазные газеты печатали сообщения о том, что белогвардейские офицеры открыто продавали на рынках награбленные у местного населения женские платья, домашний скarb и пр. «На городское население это мародерское дело производит потрясающее впечатление, и сочувствие в пользу горцев во всех слоях населения растет с каждым днем», — сообщалось в газетах¹⁵⁵. Чтобы заставить Совет обороны заключить перемирие, деникинское командование усилило репрессии и грабежи в зоне своего господства на равнине.

Пантюркизм командующего повстанческими силами генерала Нури-паши, опиравшегося на поддержку мусаватистского правительства и империалистов, скрытое враждебное отношение к большевикам и Советской власти Али-Гаджи Акушинского, по-прежнему пользовавшегося большим влиянием на верующих горцев, агитация кулачества и духовенства занятых деникинцами плоскостных аулов за прекращение огня — все это создавало тяжелую обстановку для работы коммунистов в Дагестане. Положение осложнялось политикой правительств Закавказских буржуазных республик. Мусаватисты и меньшевики не сомневались в том, что победа Деникина положит конец их «самостоятельности»¹⁵⁶, но они понимали также, что победа горцев-повстан-

цев усилит подъем революционного движения среди трудящихся Азербайджана и Грузии. Поэтому громогласно выражая симпатии к горским повстанцам в печати и обещая им военную поддержку, практически для этого они ничего не делали. Когда же Красная Армия продвинулась к Кавказу, мусаватисты по указке Антанты всячески старались помирить повстанцев Дагестана с Деникиным, чтобы потом заключить с горцами соглашение и присоединить к Азербайджану Северный Кавказ.

Совершенно по-другому смотрели на борьбу повстанцев Дагестана трудящиеся Азербайджана и всего Закавказья. «В невероятных условиях, при отсутствии продовольствия, одежды, оружия и других необходимых припасов Красный Дагестан гордо отстаивает свою свободу от генеральской нагайки, заслоняя и нас, живущих здесь, от полчищ контрреволюции», — писали рабочие Баку¹⁵⁷. «Победа горцев над генеральско-помещичьей реакцией будет нашим праздником, нашей победой, поражение дагестанских повстанцев будет нашим поражением», — подчеркнула рабочая конференция в воззвании к бакинскому пролетариату¹⁵⁸.

В условиях, когда в горах Дагестана фактическая власть находилась на руках местных органов Совета обороны, ревкомов и большевистских комитетов, а Красная Армия все ближе подходила к границам Терской области, лидерам меджлиса и Али-Гаджи Акушинскому все труднее было скрывать свое истинное лицо. Они решили приостановить бои с деникинцами и заключить с ними перемирие для того, чтобы общими усилиями искоренить большевизм в Дагестане. Меджлисовцы и турецкие офицеры решили активизировать Али-Гаджи Акушинского, использовать его авторитет.

Окруженный духовенством, буржуазными элементами и турецкими офицерами — ставленниками Антанты, Али-Гаджи начал выступать «в защиту» шариата и религии горцев от надвигающейся «опасности Красной Армии». Он заявил, что заключение перемирия с деникинским командованием вполне допустимо, если оно гарантирует уважительное отношение к мусульманской религии. Такой поворот дела был угоден и дагестанскому кулачеству, и духовенству, и Деникину, и азербайджанским мусаватистам, и грузинским меньшевикам, и их хозяевам — англо-американским интервентам.

Несмотря на растущее влияние большевиков, Али-Гаджи все еще рассчитывал на свой авторитет среди горцев-повстанцев и пост почетного председателя Совета обороны. Он был уверен, что ни Обком РКП(б), ни Совет обороны не осмелятся идти ему наперекор, и поэтому обратился к командованию деникинской армии в Дагестане с предложением о прекращении военных действий. При этом Али-Гаджи изъявил желание быть союзником деникинцев в борьбе против большевиков.

В январе 1920 г., тайно согласовав вопрос с генералом Нурипашой, Али-Гаджи послал в Темир-Хан-Шуру своего представителя с коротким официальным письмом на имя деникинского

правителя в Дагестане генерала Халилова: «Я как духовное лицо и как шейх-уль-ислам обязан быть на страже интересов шариата и религии. Если Вы хотите заключить со мной союз при условии гарантии неприкосновенности религии и шариата, то я готов»¹⁵⁹.

Получив такое желанное сообщение от духовного главы повстанцев, деникинское командование в Дагестане незамедлительно назначило время и место для переговоров в Нижнем Дженгутае.

Попытку Али-Гаджи заключить перемирие с деникинцами Областной и Краевой комитеты РКП(б) расценили как предательство. Но в тот момент острые разногласия могли ослабить повстанческое движение. Обком решил не вступать в открытый конфликт с Али-Гаджи и турецким командованием и дал указание Совету обороны в деликатной форме убедить шейха отказаться от переговоров с деникинцами. Совет обороны вынес постановление: «С добровольцами ни в какие переговоры о мире не вступать»¹⁶⁰. В согласованное время 21 января 1920 г. деникинские парламентарии прибыли в Нижний Дженгутай. Но парламентарии ни от Али-Гаджи, ни от Совета обороны не явились.

Срыв переговоров резко изменил отношение азербайджанского мусаватистского правительства к повстанческому движению в Дагестане. По настоянию представителей Антанты, прикрываясь маской дружелюбия и братства, мусаватистские главари готовились к осуществлению далеко идущих планов. Они решили использовать успехи повстанцев Дагестана в своих целях и, оказав повстанцам «помощь» своими регулярными войсками, с помощью турок — генерала Нури-паши, Кязим-бея, духовенства присоединить к Азербайджану если не весь Северный Кавказ, то хотя бы Дагестан.

Империалисты давно вынашивали план расчленения России на «независимые республики». Но пока ход военных действий был в пользу Деникина, этот план не обсуждался на официальных совещаниях. Теперь положение изменилось. На карте «Предполагаемые границы России», приложенной к IV тому дневника Мюллера — американского юридического эксперта на Парижской мирной конференции, были указаны районы, которые планировалось отторгнуть от России*, — Прибалтика, Белоруссия, Украина, Кавказ, Сибирь и все среднеазиатские области. В комментариях к карте было указано: «...если большевистское правительство останется у власти и будет продолжать свой нынешний курс к тому времени, когда русские территориальные вопросы будут решаться на мирной конференции, не представляется другого выбора, кроме признания независимости... всех нерусских национальностей»¹⁶¹.

* Дневник Мюллера в 12 томах в мизерном тираже — 20 экз. — был издан для представления на Парижскую мирную конференцию.

Но это «признание независимости» всех нерусских национальностей, т. е. отделение их от Советской Республики, вовсе не означало образования независимых, самостоятельных государств. Об этом не постеснялись высказаться американские империалисты. Госдепартамент США в комментариях, приложенных к карте Мюллера, указывал: «Россия может быть разделена экономической жизнью. Ни одна область не является достаточно самостоятельной, чтобы образовать сильное государство...»¹⁶².

17 января 1920 г. расширенное заседание верховного совета Антанты в Париже заслушав претензии к мирной конференции представителей Грузии и Азербайджана, признало Азербайджан и Грузию «независимыми», отделившимися от Советской республики и решило оказать им помощь для борьбы против Красной Армии¹⁶³. Эта акция взбудоражила буржуазно-националистическую верхушку Северного Кавказа, представителем которой — уполномоченный меджлиса Бамматов к этому времени все еще даже не был допущен на заседание верховного совета Антанты, а лишь довольствовался разговорами с отдельными членами его делегаций об отторжении территории Терской и Дагестанской областей от Советской России. Но Антанта считала вопрос о Закавказье решенным, а признание независимости «республики горцев Кавказа» допускала лишь в пределах Азербайджана. Поэтому один из лидеров меджлиса — Хасан с возмущением писал в своем письме Бамматову: «Так дальше нельзя оставаться: надо честно признать, что мы оказались несостоятельными и даем до последнего момента водить себя за нос нашим счастливым соседям, которые хотят сделать нас навозом для удобрения их собственной почвы... Надо что-нибудь делать. Помни, что история всех нас поставит на скамью подсудимых, особенно таких, как ты, Баммат, Джебагиев, Цаликов и др. Вы являетесь наиболее сознательными и последовательными носителями нашей независимости»¹⁶⁴.

Не добившись успехов в дипломатических кулуарах Антанты, министр иностранных дел меджлиса Бамматов, вернувшись в Закавказье, принялся за образование «Кавказской конфедерации», в состав которой должны были войти Закавказье, Дагестан и Терская область. В этом случае республика горцев получила бы автономию в составе Закавказья. Эта авантюра Бамматова могла привести горские народы в новую западную мусаватистов и их покровителей из Антанты.

Советское правительство несколько раз напоминало об ответственности правительств Азербайджана и Грузии, предлагало им специальными нотами вступить в союз с Советской Республикой и вложить свою лепту в победу над деникинской контрреволюцией, но эти призывы были безуспешными.

Коммунисты Закавказья обратились к грузинскому народу с призывом: «Грузинское правительство вынуждено было снять маску и обнажить свое предательское лицо. Жордания отказался от союза с Советской Россией, отказался от борьбы с деникин-

щиной и открыто перешел на сторону Антанты... Теперь, когда Деникин... смертельно разбит, пал Ростов-на-Дону и нужно... сколотить новые контрреволюционные силы против Советской России, Антанта решила дать клочок бумажки... признание „независимости“ Грузии»¹⁶⁵.

Правительство Азербайджана, невзирая на свой «нейтралитет», вынашивает широкие захватнические планы в Дагестане и на Тереке. Мусаватисты намеревались захватить с помощью Нури-паши Северный Кавказ до станции Прохладной. Начальник генштаба мусаватистского Азербайджана представил подробный план занятия Дагестана и Терской области. Антанта же должна была помочь мусаватистам очистить Дагестан от деникинцев.

Совершенно другие намерения высказывали бакинские рабочие: «Горе соседям, безучастно наблюдавшим за неравной борьбой малочисленных, но безумно храбрых красных орлов Дагестана с черными коршунами царской реакции! Окончательная победа красных горцев, защищающих своей грудью как себя, так и косвенно Азербайджан и Грузию, будет тем радостным сигналом, который поднимет на ноги уже организованный и сознательный пролетариат Закавказья»¹⁶⁶.

Страны Антанты теперь особенно заботились об оказании военной помощи мусаватистам Азербайджана и грузинским меньшинствам в их борьбе против Советской России. Было решено передать им огромное военное имущество, находившееся в Закавказье и предназначенное для деникинцев. Антанта взяла на себя обеспечение Грузии и Азербайджана и денежными средствами.

Военные эксперты стран Антанты специально изучали положение на Кавказе и выясняли размеры необходимой помощи. Доклад военных экспертов обсуждал совет премьер-министров. Ллойд Джордж и особенно маршал Фош настаивали на новой вооруженной интервенции в Закавказье под видом военной помощи¹⁶⁷.

После освобождения Красноводска в феврале 1920 г. связь повстанцев Дагестана с центром окрепла. Через Красноводск и Баку началось систематическое снабжение повстанцев оружием и деньгами. Но командование повстанцев Дагестана все еще находилось в руках Нури-паши, всеми средствами тормозившего развитие борьбы с деникинцами.

Большая и умелая разъяснительная работа большевиков, учитывавших сложную обстановку (многонациональность, религиозно-фанатическую настроенность части населения, влияние духовенства), значительно подняла авторитет партии среди трудящихся горцев, усилила ее влияние в массах. Это давало возможность изолировать буржуазно-националистические элементы в повстанческом движении.

Отношения между турецкими офицерами и коммунистами были очень натянутыми. Столкновение между ними становилось неизбежным. Однако Дагестанский обком РКП(б) и Совет обороны всячески избегали этого до поры до времени. Надо было под-

готовить общественное мнение, разоблачить в глазах трудящихся предательскую политику пантюркистов и потом уж дать им решительный отпор, изгнать их из Дагестана.

Но Нури-паша пошел напролом. Он установил контакты со служившими Деникину дагестанскими офицерами. Особенно интересовали его те из них, которые раньше поддерживали «Горское правительство», а теперь с провалом Деникина были снова не прочь послужить «родному краю»¹⁶⁸. Он потребовал примирения Али-Гаджи с Гоцинским, установил тесный контакт с деникинским начальником Аварского округа полковником Қайтмасом Алихановым, который ответил ему, что готов выступить против большевиков, если против них Али-Гаджи сумеет поднять восстание в Леваши. Нури-паша обещал военную помощь из Азербайджана.

Али-Гаджи опубликовал специальное воззвание, в котором он предлагал покинуть пределы Дагестана тем, кто свои интересы ставит выше целей и задач турок, и остаться тем, кто хочет работать «во имя независимости республики горских народов»¹⁶⁹. Али-Гаджи призывал «правоверных мусульман» помочь туркам. Но горцы не откликнулись на его призыв, они шли за коммунистами.

Заметная большевизация красноповстанческих отрядов, успешная подготовка их к решительному наступлению на деникинцев все больше тревожили англо-американских интервентов, мусаватистов, их ставленников в Дагестане — Нури-пашу, Қязим-бея и др. Совет обороны по указанию Обкома РКП(б) категорически запретил Али-Гаджи и Нури-паше вести переговоры с деникинцами, приказал укрепить границу с Азербайджаном. Это расстроило планы англо-американских интервентов, националистов и духовенства. Они решили усилить антибольшевистские позиции Нури-паши посылкой войск из Азербайджана в Дагестан под предлогом оказания помощи повстанцам в борьбе против Деникина.

Из нескольких перехваченных секретных писем стало известно о связи Қязим-бея с деникинцами и предложении им совместно с турками и Али-Гаджи бороться с большевиками. 3 марта 1920 г. Қязим-бей получил указание явиться 6 марта на заседание Совета обороны. Қязим-бей заподозрил, что он разоблачен, и решил не медлить. Тем более что и момент для нападения на Леваши был благоприятен: по распоряжению Обкома и Совета обороны конный отряд Г. Далгата — надежная охрана Обкома — на 7 дней был послан в Урахи на отдых, так как длительное время не выходил из боев. Рассчитывая застать врасплох большевиков, Қязим-бей ночью с 5 на 6 марта послал отряд турецких аскеров, чаушей* и купинских исламистов-фанатиков в Леваши.

Из-за растерянности, проявленной охраной Совета обороны, были арестованы и уведены в резиденцию Қязим-бея С.-С. Казбеков, Д. Коркмасов, М. Ахундов, Р. Нуров, Ш. Даветов и другие

* Чауши — стражники

коммунисты. С.-С. Казбеков был выделен из общего числа схваченных, зверски убит по дороге в селение Урму, остальные были посажены в хлев под жильем Кязим-бея. Но авантюра провалилась. Вечером 8 марта Кязим-бей вынужден был освободить членов Совета обороны. Дагестанский обком и Совет обороны немедленно возобновили свою работу. Тайно, по-воровски Кязим-бей бежал из Дагестана.

Г. К. Орджоникидзе и С. М. Киров сообщили в Москву: «Кязим-бей и Нури-паша выдавали себя за врагов Деникина. Эти „герои“-завоеватели, еще недавно зверски расправлявшиеся с трудящимися Азербайджана, теперь прикидывались друзьями дагестанского народа. В осуществлении своих антисоветских планов эти офицеры находили поддержку у дагестанских националистов. Однако авантюра турецких офицеров вскоре полностью провалилась. Большевики разоблачили турок, а быстрое продвижение Красной Армии на Кавказ положило конец мусаватистско-турецким авантюристам в Дагестане»¹⁷⁰.

12 марта 1920 г. председатель Дагестанского обкома РКП(б) Б. Шеболдаев писал представителю РВС 11-й армии А. Хорошеву о том, что «в последней нашей борьбе с турецко-горской контрреволюцией успешно действовали смешанные (русско-горские) части, и все-таки это не дало повода для провокации, так как нас обобщали под названием „большевики“ и, таким образом, классовый признак оказался здесь сильнее национального»¹⁷¹.

Нури-паша на словах осудил действия Кязим-бея и всю вину свалил на него, всячески стараясь снова войти в доверие горцев. Однако Б. Шеболдаев поставил перед Бакинским бюро Кавказского крайкома вопрос об его отзыве из Дагестана, как опасного врага горских повстанцев и Советской власти.

По указанию Обкома РКП(б) начальник штаба Дербентского участка фронта А. Дьяков и командир полка Королев организовали отборный отряд из коммунистов (200 человек) и отправили его в ночь на 21 марта 1920 г. в Маджалис для ареста Нури-паши. Однако за несколько часов до прихода отряда он с офицерами штаба бежал в Азербайджан. В то же время две роты, руководимые Королевым и Перепелициным, без боя обезоружили охрану командующего Дербентским участком фронта полковника Фуат-бея и арестовали его.

Дагестанский обком РКП(б) и Совет обороны дали указание начать новый штурм позиций деникинцев. Командующим Дербентским участком фронта был утвержден Алахверди Акимов, комиссаром — член Обкома РКП(б) С. Дударов; командующим Темир-Хан-Шуринским участком фронта был назначен Мута Рамазанов, политкомиссаром — Борис Шеболдаев; командующим Минасским и Петровским участками — Гамид Далгат и комиссаром — член Обкома РКП(б) Владимир Гавриленко.

Дербентский фронтовой комитет РКП(б) еще до ареста турецких офицеров планировал наступление войск на город вопреки распоряжениям главнокомандующего Нури-паши и командующего участком

фронта Фуат-бея. Бегство Нури-паши и арест турецких офицеров ускорили подготовку к штурму города. Отдельные отряды лезгинских, кайтагских, южнокумыкских повстанцев, ушедших с фронта из-за жестокого обращения турецких офицеров, по призыву нового командующего и комиссара спешно возвращались к городу.

Штурм Дербента был назначен на 25 марта 1920 г. Ввиду сложности фортификационных сооружений план штурма был особенно тщательно разработан. Повстанческий штаб находился теперь всего в 3 км от Дербента, на горе. Весь город отсюда был виден как на ладони. Главный удар намечалось нанести с юга, вдоль железной дороги и городских садов-виноградников, где траншеи для укрытия (закопки) винограда послужили бы для повстанцев окопами. Наступление с юга давало возможность отрядам кайтагцев и кумыков занять верхнюю часть города и двигаться далее к вокзалу.

С юга по линии железной дороги и по берегу моря наступали Дербентский полк Королева и две тысячи лезгинских и табасаранских повстанцев. Около тысячи кайтагцев и кумыков заняли верхнюю часть города и, преодолевая проволочные заграждения, двинулись в сторону вокзала. У повстанцев теперь были 4 пушки и 8 пулеметов. По сведениям разведки деникинцев, число повстанцев у Дербента доходило до 6300¹⁷².

Дербент с севера был огражден неприступной крепостной стеной, с юга и запада — густой сетью колючей проволоки. У деникинцев было до 4 тыс. солдат и офицеров, бронепоезд, 4 орудия, 20 пулеметов. С рейда вел артобстрел повстанцев военный корабль.

Севернее Дербента повстанцы разобрали железную дорогу. Бронепоезд вынужден был сдаться повстанцам. Часть деникинцев побросали оружие, перешли на сторону повстанцев. К исходу второго часа наступления в руках деникинцев остались лишь район казарм и нижняя часть центральной Барятинской улицы. К 12 час. дня весь город был в руках повстанцев¹⁷³.

После поражения в Дербенте деникинцы потеряли надежду пробиться в Азербайджан по железной дороге и начали укреплять свой последний опорный пункт — район Порт-Петровска. Генерал Дроценко принимал все меры к эвакуации людей морем в Иран и Азербайджан. Но эвакуация шла в условиях невообразимой паники и беспорядка. Не хватало кораблей.

Весть о взятии Дербента и разгроме деникинцев в Южном Дагестане воодушевляла повстанцев северного (Темир-Хан-Шурина) участка фронта. Командование этого участка поставило задачу во что бы то ни стало освободить областной центр — город Темир-Хан-Шуру еще до прихода туда Красной Армии. Перейдя в наступление, повстанческие отряды 26 марта прорвали фронт, заняли Верхний и Нижний Дженгутай, аул Буглен. В Буглене вечером того же дня Военный совет в составе коман-

дующего участком фронта Муты Рамазанова*, командира русского красноповстанческого полка В. Гавриленко, военного комиссара и председателя Дагестанского обкома РКП(б) Б. Шеболдаева, командира особого отряда Г. Далгата разработал план взятия Темир-Хан-Шуры.

Повстанческие отряды заняли Муслимаул и вплотную подошли к Темир-Хан-Шуре. Полк Гавриленко двигался по шоссе. На правом фланге по реке Шура-озень к Кафыркумухскому мосту были посланы конный отряд Богатырева и части Г. Далгата и М. Атаева. Попытка деникинцев прорваться через мост и отступить в Порт-Петровск не увенчалась успехом, эшелон с награбленным имуществом, ценностями, семьями офицеров попал в руки повстанцев.

Известие о том, что оба моста через Шура-озень и эшелон в руках повстанцев, вызвало среди белых панику. Воспользовавшись ею, повстанцы 27 марта стремительно ворвались в город. Во второй половине дня весь город был в руках повстанцев. Совет обороны и Дагестанский обком РКП(б) перебазировались из сел. Леваши в Темир-Хан-Шуру.

Скопившиеся в Порт-Петровске деникинцы пытались пробиться на юг. Чтобы сорвать этот план, кавалерийская бригада 11-й армии была двинута из района Кизляра по побережью моря на Порт-Петровск, а повстанцы прервали железнодорожное сообщение между Петровским и Дербентом¹⁷⁴.

28 марта отряды В. Гавриленко и Г. Далгата были переброшены из Темир-Хан-Шуры на Центральный (Манасский) участок фронта.

27 и 28 марта войска Кавказского фронта заняли Хасавюрт и разгромили крупную деникинскую группировку в районе Чирюрта. Отступая, враг взорвал мост через Сулак и разрушил паромы, что задерживало наступление Красной Армии. После разгрома под Чирюртом скопление деникинцев в районе Порт-Петровска особенно увеличилось. Ни одна из попыток прорваться на юг деникинцам не удалась.

29 марта значительно пополненный Дербентский полк во главе с Перепелициным и бронепоезд прибыли на станцию Манас. Кольцо вокруг Порт-Петровска и Петровска-Кавказска** сжималось. К вечеру повстанцы заняли гору Тарки-тау и перевал до района нынешнего сепараторного завода.

В ночь с 29 на 30 марта, перед эвакуацией из Порт-Петровска, деникинцы взрывали склады боеприпасов, чтобы помешать красным занять город. От этих взрывов в городе больше всего страдало мирное население. Деникинцы решили взорвать особенно важный участок города — порт, железнодорожный вокзал и прилегающую к нему часть города. Они оставили на станции Порт-Петровск состав со снарядами и пироксилином, а во время

* Мута Рамазанов в отдельных документах был назван Мутаевым.

** Ныне Махачкала-Сортировочная

вступления частей Красной Армии и повстанцев в город начали обстрел этого состава с моря.

Некоторые вагоны стали уже загораться, но железнодорожники во главе с машинистом Г. Хутинаевым прицепили паровоз к составу и угнали его в сторону станции Тарки. Вокзал и порт были спасены.

«30 марта в 2 часа дня наши войска заняли Петровск и Петровск-Кавказский,— писала газета „Красный воин“, орган политотдела 11-й армии,— противник, погрузившись на суда, вышел на рейд. Наши захватили пять бронепоездов: „Олег“, „Апшеронец“, „Ширванец“, „Кавказец“, „Дагестанец“. Захвачено также большое количество орудий в исправном виде, нефтяные склады и множество другой военной добычи»¹⁷⁵.

30 марта 1920 г. части Кавказского фронта и дагестанские повстанческие отряды отметили как день победы над врагом, освобождения трудящихся Дагестана от ига иностранных военных интервентов и внутренней контрреволюции, восстановления Советской власти в области и окончательной победы социалистической революции в Дагестане. В приветствии народам Дагестана командующий фронтом М. Н. Тухачевский, член Реввоенсовета Кавказского фронта Г. К. Орджоникидзе, член Реввоенсовета 11-й армии и заместитель председателя Северо-Кавказского ревкома С. М. Киров писали: «От имени победоносной Красной Армии мы приветствуем вас, горные сыны славного Дагестана! Тяжелые цепи, которыми вас сковали враги трудового народа, разбиты навсегда, и Советская Россия никогда не забудет той героической борьбы, которую вы в течение долгих месяцев вынесли на своих изможденных плечах. Советская Россия всегда помнила, что в ее тяжелой борьбе с угнетателями трудящихся масс она имеет верных и твердых союзников гордого Дагестана и всего Северного Кавказа, и вот теперь мы крепко сжимаем друг другу руки и празднуем нашу общую победу... Помните, дагестанцы, что Советская власть и ее Красная Армия идут только за тем, чтобы освободить угнетенные народности от порабощения кем бы то ни было... Советская власть предоставит всем горским народам полную возможность самоопределиться»¹⁷⁶.

В. И. Ленин постоянно предупреждал партийно-советских работников, посланных на Кавказ, о необходимости проявления внимательного отношения к мусульманскому населению и осторожности действий в национальных районах. 2 апреля 1920 г. В. И. Ленин послал члену Реввоенсовета Кавказского фронта Г. К. Орджоникидзе телеграмму: «Еще раз прошу действовать осторожно и обязательно проявлять максимум доброжелательности к мусульманам, особенно при вступлении в Дагестан. Всячески демонстрируйте и притом самым торжественным образом симпатии к мусульманам, их автономии, независимость и прочее. О ходе дела сообщайте точнее и чаще»¹⁷⁷.

Трудящиеся Северного Кавказа внесли достойную лепту в разгром общероссийской и империалистической контрреволюции.

Однако международная реакция и внутренняя контрреволюция еще не отказались от продолжения вооруженной борьбы за свержение Советской власти.

Международный империализм организовал весной 1920 г. новый поход на Советскую Республику силами буржуазно-шляхетской Польши и врангелевской армии из Крыма. Важное место в новом плане занимали попытки оживить разгромленную, но недобитую контрреволюцию на Дону и Северном Кавказе, разжечь здесь политический бандитизм.

5. Крах политического бандитизма на Дону и Северном Кавказе

Потерпев поражение в открытой войне, реакционные круги мирового империализма, белоэмигрантские центры, антисоветское подполье попытались теперь свергнуть Советскую власть «взрывом изнутри» — поднять на политическую и вооруженную борьбу колеблющиеся в условиях разрухи мелкобуржуазные массы, восстановить крестьянство против рабочих, разрушить классовую основу социалистического государства — союз рабочих и трудящихся крестьян.

В. И. Ленин считал политический бандитизм продолжением гражданской войны, одной из ее форм: «Когда десятки и сотни тысяч демобилизованных не могут приложить своего труда, возвращаются обнищавшие и разоренные, привыкшие заниматься войной и чуть ли не смотрящие на нее, как на единственное ремесло, — мы оказываемся втянутыми в новую форму войны, в новый вид ее, которые можно объединить словом: бандитизм»¹⁷⁸.

Под «бандитизмом» В. И. Ленин подразумевал разнообразные формы антисоветских выступлений: кулацкие мятежи, восстания, деятельность банд, вторгавшихся на территорию страны из пограничных с ней государств, волнения «анархического элемента», в который превращалась расходившаяся по домам после окончания гражданской войны неустойчивая часть армии, не имевшая возможности из-за разрухи правильно применить свой труд.

Из ленинской точки зрения на бандитизм исходили военные, политические деятели 20-х годов, которые руководили разгромом повстанчества и часто являлись исследователями этого вопроса. М. В. Фрунзе, М. Н. Тухачевский, С. С. Каменев, Р. П. Эйдеман, И. П. Уборевич, Н. Е. Какурин, А. И. Микоян, А. А. Казаков и другие считали политический бандитизм составной частью гражданской войны, одним из ее этапов, прямым ее продолжением, лишь несколько отличавшимся от нее по своим формам¹⁷⁹.

Термины «бандитизм», «повстанчество», «бело-зеленое движение», «крестьянское или кулацко-крестьянское восстание» употреблялись в литературе того времени как равнозначные. Во всяком случае, различие между ними было столь несущественно, что в одной и той же статье все они сводились к одному, причем термину «бандитизм» отдавалось предпочтение. Военно-научное общест-

во по изучению опыта классовой борьбы во главе с М. Н. Тухачевским, созданное при Академии Генерального штаба в октябре 1920 г., в своем вестнике «Красная Армия», сообщения о Кронштадтском мятеже, сибирском, белорусском, украинском, северокавказском бандитизме, об антоновщине и басмачестве помещало под общей рубрикой «Бандитизм на территории РСФСР»¹⁸⁰.

Вдохновителями повстанчества на Северном Кавказе были Антанта и Врангель. Существенное влияние на разжигание бандитизма, в основном среди горцев, оказывала султанская Турция. Главная база подготовки антисоветских выступлений находилась в меньшевистской Грузии. Время наивысшего подъема политического бандитизма приходилось на весну-осень 1920 г. По сведениям разведывательного отдела штаба Северо-Кавказского военного округа (СКВО), контрреволюции удалось тогда поставить под ружье до 23 тыс. активно действовавших повстанцев. Выше этой цифры численность мятежников позднее не поднималась ни разу¹⁸¹. Одна из важнейших причин этого заключалась в том, что помощь, оказанная международным империализмом в период врангелевщины находившимся там повстанцам, была наибольшей.

4 апреля 1920 г., сложив с себя командование армией, А. И. Деникин назначил генерала П. Н. Врангеля своим преемником на посту главнокомандующего. Разгромленная и разлагающаяся армия Деникина превращалась в отдельные отряды, грабившие население. В роли спасителя гибнущей южной контрреволюции выступила опять Антанта. Англо-французский флот вывез остатки деникинских войск в Крым и Константинополь. Антанта, чтобы выиграть время и задержать наступление Красной армии, выступила посредником между Врангелем и Советским правительством, предлагая через верховного комиссара Британии в Константинополе адмирала де Ребека вступить им в переговоры. Но де Ребек, прибывший 9 апреля в Сочи, заявив на совещании, что борьбу надо продолжать, так как от обеих сторон ответа не последовало^{182—183}. Вскоре Англия обратилась к Советскому правительству с требованием неприкосновенности Крыма и прекращения вооруженной борьбы с Врангелем, заявляя, что «в противном случае английским морским силам будет предписано принять меры против вторжения советских войск в Крым»¹⁸⁴.

Вмешательство Антанты позволило Врангелю преодолеть распад остатков армии, создать на их основе «Русскую армию» и укрыть ее в Крыму, образовать в апреле 1920 г. «правительство Юга России» во главе с А. В. Кривошеиновым. В мае Врангель призвал к беспощадной борьбе с «красной нечистью», чтобы «дать, наконец, России настоящего хозяина». С конца июля министр врангелевского правительства П. Б. Струве, пропагандировавший в Европе «демократичность» политики Врангеля, перестал говорить о мирных переговорах с Советами¹⁸⁵. Решительность Врангеля объяснялась тем, что с того же времени британское правительство перешло к оказанию ему активной поддержки. «Снабжение войск Врангеля протекает в настоящее время чрез-

вычайно интенсивно», — с удовлетворением сообщали парижские «Последние новости» 19 мая 1920 г. Врангелю удалось продлить на два месяца договор английского правительства с Деникиным, срок действия которого, по данным английской прессы, истекал 20 марта 1920 г. Кредит в 15 млн фунтов стерлингов, открытый Деникину и не израсходованный им, теперь достался Врангелю¹⁸⁶.

Англия предоставила «правительству Юга России» необходимые средства для ведения войны: гидроаэропланы, скорострельную артиллерию, пулеметы, английские военные корабли «Мальборо», «Эйжекс» и др. Однако сочувствие английского пролетариата Советской России, его солидарность и симпатии по отношению к ней, военные неудачи Врангеля в Северной Таврии, которые еще раз показали силу Советской власти, трудности английской экономики, нуждавшейся в российском рынке, вынудили Англию если не формально, то фактически признать Советское правительство и вступить с ним в переговоры о заключении торговых соглашений.

Роль протектора Врангеля переходит к французским биржевым дельцам и правительству Франции. Влиятельная пресса сообщала о неисчерпаемых богатствах Украины, Дона, Кубани, привлекала внимание французских капиталистов к Донбассу, подогревала их мечты о соединении его с портами Черного моря, чтобы легче было вывозить уголь во Францию. В начале августа Франция признала правительство Врангеля. Благодарный генерал еще раз подтвердил свою верность союзникам «в общем деле». «Владея Доном и Кубанью — двумя самыми богатыми житницами хлеба в России, — заявил он, — мы будем вскоре в состоянии вывозить за границу огромное количество зерна и съестных припасов в обмен на фабрикаты, в которых нуждаемся»¹⁸⁷. А пока Врангеля надо было снабжать всем необходимым самого. И Франция отпустила ему 100 млн франков, получив взамен гарантию о 50% экспорта продовольствия из Крыма в счет погашения кредита¹⁸⁸. К Врангелю щедрым потоком начали поступать уголь и керосин, сахар и медикаменты, вооружение и инженерное имущество. Каждые 5 дней пароходы «Цесаревич Георгий», «Константин», «Русь», отходили из Константинополя и через неделю разгружались в Севастополе¹⁸⁹. 20 октября пароходы «Веста» и «Аскольд» доставили в Крым 12 тыс. пудов угля, медикаменты, сахар¹⁹⁰. 23 октября греческий пароход «Кек Уэн» и английский «Леди Элеонора» привезли 10 тыс. пудов угля и 100 тыс. пудов мазута¹⁹¹. 12 тыс. т военного снаряжения, предназначавшегося Колчаку, также попали Врангелю. 18 октября прибывший из Владивостока пароход «Омск» доставил врангелевской армии 92 тыс. пар американских сапог, 1800 т мануфактуры и кожи, значительное количество инженерного имущества¹⁹².

Большая часть денежных субсидий, вооружения, обмундирования, отпускаемых Врангелю, предназначалась для северо-

кавказских повстанцев, занимавших особое место в планах Антанты. Не сумевший создать себе социальной опоры среди крестьянства на занятых им территориях, Врангель после неудач в Северной Таврии делает ставку на казачество и горцев Северного Кавказа, на поднимавший там голову политический бандитизм. «Я отлично понимаю,— говорил Врангель,— что без помощи русского населения нельзя ничего сделать... надо на кого-то опереться... для того, чтобы иметь, прежде всего, запас человеческой силы, из которой можно черпать...»¹⁹³

Эта попытка международного империализма превратить Дон и Северный Кавказ в новый плацдарм против Советской России заключала в себе значительную опасность. Внутренняя контрреволюция которой отводилось в этих планах перво-степенное место, продолжала еще опираться на сохранявшиеся там социальные, экономические, политические и религиозные корни. Малочисленность рабочего класса в национальных районах, преобладание непролетарских трудящихся слоев, о неизбежности колебаний которых предупреждал В. И. Ленин¹⁹⁴, также создавали определенную почву, на которой бандитизм при стечении обстоятельств мог получить развитие. Для превращения крестьянских масс в прочного союзника пролетариата и преодоления двойственности социальной психологии мелкого собственника необходимы были более прочная материальная база, напряженная политико-воспитательная работа партии и рабочего класса, больший собственный практический опыт крестьянства, позволяющий сравнить руководство буржуазии и руководство пролетариата. «...Такое дело,— говорил В. И. Ленин,— может, во всяком случае, исчисляться не менее чем десятилетиями»¹⁹⁵.

За годы революции и гражданской войны основная масса крестьянства Дона и Северного Кавказа стала бедняцкой. Но в силу разных причин бедняки долгое время продолжали оставаться «силой колебания». Для превращения этой массы из потенциального в действительного союзника Советской власти надо было вырвать ее из-под влияния кулачества и духовенства, преодолеть ее разобщенность, удовлетворить самые насущные требования. Между тем общая разруха, продрозверстка, запрещение торговли, аннулирование денкинских денег без замены их советскими, сокращение запашки и неурожай зерновых из-за отсутствия лошадей и сельскохозяйственного инвентаря, гибель виноградников из-за нехватки медного купороса, неумелый подход к населению со стороны части приехавших на Северный Кавказ советских работников, преступная работа пробравшихся в Советы, ревкомы и в милицию кулаков, спекулянтов, белых офицеров — все это вызвало недовольство населения Советской властью, нежелание подчиняться ее распоряжениям, пассивное сопротивление ее начинаниям, открытый бандитизм. Попытка утолить земельный голод горской бедноты путем переселения части станиц и передачи горцам принадле-

жавших казакам земель оживила среди них контрреволюционные настроения. Под воздействием агитации верхушка объявленная в связи с польской войной мобилизация казаков дала большой процент дезертиров, пополнивших отряды из антисоветских элементов в горах. Положение осложнялось и тем, что после разгрома Деникина только небольшая часть контрреволюционно настроенных элементов уехала за границу. Удельный вес их в горских районах даже вырос за счет буржуазии, помещиков, офицеров, бежавших из центральных губерний¹⁹⁶.

Опасной антисоветской силой, выступавшей в союзе с буржуазией и кулачеством, было мусульманское духовенство, которое среди горских народов Северного Кавказа пользовалось особым влиянием. Шейхи и муллы, часто являясь руководителями родов, крупными богачами, судьями и «просветителями» горцев, имея многочисленных слепо преданных им мюридов (последователей), оказывали большое влияние на политические события в горском ауле. Часто и в бедняке можно было найти поклонника шейха, готового умереть за него, уверенного, что смерть за священника приведет его в рай Магомета. Убедить мюрида словами было невозможно. Для изменения его мировоззрения надо было менять условия его жизни. Только в Чечне в 1924 г. было 38 шейхов, 850 мулл, вокруг которых группировались около 60 тыс. организованных мюридов¹⁹⁷. Даже в 1926 г. в Ингушетии 20% населения (около 14 тыс. человек) состояли мюридами 6 религиозных сект, возглавляемых муллами¹⁹⁸.

Отсутствие национальных кадров, опытных работников из центра, знакомых с местными условиями, переводчиков и проводников, без которых было невозможно проникнуть в горы, ослабляло местный советский аппарат. Контрреволюционеры, проработавшие в него, извращали политику Советской власти, умело пользовались темнотой и неграмотностью населения, пережитками, ошибками, которые были неизбежны в процессе упрочения Советской власти в таком сложном регионе.

Слабыми были здесь и партийные организации. К началу 1920 г. на Юго-Востоке России было всего около 2 тыс. членов РКП(б). Самая крупная партийная организация края — Донская — вышла из подполья в составе 500 человек. В Терской области после разгрома Деникина не было ни одной партийной ячейки¹⁹⁹.

Живучесть бандитизма в горских районах объяснялось также еще и тем, что их население постоянно носило при себе оружие. «Нет почти ни одного горца, — докладывал в СНК РСФСР Г. К. Орджоникидзе, — у которого не было бы трехлинейной винтовки и к ней 150—200 патронов»²⁰⁰. Доклад относится ко времени занятия Северного Кавказа армией Деникина, но и после ее разгрома оружие осталось в руках горцев.

Повстанчество региона довольно четко распадалось на два течения. Первое, которое ориентировалось на Антанту и Врангеля, возглавлял врангелевский «Комитет содействия горцам

и терским казакам по их освобождению от большевиков», вторым — «самостийным» — руководили бывшие правительства горцев и казаков — «Горское правительство», Кубанская рада, обитавшие в меньшевистской Грузии. Несмотря на наличие противоречий между этими организациями, они выступали вместе, так как ближайшая цель у них была одна — свержение Советской власти. Центр политического бандитизма в период действий врангелевской армии находился сначала на Кубани, но примерно с сентября он переносится на Терек, выполнявший до этого роль резерва кубанского. На Кубани выступила так называемая «Армия возрождения России», на Тереке восстали казачьи станицы, в Дагестане начался мятеж Н. Гоцинского. «Армия возрождения России» под командованием генерала П. П. Фостикова насчитывала 15—20 тыс. штыков и сабель²⁰¹. На ее создание потребовалось, как о том свидетельствует донесение одного из доверенных лиц Врангеля — генерала Султан-Келеч-Гирея от 26 сентября 1920 г., 300 млн руб.²⁰²

Бывшие казачьи правительства продолжали претендовать на руководство всеми казаками независимо от их места нахождения — в войсках Врангеля или в советских станицах. За союз с Врангелем и Антантой 14 мая 1920 г. высказался член Донского правительства Г. К. Карев, приехавший просить помощи в Париж: «Перед нами стоит задача возрождения армии, и здесь нам нужна помощь Антанты»²⁰³. 14 июня делегат Терского казачьего войска в беседе с корреспондентом «Последних новостей» заявил, что терцы стремятся к созданию Всероссийского казачьего союза, в который должны войти все казачьи войска²⁰⁴. Против союза выступила только часть правительства кубанцев. Председатель Кубанской рады и председатель Верховного круга И. П. Тимошенко, деятель рады Л. Л. Быч считали врангелевские устремления на Москву авантюрой, заранее обреченной на провал. В своих воззваниях к населению рада призывала к борьбе с Советской властью «собственными силами только в пределах своего края», отказывалась «от миссии своими силами освободить и вернуть всю Россию». К такому решению бывшее правительство Кубани пришло, «учтя опыт прошлого» — разгром деникинской армии, а также «состояние сил каждой из окраин и всей России»²⁰⁵. Разногласия между частью членов Кубанской рады и Врангелем были не столь серьезными, чтобы перерасти в разрыв. Сильной поддержкой Антанты, Врангель смог преодолеть сепаратизм кубанцев и привлечь их к союзу, предоставив им возможность словесной критики договора и действий Крымского правительства.

2 апреля Врангель, донской атаман Богаевский, кубанский атаман Букретов и терский атаман Вдовенко подписали соглашение²⁰⁶. 22 июля в Севастополе был заключен всеобщий казачий союз под руководством Врангеля. Договор передавал

последнему всю полноту военной власти над казачьими вооруженными силами. В вопросах внутреннего гражданского устройства казачьи войска и области сохраняли самостоятельность. Однако независимость была явно мнимой. В распоряжении главнокомандующего остались все продовольственные и другие ресурсы казачьих областей, управление железными дорогами и телеграфными линиями, сношения и соглашения с иностранными державами, уничтожение таможен между казачьими областями, взимание налогов с населения, право выпуска денежных знаков. Казачьи войска по условиям договора должны были занять весь Северный Кавказ и Закавказье, отделить их от Советской России «в надежде, что русский народ поддержит их». Договор вступал в силу немедленно и действовал «до полного окончания гражданской войны»²⁰⁷.

Договор вызвал резкую критику кубанцев, так как создавал для Кубанского края «зависимость военную и политическую», чем «нарушал суверенитет и конституцию края». К тому же кубанцы не без оснований опасались, что по договору, разрешавшему Врангелю вывозить хлеб и сырье, «все богатства Дона и Кубани будут вывезены за границу»²⁰⁸. Президиум рады объявил договор недействительным на том основании, что войсковой атаман Кубани Букретов подписал его, не имея на то полномочий рады, и договор не имел подписи председателя.

Никаких серьезных последствий эти заявления не имели. 4 августа в присутствии многочисленных представителей казачества Северного Кавказа, съехавшихся в Севастополь, и командного состава крымской армии Врангель торжественно заявил о союзе, заключенном им с казачеством «для общей борьбы против большевиков»²⁰⁹.

Врангелем предпринимались попытки заключить подобный союз и с горцами. С этой целью члены его комитета, готовившие восстание на Тереке и в Дагестане, вступили в соглашение с участниками нелегально созванного 22 августа съезда горской контрреволюции. Поручик А. Погодин и ротмистр Ахмет-хан-Эльдаров от имени командования обещали признать право горцев на образование «горской Северо-Кавказской республики» и брали на себя снабжение мятежников, а те обязались «занять весь Терский край»²¹⁰. Но это соглашение не имело силы всеобщего договора с горцами, которые в основном ориентировались на Турцию.

Стремясь поднять население на восстание, Врангель обещал ему созыв Учредительного собрания, «землю и волю», «твердую власть», «избавление от насилия и грабежа», «защиту веры», «равенство и братство», право на казачью и горскую автономии²¹¹.

В апреле — июне повстанцы ограничивались набегами на хутора и станции с целью захвата продовольствия, фуража, боеприпасов, лошадей. Когда же во главе их стали кадровые

военные, создавшие из разрозненных отрядов боевые единицы, они стали занимать станицы, превращая их в опорные пункты для общего наступления, портить железнодорожные пути, нападать на поезда. В такой обстановке в июле — августе Врангель высадил в Приазовье и на Кубани десанты общей численностью 12,5 тыс. штыков и сабель²¹²; соглашение о высадке было заключено им с английским правительством в июне 1920 г.²¹³

Накануне высадки генералам и штаб-офицерам, командированным в Кубанскую и Терскую области, были даны секретные инструкции, предписывавшие объединить действия всех повстанческих групп, установить среди них строгую воинскую дисциплину, полностью подчинить их уполномоченным Врангеля. «По мобилизации казаков, — говорилось в инструкции, — по возможности соразмерно поднимать иногородних и желающих горцев». Главой десантного отряда, который должен был развернуться в армию и подчинить себе все повстанческие силы, оперировавшие на Северном Кавказе, Врангель назначил генерала Улагая²¹⁴. Высадка десанта послужила сигналом для наступления «Армии возрождения России» на Армавир и Моздок. На Кубани образовались два фронта с целью охватить кольцом центральные районы области и свергнуть там Советскую власть.

При помощи армии Фостикова и десантов, при поддержке повстанцев Терека и Дона врангелевцы овладели частью Кубани, где немедленно начали восстанавливать дореволюционные порядки.

В станицах начались крупные реквизиции, участились насилия и произвол. Население стало с ужасом прятаться от представителей «твердой» власти, в станицах появились пустые избы²¹⁵.

«...Десант провалился, — говорил В. И. Ленин, — потому что кубанский казак хотя и богат хлебом, но он прекрасно видел, что значат эти обещания Учредительного собрания, народо-властия и проч. прекрасных вещей, которыми мажут дураков по губам эсеры, меньшевики и проч. Может быть, кубанские крестьяне верили им, когда они так красно говорили, но в результате они поверили не словам, а делу, они увидели, что большевики хотя народ и строгий, но все-таки с ними лучше. В результате этого Врангель полетел с Кубани...»²¹⁶.

Разгром бандитской фостиковской армии, довершенный решительными ударами частей Кавказского фронта в первой декаде сентября, имел большое значение. В. И. Ленин 9 сентября 1920 г. в телеграмме на имя члена Реввоенсовета фронта Г. К. Орджоникидзе подчеркивал: «Быстрейшая и полная ликвидация всех банд и остатков белогвардейщины на Кавказе и Кубани — дело абсолютной общегосударственной важности»²¹⁷.

С сентября центр политического бандитизма на Северном Кавказе начал перемещаться с запада на восток, в Терскую и Дагестанскую области. Активизировались антисоветские группы

на территории меньшевистской Грузии. По меткой характеристике Г. К. Орджоникидзе, она, будучи пленницей Антанты, превратилась «в базу контрреволюции»²¹⁸.

Подготовкой восстания на Тереке и в Дагестане занимался врангелевский «Комитет содействия горцам и терским казакам по их освобождению от большевиков», созданный в июне 1920 г. в Тифлисе штаб по вербовке желающих бороться против Советской власти.

Врангель планировал начать восстание с захвата Владикавказа, Грозного, Кизляра и Моздока, чтобы отрезать от Ростова-на-Дону и уничтожить стоявшие там части Красной Армии. Для этого предполагалось занять железнодорожные пути, Военно-Грузинскую дорогу, закрыть горные ущелья, уничтожить красноармейские гарнизоны в крепостях Ведено и Шатой. «По взятии Владикавказа,— писал член комитета Погодин Врангелю,— борьба не может быть прервана даже на короткий срок до тех пор, пока не будет обеспечена база Армавир—Туапсе, с одной стороны, и, с другой стороны, пока большевики не будут отброшены за Сулак и не будет освобожден горный Дагестан и часть Азербайджана»²¹⁹.

Все денежные и материальные нужды комитета полностью удовлетворялись из фондов Антанты через Врангеля. Разведки Кавказского фронта, донесения и доклады советской контрразведки, советских и партийных работников, доклады и отчеты самого комитета говорят о широком поступлении денег в фонд мятежников. В июне князь Эльдаров получил от генерала Драценко в Батуме 11 млн руб. донской валютой для финансирования повстанцев Ингушетии, Осетии, Дагестана, Чечни. В августе неофициальный представитель Врангеля в Грузии генерал Пиковский привез из Севастополя 1 млн руб. в донской валюте. В сентябре он же передал еще 50 млн донских руб. В конце сентября комитет получил из Крыма 70 млн руб. грузинской валютой, 7 октября—50 млн грузинских руб. Председатель исполкома чеченского села Беной и советские работники Дагестана сообщали о получении Гоцинским на подготовку восстания в Дагестане и Чечне 400 млн руб. Другие источники подтверждают факт прибытия от Врангеля есаула Слоева с крупной суммой денег²²⁰.

Грузинское правительство помогло комитету установить прочную связь с французской миссией в Тифлисе. Он стал пользоваться материалами ее разведки. На ее адрес штаб Врангеля передавал шифром особо срочные сообщения. Через французских курьеров осуществлялась связь с Крымом и передача денежных средств²²¹.

Восстание в Дагестане и на Тереке готовило также «Горское правительство», придерживавшееся турецкой ориентации. Неизбежны поэтому были столкновения этих организаций, отражавших противоречия стран Антанты и Турции в кавказском вопросе. Антанта, учитывая социальные, национальные,

религиозные особенности народов, которые она хотела поднять на борьбу, на первых порах вынуждена была поддерживать и «Горское правительство». Турция, в свою очередь, вынуждена была мириться с этим, так как у нее не было тех средств, которые повстанцам могла предоставить Антанта.

Весной и летом 1920 г. Турция не могла активно поддержать контрреволюционные выступления на Северном Кавказе, так как в ней самой развернулось мощное национально-освободительное движение под руководством Кемаля Ататюрка, получившее помощь и поддержку Советского правительства. Антанта стремилась не допустить заключения советско-турецкого договора, спровоцировать советско-турецкий конфликт, вовлечь кемалистов в военные действия на Кавказе, превратить национально-освободительное, антиимпериалистическое движение турецкого народа в шовинистически-реакционное, добиться ослабления Турции с тем, чтобы установить здесь свое господство. Попытки договориться с кемалистами предпринимались Антантой и в Стамбуле, и в Анкаре, и в Тифлисе. Кемалю обещали ликвидировать кабальный для Турции Севрский договор, если он даст свою армию для завоевания Кавказа²²².

Опасность происков Антанты усугублялась тем, что среди кемалистов имелись влиятельные деятели, которые отнюдь не стремились к улучшению советско-турецкого сотрудничества, пытались сорвать подписание договора Турции с РСФСР. Так, министр иностранных дел правительства Кемаля Бекир Сами, участвовавший в московских переговорах в августе 1920 г., воспользовавшись разрешением Советского правительства посетить родину его предков Осетию, во время поездки установил связи с буржуазно-националистическими группировками в Чечне, Ингушетии, Дагестане, Азербайджане, агитировал за «независимую горскую республику»²²³.

Сильнейшее давление на кемалистов имело некоторый успех. 24 сентября 1920 г. началось спровоцированное Антантой нападение Турции на Армению. Советская Россия не могла больше оказывать помощь кемалистскому правительству. Это был удобный случай для создания советско-турецкого конфликта.

Война резко усилила влияние Турции на политический бандитизм Дагестана и Терека. Духовенство Турции, некоторые кемалистские деятели вели панисламистскую и пантюркистскую агитацию среди горцев, особое внимание уделяя тем округам Дагестана и Чечни, которые когда-то входили в имамат Шамиля. В горских районах создавала свои ячейки строго законспирированная мусульманская партия «Иттихият-Ислам», которая преследовала цель объединения всех мусульман в государство со знаменем турецкого образца, с турками во главе военных организаций.

Отражением противоречий между Антантой и Турцией явилась борьба, развернувшаяся между врангелевским комитетом и «Горским правительством». Установив контакты с «группой лиц,

именовавших и именующих себя Горским правительством», и пристально следя за их деятельностью, представитель Врангеля в Тифлисе Погодин с возмущением писал в Крым, что «эта группа лиц не имеет решительно никакого влияния на народ, который она возглавляет», что «эта кучка авантюристов получает русские миллионы и прожигает их на личные нужды». Особое негодование поручика вызвала «группа лиц» тем, что «все время делает поуги вести для русской государственности преступную политику и готовится не к борьбе с большевиками, а с казаками и вообще с русской государственностью с целью изгнания первых из Терского края и осуществления горской независимой республики с полным отмежеванием от казачества и России»²²⁴ (подчеркнуто А. Погодиным). Врангель добился изменения состава «Горского правительства», введя в него лиц, угодных комитету и имевших влияние среди горцев. Возглавить правительство было предложено прибывшему в Тифлис внуку Шамиля Саид-бею, но тот отказался. Премьером стал П. Коцев²²⁵. Однако это ничего не изменило. Погодин доносил, что он «выявил связь» «преступной группы лиц» с представителями штаба кемалистов в Тифлисе, Батуме и Трапезунде. Руководитель контрразведки Врангеля сообщал в Севастополь о переговорах «отдельных деятелей» с большевиками. Действительно, большевики вели активную агитационную работу среди горцев, которая, как признавал Саид-бей, «имела большой успех». Во время бесед с внуком Шамиля представители Советской власти сообщили ему о скором предоставлении автономии Дагестану и Горской республике. Врангелевцы докладывали, что Саид-бей якобы заколебался, быть ли ему союзником Советской России или выступить против нее. Автор доклада откровенно признавался Врангелю, что убедил Саид-бея в «лживости большевиков»: «Я... сказал, что большевики не исполняют обещаний, а обещают только потому, что положение их критическое и на польском фронте и в Крыму»²²⁶. Корреспондент командующего сознательно фальсифицировал события.

Инициатива привлечения к восстанию внука Шамиля, вероятно, принадлежала Турции. Его кандидатура вполне устраивала Францию, следовательно, ее поддерживал и Врангель. Сепаратистская же линия «правительства» Коцева делала невозможным сотрудничество с ним «великодержавного» черного барона. Врангель перестал субсидировать потерявшее в его глазах вес «Горское правительство». 18 октября комитет добился у правительства Грузии ареста его главы П. Коцева «за контакт с Кемаль-пашою»²²⁷.

Однако разгром Врангеля вызвал и падение опиравшегося на него комитета. 9 ноября в Тифлисе был арестован А. Погодин, которому было предложено в двухдневный срок покинуть территорию Грузии. Это вовсе не означало, что меньшевистская Грузия перестала быть базой всероссийской контрреволюции.

Ведь именно на территории Грузии был подготовлен мятеж Гоцинского, вылившийся в разбойничью войну в Дагестане и на Тереке. Первые бандитские отряды двинулись через Кавказский

хребет на Северный Кавказ в конце лета — начале осени 1920 г., когда немногочисленные части Кавказского фронта были почти целиком прикованы к борьбе с врангелевскими десантами на Кубани и Дону. Лжеимам Н. Гоцинский обратился с воззванием к горцам как «истинным мусульманам»: «...Знайте! ...Я приду к вам, и меня поддерживают 7 великих государств мира. Изгоняйте большевиков, установите шариат, который гарантирует вам вашу жизнь и ваше состояние. Со мной грузинские, турецкие и английские войска». В высокогорных аулах Аварского, Гунибского, Андийского округов и в нагорной части Чечни, граничащей с Грузией, были подняты мятежи²²⁸. Селение Бежта, считавшееся неприступной крепостью, стало его базой.

30 сентября 1920 г. в Темир-Хан-Шуре состоялось Чрезвычайное совещание Дагестанского обкома РКП(б) и Дагревкома с представителями военных организаций области. На нем было принято решение мобилизовать все революционные силы трудящихся Дагестана и подразделений Красной Армии для разгрома банд Гоцинского, а также сообщить об активизации мятежников и о принятых мерах усиления борьбы против банд в Реввоенсовет Кавказского фронта Г. К. Орджоникидзе.

Получив сообщение о мятеже, Г. К. Орджоникидзе дал указание о созыве съезда бедноты Дагестана в районе, близком к зоне действий банд. 9 октября он прибыл в сел. Леваши Даргинского округа и выступил на этом съезде, состоявшемся на открытой площади, где отчетливо были слышны артиллерийская канонада и пулеметные очереди²²⁹. Съезд единогласно принял резолюцию, которая заканчивалась словами: «Дагестанская беднота раздавит пресмыкающуюся гадину, снова пытающуюся захватить нашу территорию, как она не раз уже громила белые и черные банды в течение трех лет»²³⁰.

11 октября 1920 г. Г. К. Орджоникидзе телеграфировал из Баку в Москву В. И. Ленину: «Сегодня вернулся из Дагестана, где в двух округах — Гунибском и Андийском — перешедшим из Грузии отрядом Нажмутдина Гоцинского и Алихана Аварского и членами „Горского правительства“, имеющего резиденцию в Тифлисе, поднято восстание. Отряд снабжен оружием и деньгами грузинского правительства... Меры для быстрейшей ликвидации приняты»²³¹.

Горцы сотнями шли в красные партизанские отряды. «Вся молодежь в округе становится под ружье,— сообщалось в корреспонденции из Казикумухского округа,— желающих еще так много, что нет возможности их принять... Настроение всего казикумухского народа²³² стало бодрое и решительное»²³³.

Большое значение для разгрома контрреволюционных мятежей, перехода на сторону Советской власти масс трудящихся горцев имело решение Советского правительства об объявлении автономии республик Северного Кавказа. 13 ноября в Темир-Хан-Шуре на Чрезвычайном съезде народов Дагестана Советской автономной республикой был провозглашен Дагестан. Г. К. Орджоникидзе на этом съезде говорил: «Когда в Москве были получены извест-

тия, что в Дагестане восстание, что появились Гоцинский, Алиханов, которым оказывают помощь грузинские меньшевики, мы... сказали: настал момент испытания Дагестана. Гоцинский не будет желанным гостем для народов Дагестана. Наши ожидания оправадались. Красные партизаны Дагестана вместе с нашими товарищами-красноармейцами выгонят Гоцинского не сегодня-завтра туда, откуда он пришел»²³⁴.

На помощь трудящимся горцам пришли Советское правительство и Красная Армия. В Дагестан были направлены 32-я стрелковая дивизия, 52-я стрелковая бригада, 2-я Московская бригада курсантов, затем 14-я дивизия. В эти соединения были влиты краснопартизанские отряды. Созданная, таким образом, Дагестанская ударная группа войск 29 декабря перешла в наступление. В течение пяти дней революционные войска разгромили банды, осаждавшие Гуниб и Хунзах. В январе 1921 г. главаря мятежа, потерпевшие поражение в Дагестане, перебросили в Чечню.

Антисоветские мятежи на Северном Кавказе не получили того размаха, на который надеялись их вдохновители в Лондоне и Париже, в Стамбуле и Тифлисе. Крушение Врангеля, мятежей казаков на Тереке и Сунже, Гоцинского в Дагестане, справедливое перераспределение земель в части более богатых ею станиц, декрет ВЦИК РСФСР от 20 января 1921 г., подтвердивший образование Горской и Дагестанской автономных советских республик, — все это укрепляло и расширяло социально-политическую базу диктатуры пролетариата на Дону и Северном Кавказе, подрывало корни политического бандитизма, обрекало империалистические планы на неминуемый крах.

С разгромом врангелевщины влияние Антанты среди горских мятежников резко упало. «Теперь, когда Врангель разбит, на помощь, которую обещали Англия, Врангель, Грузия, рассчитывать не приходится. Надеяться надо на свои силы», — объяснил изменившуюся обстановку повстанцам в ауле Комух 26 декабря 1920 г. один из главарей мятежа Гоцинского — Ибрагим Гаджи²³⁵.

Руководители горской контрреволюции все больше стали ориентироваться на Турцию. 17 ноября 1920 г. в Грузии на заседании «Горского правительства» в присутствии представителей Кемаля была избрана комиссия для организации борьбы с Советской властью. В ее состав вошли и кемалисты²³⁶.

Турецкие эмиссары активизировали свою деятельность в горских районах Северного Кавказа. 4 января 1921 г. штабу Кавказской трудовой армии стало известно о создании на территории Грузии генералами Аслан-беем и Магомед-беем Абашидзе мусульманского дивизиона²³⁷. Турецкий офицер Сами Султан руководил работами по укреплению аула Беной в Чечне, который в январе 1921 г. был резиденцией Саид-бея.

Турецкие офицеры готовили к восстанию мусульманскую партию «Иттихат-Ислам». В июне 1920 г. Особый отдел 11-й армии ликвидировал многие ее ячейки, но в начале 1921 г. она вновь развернула свою деятельность.

Провал планов поднять массовое восстание на Северном Кавказе, победа Советской власти в Закавказье не охладили пыла империалистической реакции. Действия кавказских националистов и их эмигрантских организаций продолжали привлекать внимание Антанты. В начале июля 1921 г. французская печать горячо приветствовала соглашение между представителями бывших правительств Грузии, Азербайджана, Северного Кавказа, Армении о совместном выступлении против Советской России. «Создание жизнеспособной закавказской конфедерации,— писали газеты,— явилось бы крупным успехом французской внешней политики. Франкофильское государство, являющееся буфером между Россией и Турцией, определило бы окончательную внешнюю ориентацию последней в сторону Франции и на случай утверждения в России Советской власти создало бы между красной империей, с одной стороны, сирийским протекторатом Франции и ее североафриканскими владениями — с другой, сплошную „китайскую стену” от Кавказского хребта до Средиземноморского побережья». Печать призывала правительства Франции и Италии способствовать созданию кавказской конфедерации, тем самым распространяя «свое экономическое влияние на нефтяные недра Закавказья». Пресса раскрывала также и карты Англии, которая тоже «ради нефтяных недр Закавказья стремится заменить сильную Турцию слабой Грецией». Чтобы успешно отразить «напор красной России», она пытается занять господствующее положение «в Малой Азии и в создаваемых ею Аравийском государстве и новом халифате в Мекке». Экономическую необходимость «конфедерации» Северного Кавказа и Закавказья Франция видела в том, что «без кубано-донского плацдарма (хлеб и уголь) нельзя успешно отстаивать закавказскую (нефть и ископаемые) независимость. Казачьи земли могут успешно обороняться, только опираясь на Кавказский хребет и имея как тыл Закавказье»²³⁸. Председатель Совета министров Франции А. Бриан устроил торжественный прием в честь договорившихся «дипломатов».

В контакты с бежавшими на Запад бывшими правительствами вступала и Англия. В середине июня 1921 г. англичане предложили Н. Жордания, обещавшему поднять восстание в Грузии, высадить десант на Черноморском побережье. Англия обязалась поставить повстанцам вооружение и обмундирование для 50-тысячной армии. Сверх того она обещала содержать 25-тысячную армию на территории, которую займут ее войска. Штабу восстания на организационные расходы отпущалось 50 тыс. фунтов стерлингов. Предполагалось установить связь с Врангелем, которого и после крымской катастрофы продолжала опекать Антанта. Под руководством верховных комиссаров Англии и Франции врангелевские войска были сведены в три корпуса и размещены в лагерях близ Константинополя, а позднее — на территории Болгарии и Югославии.

Созданный в ноябре 1920 г. в Париже под покровительством Антанты белогвардейский «Центр действий» совместно с врангелевским командованием стал готовить через свою агентуру на Ку-

бани и Черноморье новое восстание. Главари контрреволюции намеревались, объединив расплывшиеся по станицам и хуторам отряды, быстрым налетом овладеть Краснодаром, совершить переворот и, объявив Кубань «самостийной» республикой, вступить в переговоры с Москвой.

Из отрядов различного толка — от «самостийников» до сторонников Врангеля и открытых монархистов — к концу лета удалось сколотить пятитысячную «Кубанскую повстанческую армию». Руководители ее надеялись, что первые же боевые успехи побудят примкнуть к восстанию массы казачества. Но эти надежды не оправдались. Трудовое население области, в том числе казачество, не поддержало мятежников. А когда командующий «армией» врангелевский генерал Пржевальский объявил себя диктатором, в рядах повстанцев началось разложение. Казаки утратили веру в посулы «самостийников» и более всего опасались восстановления царского режима. Армия стала быстро таять. 22 сентября 1921 г. при переправе через реку Белую советские войска под командованием С. М. Буденного разбили остатки повстанческой армии, численность которой к тому времени не превышала 500 человек²³⁹.

Весною 1922 г. Врангель предпринял попытку подготовить новую авантюру на Юге России. Предполагалось перебросить расположенные в Болгарии и Югославии белогвардейские формирования через территорию Румынии на Украину. В походе должны были принять участие находившиеся за рубежом петлюровские отряды. Но из широко задуманных планов ничего не вышло. Руководители Антанты, изверившись в возможностях вооруженным путем свергнуть крепнущую Советскую власть, отказали в кредитах врангелевцам. В странах, где находилось воинство барона, злоупотреблявшее гостеприимством, начались конфликты между белогвардейцами и населением. Общественность требовала немедленного и полного разоружения врангелевских формирований. Не поддержала новую авантюру и большая часть белой эмиграции.

Решающую роль в крахе контрреволюционных планов сыграл переход трудящихся масс, в том числе трудовых казаков и крестьян, Юго-Востока России на позиции твердой поддержки Советской власти. Осознание широкими слоями крестьянства и казачества сущности нэпа²⁴⁰, упрочение местных советских органов, материальная помощь центра горским районам Северного Кавказа, выделение Чечни из состава ГАССР в самостоятельную автономную область, успешные действия Красной Армии и Военных совещаний, укрепление международного положения РСФСР после Генуэзской и Гагской конференций, советизация Грузии, заключение советско-турецкого договора и торгового соглашения между Англией и РСФСР — эти и многие другие факторы породили в среде даже наиболее фанатичных повстанцев мысль о бесполезности борьбы с Советской властью. Политический бандитизм подтачивался изнутри.

Улучшение экономического положения в стране усилило тягу населения к мирному труду. Советская власть обратилась к по-

встанцам с воззванием прекратить борьбу. Вернувшись к мирным занятиям гарантировалась жизнь. Лето 1922 г. характерно массовой сдачей советским властям отдельных бандитов и целых банд. Даже главари складывали оружие. «Очень мало надежды на то, — призвал один из сдавшихся офицеров в Краснодаре, — чтобы свергнуть Советскую власть. К тому же в наших рядах нет единства: один борется за царя, другой — за самостоятельность Кубани, а третий просто грабит»²⁴¹. Руководитель кулацких отрядов в Чечне бывший князь Дышнинский писал в своем письме, что он решил сдаться на милость Советской власти, так как бесповоротно убедился, что «долгая и утомительная гражданская война не приутомила работников Соввласти», что, напротив, они «полны энергии, силы воли» и, проповедуя исполнение долга другим, сами выполняют его²⁴².

С конца 1922 г. повстанчество в бывших казачьих областях, как о том сообщали органы ГПУ, уже не имело связи с зарубежными организациями. В горских же районах края, особенно в Чечне, где продолжали скрываться самые влиятельные главари контрреволюции, политический бандитизм продолжал пользоваться их поддержкой.

Идейным вождем горской контрреволюции оставался Н. Гоцинский, который с начала 1923 г. готовил новое восстание против Советской власти, требуя от нее «освобождения всех городов Кавказа и Астрахани до Ростова». Большую помощь ему оказывал чеченский шейх Али Митаев, который, имея, по сведениям ГПУ, около 12 тыс. преданных ему мюридов, был фактически вождем всей контрреволюции Чечни²⁴³.

В ставку Митаева (чеченское село Автуры) приезжали грузинские, турецкие, французские офицеры, представители бакинского комитета «Иттихиад-Ислам», которым он помогал формировать бандитские отряды, снабжая их подложными документами и охраной в их поездках по Чечне. Митаев был связан с контрреволюционерами Баку, Батума, Петровска, с бандами полковника Челокаева, оперировавшими на границе Грузии, с реакционным казачеством Терека, возглавляемым генералом Рогожиным и полковником Федюшкиным.

Учитывая влияние Митаева и его большой авторитет в Чечне, Чеченский областной ревком с согласия Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) ввел шейха в свой состав. Однако он не прекратил подготовки восстания. Только в апреле 1924 г., когда тайная сторона его преступной деятельности стала известной, он был арестован ГПУ.

Активизация политического бандитизма в 1923—1924 гг. была связана с подготовкой грузинскими меньшевиками антисоветского восстания в Грузии, в которое они хотели вовлечь весь Северный Кавказ. Его планировалось начать в августе 1924 г., когда предполагалось доставить в Грузию закупленные в Европе и Америке оружие и боеприпасы.

Чтобы добиться дипломатического вмешательства западноевропейских государств в «защиту» Грузии и денежной помощи

от них, организаторы мятежа должны были убедить своих покровителей в значительности сил мятежников. Соответственно этому, как признавался потом член ЦК меньшевиков Онашвили, «Паритетный комитет», занимавшийся подготовкой восстания, «очень основательно нащупывал пути для всеобщего выступления на Кавказе», завязывая сношения с любыми контрреволюционными силами. Наиболее серьезное внимание их было направлено на Чечню, куда для переговоров с Али Митаевым был послан представитель «Паритетного комитета»²⁴⁴.

Антисоветское восстание, начатое в Грузии 28 августа 1924 г., продолжалось всего несколько дней. Меньшевикам не удалось поднять на него народы Северного Кавказа. Оно вылилось в авантюру, не поддержанную массами, хотя белогвардейские газеты до октября продолжали писать, что Грузия горит в огне восстания, что оно будто бы распространилось на весь Северный Кавказ и Украину. Руководители мятежа сознательно обманывали общественное мнение Западной Европы, сообщая за границе преувеличенные данные, чтобы добиться вмешательства капиталистических государств. Но европейские страны не могли поддерживать «правительство», которое не имело ни территории, ни военных успехов, а следовательно, не могло уже помочь им ни в получении желанных «нефтяных недр Закавказья», ни в возведении «китайской стены», которой можно было бы отгородиться от революционной России.

Лишенный внешней поддержки, политический бандитизм, на борьбу с которым поднялось пострадавшее от него население, неудержимо шел к своему краху. Решением Реввоенсовета Республики в августе — октябре 1925 г. войска СКВО провели операцию по разоружению горских областей края и изъятию бандитских элементов. В результате операции, поддержанной широкими массами населения, было арестовано 525 главарей бандитов, собрано более 56 тыс. винтовок, более 9 тыс. револьверов, более 140 тыс. патронов²⁴⁵, что существенным образом оздоровило политическую обстановку в крае.

Отчет ОГПУ за октябрь 1925 г. характеризовал бандитизм на территории СКВО уже как чисто уголовный. III краевая Северо-Кавказская партконференция в декабре того же года отметила отсутствие политического бандитизма в регионе, «полное успокоение и бурную советскую активность масс крестьянских, казачьих, горских»²⁴⁶.

Это был очевидный и сокрушительный провал надежд и попыток мировой буржуазии поднять на борьбу с диктатурой пролетариата колеблющееся в условиях разрухи крестьянство. Сотни миллионов франков, фунтов стерлингов и долларов, истраченные ею, не привели к «взрыву Советской власти изнутри». Это была не только военная, но и политическая, идеологическая победа. Партия убедила колеблющееся крестьянство и казачество в том, что у них нет других интересов и целей, кроме тех, которыми живут трудящиеся всей страны.

- ¹ История гражданской войны в СССР. М., 1958. Т. 3. С. 554.
- ² Из истории гражданской войны в СССР. М., 1960. Т. 1. С. 60—61.
- ³ Архив русской революции. Берлин, 1925. Т. 16. С. 235—236.
- ⁴ Цит. по: Из истории гражданской войны в СССР. Т. 1. С. 66.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Кто должник?: Сб. документированных статей. М., 1936. С. 378—379.
- ⁷ Доклад отдела иностранных дел Всевеликого войска Донского Большому Войсковому кругу. Новочеркасск, 1919. С. 13.
- ⁸ ЦГАОР СССР. Ф. 1258. Оп. 1. Д. 7. Л. 39—40.
- ⁹ Начало гражданской войны: Мемуары. М.; Л., 1926. С. 203.
- ¹⁰ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). Т. 4. С. 472.
- ¹¹ Из истории гражданской войны в СССР. Т. 1. С. 73.
- ¹² Деникин А. И. Очерки русской смуты. Берлин, 1925. Т. 4. С. 38.
- ¹³ Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 263.
- ¹⁴ Гражданская война в СССР. М., 1980. Т. 1. С. 281.
- ¹⁵ Архив русской революции. Т. 16. С. 239.
- ¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 124, 127.
- ¹⁷ См.: Там же. Т. 50. С. 235.
- ¹⁸ Цит. по: Клич трудовых казаков. 1919. 11 февр.
- ¹⁹ ЦГАОР СССР. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 72. Л. 38; Архив русской революции. Т. 16. С. 240.
- ²⁰ Цит. по: Из истории гражданской войны в СССР. Т. 1. С. 87—88.
- ²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 461.
- ²² Цит. по: История гражданской войны в СССР. М., 1958. Т. 3. С. 594.
- ²³ Там же. С. 618.
- ²⁴ Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т. 2. С. 45—46.
- ²⁵ Там же. С. 59.
- ²⁶ Владимир Ильич Ленин: Биохроника. М., 1975. Т. 6. С. 594.
- ²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 247—248.
- ²⁸ Директивы Главного командования фронтов Красной Армии (1917—1920): Сб. документов. М., 1969. С. 260.
- ²⁹ ЦГАОР СССР. Ф. 1258. Оп. 1. Д. 13. Л. 11.
- ³⁰ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 86.
- ³¹ Ллойд Джордж. Правда о мирных договорах. М., 1957. Т. 1. С. 329.
- ³² Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи. М., 1956. Т. 1. С. 84—85.
- ³³ Народная власть. 1918. 20 дек.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Правда. 1918. 5 нояб.
- ³⁶ Орджоникидзе Г. К. Указ. соч. 86.
- ³⁷ Грузинскому правительству был обещан обоз в 1000 лошадей, 8 пушек, 90 пулеметов, 20 верховых лошадей, 20 бомбометов, 20 млн руб. денег и т. д. См.: Северо-Осетинский областной партийный архив. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 63. С. 38. (Далее: СООПА).
- ³⁸ ЦГАОРСС ГССР. Ф. 177—12с. Оп. 2. Д. 40. Л. 5, 6.
- ³⁹ Там же. Ф. 48. Оп. 2. Д. 213. Л. 4, 6.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же. Ф. 51. Оп. 1. Д. 101. Л. 10.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ ЦГАОРСС ГССР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 71. Л. 2, 3.
- ⁴⁴ социал-демократ, Тифлис. 1919. 15 апр.
- ⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 248.
- ⁴⁶ Материалы Генуэзской конференции. М., 1922. С. 246.
- ⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 248.
- ⁴⁸ См.: Там же. С. 265.
- ⁴⁹ История гражданской войны в СССР. М., 1959. Т. 4. С. 20.
- ⁵⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 321.
- ⁵¹ Там же. Т. 38. С. 71.
- ⁵² Carr E. H. The Bolshevik Revolution 1917—1933. L., 1953. Vol. 3. P. 128.
- ⁵³ Parliamentary Debates. S. 5. Vol. 114, col. 1647.
- ⁵⁴ Ibid. Col. 2940. ⁵⁵ Ibid. Col. 2942.
- ⁵⁵ Ibid. Vol. 116. Col. 2449.

- 56 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 68.
 57 Там же. Т. 38. С. 71. ⁵⁸ Там же. Т. 37. С. 138—139.
 59 Там же. Т. 38. С. 277. ⁶⁰ Там же. С. 278.
 61 История гражданской войны в СССР. Т. 4. С. 174.
 62 Цит. по: Из истории гражданской войны в СССР. Т. 2. С. 7.
 63 Там же. С. 41 ⁶⁴ Цит. по: Там же. С. 36.
 65 Из истории гражданской войны в СССР. Т. 2. С. 43.
 66 Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 86.
 67 ЦГАОР СССР. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 72. Л. 1; Козлов А. И. Борьба трудящихся Черноморья за власть Советов. Ростов н/Д, 1976. С. 81, 82.
 68 Донские ведомости. 1919. 2 мая (19 апр.).
 69 ЦГАОР СССР. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 67. Л. 9—11.
 70 Деникин — Юденич — Врангель. Мемуары. М.; Л., 1927. С. 70.
 71 ЦГАОР СССР. Ф. 1258. Оп. 1. Д. 210. Л. 65.
 72 Kenez P. Civil War in South Russia, 1918: The first Year of the Volunteer Army. Los Angeles; L., 1971. P. 3.
 73 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 46.
 74 Подробнее см.: Лукомский А. С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 2
 75 Штейн Б. Е. Указ. соч. С. 232. ⁷⁶ Там же.
 77 Деникин — Юденич — Врангель. С. 23.
 78 Подробнее см.: Rosenberg W. G. A. I. Denikin and the Antiboishevik Movement in South Russia. Amherst, Mass., 1981.
 79 Приазовский край. 1919. 1(14) нояб.
 80 ЦГАОР СССР. Ф. 103. Оп. 2. Д. 17. Л. 16.
 81 Цит. по: Гулыга А., Геронимус А. Крах антисоветской интервенции США. М., 1951. С. 159.
 82 Приазовский край. 1919. 1(14) нояб.
 83 Борьба за власть Советов на Дону: Сб. документов. Ростов н/Д, 1957. С. 443.
 84 Донские ведомости. 1919. 1 мая (18 апр.).
 85 Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 88—89.
 86 Цит. по: Из истории гражданской войны в СССР. Т. 2. С. 48.
 87—89 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 44.
 90 Там же. Т. 40. С. 175. ⁹¹ Там же. С. 174—175.
 92 Ист. арх. 1957. № 2. С. 77.
 93 История гражданской войны в СССР. Т. 4. С. 196.
 94 Там же.
 95 Цит. по: Ист. арх. 1961. № 6. С. 96—97.
 96—97 Борьба. 1920. 16 явн.
 98 Демократическое правительство Грузии и английский командование. Тифлис. 1928. С. 50.
 99 Там же.
 100 Подробнее см.: Магомедов А. М. Горцы Северного Кавказа и социалистическая революция. Махачкала. 1980. С. 118.
 101 Борьба за установление Советской власти в Дагестане: Сб. документов и материалов. М., 1958. С. 291.
 102 Гиоев М. И. Антиденикинский фронт на Кавказе. Орджоникидзе. 1984. С. 168—169.
 103 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 44.
 104 Правда. 1924. № 196.
 105 Вольное казачество. 1934. № 155.
 106 ЦГАОР СССР. Ф. 449 Оп. 1. Д. 12. Л. 250.
 107 Статистика юго-восточного края. 1921. № 2. С. 11.
 108 Белое дело Берлин, 1928. Т. 5. С. 259.
 109 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 35.
 110 Parliamentary Debates. S. 5. Vol. 121. Col. 473.
 111 Орджоникидзе Г. К. Указ. соч. С. 89.
 112 Козлов А. И. Указ. соч. С. 125.
 113 Parliamentary Debates. S. 5. Vol. 221. Col. 474.
 114 Ibid. Col. 721.
 115 Ист. арх. 1961. № 6 С. 102.
 116 Там же. С. 103.

- 117 Борьба за победу Советской власти в Грузии: Документы и материалы (1917—1921 гг.). С. 530—531.
- 118 Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане (1917—1921 гг.): Сб. документов и материалов. С. 363.
- 119 Там же. ¹²⁰ Там же. С. 363—364 ¹²¹ Там же. С. 380.
- 122 Там же. ¹²³ Там же. С. 369.
- 124 Центральный Государственный архив Северо-Осетинской АССР. Ф. 39. Оп. 1. Д. 42. Л. 145. (Далее: ЦГА СО АССР).
- 125 Там же.
- 126 Ист. арх. 1956. № 4. С. 65.
- 127 ЦГА СО АССР. Ф. 39. Оп. 1 Д. 42. Л. 4.
- 128 Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 379.
- 129 Times. 1920. Jan. 16.
- 130 Coates Z. K. A History of Anglo-Soviet Relations. L., 1943. P. 12.
- 131 Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. 3. С. 502.
- 132 СООПА. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 37. Л. 2.
- 133 *Этенко Л. А.* Ленин и горцы Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1975. С. 200—210.
- 134 Владимир Ильич Ленин: Биохроника. М., 1977. Т. 8. С. 358.
- 135 *Козлов А. И.* Указ соч. С. 135—140
- 136 Жизнь национальностей. 1918. № 17.
- 137 Молот. 1919. 2 авг
- 138 ЦГА СО АССР. Ф. Горского главы. Пап. 10. Л. 4.
- 139 Там же. Св. 1. Д. 12. Л. 1. ¹⁴⁰ Там же.
- 141 Красный арх. 1935. № 1
- 142 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 288.
- 143 Азербайджан. 1919. 9 апр.
- 144 ЦГА Дагестанской АССР. Ф. 172. С. 622. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 8
- 145 ЦГАСА. Ф. 194. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 211
- 146 Центральный Госархив Военно-Морского Флота. Ф. А-55. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 151. (Далее: ЦГА ВМФ).
- 147 Там же. Ф. 143. Оп. 1. Ед. хр. 416. Л. 1—2 об.
- 148 Вестник Дагестана. 1919. 12 июля. ¹⁴⁹ Пролет. революция. 1940. № 2.
- 150 Набат. 1919. 23 мая ¹⁵¹ Азербайджан. 1919. 9 нояб
- 152 Рукописный фонд института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР. Д. 5. С. 316.
- 153 Подробнее см.: Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане.
- 154 Вольный горец. 1919. 18 дек.
- 155 Азербайджан. 1919. 12 дек. ¹⁵⁶ Там же.
- 157 Новый мир. 1920. 21 янв. ¹⁵⁸ Там же. 27 янв
- 159 *Тахо-Годи А.* Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927. С. 133
- 160 Рукописный фонд института ИЯЛ Даг филиала АН СССР. Д. 5. Л. 117.
- 161 Воен.-ист. журн. 1961. № 1. С. 46.
- 162 Там же. ¹⁶³ Там же.
- 164 Азербайджан. 1920 21 янв.
- 165 *Хачатуридзе Г.* Большевики Грузии в боях за победу Советской власти. М., 1951. С. 236.
- 166 Новый мир. Баку. 1920. 18 февр.
- 167 *Штейн Б.* Русский вопрос на Парижской мирной конференции (1919—1920 гг.) М., 1949. С. 354.
- 168 Архив Дагестанского обкома РКП(б). Ф. 8. Оп. 1. Д. 42. Л. 18.
- 169 Азербайджан. 1920. 17 марта.
- 170 *Гусейнов И.* Борьба трудящихся Азербайджана против Деникина, 1919—1920 гг. // Тр. Аз. филиала ИМЛ при ЦК ВКП(б). 1948. Т. 12. С. 77.
- 171 Партархив Ростовского обкома КПСС. Ф. 12. Оп. 25. Д. 24. Л. 12
- 172 ЦГА ДАССР. Ф. 1502. Оп. 1. Д. За. Л. 46.
- 173 Архив Дагестанского обкома КПСС. Ф. 8. Оп. 1. Д. 42. Л. 30.
- 174 Бюллетень Революционного Совета Оборона. 1920 № 1. Л. 1.
- 175 Красный воин. 1920. 31 марта ¹⁷⁶ Правда. 1935. 24 июня.
- 177 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 51 С. 175.

- ¹⁷⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 10.
- ¹⁷⁹ Фрунзе М. В. Собр. соч. М.; Л., 1929. Т. 1. С. 188; Тухачевский М. Н. Борьба с контрреволюционными восстаниями: Искоренение политического бандитизма (Тамбовское восстание) // Война и революция. 1926. № 8. С. 8; Каменев С. С. Записки о гражданской войне и военном строительстве. М., 1963. С. 199; Эйдеман Р. П. К вопросу о борьбе с бандитизмом // Армия и революция. 1922. № 2. С. 63; Эйдеман Р. П., Какурин Н. Гражданская война на Украине. Харьков, 1928. С. 4; Первая Юго-Восточная краевая конференция РКП(б): Стеногр. отчет, 23—25 марта 1923 года. Ростов на/Д. 1923. С. 9; Казаков А. Общие причины возникновения бандитизма и крестьянских восстаний // Красная Армия. 1921. № 9. С. 35, 38, 39; Венцов С. Бандитизм в Белоруссии и организация борьбы с ним // Там же. С. 45; Савицкий С. Украинский бандитизм // Там же. С. 52.
- ¹⁸⁰ Красная Армия. 1926. № 7/8. С. 21—63.
- ¹⁸¹ ЦГАСА. Ф. 25896 (СКВО). Оп. 9. Д. 436. Л. 181; Оп. 3. Д. 533. Л. 3; Оп. 9. Д. 436. Л. 43, 90, 147, 160, 181, 204, 221, 230, 270, 279, 308, 316, 324, 330, 348, 354, 362; Д. 276. Л. 4, 7, 30, 40, 43, 82, 85, 92, 100, 119, 133; Д. 287. Л. 2, 14, 30, 92; Д. 308. Л. 30. Один из организаторов и руководителей повстанчества — эсер Н. В. Воронович, выступавший в 1922 г. в парижской газете, редактируемой П. Н. Миллюковым, со статьями о движении «зеленых» на Северном Кавказе, считал апогеем повстанчества весну 1921 г. Не указывая точных цифр о численности мятежников, Воронович писал, что к весне 1921 г. «большевики исчислили силу выступавших «зеленых» в 40 тысяч человек» (Последние новости. 1922. 5 мая). Однако в сводках разведотдела штаба СКВО такая цифра никогда не приводилась. Но если учесть, что в них не отражались силы, действовавшие в подполье, то она является вполне допустимой. 23 тыс.— это активные мятежники против Советской власти в июле — октябре 1920 г.
- ^{182—183} Антанта и Врангель. М.; Л., 1923. Вып. 1. С. 6.
- ¹⁸⁴ Там же. С. 8.
- ¹⁸⁵ Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М.; Л., 1927. Т. 5. С. 393.
- ¹⁸⁶ Антанта и Врангель. С. 14, 15.
- ¹⁸⁷ Последние новости. 1920. 28 авг.
- ¹⁸⁸ Там же. 5 нояб. ¹⁸⁹ Там же. 26 окт. ¹⁹⁰ Там же. 20 окт.
- ¹⁹¹ Там же. 26 окт. ¹⁹² Там же. 21 окт.
- ¹⁹³ Шульгин В. 1920 год. Л., 1927. С. 212.
- ¹⁹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 15—17.
- ¹⁹⁵ Там же. Т. 43. С. 61.
- ¹⁹⁶ Спириин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920). М., 1963. С. 322; Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М., 1981. С. 17.
- ¹⁹⁷ Омаров М. Чечня на социалистическом пути. Ростов на/Д, 1933. С. 24; Историко-экономический очерк Чеченской автономной области. Грозный, 1930. С. 11.
- ¹⁹⁸ Партийный архив Ростовской области. Ф. 7. Оп. 1. Д. 378. Л. 83. (Далее: ПАРО).
- ¹⁹⁹ Китаев М. А. Областные бюро — полномочные органы Центрального Комитета партии (1904—1934 гг.). М., 1982. С. 27.
- ²⁰⁰ Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи. М., 1956. Т. 1. С. 89.
- ²⁰¹ Лайпанов К. Т. Октябрь в Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1971. С. 159. В других источниках иные цифры: 5, 4 тыс. (Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1983. С. 311), 10—15 тыс. (Там же. С. 612).
- ²⁰² ЦГАСА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 436. Л. 4.
- ²⁰³ Последние новости. 1920. 14 мая.
- ²⁰⁴ Там же. 14 июня.
- ²⁰⁵ ЦГАСА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 436. Л. 76.
- ²⁰⁶ Последние новости. 1920. 18 мая; 1921. 16 окт.
- ²⁰⁷ Там же. 1920. 25 авг.; 1921. 16 окт.
- ²⁰⁸ Антанта и Врангель. С. 26.
- ²⁰⁹ Последние новости. 1920. 18 авг. В советской исторической литературе дата 4 августа ошибочно принята за дату заключения договора. См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 121.

- ²¹⁰ ЦГАСА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 214. Л. 19.
- ²¹¹ ЦГАСА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 436. Л. 78.
- ²¹² *Степаненко Б. И.* Борьба с вооруженной контрреволюцией на Дону и Кубани и ее разгром (март 1920—1922 гг.). Ростов н/Д, 1972. АКД. С. 15. В других источниках — 11,5 тыс. См.: Гражданская война и иностранная интервенция в СССР. С. 612.
- ²¹³ Подробнее см.: *Голубев А.* Врангелевские десанты на Кубани. М., 1929.
- ²¹⁴ ЦГАСА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 436. Л. 79.
- ²¹⁵ Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. Т. 5. С. 432—433.
- ²¹⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 358.
- ²¹⁷ Там же. Т. 51. С. 277.
- ²¹⁸ *Орджоникидзе Г. К.* Указ. соч. С. 176.
- ²¹⁹ ЦГАСА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 214. Л. 20.
- ²²⁰ Там же. Л. 37, 42; Д. 238. Л. 19, 66.
- ²²¹ Там же. Л. 42; Д. 238. Л. 111.
- ²²² *Кудзнецова С. И.* Установление советско-турецких отношений. М., 1961. С. 25.
- ²²³ *Хейфец А. Н.* Советская Россия и сопредельные страны Востока (1918—1920). М., 1964. С. 124, 192.
- ²²⁴ ЦГАСА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 214. Л. 19.
- ²²⁵ Там же. Д. 238. Л. 9; Д. 212. Л. 217; Д. 214. Л. 35.
- ²²⁶ Там же. Д. 214. Л. 36.
- ²²⁷ Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1061. Л. 211.
- ²²⁸ Красный Дагестан. 1928. 1 апр.
- ²²⁹ Сов. Дагестан. 1920. 14 окт.
- ²³⁰ Коммунист. Владикавказ, 1920. 21 окт.
- ²³¹ Там же. 3 нояб.
- ²³² Тогда лакцы назывались казикумухскими, а нынешние Лакский и Кулинский районы — Казикумухским округом.
- ²³³ Сов. Дагестан. 1920. 25 окт.
- ²³⁴ *Орджоникидзе Г. К.* Указ. соч. С. 134—135.
- ²³⁵ ЦГАСА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 238. Л. 159.
- ²³⁶ Там же. Л. 53.
- ²³⁷ Там же. Л. 161.
- ²³⁸ Последние новости. 1921. 5 июля.
- ²³⁹ ЦГАСА. Ф. 25896. Оп. 3. Д. 308. Л. 29.
- ²⁴⁰ Следует отметить, что численность повстанцев края сразу после декрета о замене продразверстки продналогом не уменьшилась, а даже продолжала повышаться. См.: ЦГАСА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 436. Л. 181. Это можно объяснить тем, что продразверстка здесь из-за сложной политической обстановки полностью не проводилась ни разу и население не могло вначале уяснить, какие выгоды несла ему новая экономическая политика. К тому же ее замалчивали руководители повстанцев.
- ²⁴¹ Цит. по: Непролетарские партии в России: Урок истории. М., 1984. С. 509.
- ²⁴² Жизнь национальностей. 1922. № 16. С. 8—9.
- ²⁴³ ЦГАСА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 284. Л. 1.
- ²⁴⁴ *Квицинг.* Уроки грузинского восстания. М., 1925. С. 13—14.
- ²⁴⁵ ЦГАСА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 283. Л. 296. Количество изъятого оружия, по сведениям ОГПУ, составляло примерно 75% имеющегося у населения.
- ²⁴⁶ Стенографический отчет III Северо-Кавказской партконференции. Ростов н/Д, 1925. С. 23.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Международный империализм несет историческую ответственность за превращение Дона и Северного Кавказа в арену самых ожесточенных и кровопролитных битв периода свершения первой в мире социалистической революции и гражданской войны в Советской России. Иностранное вмешательство во внутренние дела Страны Советов повлекло за собой создание фронтов в этом регионе страны с богатыми людскими и природными ресурсами, граничащем с капиталистическими странами и имеющем порты на Черном, Азовском и Каспийском морях, которые стали пунктами прямого вторжения десантов и снабжения белогвардейцев. Империалистическая интервенция совершалась в различных формах: экономической, политической, идеологической, военной, скрытого и открытого вооруженного разбоя.

При помощи и под прикрытием империалистических государств буржуазно-помещичьи, казачьи и националистические круги сумели создать на Дону и Северном Кавказе эфемерные антинародные государственные образования, которые держались только за счет иноземной поддержки, на штыках империалистических вооруженных сил.

Еще задолго до Октября В. И. Ленин указывал, что рабочий класс предпочел бы взять власть в свои руки мирным путем, но «очень вероятно — даже наиболее вероятно — что буржуазия не сделает мирной уступки пролетариату, а прибегнет в решительный момент к защите своих привилегий насилем»¹. Больше того, победа Великой Октябрьской социалистической революции, прорвавшей первое звено в общей цепи империализма, вызвала классовую ненависть и ожесточенную борьбу со стороны не только российской буржуазии, но и международной. Стратегию буржуазии того времени раскрыл В. И. Ленин: «Сначала мы поборемся из-за коренного вопроса, есть ли вы вообще государственная власть или вам это только кажется ...и это, вероятно, будет война не только нас, капиталистов, изгнанных из России, а всех тех, которые в капиталистическом строе заинтересованы. И если окажется, что остальной мир заинтересован достаточно, то нас, русских капиталистов, поддержит международная буржуазия»².

На первых порах международный империализм, раздираемый внутренними противоречиями, войной между враждующими группировками, не сумел выделить войска для открытой интервенции в Советскую Россию. Кроме того, ему казалось тогда, что при его материальной, политической, дипломатической

поддержке российская буржуазия и сама окажется достаточно сильной, чтобы покончить с начавшейся революцией, которую капиталисты в ту пору рассматривали, говорил В. И. Ленин, как «курьез: мало ли какие на окраинах бывают чудачества»³. Триумфальное шествие Советской власти самым наглядным образом очень скоро показало им несостоятельность такого рода надежд. Убедившись в том, что победа Октября обретает международное значение, мировой капитализм стал на путь интенсивной помощи русским капиталистам и помещикам, принял открытую военную интервенцию⁴.

Международный империализм координировал действия всех врагов революции — белогвардейцев, националистов, эсеров, меньшевиков⁵. Всеми доступными ему средствами он разжигал на Дону и Северном Кавказе, как и во всей стране, гражданскую войну, выступал в ней, по определению В. И. Ленина, в роли руководителя, двигателя, толкателя⁶. В результате его усилий интервенция и гражданская война слились «в одно единое целое»⁷.

«Русская буржуазия,— указывал В. И. Ленин,— тотчас же после большевистского переворота, стала искать соглашения и заключать соглашения с буржуазией иностранной против рабочих и трудящихся своей страны. Поддерживали буржуазию меньшевики и эсеры... Так было и на севере России и на юге в начале 1918 г., когда и кадеты и меньшевики и эсеры в союзе с немцами душили большевиков. То же в Грузии. Немцы давали деньги и оружие Краснову. Потом буржуазия Антанты подкупала чехословаков, Деникина... Международная буржуазия, сначала германская, потом англо-французская (неоднократно и обе вместе), пошла войной на победивший в России пролетариат»⁸.

Дон и Северный Кавказ относились к числу тех районов страны, где Советской власти пришлось утверждаться в обстановке вооруженной борьбы, развязанной внутренней и внешней контрреволюцией. 25 февраля 1918 г. В. И. Ленин писал, что победа диктатуры рабочего класса и беднейшего крестьянства утверждалась в гражданской войне, которая, начавшись с победы над Керенским под Гатчиной, продолжалась победами над буржуазией, юнкерами, частью контрреволюционного казачества, «кончая победой над Каледниным, Корниловым и Алексеевым в Ростове-на-Дону»⁹.

Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе была неразрывной составной частью общего иностранного вмешательства во внутренние дела Советской России. Главная причина интервенции заключалась в стремлении международного империализма во что бы то ни стало «потушить пожар социалистической революции, начавшийся у нас и все более грозящий перекинуться на весь мир»¹⁰.

Вторая причина заключалась в том, что страны Антанты намеревались предотвратить выход России из войны с Четвертым

союзом, чтобы не потерять союзника, который приковывал к себе половину всех войск общего противника. Австро-германский блок, в свою очередь, рассчитывал за счет оккупации богатых районов на Юге России решить обострившуюся за годы войны проблему снабжения населения и армий продовольствием, а промышленности — сырьем. Оба блока осуществление своих целей связывали со свержением Советской власти, с восстановлением власти капиталистов и помещиков.

Наконец, интервенция преследовала цель вернуть иностранным капиталистам утраченные в России в результате революции богатства, расчленив страну на зоны господства империалистических держав, закабалить народы России. Дон и Северный Кавказ, в частности, должны были стать по достигнутому внутри Антанты соглашению аграрно-сырьевым придатком Англии и Франции, капиталы которых давно и глубоко внедрили в экономику региона. Германский империализм рассматривал этот регион как зону своего безраздельного господства, намереваясь превратить ее не только в источник приращения богатств и в плацдарм борьбы против Советской власти, но в форпост для продвижения на Ближний и Средний Восток для нанесения сокрушительных ударов по жизненно важным центрам Британской империи.

Политическая окраска контрреволюции на Дону и Северном Кавказе находилась в прямой связи с ее ориентацией на разные империалистические группы. Сразу после победы Великого Октября преимущественно вся она устремилась к Антанте. Но с весны 1918 г., когда германские войска, попирая условия Брестского мирного договора, вторглись в пределы Дона и Кубани, вступили в пределы Закавказья и начали протягивать свои шупальца вдоль побережья Каспийского моря к Дагестану и в глубь всего Северного Кавказа, часть существовавших на Дону и Северном Кавказе отрядов в лагере контрреволюции — Краснов, некоторые северокавказские буржуазные националисты — повернули в сторону Германии и ее союзницы Турции, а также прогерманских правительств в Закавказье. Такой поворот объяснялся не политическими мотивами принципиального порядка, а соображениями утилитарного характера побыстрее получить помощь в борьбе с Советской властью — и был в своей основе беспринципным. Деникинцы сохраняли верность Антанте, хотя вовсе не брезговали поступающей через Краснова помощью от Германии. Часть буржуазно-националистической контрреволюции горских районов Северного Кавказа отдавала предпочтение двойной ориентации — одновременно и на Антанту, и на Четверной союз. Но после поражения австро-германского блока в первой мировой войне, примерно с ноября 1918 г. и до полного краха интервенционистских планов в 1920 г., внутренние силы контрреволюции — и действовавшие в локальных рамках Дона

и Северного Кавказа, и вырвавшиеся на всероссийскую арену (деникинщина, например) — связывали свою судьбу только с Антантой, получая от нее средства, оружие, всяческую поддержку.

Этапы империалистической интервенции на Дону и Северном Кавказе в основном совпадают с этапами интервенции в общероссийском масштабе, хотя и с некоторыми отличиями, вытекающими из местных особенностей борьбы.

Первый этап империалистической интервенции на Дону и Северном Кавказе (октябрь 1917 — середина апреля 1918 г.) характеризовался вмешательством во внутренние дела Советской России преимущественно стран Антанты. Оно осуществлялось по скрытым каналам ее дипломатических агентов и по линии военного командования на Балканском театре военных действий и Черноморского бассейна.

Установив прямую связь с реакционными казачьими верхами еще в обстановке нарастания социалистической революции, пытаясь задушить ее в зародыше и организовав борьбу с ней после ее победы, правящие круги Антанты возлагали надежды на Каледина, считая его предводителем казачества, представлявшегося им монолитной силой без острых внутренних социальных противоречий. При опоре на него империалисты пытались превратить казачьи области в антисоветский плацдарм, с которого повести развернутое наступление против социалистической революции по всему фронту.

Вдохновляемые поддержкой империалистов, казачьи верхи развязали гражданскую войну. В ноябре 1917 г. В. И. Ленин говорил: «Ничтожная кучка начала гражданскую войну. Она не кончена. К Москве подступают калединыцы, к Питеру — ударники»¹¹. Но корниловско-калединская гражданская война, несмотря на ограниченность масштабов, представляла серьезную угрозу пролетарской революции. В «Тезисах об Учредительном собрании» в конце 1917 г. вождь революции подчеркивал, что гражданская война, начатая кадетско-калединским контрреволюционным восстанием против Советской власти, окончательно обострила классовую борьбу и отняла всякую возможность путем формально-демократическим решить самые острые вопросы¹². В письме к «Общеармейскому съезду по демобилизации армии» в начале января 1918 г. В. И. Ленин указал на прямую связь между иностранными империалистами и внутренней контрреволюцией: «Мы переживаем, может быть, один из критических периодов революции, когда Советской власти грозит и внешний враг — империалисты немецкие и других стран, и враг внутренний — контрреволюция...»¹³.

Однако казачество оказалось непрочной силой. Оно не выдержало напора со стороны окружавших его пролетариев, беднейших слоев иногородних и коренных крестьян, солдат местных гарнизонов, вдохновленных победоносным натиском наставшей со стороны центра волны пролетарской революции.

Под воздействием революции казачество раскололось по линиям давно существовавших и разрушавших его изнутри классовых противоречий.

На сторону рабочих и крестьян перешла казачья беднота. За ней к революции, провозгласившей мир и объявившей, что земли «революции казаков не конфискуются»¹⁴, повернулись середняки, составлявшие основную массу этого особого полувоенного и привилегированного отряда российского крестьянства. В конце 1917 — начале 1918 г. казачий середняк частью перешел на позиции прямой поддержки Советской власти, а частью по отношению к ней занял нейтралитет, что в обстановке разгоравшейся гражданской войны было также равносильно ее поддержке, так как лишало корниловско-калединскую реакцию массовой социальной опоры.

На III Всероссийском съезде Советов 11 января 1918 г. В. И. Ленин уверенно заявил: «...дело Каледина — дело безнадежное, трудящиеся массы против него. Опыт Советской власти, пропаганда делом, примером советских организаций берет свое, и внутренняя опора Каледина на Дону теперь падает не столько извне, сколько изнутри.

Вот почему, смотря на фронт гражданской войны в России, мы можем с полной уверенностью сказать: тут победа Советской власти полная и совершенно обеспеченная»¹⁵. Козырная карта империалистов оказалась битой. «...Международные капиталисты попали в тупик,— говорил 23 января В. И. Ленин.— Они рады были бы выпутаться из войны и обрушиться всеми силами на ненавистную Советскую республику, которая зажгла пожар по всей Европе и Америке, но не могут»¹⁶.

Не получив широкой и всесторонней поддержки со стороны международного империализма, расколотого на воюющие друг с другом группировки, его ставленники с началом весны 1918 г. потерпели полное поражение. Советская власть шла победной поступью почти по всему Дону и Северному Кавказу. Однако опасность империалистической агрессии была не только не снята, но и еще больше усилилась. «С нашей русской контрреволюцией мы уже кончаем. По всем фронтам идет сейчас борьба, в которой мы почти всегда оказываемся победителями. Есть еще один враг: враг этот,— предупреждал В. И. Ленин уже 28 января 1918 г.,— международный капитал; с ним мы долго еще будем бороться...»¹⁷.

Тем не менее, оценивая внутреннее положение страны, В. И. Ленин 23 апреля 1918 г. подчеркнул: «Можно с уверенностью сказать, что гражданская война в основном закончена»¹⁸. Уроки гражданской войны с октября 1917 по март 1918 г. показали, что трудящиеся массы — рабочий класс и не эксплуатирующие труда крестьяне — поголовно выступали за Советскую власть. Даже «в местностях самых патриархальных, со слоем земледельцев самых зажиточных, наиболее сословно

замкнутых, как казаки, — везде, без исключения, всякая попытка контрреволюции приводила только к тому, что новые слои угнетенных трудящихся оказались против них не на словах, а на деле»¹⁹. Поражение русской буржуазии в открытом военном столкновении с революцией показало контрреволюционерам, даже главарям донских казаков, что их дело потехно, что против них везде большинство народа.

Второй этап империалистической агрессии (середина апреля — начало ноября 1918 г.) на Дону и Северном Кавказе, как и во всей стране, характеризовался двойной интервенцией — германо-турецкой и антантовской. Воюя друг с другом на Западном фронте, в Советской России те и другие стремились покончить с пролетарской революцией, используя в этих целях внутренние силы контрреволюции. Но создать единый фронт они по-прежнему не могли. Это облегчало положение Советской власти.

На Дону и Северном Кавказе в этот период решающую роль играли германские интервенты. Попирая условия Брестского мирного договора, они оккупировали значительную часть Донской области, пытались прорваться на Кубань, захватить в Новороссийске боевое ядро Черноморского флота, породили на Дону режим Краснова и способствовали возрождению почти наголову разбитой и обреченной на неминуемую гибель Добровольческой армии под командованием Деникина. Германские агенты рыскали по всему Северному Кавказу. Собирая обломки буржуазного национализма, они создавали послушные себе государственные образования в горских районах Терка и в Дагестане.

В своей авантюрной игре германские интервенты делали ставку на донскую казачью контрреволюцию во главе с Красновым, стремясь подчинить ему в регионе все остальные антисоветские силы. Снабдив Краснова всем необходимым, они помогли ему создать армию, которую вместе со своими силами двинули против Советской Республики, поставив ее перед угрозой войны. В. И. Ленин усматривал в германской агрессии тогда главную угрозу²⁰. Турция играла подчиненную роль, ее влияние на Северном Кавказе не простиралось далее Дагестана.

Антанта на этом этапе стремилась прорваться на Северный Кавказ, главным образом из меньшевистской Грузии в Осетию, и из мусаватистского Азербайджана — в Дагестан и далее на Терек.

Наступление интервентов и активизация контрреволюции развертывались при новой расстановке классовых сил. Казак-середняк и «крепкий» крестьянин Юго-Востока повернули против Советов. В основе этого поворота лежали колебания, присущие мелким собственникам.

«...Мелкие хозяйчики, мелкие собственники, — говорил тогда В. И. Ленин, — готовы нам, пролетариям, помочь скинуть поме-

щиков и капиталистов. Но дальше пути у нас с ними разные. Они не любят организации, дисциплины, они — враги ее. И тут нам с этими собственниками, с этими хозяйчиками придется вести самую решительную, беспощадную борьбу. Ибо здесь, в области организации, и начинается для нас социальное строительство»²¹.

Борясь с голодом и пересчитывая хлеб в стране, Советская власть неминуемо задела интересы крепкого казачьего и крестьянского середняка Дона и Северного Кавказа. Опасения за собственность, искусно разжигаемые кулацко-атаманскими верхами, и толкнули многих середняков в лагерь контрреволюции. Вслед за буржуазией мелкие собственники тогда видели в интервентах гарантию «против мужика, берущего землю, и против рабочего, строящего основы социализма». На рассматриваемом этапе интервенции все эти слои нашли «себе место в немецкой поддержке». Еще вчера в течение нескольких лет, говорил В. И. Ленин, они называли изменниками Родины тех, кто осуждал империалистическую войну и раскрывал глаза на нее, а теперь в несколько недель они переменили свою политическую веру и от союза с хищниками английскими перешли к союзу с хищниками германскими против Советской власти. Разъясняя сущность таких колебаний, вождем революции подчеркивал: «Пусть мечется буржуазия всех оттенков... Это ей так полагается. Пусть она сеет панику, потому что она сама в панике. Пусть она мечется, не зная иного пути и колеблясь между той или иной ориентацией... не могущей учитывать того, что в революции, когда она достигает больших размеров, приходится, во имя углубления этой революции, переживать самые различные группировки и переходы от одного к другому этапу»²².

Поворот середняцких слоев позволил Краснову и Деникину создать в короткий срок с помощью насильственных мобилизаций массовые белогвардейские армии. Конечно, возникшие формирования не обладали внутренней прочностью и стойкостью, таили в своем чреве бомбы замедленного действия, готовые взорваться при неудачах, первых трудностях. Но в огненном 1918 г., опираясь на германские штыки, эти полчища, штурмуя Царицын и захватывая район за районом на Северном Кавказе, создали Советской Республике смертельную угрозу. Раздетая и разутая, безоружная, охваченная тифом примерно 150-тысячная героическая 11-я Северокавказская армия, состоявшая главным образом из рабочих, беднейших иногородних крестьян и части казаков, приняла на себя главный удар вышколенной, разъяренной классово-ненавистью к трудящимся, наполовину состоявшей из офицеров Добровольческой армии Деникина, надолго связала ее по рукам и ногам. Ценой своей жизни она отвратила ее удар на север в критический момент для Красной Армии на Восточном фронте. К ноябрю 1918 г. Советская власть сохранилась на Северном Кавказе только на Тереке.

Третий этап империалистической интервенции (середина ноября 1918 — апрель 1920 г.) — после капитуляции австро-германского блока и потрясшей центр Европы Ноябрьской революции в Германии — на Дону и Северном Кавказе характеризовался безраздельным господством антантовских интервентов. Под их руководством все белогвардейцы были объединены в «вооруженные силы Юга России» под командованием Деникина. Marionеточные государственные образования казачьих областей и горских районов поставлены были также под его руководство как части «единой, неделимой России», не допускавшей подобия даже областной автономии. Германский ставленник Краснов был выставлен за дверь. В начале февраля 1919 г. на Тереке пал последний советский бастион в тяжелых боях с превосходящими по силе деникинскими полчищами, к которым с конца ноября 1919 г. потекла рекой через Новороссийск всемерная помощь от стран Антанты.

На Дону и Северном Кавказе установился свирепый белогвардейский режим. В тылу врага под руководством большевистских организаций развернулась подпольная подрывная работа, партизанская борьба. Движущими силами являлись рабочие, трудящиеся крестьяне, бывшие бойцы Красной Армии и Красного Флота. Деникин на охране тыла держал значительные силы, но катастрофического его разрушения предотвратить не смог.

Антанта создала под командованием Деникина огромную армию, костяк которой составляло казачество. Характеризуя казачество на том этапе гражданской войны (в том числе средние слои, составлявшие его большинство и в массе своей находившиеся в лагере контрреволюции), Ленин рассматривал эту специфическую категорию населения как, несомненно, контрреволюционную, монархически настроенную²³, борющуюся за свои привилегии²⁴. Только оно одно тогда, подчеркивал он, «давало и дает возможность Деникину создавать серьезную силу»²⁵. Сначала казаков, указывал он, подкупали немцы, а потом англичане и французы²⁶. В борьбе с деникинской армией, в обилии состоявшей из офицеров и казаков, предупреждал Владимир Ильич, необходима военная дисциплина и военная бдительность, доведенные до высших пределов, ибо, подчеркивал он, «это тот элемент, который, не имея за собой массовой силы, чрезвычайно способен на быстрые налеты, на авантюры, на отчаянные предприятия в целях сеяния паники, в целях разрушения ради разрушения»²⁷.

Борьба с этим врагом потребовала от Советской Республики огромного напряжения всех сил. Без разгрома гнезда контрреволюционного казачества не могло быть и речи «ни о каком упрочении Советской пролетарской власти в центре»²⁸. Красная Армия сломала контрреволюционеров, «и никакая помощь империалистов им не помогла»²⁹. 7 апреля 1920 г., уже подводя итог борьбе с контрреволюцией, в том числе

с деникинщиной — самой главной антантовской силой, В. И. Ленин определил и характер борьбы с нею в районах с особым составом населения, включая казачье: «Мы победили Сибирь, Дон, Кубань»³⁰.

В разгроме до зубов вооруженных антантой белогвардейских полчищ главную роль сыграли сокрушающие удары Красной Армии. Начавшиеся военные неудачи, означавшие катастрофу, послужили своеобразным катализатором, ускорившим назревание им присущих внутренних социальных напряжений. Обостряясь, они вылились в острые классовые противоречия, приведшие деникинскую армию к полному развалу. Устоять перед ним она не смогла. Немаловажную роль в этом сыграли охватившие весь ее тыл массовые восстания, вылившиеся в широкое партизанское движение и подпольную борьбу. Предотвратить надвигавшийся крах, несмотря на предпринимавшиеся меры, международный империализм оказался не в состоянии. Это показывает несостоятельность версий современных «советологов» о привнесении Советской власти на Дон и Северный Кавказ только Красной Армией. В ее победу внесли огромный вклад и рабочие, трудящиеся крестьяне, казачья и горская беднота этой окраины. Совместные удары по общему врагу с фронта и тыла пред-решили успех общей победы.

Четвертый этап империалистической интервенции на Дону и Северном Кавказе (лето 1920 г.—конец 1922 г.) характеризовался поджигательской деятельностью стран Антанты, стремившихся создать там обширный очаг политического бандитизма. Выделив на эти цели огромные средства, они сколотили в горах крупные формирования из недобитых остатков белогвардейцев, кулацких и прокулацких деклассированных элементов, из мусульманских фанатиков и одурманенных ими их последователей. Врангелевские десанты на Дону и Кубани, бандитские отряды совершали налеты на селения и аулы, станицы и города, сеяли смерть и разрушения, не давали возможности советским людям приступить к мирному труду. Восстановление разрушенного войнами народного хозяйства на Северном Кавказе длительное время происходило в обстановке продолжавшейся вооруженной борьбы с бандами. Политический бандитизм, не нашедший поддержки со стороны широких масс, был разгромлен частями Красной Армии и местными революционными отрядами. Активную помощь им оказали рабочие, трудящиеся крестьяне, горцы. Исход борьбы был предрешен политикой партии и Советского государства, мобилизовавших тружеников Дона и Северного Кавказа, как и всей страны, на строительство социализма.

В новой редакции Программы КПСС указывается: «Классовая борьба в переходный период временами приобретала характер острых столкновений. Страна Советов подвергалась ожесточенным атакам враждебного капиталистического окру-

жения, многочисленным военным и политическим провокациям».

Организаторами и вдохновителями разгрома империалистической агрессии была Коммунистическая партия во главе с В. И. Лениным. Памятником героическому подвигу борцов за торжество идей коммунизма стал построенный в нашей стране реальный социализм.

Накопленный советским народом исторический опыт борьбы с интервентами и их ставленниками имеет непреходящее значение. Он предостерегает, он учит, как надо защищать завоевания революции, свободу и независимость. Ценность и актуальность уроков борьбы с империалистической интервенцией в России очевидны в нашу эпоху перехода от капитализма к социализму и коммунизму, эпоху исторического соревнования двух мировых социально-политических систем, свершения социалистических и национально-освободительных революций, крушения колониализма, в эпоху борьбы главных движущих сил общественного развития — мирового социализма, рабочего и коммунистического движения, народов освободившихся стран, массовых демократических движений — против империализма, его политики агрессии и угнетения, за демократию и социальный прогресс.

Конкретный исторический материал об империалистической агрессии на Дону и Северном Кавказе в 1917—1922 гг. обнажает подлинный смысл фальсификаторских версий «советологов», пытающихся обелить всяческими путями интервентов, оправдать их разбойничьи действия.

Как в прошлом, так и теперь антисоветизм в ранге государственной политики служит империалистическим целям. Вымыслы о «советской угрозе», служившие оправданием интервенции, ныне используемые для идеологической обработки масс капиталистических государств, призваны посеять вражду к социализму, к Советскому Союзу. Но борцы за мир и социальный прогресс учатся теперь, в том числе извлекая уроки из истории СССР, бдительности, учатся оценивать империалистов не по их заявлениям, а по практическим делам.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 264. ² Там же. Т. 44. С. 203.

³ Там же. Т. 40. С. 303. ⁴ См.: Там же. С. 303.

⁵ См.: Там же. Т. 39. С. 169. ⁶ См.: Там же. Т. 37. С. 15.

⁷ Там же. С. 14. ⁸ Там же. Т. 39. С. 141—142.

⁹ Там же. Т. 35. С. 393. ¹⁰ Там же. Т. 37. С. 39.

¹¹ Там же. Т. 35. С. 53. ¹² См.: Там же. С. 164. ¹³ Там же. С. 224.

¹⁴ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. С. 20.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 268—269.

¹⁶ Там же. С. 324. ¹⁷ Там же. С. 330.

¹⁸ Там же. Т. 36. С. 233—234. ¹⁹ Там же. С. 402—403.

²⁰ См.: Там же. С. 315. ²¹ Там же. С. 265.

²² Там же. С. 334. ²³ См.: Там же. Т. 38. С. 227.

²⁴ См.: Там же. Т. 39. С. 244. ²⁵ Там же. С. 206.

²⁶ См.: Там же. Т. 38. С. 69. ²⁷ Там же. Т. 39. С. 55.

²⁸ Там же. Т. 38. С. 277. ²⁹ Там же. С. 70. ³⁰ Там же. Т. 40. С. 312.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (академик И. И. Минц)	3
Глава первая	
Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе в исторической литературе	5
1. Советская историография (К. А. Хмелевский, С. К. Хмелевский, Л. А. Этенко)	—
2. Критика буржуазной историографии интервенции на Дону и Северном Кавказе (Х. М. Ибрагимбеили)	27
Глава вторая	
Великий Октябрь и начало империалистической интервенции на Дону и Северном Кавказе	46
1. Дон и Северный Кавказ как объект экспансии международного империализма (А. И. Козлов)	—
2. Международный империализм и казачья контрреволюция (Ю. К. Кириенко)	58
3. Разжигание Антантой гражданской войны на Дону и Северном Кавказе (Ж. Ж. Гакаев, Ю. К. Кириенко)	66
Глава третья	
Интервенция Четверного союза на Дону и Северном Кавказе в 1918 г. (А. И. Козлов, К. А. Хмелевский)	87
1. Экспансионистские планы германского империализма на Юге России	—
2. Вторжение германских войск и обострение гражданской войны на Дону и Северном Кавказе	92
3. Гибель Черноморской эскадры	114
4. Июльский кризис и провал похода на Москву с Юга	122
5. Германо-турецкая интервенция в Дагестане (Н. П. Эмиров)	130
6. Освободительная борьба против оккупантов. Крах германской интервенции	134
Глава четвертая	
Превращение Антантой Дона и Северного Кавказа в антисоветский плацдарм	154
1. Усиление антантовской интервенции на Юге России (М. И. Гюев, Р. Х. Гугов, У. А. Улигов, К. А. Хмелевский)	—
2. Создание на Дону и Северном Кавказе интервенционистской базы против Советской Республики (М. И. Гюев, Н. А. Акимкина)	167
Глава пятая	
Крушение антантовских планов на Дону и Северном Кавказе	173
1. Отражение Советской Республикой натиска контрреволюции на Юге России в конце 1918 — начале 1919 г. (М. И. Гюев, К. А. Хмелевский)	—

2. Антанта — организатор деникинского наступления на Москву в 1919 г. (К. А. Хмелевский, Н. А. Акимкина, М. И. Гюев)	180
3. Разгром похода Антанты на Юге России (М. И. Гюев, Р. Х. Гугов, А. И. Козлов, У. А. Улигов)	196
4. Борьба трудящихся Дагестана против ставленников Антанты (Н. П. Эмиров)	210
5. Крах политического бандитизма на Дону и Северном Кавказе (Е. Ф. Жупикова, Н. П. Эмиров)	228
Заключение (А. И. Козлов)	250

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА ДОНУ И СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Утверждено к печати
Научным советом по комплексной проблеме
«Великая Октябрьская социалистическая революция»

Редактор издательства Т. А. Графова
Художник Н. И. Казаков
Художественный редактор М. Л. Храмцов
Технический редактор В. В. Тарасова
Корректоры Л. И. Левашова, Л. В. Шеголев
ИБ № 35890

Сдано в набор 24.08.87. Подписано к печати 28.12.87
А-04850. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага книжн - журн
Гарнитура литературная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 16,5. Усл. кр. отт. 16,5. Уч.-изд. л. 20,0
Тираж 2100 экз. Тип. зак. 1620
Цена 3 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Отпечатано во 2-й типографии издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6
С диапозитивов изготовленных в 12 ЦТ МО

В издательстве «Наука»

готовятся к печати:

Иностранная военная интервенция в Прибалтике 1917—1920 гг.

Авторы — ведущие специалисты в области истории Прибалтики, истории Великого Октября, гражданской войны и иностранной интервенции. В книге анализируется агрессивная политика кайзеровской Германии, Антанты, США, Польши в отношении Прибалтики, их попытки превратить прибалтийские государства в плацдарм против Советской России. Авторы вводят в научный оборот новые материалы, касающиеся международных отношений в 1917—1920 гг., отражающие зверства интервентов в Прибалтике, показывающие самоотверженную борьбу народных масс. Работа является ответом буржуазным историкам и политологам, которые искажают историю Прибалтики.

Бовыкин В. И.

Россия накануне великих свершений: К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции

Что представляла собой Россия в 1917 г., почему она оказалась «слабым» звеном мировой империалистической цепи, страной, где впервые в истории победила социалистическая революция? Явилось ли это результатом неповторимых особенностей развития нашей страны или проявлением общих закономерностей исторического процесса? Автор книги освещает важнейшие направления, по которым шло изучение социально-экономических предпосылок Октябрьской революции, анализирует спорные точки зрения, дает картину экономического и социального развития России накануне 1917 г., показывает ее место в мировой капиталистической системе.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по одному из адресов: 117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»: 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97.
370005 Баку, 5, Коммунистическая ул., 51;
690088 Владивосток, Океанский проспект, 140;
320093 Днепропетровск, проспект Ю Гагарина, 24.
734001 Душанбе, проспект Ленина, 95;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4;
277012 Кишинев, проспект Ленина, 148;
343900 Краматорск, Донецкой области, ул. Марата, 1;
443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2;
220012 Минск, Ленинский проспект, 72;
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22;
620151 Свердловск, ул. Мамна-Сибиряка, 137;
700185 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6;
450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10;
720000 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42;
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87